

Андрей Соболев

16+

ЗАЩИЩАЯ ГОРИЗОНТ

ТОМ 1

Андрей Соболев

Защищая горизонт. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56059615

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-05643-5

Аннотация

Куда приводят мечты? Пытаясь спастись от ужасов погибающей планеты, остатки человечества прячутся под землю и запирают свои разумы в машину виртуальной реальности. Так люди хотят начать всё заново, построить новый идеальный мир и отречься от ошибок прошлого. На защиту мечты о светлом будущем встаёт специальная служба Стражей, призванная следить за любым отступлением от идеалов, вплоть до устранения нарушителя. Но что если все мечты оборачиваются кошмаром, от которого уже не сбежать, как от покинутой когда-то реальности? Одному из Стражей по имени Стил предстоит ответить на этот вопрос.

Содержание

Пролог. Дом несбывшихся надежд	4
Глава 1. Падший ангел	58
Глава 2. Белый шум	224
Глава 3. Призраки прошлого, настоящего и будущего	433

Андрей Соболев

Защищая горизонт. Том 1

Пролог. Дом несбывшихся надежд

А вы видите сны? Цветные или блеклые отголоски далёких миров, забавных и опасных приключений, манящие истинных героев перинных замков. Что это? Другая Вселенная, планета, реальность или иная жизнь? Возможно, у каждого на этот вопрос готов свой ответ. Многие стремятся вырваться из серых и тоскливых будней, забыться ярким сном, мечтой, улететь как можно дальше от забот и невзгод, от вездесущей пыли дорог, злости и ненависти окружающих его людей, от офисного рабства и бытовой рутины, а может, от самого себя. В этой доброй для них Вселенной они находят то, о чём мечтали, о чём думали целыми днями, скрываясь в собственных мыслях от града давящих и злобных атмосфер. Возможность окунуться в детство, вспомнить свои игрушки, друзей, весёлые забавы. Вспомнить, как всё было легко и ясно, как солнце светило ярче, шутки были смешнее, а люди добрее. Вспомнить, к великому детскому разочарованию, и все свои несбывшиеся мечты.

В этой придуманной сказке можно стать капитаном быстрого судна, грабить торговые караваны, смело идущие

на верную погибель, смотреть одноглазо на мир и чувствовать полкилограмма щебечущей важности у себя на плече. Ах, вот были времена! И только сонное королевство позволяет, наконец, воплотить все наши детские мечты. Вот мы стоим на деревянной палубе, омываемой грозными и холодными морскими волнами, пена вздымается до самой кормы, а мачты жалостно скрипят, пытаюсь удержаться на небольшой пиратской шхуне, которую безжалостно бросает по диким и своенравным волнам Карибского моря. Всё тогда в мечтах, в мыслях, казалось легко, прекрасно и естественно. Только успел представить, а шторм уже утих, как по велению Посейдона. Гладкая и тихая гавань теперь утопает в лучах заходящего солнца, в руках верная шпага, в крови целая бутылка отвратного рома, а перед кормой испанский фрегат грозно ошестинился парой десятков чёрных как смоль пушек. Вот оно, то мгновение, миг триумфа каждого ребёнка, когда он чувствует себя на вершине мира, центром Вселенной, богом своего нового мира. Взмах шпагой рассекает тягучий и солёный морской воздух, гремят одобрителный возглас верной команды и наполненный до краёв истинным счастьем, бравый и отважный крик семилетнего капитана: «На бордаж!», и...

Вот оно – чудо! Мы переносимся в земли великого дракона: злобного, огромного и по стечению обыденных обстоятельств чуточку слабее и ничтожнее, чем наш юный герой. Сны – великое изобретение природы, они позволяют не толь-

ко уйти с головой в собственный выдуманный мир, но и прожить там свою истинную жизнь, ту, которую ты хочешь и выдумал сам, а не ту, что тебе навязывает порочное общество. Будь сильным, будь наглым, топчи любого, кто встал на твоём пути, – вот догмы нового мира. Тебе вторят: ты должен быть взрослым и подчиняться лишь безумному порядку вещей, делай то, делай это, подчиняйся, подчиняйся... А где же место для детской мечты, место для собственного справедливого мира? Оно, к сожалению, только там. Забыть весь мир, заботы и хлопоты, отринуть бесконечные проблемы... Здравствуй, перина и плюшевый мишка, только здесь я могу снова побыть ребёнком и ощутить хотя бы до утра, что солнце снова стало ярче, а люди добрее. Вперёд, мой верный конь, принцесса не будет ждать слишком долго, дракон обязан быть повержен! Это мой мир и мои правила!

Люди постепенно превращаются в зомби, в полуживые ходячие тела со стеклянными и опустошёнными взглядами. Каждый день навязчивая невидимая длань ведёт нас по рельсам повседневности, разрушает разум, ломает психику, превращая нас в бездушные автоматы. Мы потеряли вкус к жизни, к творчеству и хотим только одного: чтобы блеклое солнце поскорее зашло за горизонт и можно было вновь сбежать в свой истинный дом и немного помечтать. Новый мир исполняет все заветные желания: ребёнку, что мечтал о море и драконах, вручает саблю, корабль и верного скакуна, а повзрослевший юноша получает свой первый опыт любви в

компании той, о ком он грезит по ночам. Но этот дар доступен не всем.

Сны – это отражение нас самих, наших желаний, тайных помыслов и страхов. Этот мир, как изнанка сознания, выворачивает наружу и показывает человеку его истинное Я, которое он не ведаёт, усиленно прячет или не хочет знать. Это воодушевляет, удивляет, но в большинстве своём очень пугает человека. Все привыкли носить маски на бездушном карнавале жизни, скрывать за ними своё эгоистичное и мерзкое чудовище, что прячется за ширмой и разрывает изнутри, пытается прогрызть маску и стереть лицемерную улыбку с лица хозяина. Порой люди боятся самих себя, закрывают глаза на своё тщедушное нутро, неспособное обуздать звериные инстинкты, бегут от правды и рисуют маски на зеркалах. Для таких людей сон – это свой маленький ад, тёмный и жгущий душу личный кошмар, приходящий каждую ночь и рассеивающийся со спасительным горном заведённого будильника. Обычно в такие моменты сознание вытаскивает на свет все потаённые страхи и тёмные помыслы, скрытые в самых дальних уголках разума. Это своеобразное зеркало, справедливый суд, учиняемый сознанием, где главным мерилом для человека служит чистота его собственной души. Для одних – это бегство от ужасов жизни в лучший мир, а для других – это муки совести, пытки страхами и желание вырваться из оков правосудия в такую блаженную для них реальность, где они давно примирились с собой.

Вы спросите, а почему я столько думаю об этом? Возможно, потому, что отдал бы всё, чтобы ещё хоть раз взглянуть на этот дивный мир, испытать чувство всевластия, сладость полёта и наслаждение от безграничных возможностей. Я не боюсь ни мук совести, ни тайных желаний, ни потаённых страхов, пускай даже это, но хотя бы ещё одну ночь провести в этом мире. Я устал от небытия и темноты, что пожирают меня, медленно и усердно обгладывая до костей каждую ночь, стоит мне только закрыть глаза. Ужасное чувство. Полное непонимание, состояние протрации, тоски, ненависти, страха, скорби, всего сразу и ничего одновременно. Пустота окружает меня сейчас, вчера, всегда. Каждую ночь я опускаю голову на подушку и молю всех богов, Систему и Техников, что её поддерживают, сделать хоть что-нибудь, разорвать порочный круг погружения в бездну. Но что бы я ни делал, как бы ни молился, стоит мне только закрыть глаза, приходит она – Тьма.

Кромешная тьма окружала меня и в данную минуту. Тягучая, всепроникающая, она будто покрывала с ног до головы, проникала во все поры и ласкала каждую косточку и каждую клеточку тела. Я не знал, где нахожусь и что здесь делаю. Тьма была настолько густой и непроницаемой, что слепила своей чернотой, выжигала глаза. На секунду я подумал, что ослеп. В бесплодных попытках разглядеть себя я подносил руки к лицу, натужно напрягал глаза, но все старания были тщетны. Иногда мне начинало казаться, что я что-то вижу,

какую-то тень, очертание самого себя, словно отражение в бездонном зеркале, но я не был полностью уверен. Здесь ни в чём нельзя быть уверенным. Я пытался ощупать себя, но не получалось. Невероятное чувство: я знал, что у меня есть руки, но не мог ничего поделывать, как будто они существовали только в моём сознании. Но они есть, где-то там, передо мной, я знаю точно, просто не вижу их! Ведь так? Тихий шепест безумия подкатывался к моим невидимым ногам. И где я? Пытаясь осмотреться, беспомощно вращал головой или, по крайней мере, думал, что вращаю. Хм, странно. И, вообще, на чём я стою? И стою ли? Может, это бездонная пропасть, и я падаю вниз... Хотя нет, не похоже. Пола не было видно, но я мог поклясться, что ощущал, как твёрдо стою на ногах. Но в этом снова нет никакой уверенности, как и в том, что делать дальше. Идти страшно, да и куда? Вперёд? А вдруг там обрыв? Назад? А если я стою спиной к обрыву? Ну уж нет, останусь тут, скоро этот кошмар закончится, зазвонит будильник и вырвет меня из мглы бессмысленного страха.

Тишина. Как же здесь тихо. Такое чувство, что весь мир просто выключили на время и он замер в ожидании нового рождения. Может, проблема не во мне и не в моих снах? Вдруг вся Система просто отключается на ночь? Нет, я снова брежу. Боже, что творится с моим сознанием в этом месте, какие-то глупые мысли, несвязные действия, что происходит со мной? Да ещё эта невыносимая тишина, ну почему здесь

так безмолвно? Ни единого звука или шороха, всё мироздание, похоже, застыло в мёртвой темноте безвременья. Даже слышно, как гудит сама тишина, неспешно протекая сквозь голову, или это Тьма говорит со мной? Я схожу с ума. Я пытался изо всех сил закричать, хотел впервые в жизни громко и грязно выругаться, но Тьма в ответ лишь немного вздрогнула, но не нарушила свой покой.

И вот так каждую ночь. Я закрываю глаза и исчезаю, буквально падаю в небытие. Что это? Какой-то своеобразный сон? Кома? Или, может, меня отключают от Системы на время, пока я сплю? Возможно, так делают с каждым, чтобы сэкономить ресурсы на обработку. Правда, гениально? Нет, мой разум снова уносит ветром бредовых мыслей. А вдруг это такое проклятие? Мы пытались уподобиться богу, уйти из-под его опеки, создать свой собственный мир внутри его творения, разрушить естественный ход жизни, бороться со смертью. Мы возжелали стать равными ему, и это наше наказание. Но почему он наказывает именно меня? Из-за моей профессии? Всё может быть, хотя Техники убеждали, что это естественные проблемы, которые бывают у многих после процедуры Отречения. Говорили, что это временно, всё само собой наладится, и сны обязательно вернутся. Надеюсь, что так. Не знаю, сколько ещё смогу терпеть эту Тьму в себе каждую ночь. В конце концов, я сам принёс эту жертву, когда решил взойти на высшую ступень служения Системе и согласился пройти Отречение. Интересно, а...

Kan.

Что это? Мне послышалось или...

Kan.

Вот опять. Звук падающих капель так резко и неожиданно громко ворвался в тишину, что я опешил, испугался и чуть не вскрикнул, хотя это всё равно не имело смысла. Я замер и прислушался. Такое на моей памяти было впервые. Прогресс! На короткий миг меня даже озарило внутренней теплотой от нахлынувшей радости. Может, вот оно?! Может, это сон пытается пробиться сквозь масляный покров темноты, как спасительный лучик доброго солнца после долгой полярной ночи?

Kan!

Я вдруг отчётливо почувствовал воду у себя на лице. Похоже, капает откуда-то сверху. Я принял волевое решение, всеми силами заставляя себя посмотреть наверх. Меня сильно тряхнуло, и я почувствовал, что куда-то проваливаюсь. Пол качнулся под ногами и опрокинулся, отбрасывая меня в темноту... и глаза открылись навстречу хлынувшему свету.

* * *

Зрение постепенно возвращалось, неохотно вырываясь из цепких лап темноты, свет становился менее ярким, объекты обретали всё более чёткие границы, а разум креп. Всё то, что совсем недавно во сне казалось чем-то важным, значи-

тельным, очередной гениальной идеей, в мгновение ока начинало таять и рассыпаться на сонм никчёмных и до жути смешных мыслей. С каждой секундой они продолжали растворяться и утекать обратно в скрытые уголки разума. Сознание пыталось пробудиться, вырваться из небытия, я практически ощущал, как постепенно включаются и разгоняются все участки мозга.

Вскоре свет окончательно померк, а в комнате воцарился серый, тоскливый и давящий в груди полумрак. Но первое, что я увидел, – это не привычный для меня серый бетонный свод потолка, что являлся каждое утро и напоминал о цветах реальной жизни, а из остатков сонного тумана выплыло до боли знакомое лицо. Оно склонилось надо мной, скорчило недовольную гримасу, полную злости и презрения, но в то же самое время источало некую дружескую ненависть, ненастоящую, так можно злиться на закадычного приятеля, снова забывшего вернуть тебе любимую вещицу. И, вообще, разве не здорово смотреть на прелестную девушку, пытающуюся строить из себя назидательную мать, которая с укором будит своего непутёвого сына в школу? Меня всегда умиляло, когда Кира злилась на что-то, она так очаровательно хмурила брови и закатывала глаза, что иногда хотелось специально разозлить её чем-то, покапризничать как дитя малое или подшутить над ней. Пускай мне уже много лет по меркам внешнего мира и давно пора завести собственных сыновей, водить их в школу, поучать жизни, но порой так хочет-

ся почувствовать себя ребёнком. Возможно, так мы пытаемся убежать от тяготеющих проблем, найти утешение там, в беззаботном и почти забытом прошлом, когда из всех забот была только одна: как заполучить очередную игрушку.

Даже сейчас, когда моя напарница пыталась выразить на лице всю гамму чувств и слов, что ей хотелось высказать мне, она всё равно не утратила своей женской красоты, детской непосредственности и внутренней энергии, а также невероятной притягательности. Никогда не понимал, как ей это удаётся. Другие стараются изо всех сил приблизиться к идеалу, который, похоже, известен и понятен только им одним, правят свою внешность, накладывают тонны макияжа, покупают дорогостоящие заплатки по коррекции виртуального образа, почти с нуля переписывают себя. Но ничто не способно заменить невероятного внутреннего тепла, что может исходить от человека, и оно дороже любых изменений. Кира – одна из таких уникальных личностей. Она не пользовалась косметикой и не особо следила за собой, прямые тёмные волосы всегда были небрежно подстрижены под каре, я бы даже сказал, обгрызены и нелепо уложены. Волоски то и дело пытались жить своей жизнью и топорщились в разные стороны. Но эта неряшливая причёска обрамляла вполне миловидное лицо: прямые и тонкие губы, обычно сложенные в приятную и мягкую улыбку, небольшой аккуратный носик, а самое главное, невероятно глубокие и притягательные голубые глаза, так укоризненно выглядывающие сейчас из-под

томно свисающей чёлки.

Вдобавок Кира обожала наряжаться в мужскую одежду: джинсы, кожаная курточка поверх свитера с высоким воротом, а на ногах всегда помятые чёрные кеды. Как она любила говорить, главное, чтобы было удобно бегать! И правда, при нашей работе сложно от неё требовать хоть немного женственности, мы все равны, и Кира ни в чём не хотела отставать от мужского коллектива. Тем более она боец, Страж третьего уровня, а следовательно, прошла ту же подготовку, что и я когда-то. Так что, это далеко не хрупкая девушка, а настоящая машина для убийств. Трудно её представить в обычной жизни, в кругу семьи с заботливым мужем, детьми и уютными посиделками по выходным. Нет, от подобных мыслей у меня перед глазами всегда возникает одна и та же картина: Кира одной рукой переламывает горло своему мужу, что забыл помыть посуду. Я даже усмехнулся в душе. Хотя иногда жалею, что такая девушка, с такой внутренней энергией, тратит её на уничтожение Отступников. Наверное, она заслужила более спокойную жизнь. Эх, в робкие минуты слабости я тоже думал о том, чтобы оказаться свободным от клятвы Стража и прожить долгую счастливую жизнь с такой женщиной, как Кира. Но, увы, наш долг превыше всего. Сейчас я вижу перед собой не красивую женщину, а друга и соратника, верного напарника, кто всегда прикрывал меня на самых тяжёлых и опасных заданиях, обычно выпадающих на долю Палачей. Такова наша работа.

Мы смотрели друг другу в глаза, тихо, неподвижно, она прищурилась, пытаясь всем видом что-то сказать, но продолжала молчать. Я лежал на спине, смотрел на свою верную соратницу, согнувшуюся над моей кроватью, и пытался не шевелиться. Мне ужасно хотелось потянуться, поёрзать на месте, включить в работу заиндевевшие мышцы, а ещё у меня невыносимо ныли спина и шея, но это неудивительно, когда всю ночь спишь в неудобной позе, растянувшись прямо в одежде на диване. Да, своё ночное обиталище я иногда называл кроватью, хотя на деле это был скромный коричневый диванчик с потёртой обшивкой и невысокой спинкой. Меня это совсем не беспокоило, я не особо стремился к комфорту и не позволял себе расслабляться даже дома. Но обычно я не сплю в одежде, просто вчера... хм, честно говоря, не помню, почему не стал раздеваться перед сном.

Когда сонные круги перестали туманить мой взор, я заметил, что Кира вся промокла, пока добиралась сюда, но при этом выглядела крайне умилительно, как котёнок, которого хочется обнять и согреть. Волосы её тоскливо блестели на свету от покрывающей их водяной плёнки. Зато стало понятно, откуда у напарницы такой мрачный вид. В это время по её волосам пробежала резвая капелька, соскочила с кончика волоса и звонко плюхнулась прямо в мой левый глаз.

– Эй! – Мне пришлось разрушить затянувшуюся игру в гляделки.

Я вскочил, потирая глаз рукой. Кира отступила на два ша-

га от дивана-кровати.

– Я что, по-твоему, должна каждый день с тобой нянчиться? Ты как ребёнок, ей богу. Неужели так трудно завести будильник?

Сегодня Кира была явно не в духе, хотя обычно сдержанно относилась к моим выходкам и пыталась не замечать во мне некоторую безалаберность и халатность ко всему, что не касалось работы. Но не сейчас.

– Так я заводил. – Я пытался искусно парировать её выпад, но подкравшееся сомнение уже совестливо смотрело в душу. – Вроде...

Кира в ответ всплеснула руками, потом подошла к круглому деревянному столу, скромно ютившемуся посреди практически пустой комнаты, и взяла с него подозрительно пустую бутылку из-под неизвестного содержимого.

– Это было до или после этого? – Она укоризненно pokrутила бутылку в руках, внимательно изучила этикетку, понюхала горлышко и, скривившись от омерзения, резко отстранилась от неё в сторону. – Фу, что это ещё за дрянь? Ты что, это пил?

– В магазине сказали, что это средство поможет уснуть, – ответил я и ощутил остатки горечи во рту.

Что-то такое я вспоминал: и тоскливый вечер, и страх перед новыми объятиями Тьмы, и невероятно противное средство, от которого выворачивало наизнанку. Но потом в памяти только темнота и безмолвие.

Кира вздохнула, с печальным звоном поставила бутылку обратно на стол, отодвинула один из стульев и устало опустилась на него.

– И как, помогло?

Хороший вопрос. Я нащупал ногами пол, привстал с дивана и смачно потянулся, широко при этом зевая, а затем пригладил свалывшийся джемпер.

– Ага, понятно, можешь не отвечать, – Кира покачала головой. – Посмотри на себя, как так можно? Ты даже одежду не снял!

Я ворчливо скорчился, намекая, что мне не нравится её назидательный тон и, вообще, когда меня будят, к тому же я был не особо настроен на разговоры. Вместо этого медленно побрёл на кухню или, скорее, даже поплыл. Этим утром каждое движение давалось мне очень тяжело, и непонятное снотворное явно сыграло здесь не последнюю роль. Моя квартирка имела очень скромные габариты, даже по меркам спальной части города, и ничем не выделялась среди прочих, а скрытность и неприметность и вовсе считались главными достоинствами Стражей. Обычный серый дом на обычной «серой» улице, четыре этажа, бедное убранство и маленькие крысиные лачуги, которые по ошибке назвали человеческим жильём. Входная дверь сразу же вела в единственную небольшую комнату с деревянным полом и единственным окном на противоположной от неё стороне. Круглый деревянный столик грязно-коричневого цвета по центру, пара

стульев и в самом углу моё ночное обиталище – его величество диван. Обычно в такие квартирки ничего больше и не влезало. Уберёшь что-нибудь – станет совсем пусто, добавишь – будет не пройти, так что, я считал свой набор мебели оптимальным. С краю помещения было выделено небольшое пространство под кухню, отделённое от основной комнаты лишь невысокой, в половину человеческого роста, перегородкой. Там же рядом располагалась дверь в ванную комнату. Всё рядом и на ладони, мне нравился такой аскетизм, что бы другие ни говорили.

По пути на кухню я внезапно передумал и заглянул сначала в ванную, немного смочил лицо и только потом направился к первоначальной цели.

А в это время напарница всё не унималась:

– Ты хоть понимаешь, что я добиралась сюда через полгорода под проливным дождём, когда это ты должен был захватить за мной?! А он тут спит и в ус не дует, и это в такой важный день, эх! Сегодня же нового руководителя отдела Стражей должны представить. Ещё не хватало мне явиться туда одной, без напарника. И это считается лучшая оперативная группа во всей Системе! Да уж. Ты что, забыл?

– Не забыл, прости. А кто нас считает лучшей группой?

– Я считаю, разве этого недостаточно?

– Многие бы с тобой поспорили, – хмыкнул я.

Мне сейчас действительно не хотелось разговаривать. Кажется, что сегодня Тьма выела слишком большую часть,

оставив так мало воли плыть под серым светом нового дня. Я продолжал проживать своё мучительное утро на полном автоматизме: достал огромный бокал и банку кофе из настенного шкафа, полез за ложкой...

Кира вскочила из-за стола.

– Ты что там делаешь?

– Кофе себе готовлю, – безразлично ответил я.

– Какое, к чёрту, кофе? – Кира была возмущена до глубины души.

Она подскочила ко мне и одёрнула за рукав джемпера.

– Немедленно собирайся и поехали! Потом кофе попьём, заедем в кафе после совещания.

– А сколько сейчас времени? – ошарашенно спросил я и вдруг понял, что по-настоящему проснулся.

– Без пяти минут опоздали, одевайся быстрее, говорю!

Кира энергично развернулась на месте и пошла к двери. Она хотела выйти, но вдруг остановилась, оглянулась и недоумённо спросила:

– А где твой меч?

Я тоже пару раз окинул комнату беглым взглядом, почесал голову, пытаюсь по крупницам восстановить в памяти вчерашний вечер.

– Хм, наверное, в машине оставил.

Кира красноречиво закатила глаза, покачала головой и выскочила в открытую дверь, бросив напоследок пару слов, но я их не расслышал, поскольку уже был занят выживани-

ем куртки из-за дивана. После удачной ловли я надел свои любимые и удобные туфли, ничуть не хуже, чем её кеды, накинул на себя куртку, одёрнул её и последовал к выходу. По пути пригладил растрёпанные волосы, потёр красные и сонные глаза, чтобы выглядеть не таким помятым после ужасной ночи, и нащупал колючую щетину на лице.

– Надо побриться... – пробормотал я.

Затем вышел в пустой и мрачный коридор, закрыл за собой дверь и направился к лестнице, ведущей в мир, полный надежд.

* * *

Дверь подъезда выходила напрямиком на узкую улочку, заставленную по обеим сторонам точно такими же скромными и невыносимо серыми бетонными лачугами. Они жались друг к другу неприглядными копиями и стройными рядами уходили далеко в туманную изморось дождливого дня. Мимо проскальзывали небольшие кучки людей, прорастая целой грибницей разноцветных зонтов, суетливо обгоняли друг друга и скрывались в серой дымке над дорогой. Возможно, они спешили на свои рабочие места или в парикмахерские и магазины, а может, просто стремились поскорее уйти из-под вечного небесного наказания. Но, заглядывая в их полные ненависти и негодования глаза, я понимал, что, скорее всего, последнее. Больше повезло тем, кто смог ка-

ким-то неведомым чудом накопить на личный автомобиль. Пускай небольшой и лишённый бесноватых удобств, но даже такой становился истинным спасением, если часто приходилось отдаваться на волю неумолимой стихии.

Несмотря на прохожих и редкое шуршание проезжающих по дороге автомобилей, улица всё равно казалась пустынной, печальной и тоскливой. Захотелось сразу же вернуться домой, в тепло и уют крысиной берлоги. И плевать на собрания, бесконечную суету, на эти игры в догонялки и всех вокруг! Но я не мог так поступить: на нас возложена великая миссия. Мы защитники этого города, проводники к светлой мечте. Мы оберегаем покой и личное счастье каждого человека и творим будущее своими руками.

Я посмотрел в небо. Серые и тяжёлые облака клубились в причудливом танце под музыку дождливой симфонии, играющей уже второй месяц подряд. Кто заказал такую мелодию и как её остановить – неизвестно до сих пор. Облака угрюмо вздымались, сворачивались, набегая друг на друга, и продолжали изливать потоки холодного дождя, который и не думал заканчиваться. Я прищурился от того, что моё лицо окропило увесистыми каплями, и сразу вспомнилось пробуждение и милое лицо напарницы. Точно! Напарница! Уже и забыл, зачем вышел на улицу. Я демонстративно съёжился, поднял воротник куртки и лёгкой трусцой побежал к нашему автомобилю. Благо я припарковал его вчера на тротуаре всего в десяти метрах от дома.

Наш служебный транспорт не представлял собой ничего интересного: стандартная модель легкового автомобиля, самого популярного в Системе из-за невероятно низкой цены, отсутствия удобств и крайней скромности прочих технических характеристик. Главный принцип нашей работы всегда заключался в её незаметности для обывателя. Тем более этот автомобиль только снаружи казался типичным чёрным седаном с округлыми формами, тонированными стёклами и люком на крыше. Но внутри скрывался мощный и ревущий скакун, какой положен по статусу всем Стражам высших уровней.

Когда я подбежал к машине, Кира уже сидела на месте водителя, при этом нервно постукивая пальцами по рулю и озираясь в поисках пропавшего напарника. Я провёл указательным и средним пальцами правой руки по небольшой металлической пластине на дверце, и та, негромко пискнув, поспешила отвориться. После чего плюхнулся на сиденье рядом с водителем и торопливо захлопнул дверь.

– Брр, жуть какая!

– Почему так долго? – процедила сквозь зубы Кира.

– В пробку попал. – Я попытался разрядить обстановку, но заслужил только осуждающие косые взгляды от напарницы.

Кира потянулась к небольшой пластинке на приборной панели и, в свою очередь, провела указательным и средним пальцами правой руки. Мотор взревел.

– Пристегнись, Стил, поедем очень быстро. Надеюсь,

успеем за десять минут промчаться через весь город. Как думаешь?

Впервые за всё утро Кира позволила себе небольшую улыбку. Вождение доставляло ей огромное и нескрываемое удовольствие, в отличие от меня, гораздо больше предпочитавшего роль пассажира и дорожного собеседника. Я лениво перекинул через себя ремень безопасности, хотя зачастую игнорировал его, полагаясь на самонадеянное авось. Потом обернулся на заднее сидение, где вчера по забывчивости или собственной глупости оставил свой меч, и с облегчением выдохнул – он всё ещё был там. Потеряй я служебное оружие – и меня бы немедленно лишили звания Стража, а то и вовсе записали бы в Отступники.

Машина медленно вырулила на дорогу и начала быстро набирать скорость. Она грозно рычала и взывала каждый раз, когда Кира умело орудовала рычагом переключения скоростей. К счастью, салон был хорошо изолирован, и доносившиеся из-под капота звуки целого табуна лошадиных сил блекли, таяли и сливались в чуть слышимый, ровный и мягкий ропот. Дома за окном проносились с каждой секундой всё быстрее и быстрее, постепенно размазываясь в одну серую, невзрачную ленточку. Так мой бедный и тихий район выглядел совсем уж жалким и бесконечным туннелем одиноких душ. Набрав воздуха полные лёгкие, я с горестью выдохнул. Кира мельком посмотрела на меня и вернула взгляд на дорогу.

– Что, опять мучила бессонница? – Она выглядела немного взволнованной.

– Бес... сонница, какое точное слово... – задумчиво произнёс я, глядя в окно. – Да, всё ещё мучает. Честно говоря, я уже устал с этим бороться. Руки опускаются.

– А что говорят наши прохиндеи из технического отдела?

– Как всегда, ничего толкового. Ты, говорят, потерпи, само наладится, всякое бывает после процедуры Отречения: и память теряют, и разум, и овощами становятся. Тебе, говорят, ещё повезло. Повезло, представляешь?

– Да уж. – Напарница мило улыбнулась мне в ответ. – Может, тебе стоит ещё раз обследоваться, провести полное сканирование? Вдруг что новое узнают?

– Ну нет уж, хватит с меня обследований, больше я на стол к этим извергам не лягу. Сколько уже прошло? Почти пять лет, как я в рядах Стражей, а воз и ныне там. Иногда мне кажется, что я скоро начну сходить с ума.

– Только ещё начнёшь? – хихикнула напарница.

– Да ну тебя...

Кира засмеялась, потеряла контроль, и машину слегка повело в сторону.

– Ты за дорогой лучше следи, – обиделся я.

Затем поёрзал в удобном, мягком сидении, сел поглубже и принялся смотреть в окно. Дождь тихо и неугомонно стучал по крыше, умиротворял и уносил в мыслях далеко-далеко. Капельки проворными ручейками сбегали по лобово-

му стеклу, чтобы резво отскочить от настигнувших их щёток и навсегда исчезнуть из этого мира. В мокрой пелене от дождя мелькающие полосы домов размывались в совсем уж замысловатую и серую массу. Но вскоре их ряды поредели, а машина начала притормаживать, выезжая на оживлённую автостраду, ведущую в центр города – куда более красочные и живые районы, разительно отличающиеся от простого человеческого мира.

Я вновь сложил два пальца правой руки в знакомый жест и быстро провёл ими по воздуху перед собой, рисуя невидимую вертикальную линию. Здесь стоит поведать о самом важном: про нашу святая святых, главного друга и помощника на всю жизнь – Консоль. О, эта штучка стала единственным окном в мир для любого человека: через неё общались, покупали вещи, управляли домом, автомобилем; она служила ключом от всех дверей. Консоль содержала всю информацию о человеке: где он был, что приобретал и видел, о его здоровье и финансах и, конечно же, кредитной истории. Но, главное, она служила якорем, что удерживает цифровую оболочку внутри Системы и привязывает её к настоящему телу, пока оно хранится где-то там, далеко за гранью реальности, одиноко лежащее в специальной капсуле. По сути, вся жизнь человека заключена в маленький квадратный чип, вживлённый в запястье его правой руки. У каждого он свой, с разными возможностями, доступным набором функций и товаров. Естественно, что самым широким функци-

оналом и немыслимыми способностями обладали Консоли Стражей. Простые люди и представить не могли, на что способны их защитники, фактически боги нового мира. Только жаль, что в последнее время нам существенно подрезали крылья и запретили использовать большинство возможностей до тех пор, пока наши Техники не разберутся с этой странной и затянувшейся проблемой с погодным модулем.

Консольный чип простых граждан почти не выделялся на руке, где оставались заметны лишь едва различимые линии, идущие от чипа в запястье и далее, по всей ладони, к кончикам двух пальцев: указательного и среднего. Там они заканчивались небольшими серыми кружочками контактов, выходящих на поверхность подушечек пальцев. Неудобств это не вызывало и совершенно не ощущалось на руке, чего не скажешь о самой процедуре установки или замены чипа, которая была до жути болезненной. Чип Стражей наоборот имел существенные внешние проявления: он будто изнутри выжигал на запястье поперечные линии, внешне напоминающие обычную татуировку, и чем больше линий, тем выше уровень Стража. В том числе это служило рабочим удостоверением и отличительным знаком нашей службы.

Итак, стоило мне провести двумя пальцами по воздуху, как передо мной развернулось полупрозрачное окно главного меню Консоли. Оно парило именно в том месте, где мои пальцы коснулись незримого пространства. От предложенного количества действий и пунктов меню разбегались гла-

за: тут тебе и покупки, и видеосвязь, и просмотр блока новостей, и многое-многое другое. Куда бы я ни повернул голову, квадратная плавающая панель сантиметров тридцати в высоту спешила вновь оказаться перед моими глазами. Но в данный момент ничего из того, что торопилось предложить передовое чудо инженерной мысли, меня не интересовало. Я только взглянул на циферблат, скромно приютившийся в правом верхнем углу, прямо над огромным пунктом меню «Покупки», и недовольно покачал головой. Ко мне начали подкрадываться подозрения, что этот пункт помещён именно сюда неслучайно. Я резко помахал указательным пальцем по виртуальному окну из стороны в сторону, как бы стирая его, и Консоль, моргнув на прощание, растворилась в воздухе.

– Времени уже почти десять, – обречённо сказал я. – Осталось пять минут до собрания, точно не успеем.

– Ну, если что, мы скажем, кто из нас двоих виноват, правда ведь? – улыбнулась Кира.

– Конечно, скажем. Ты! Слишком долго ко мне добиралась.

– Я тебе... – Напарница игриво ударила кулаком в моё плечо, чем вызвала у нас обоих довольные улыбки.

Настроение и у меня, и у неё улучшалось с каждой минутой. Я наклонился вперёд к лобовому стеклу и попытался посмотреть в небо.

– И когда уже этот дождь закончится? Как думаешь, Кир,

что там случилось у Техников? Уже второй месяц починить не могут.

– Не знаю, все молчат, будто воды в рот набрали, – пожала плечами Кира. – Говорят, что-то с погодным модулем. Я пыталась расспросить подробнее, но в ответ получала только стандартные отговорки: «Сломалось», «Чиним». Чую, что-то неладное творится с нашей Системой. Вот ещё запретили Консоль нормально использовать – как бы вообще всё не развалилось. Мне, на самом деле, немного страшно.

– Да-а-а, дела...

– Хорошо, хоть смогли накопление воды на улицах отключить, а то в первую неделю чуть не утонули все, но теперь даже лужи не образуются. Вот бы ещё промокание отключили, но это, скорее всего, невозможно. Ходить каждый день мокрой как мышь, право дело, ужасно надоело. – Кира сморщилась от пренебрежения и покачала головой.

– Думаю, скоро должны починить. Как бы я ни относился к нашим Техникам, но вынужден признать: опыт по ремонту Системы у них большой, должны справиться. Но лучше бы они так людей чинить научились.

– Нам с тобой, Стил, ещё повезло, в отличие от Наблюдателей. Вот у кого сейчас работка – сущий ад.

И правда. Иногда вот так подумаешь, что кому-то сейчас хуже, чем тебе, и на душе сразу легче становится. Какая-то очень жуткая и вредная черта у людей.

– О, кстати, а вот и они, легки на помине. Смотри, наш

друг Паша! – Кира заметно оживилась и указала на одиноко стоящую у края шоссе фигуру, которая стремительно приближалась.

– Кир, у нас совсем нет времени на...

– На Павла есть всегда! – отрезала она.

Напарница хитро улыбнулась и начала резко сбавлять ход, постепенно вырубивая к замёрзшей и злой фигуре, что переминалась с ноги на ногу у правой стороны дороги. Человек в сером и мокром плаще заметил приближающийся к нему автомобиль и сделал несколько шагов назад от края. Машина остановилась почти вплотную к нему, и окно на моей дверце плавно опустилось, исчезая в специальном проёме. Молодой парень насупился и молча посмотрел в моё лицо.

– Эй, Паша, привет! Чего опять такой грустный? – воскликнул я.

Парень ещё больше нахмурился, но продолжал стойко молчать. Тогда напарница наклонилась к моему окну и добавила с едким ядом в словах:

– Как продвигается работа по отращиванию жабр? Давно пора, смотри, какой пухлый от воды стал.

– Что вы меня постоянно достаёте? – как обычно, не выдержал парень. – Не каждому повезло работать на вашем месте. Я пытаюсь приносить пользу любимому городу, как могу, а вы каждое утро глумитесь надо мной...

Человек в плаще проглотил последние слова, надул губы и всем видом продемонстрировал своё негодование.

– Павел, ты что, успокойся, не стоит так нервничать! Подумаешь, вспух немного, зачем на это обижаться? – поддержал я немного жестокую игру Киры.

Напарница в это время сделала серьёзное лицо и снова выглянула в окно.

– Наблюдатель Павел, вы как разговариваете со старшими по званию? Хотите лишиться полоски на руке?

Кира явно была довольна происходящим. Она снова уселась за руль и начала задорно перебирать пальцами.

– П-п-простите...

– Наблюдатель Павел, сколько Отступников вы успели вывить за сегодня? – Я тоже решил сделать свой голос как можно более официальным.

– Ни одного, господин Страж. – Парень совсем поник и еле слышно бубнил под нос. – Разрешите продолжить наблюдение за порядком?

– Разрешаю, и в следующий раз соблюдайте субординацию.

– Слушаюсь, господин Страж.

Я закрыл окно, довольно хмыкнул и кивнул напарнице:

– Поехали уже.

Машина взревела и резко тронулась с места.

– Э-эх, я уже жалею, что отключили лужи, – с садистским желанием протянула Кира, быстро набирая скорость. – С нами было гораздо веселее проезжать мимо Паши.

– Сегодня мы, похоже, совсем достали парня. Как он со-

рвался, ты видела? Такое лицо состроил, ненависть так и лилась рекой. Я ненароком подумал, что он мне в рожу даст.

– А надо было! – Кира засмеялась.

– Эх, теперь мы точно опоздали на собрание.

– Ну согласишься, Стил, оно того стоило!

– Угу, вероятно. Поднажми, Кир.

Напарница вдавила педаль газа до упора, и машина ещё быстрее рванула вперёд, нарушая все мыслимые ограничения скорости. А я всё не переставал думать о том жалком и промокшем насквозь Наблюдателе, над которым мы любили подшучивать, каждый раз встречая его по пути на службу. Хотя другие назвали бы это издёвками, смотря с какой стороны посмотреть. Столько в нём было мужества, сил и благородных порывов, а главное, терпения, что иногда его становилось действительно жалко. Однако парень умел мечтать, как никто другой, и неуклонно двигался к заветной цели. Несмотря на все удары судьбы, он продолжал выполнять свои обязанности, замерзая, промокая до нитки, но не прекращая исправно платить свой личный долг перед обществом.

Наше поколение уже давно разучилось мечтать: нет ни смыслов, ни целей, ни амбиций. Мы безвольные листики с одного и того же засыхающего дерева, что сорвались однажды с материнских веточек и теперь плывём по реке жизни, ведомые в неизвестном направлении. Тогда зачем так стараться? Ради чего? Ради похвалы, денег или всемирной сла-

вы? Что находит этот юноша в погоне за мечтой? По-моему, наш мир – уже давным-давно проложенная колея, по которой приходится бездумно плыть, а лишние движения только быстрее погружают нас в пучину забвения. Но в наивных детях ещё горит огонь свершений и желаний, они хотят быть лучше, сильнее, умнее других. В них ещё теплится это незабываемое чувство, что ты живёшь не зря, что пришёл в этот мир ради некой важной миссии, что обязан её исполнить. Ты избранный! Возможно, именно это чувство продолжает воодушевлять Павла на личный подвиг каждый день. Интересно, как скоро этот дождик смоет все его порывы, сломит его волю и сможет затушить внутренний огонь? Неизвестно, но чем скорее, тем лучше. Чем раньше он столкнётся с реальностью и познает вкус разочарования, тем большего сможет добиться. А пока он просто продолжает стоять там, на обочине, и по-человечески мечтать, что в один прекрасный день его заметят, оценят и заслуженно одарят второй заветной полоской на запыстье. Эх, знал бы он, как бывает мучительно больно, когда сбываются все мечты!..

Павел был типичным Стражем низшего пятого уровня: молодым, активным и очень целеустремлённым. Обычно именно таких мечтательных парней любили брать на эту неблагодарную и рутинную работу. Эти юноши с переполняемым чувством собственной важности, долга, ощущения того, что они выполняют великое дело, отдавали себя полностью, посвящали всё время и прикладывали все силы, что-

бы послушно исполнять возложенные на них обязательства. Несмотря на то, что низшим уровнем считался именно пятый, у них было всего по одной полоске на запястье, чем они, безусловно, сильно гордились. Юношам для мотивации к работе вообще очень часто хватает какого-нибудь отличительного знака, простой безделушки, которая выделяла бы его среди сверстников, даже если её нельзя никому показывать, и стала бы для него предметом личной гордости.

Стражей пятого уровня чаще всего называли просто – Наблюдатели. Как ясно из названия, на них возложена единственная роль – быть незримыми наблюдателями, сливаться с толпой, следить за жизнью в городе и незамедлительно сообщать о любом подозрительном факте или нарушении. Они – это глаза и уши Системы, главный связующий элемент для всей службы Стражей, и неудивительно, что у этих парней столько напыщенной значимости в крови. Главная мечта для любого Наблюдателя – возможность стать Стражем четвёртого уровня, подняться на важную жизненную ступень, получить заветную вторую полоску на запястье и превратиться, наконец, в полноценного жителя башни, обители Стражей. Чтобы их заметили, пригласили пройти учёбу и аттестацию на повышение уровня, им приходилось выворачиваться наизнанку, загонять себя работой и выкладываться по полной. Ну и, как это часто бывает, многие слишком рьяно пытались показать себя, докладывая обо всём подряд, даже придумывали нарушения и занимались наветами, но таких слишком

активных мечтателей быстро ставили на место. Наблюдателями служило большое количество человек: около тысячи на миллионный город. Поверьте, это очень много. Они равномерно покрывали собой почти весь город, и при этом жители даже не подозревали об их присутствии.

Следующую ступень нашей иерархии порядка – Стражей четвёртого уровня – называли Ищейками, и они выполняли уже куда более важную, сложную и ответственную работу. В их основные обязанности входили: обработка поступающей от Наблюдателей информации и реакция на неё, расследование преступлений и поиск Отступников. Ищеек было значительно меньше, чем Стражей низшего уровня: всего пятьдесят человек. Но этого вполне хватало, и свою работу они выполняли исправно. Такая должность стала пределом мечтаний для Наблюдателей, причем всего по одной простой причине: это максимальная ступень, на которую мог подняться обычный человек. Стражи высших уровней отбирались особым образом, и естественно, что для рядовых служителей Системы это было совсем недостижимой мечтой. К счастью или горю, но мне повезло стать на ступеньку выше всех остальных.

Стражи третьего уровня – вершители чужих судеб, исполнители приговоров, которые для всех Отступников звучали одинаково и стыдливо скрывались за словом «отключение», но всегда означали лишь одно – смерть. Именно поэтому нас не очень благозвучно, зато устрашающе называли Палачами.

Нас боялись, уважали и проклинали. Но обычно не слишком долго, потому что мы служили посланниками и ангелами правосудия, карающей десницей всего народа и порой о нашем появлении узнавали всего за пару минут до собственной смерти. Именно мы очищали от поразившей скверны наш хрупкий мир, в котором существовал всего один принцип: «Живи по правилам нового мира или умри и дай жить другим». Таков был закон. Наш Основной закон. Чувствовали ли мы вину за казни людей? Нет. По крайней мере, Отречение избавило нас от последних сомнений. Чувствовали ли мы важность нашей миссии? Да. Эта работа стала основой для существования нашего идеального дома, на который создатели возлагали очень большие надежды.

Тем временем, пока я разглядывал неприглядные пейзажи за окном, кружась в водоворотах собственных мыслей, впереди, из завесы сырого тумана, стали медленно и вальяжно выплывать очертания огромных небоскрёбов, загруженных улиц – наш вечно кипящий, огромный город. Это две грани одной реальности. С другой стороны праздного мегаполиса – серые, невзрачные спальные районы, место обитания основной массы обычных людей, простых рабочих и рядовых жителей города, тех, кто хотят лишь малого счастья и спокойной жизни. Здесь не звучит громкая музыка, нет ярких всполохов цветных огней и призывных вывесок красивой жизни. Здесь нет дорогих магазинов, вычурных салонов и вечного кислого смога, нависающего над улицами из-за смеше-

ния сотен видов разнообразного парфюма.

В моём районе всегда тихо, уютно и немного тоскливо по вечерам. Бывало, сидишь у открытого окна, смотришь на забавное разноцветное мельтешение вдали и думаешь, что ведь мог жить там, веселиться, прожигать жизнь по вечерам после работы и соблазнять красивых девушек. Всё было в моём распоряжении, но я отказался. Я сам выбрал серый спальный район, свою тесную и разбитую конуру и этот соблазнительный вид из окна. Неплохо иметь красивую жизнь, быть в центре внимания, вести этот сумасбродный танец жизни и сгорать в круговороте похмельных дней. Но ещё лучше тешить своё самолюбие, быть в стороне от назойливого шума тесных улиц, спокойно проводить вечера с чашечкой кофе у раскрытого окна и просто смотреть на горизонт. На то, как люди в центре сгорают в пламени животных страстей, как выжигают в себе всё человеческое ради минутной слабости и отдаются в плен всепожирающему дурману. А ты наблюдаешь, как рождаются и умирают новые огни, как возносятся и гибнут безликие звёзды, и самодовольно улыбаешься, гордый собой, а затем делаешь очередной глоток крепкого кофе и своей незаметной жизни.

Что может быть лучше, чем осознавать, что у тебя был выбор и ты ступил на иной путь – простого человека, возможно чуточку умнее и скромнее остальных. А на тот мир, сотканный из дорогих тканей красивой жизни, лучше всего смотреть издали и лишь изредка совершать короткие ви-

зиты, чтобы лишний раз почувствовать, как же ты любишь свою дряхлую, но уютную лачугу. Иногда, чтобы тебя заметили, чтобы нести свет людям, не нужно провоцировать настоящий пожар и сгорать, раздувая под собой пламя, сжигая всех и всё вокруг, достаточно научиться светить. Спальные районы стали именно таким местом, пристанищем для тех, кто хочет найти в себе этот незамысловатый, но тёплый свет. Пусть тут царила тоскливая всепроникающая обыденность, которой насквозь пропитался воздух, но именно она заставляла стремиться к свету. Сначала я удивлялся, зачем город разделили на две части: обычную и мир рекламы и небоскрёбов, – соединили их широкой автострадой и отгородились от основной части населения, но потом я понял, что так было гораздо лучше. Намного приятнее жить подальше от суматохи улиц и какофонии огромного мегаполиса.

По этой автостраде, соединяющей два мира, мы и ехали всё это время. Вдоль шоссе, почти по всей его длине, тянулась мрачная и пустынная равнина из грязного травяного настила. И почему Павел выбрал именно его как место для наблюдения? Непонятно. Вероятнее всего, его туда просто назначили, сослали за какую-то провинность.

Две части одного города, противоположные друг другу, но составляющие единое целое, – это наш новый идеальный мир, который мы назвали Системой. Пожалуй, только в её центре можно ощутить всё величие этого творения: большое количество людей, высокие и красивые дома, исполинские

небоскрёбы и активно бурлящая жизнь. Сейчас мы как раз въезжали в окрестности такого шумного района. По обеим сторонам дороги всё чаще стали появляться дома, какие-то небольшие заведения, которые уже давно были открыты в столь позднее утро, но при этом оставались неестественно безлюдными. Дождливая и прохладная погода в последнее время распугала всех клиентов. Кире пришлось значительно сбавить ход из-за обилия машин на дороге и наглых пешеходов, перебегающих проезжую часть перед самым бампером. Лавировать в столь бурном потоке становилось сложнее с каждой минутой. Всё это сильно не нравилось Кире, она заметно нервничала и бормотала что-то себе под нос.

– Проклятье! Через эти дебри мы теперь и к обеду не доберёмся, – прошипела напарница, потом обогнала очередной автомобиль и снова дала газу.

В это время на приборной панели что-то запищало и в её центре развернулось окно собственной Консоли автомобиля. Моё сердце на мгновение замерло, а в голове взорвался целый ворох различных оправданий. По всей видимости, Кира разделяла мои смешанные чувства, так как смущённо посмотрела на полупрозрачное окно перед собой, стараясь при этом никого не задеть в жутко будничном потоке автомобилей. Мы были уверены, что нас вызывают не для сладких речей, а чтобы сделать выговор за опоздание на важное собрание. Но всё оказалось гораздо хуже. День начинался очень прескверно...

– Отряд «Феникс», это Башня. Приём. – Женский голос оператора звучал неестественно, будто пропущенный через несколько специальных фильтров. – Отряд «Феникс»...

Я посмотрел на Киру и решительно прикоснулся к экрану Консоли.

– «Феникс» на связи.

– «Феникс», поступил тревожный сигнал по адресу: улица Южная, дом двадцать, квартира шестнадцать. Наблюдателем замечена группа вооружённых лиц, скрывшихся в квартире по указанному адресу. Численность Отступников точно установить не удалось. Группа вооружена и очень опасна. Также поступила информация, что к этому, скорее всего, причастны Кукловоды. Граждане обвиняются в нарушении Основного закона Системы и приговорены к отключению. По нашим данным вы ближе всего к месту происшествия. Отряд «Феникс», немедленно привести приговор в исполнение! Как поняли? Приём.

– Башня, вас поняли, выполняем. Конец связи.

Пока дама-оператор сухим голосом чеканила стандартную информацию, на экране Консоли вырисовывалась карта города с указанием нашего местоположения, откуда красной змейкой побежала линия к месту назначения. Как только я подтвердил получение приказа, полупрозрачное окно дрогнуло и испарилось. На тот случай если мы вдруг забудем адрес – а такое случалось, – информация всегда дублировалась на наши личные Консоли.

Мы недоумённо посмотрели друг на друга и не знали, радоваться нам или нет такому, внезапно свалившемуся, способу избежать выговора.

– Нет, ты слышал? – Кира вышла из ступора и хмыкнула. – Вы, говорит, ближе всех к месту! Ага, ближе, если считать, что все остальные отряды уже в башне на собрании. Они ещё и издеваются!

– Вот теперь мы точно не успеем.

– Зато всегда можем успеть на тот свет. Мне кажется, это намного интереснее скучных собраний. Правда ведь, Стил?

– Это точно, – усмехнулся я. – Давай, Кир, поворачивай, не хватало нам ещё и туда опоздать.

* * *

Название улицы было выбрано неслучайно: она находилась на самой южной стороне города. Конечно, я имею в виду его центральную часть, въезд в которую также располагался на юге. Поэтому неудивительно, что мы оказались ближе всех к назначенному адресу, всего в паре кварталов от места, где нас настиг сигнал вызова. Кире пришлось свернуть с первоначального маршрута, проехать по паре узких закоулков и выехать на тихую, неприветливую улочку. Неприметные и невысокие дома, пустынные серые дворы и до боли знакомый дух обречённости. Всё выглядело так, будто мы снова вернулись в мою родную спальную часть города, что зако-

номерно. Это словно изнанка нашего мира. Снаружи глянецовый налёт, улыбочивые лица, отражённые в красивых витринах бесполезной роскоши. Но стоит копнуть глубже, свернуть за угол, пройти немного дальше – и окунёшься в реальный мир, где толпы безликих винтиков и огромный слой механизмов питают это иллюзорное великолепие. Ты увидишь множество задумчивых и печальных лиц, чьи утомлённые образы отразятся в океане отчаяния и разочарования жизнью. Разве об этом мечтали наши создатели и идеологи нового мира? Разве этого хотели люди? Быть вечными титанами, Атлантами, держащими на своих плечах несоизмеримую ношу, лучезарное небо, где они никогда не будут... Небо, что создано не для них...

Чтобы не привлекать лишнего внимания, Кира остановила машину за углом нужного нам дома. Во дворах мы никого не встретили, и все они выглядели одинаково опустевшими, но трудно ожидать другого. Эти улицы всегда служили приютом для обездоленной тишины, а тут ещё дождь грозно пузырился на асфальте, отпугивая последних смельчаков. К счастью, нам это только на руку, лишнее внимание совсем ни к чему. Мало того что высока вероятность вспугнуть Отступников, так ещё и обычные граждане могли увидеть нас с оружием в руках, а значит, снова выслушивать осуждения и привлекать к работе Техников. Для такого ужасного утра неприятностей и так уже было в избытке.

Я потянулся на заднее сиденье за своим мечом.

– О господи, ты не мог выбрать себе мясорубку покороче? К чему такая длинная шпала? – с разочарованным придыханием спросила Кира. – Вот поэтому ты его везде забываешь. Сколько с тобой работаю, столько и удивляюсь. Оружие нужно носить с собой, иначе могут быть серьёзные последствия. Вот как я, смотри!

Кира распахнула левую сторону куртки, где оказался спрятан огромный нож, пристёгнутый к подкладке. Скорее, это был даже не нож, а настоящий тесак с большим и широким клинком, плавно переходящим в рукоять, но при этом всё равно удобно скрытый под одеждой. Как только Палачи могут носить их постоянно? Не понимаю.

– Это у тебя мясорубка, а у меня старинный меч славных воинов одной островной цивилизации, были такие в древности. Как только я увидел их в Главном Музее Прошлого, так сразу и влюбился, – сказал я с небольшой обидой, вылезая из автомобиля и захлопывая дверцу.

– В кого влюбился? В этих самых островитян? – Кира захихикала и чуть было не ударилась головой, пока выходила из машины.

– Очень смешно! Не в них, а в их мечи. Настолько они меня заворожили, что я заказал себе один для работы. Шикарная вещь!

Я запрокинул меч за спину и удостоверился, что ремешок, который цеплялся к ножнам, крепко держится поперёк груди. Чёрные рукоять клинка и ножны отлично сливались с мо-

ей кожаной курткой. Сначала мне тоже выдали тесак, как у Киры, ведь это стандартный нож для Палача, но мне он совершенно не понравился. Не было в нём какого-то особого изящества, тонкости работы и чувства важности от выполняемой миссии. С ним я действительно ощущал себя мясником на скотобойне.

– И ещё... – Я дождался, когда Кира захлопнет дверцу и обратит на меня внимание. – Он не длинный, он *элегантный!*

– Ага, элегантный. Только потом ничего не говори, когда тебе *элегантно* воткнут нож в спину, пока ты будешь вытаскивать свой *элегантный* меч. Я уж молчу про то, что он как две капли воды похож на стандартное оружие, сам знаешь кого. Уже мечтаешь о лаврах Хранителей, да?

– Я не виноват, что мне нравится их оружие, точнее, нам нравится одно и то же, – пробубнил я.

– С этого и нужно начинать, а то элегантный, элегантный. Кира победно улыбнулась и пошла в направлении домов, а я лишь нахмурился и обиженно побрёл следом. Вскоре на бетонной стене мы заметили небольшую и невзрачную табличку с номером двадцать – это определённо нужный нам дом. Правда, мы нашли его не сразу: он хорошо прятался в глубине тенистых улочек, скрываясь подальше от людских глаз.

Подойдя к углу дома, я осторожно выглянул. Весь двор пустовал, район будто разом вымер.

– Никого. – Я заметил, как непроизвольно перешёл на шёпот, почти заглушаемый шорохом дождя. – Думаю, оружие можно создать прямо здесь.

– Забыл, что недавно говорили Техники? Они же запретили использовать Создание, пока не разберутся в сбоях Системы. – Кира, секунду назад кричащая на всю улицу о моей любви к островитянам, сама неожиданно поддержала игру в шёпот.

– Издеваешься? Ты слышала, что сказал оператор? Хочешь со своим тесаком кидаться на толпу вооружённых людей? – Я приглушил голос, как мог, но так, чтобы Кира слышала меня. – Тем более я абсолютно уверен, что запрет не касался использования служебного оружия. Со своей погодой они будут разбираться ещё тысячу лет, а у нас тут такое творится, что похуже дождика станется.

Кира не собиралась продолжать этот спор, да и сама не любила всевозможные запреты. Но почему-то именно сейчас ей захотелось погеройствовать, показать себя прилежной законницей, а скорее всего, просто представился хороший шанс упрекнуть меня в нарушении правил. На словах она часто проявляла свой бунтарский дух, но на деле никогда не упускала возможности прочитать мне парочку нотаций и нравоучений. Я привык к этому и даже научился ценить её показное лицемерие.

Привычным жестом я провёл пальцами по воздуху, и передо мной раскрылось окно Консоли. Кира послушно по-

следовала моему примеру. Недолго думая, ткнул пальцем в раздел «Доступная амуниция». Изображение на призрачном экране сменилось, и появилась всего одна строчка, где был указан мой служебный пистолет. Красивое и мощное оружие с удлинённым стволом и великолепной пробивной силой. Мне всегда нравилось, как он лежал в руке, его отдача и вес. За всё время службы я настолько привык и породнился с ним, что при одном только воспоминании уже начинал ощущать его тяжесть и холодную чёрную сталь в руках. Рядом со строчкой, где светилось название моего пистолета, красовалась небольшая кнопка с надписью «Создать», а следом иконка патронов, позволявшая добавить дополнительные магазины.

Я прикоснулся к нужной кнопке, и окно Консоли мгновенно схлопнулось, а воздух вокруг этого места заметно задрожал, возмущённый нашим вероломством. Больше всего это похоже на своеобразную рябь на безмятежной водной глади, когда кто-то кидает в неё камень. Внезапно в воздухе появилась тёмная точка, затем резко дёрнулась и полетела, оставляя за собой след из чётких и правильных линий. Будто карандашом, она вырисовывала мне контуры оружия, его внутренностей, механизмы, которые складывались и собирались в единое целое, кружась в затейливом вихре. Весь процесс занимал не так много времени, как могло показаться, всего пару секунд, но каждый раз моё сердце замирало от восхищения. Одно мгновение – и в воздухе возник мой слу-

жебный вершитель правосудия. Что-то в нём слабо щёлкнуло, и он начал падать, обретая свой вес, значимость и подчиняясь физическим законам нашего мира. Я был готов к этому и привычным ловким движением успел его подхватить, как только он устремился вниз, подгоняемый безразличными каплями дождя. Тяжёлое и родное оружие вернулось к своему хозяину, приятно оттягивая руку, но давая понять, что все двадцать четыре патрона на месте.

Я повернулся к Кире, но она уже стояла наготове со своим любимым пистолетом-пулемётом, который однажды выбила у начальства взамен стандартного тяжёлого орудия, что для девушки, пусть и Стража, было слишком громоздким. Её оружие больше походило на небольшой автомат: две рукоятки, чтобы снизить отдачу при выстреле, и очень длинный магазин между ними. Он отличался колоссальной скоростью стрельбы, для чего и предназначался такой длинный магазин, иначе весь боезапас израсходовался бы за считанные секунды.

– Пошли, – кивнул я напарнице.

Она ответила тем же.

Мы выскочили из-за угла здания и посеменили к подъезду, подгоняемые противным дождём, при этом постоянно оглядывались и старались как можно ближе держаться к стене, чтобы нас не заметили. Из-за всей этой возни с оружием и прочей моральной подготовкой в подъезд мы вошли уже насквозь промокшими. Отряхнулись немного, переглянулись

и начали осторожно подниматься по лестнице, держа оружие наготове. Дом был небольшим, бетонным, четырёхэтажным и напоминал мой собственный, поэтому мечтать о лифте тут даже не приходилось.

– Какая квартира? – спросил я шёпотом, когда мы были на втором этаже.

– Шестнадцатая...

Я осмотрелся на этаже и на тесном пространстве обнаружил только четыре двери, отстоящих друг от друга на равном удалении. Судя по знакомой планировке здания, здесь были такие же крошечные квартирки, как и в моём доме.

– Нам на самый верх, – заключил я и зачем-то посмотрел на потолок.

В подъезде было очень тихо. Мы ступали осторожно, стараясь не издавать лишнего шума. Когда достигли последнего этажа, то услышали приглушённую музыку, играющую в одной из квартир. Но вскоре выяснилось, что она звучала как раз из-за нужной нам двери с номером шестнадцать. Мы медленно приблизились, прислушались, но, к сожалению, ничего, кроме музыки, оттуда не доносилось.

– Специально врубили, чтобы никто не слышал, чем они там занимаются и какие планы строят, – прошептала Кира.

– Сейчас выясним, – ответил я, затем улыбнулся, спрятал пистолет за спину и громко воскликнул: – Это не музыка, это грохот какой-то! Это возмутительно, я буду жаловаться!

Напарница примкнула к стене слева от входа и взяла ору-

жие наизготовку, а я убедился лишний раз, что вокруг никого, и пару раз сильно постучал кулаком по двери. Потом опомнился, снял с себя меч и отдал Кире, но та лишь пренебрежительно посмотрела в ответ и только потом забрала его, демонстрируя явное недовольство. Вообще, входная дверь выглядела очень хлипкой, и мне бы не составило большого труда выбить её ногой, но вот так врываться неизвестно куда было очень рискованно. Так мы простояли некоторое время, прислушиваясь к малейшим шорохам и напряжённые до предела, но реакции не последовало. Музыка продолжала резвиться за дверью, и никто не спешил встречать дорогих гостей.

Мы переглянулись. Кира выразительно пожала плечами, после чего я снова и ещё сильнее ударил по двери. Казалось, приложи я немного больше усилий – пробил бы в ней кулаком огромную дыру. Но в этот раз музыка внезапно оборвалась, и послышалось неясное бормотание.

– Хозяин! – призывно крикнул я.

К нашему счастью, на двери не было специального глазка, и сомневаюсь, что здесь установлена какая-либо система видеонаблюдения, иначе весь мой гениальный план мог провалиться в тот же момент, а меня бы давно изрешетили пулями сквозь хлипкую преграду.

После некоторого затишья дверь медленно отворилась, и мне навстречу шагнул бритоголовый мужчина среднего роста, но с внушительной комплекцией и лицом, выражающим

крайнее презрение ко всему на свете. Я сразу подметил, что он полностью одет и всё ещё мокрый от дождя, а значит, совсем недавно пришёл с улицы. Мужчина со злостью взглянул на меня и немного прикрыл за собой дверь.

– Кто ты? Чего тебе надо? – рявкнул он.

Как и планировалось, он не заметил Киру, стоящую сбоку от двери, а был увлечён только мной. Я замер, не переставая прожигать его взглядом, и в ожидании держал правую руку за спиной, с готовностью сжимая свой пистолет.

– Здравствуйте! Я ваш сосед сверху. Что за паршивую музыку вы тут врубили? Вы мешаете спать моему ребёнку, выключите её немедленно!

Я был настолько увлечён, пытаюсь разглядеть через оставленную щель, что происходит в комнате за спиной у громилы, что допустил роковую ошибку. Я не сразу вспомнил, что мы находимся на последнем этаже и уж точно не могли жить на крыше. Слава богу, этот громила тоже на время призадумался, обрабатывая сложную для себя информацию. Он явно ощущал фальшь в моих словах, но никак не мог сообразить, в чём именно. Этого времени хватило, чтобы рассмотреть в помещении человека с пистолетом, который разместился за перегородкой кухни и наблюдал за происходящим. Я сразу узнал в квартире до жути знакомую планировку, что видел сквозь сонную пелену каждое утро.

Бритоголовый закончил обдумывать мой дешёвый спектакль и сначала открыл рот, желая что-то сказать, но потом

резко рванул в квартиру, пытаясь закрыть за собой дверь. Моя реакция была невероятно быстрой. Со всей силой и яростью я пнул по закрывающейся двери, и та с громким шлепком ударила громилу по лбу, от чего тот отлетел вглубь комнаты. Резким взмахом я вытянул руку с пистолетом из-за спины и уже хотел с криком «Всем бросить оружие!» ворваться в маленькую комнатушку, как заметил, что прямо напротив двери на красном потрёпанном диване восседал помпезного вида мужчина с увесистым дробовиком наперевес. В мгновение ока он оказался на ногах и с наставленным на меня дулом. Всего за долю секунды до того, как прозвучал выстрел, я успел отскочить назад, спрятаться справа от входа и прижаться к стене. Вспышка, громкий хлопок – и картечь со свистом пронеслась мимо, с грохотом ударяясь в противоположную от двери стену. За первым ударом последовали звук перезарядки и новый выстрел. Железными зубами он выгрыз и раскрошил часть косяка рядом со мной.

– Ого, похоже, я им чем-то не понравился! – попытался я сохранить хладнокровие и оптимизм. – Как думаешь, может, я был слишком груб в гостях?

– Скорее, их разозлило то, что ты назвал их музыку паршивой. На, держи свой кусок элегантности! – сказала Кира и бросила мне меч.

Раздались залиvistые пистолетные выстрелы. Вероятно, людей в комнате спровоцировал неизвестный предмет, пролетающий через дверной проём. Их можно понять: парни на

взводе, не каждый день к ним приходят Палачи, тем более они только узнали, что я не один. Я поймал свой меч и снова закинул за спину.

– Приказываю вам сложить оружие и сдаться! – крикнул я, прекрасно понимая, что такого исхода для них не предусмотрено.

– Умри, Страж! – донеслось из комнаты яростным громовым раскатом.

Для пущей уверенности прозвучал ещё один выстрел картечью и снова в направлении моего косяка.

– Вы обвиняетесь в нарушении Основного закона Системы, а приговор для Отступников – отключение! – устрещающе выкрикнула Кира.

После этих слов она сразу же высунула руку с мини-автоматом из-за угла и вслепую нажала на спусковой крючок. Оружие дёрнулось, изрыгая длинный поток огня и целый град пуль. Скорострельность была настолько высока, что звук стрельбы сливался в один протяжённый вой озлобленного зверя. Кира выпустила длинную очередь, покрывая свинцовым градом всю площадь перед дверью, и затем убрала оружие. Гильзы от пистолетных патронов сверкающим потоком осыпались на пол, где звонко отскакивали и сразу же исчезали, испаряясь прямо в воздухе. Подобные вмешательства в фундаментальные законы Системы совершались намеренно, чтобы оставалось как можно меньше следов насильственных действий как Отступников, так и Стражей.

После того как Кира выпустила целый рой маленьких смертей, она быстро заглянула в квартиру, оценивая ситуацию, и снова вернулась в укрытие.

Я вопросительно посмотрел на напарницу, и та, немного подумав, на пальцах показала, что в комнате находится три человека. Наступила тишина. Я тоже выглянул в дверной проём и увидел всё тот же красный диван, но теперь испещрённый небольшими отверстиями от смертельного ливня. Впрочем, и вся площадь вокруг теперь больше напоминала решето. Краем глаза удалось заметить за спинкой дивана небольшое шевеление. Бывшие вооружённые смельчаки теперь трусливо прятались за ней и боялись высунуться, напуганные шквалом огня от Киры. К сожалению, её оружие хоть и страшное по действию, но совсем неэффективное и не способно пробить даже обычную мебель. Но всё, что касалось устрашения, действовало отменно. К счастью, это не относилось к стандартному оружию Палачей. Может, оно не внушало животный страх, но по мощи превосходило многократно.

Я смело ворвался в помещение, вскинул оружие и нажал на спусковой крючок. Пистолет сильно дёрнулся, раздался громкий звук, больше смахивающий на выстрел из пушки, ствол грозно выдохнул струю огня, откатывая затвор и посылая неуправляемый крупнокалиберный снаряд на встречу с судьбой. Со свистом рассекая воздух, пуля вонзилась в истлевшее тело квартирной мебели и пробила его насквозь,

чтобы закончить свой путь в бетонной стене позади. Я спускал курок раз за разом, попадая в диван в разных местах, и с каждым выстрелом подходил всё ближе. Нервы у Отступников не выдержали, и два человека ринулись из-за укрытия в разные стороны, надеясь найти безопасное место за другой квартирной утварью. Отточенные движения рукой, доля секунды, два быстрых выстрела – и оба безуспешных беглеца, раскинув руки, начали падать на пол. Но, к моему большому изумлению, их тела так и не достигли пола. Они испарились: распались на тысячи мелких кусочков и растворились в воздухе за считанные секунды.

Я немного замешкался, наблюдая за ними, как вдруг из-за спинки дивана вынырнул тот самый тип с дробовиком. В последний момент я рванул в сторону и повалился на пол всего за миг до того, как картечь настигла бы меня. Вслед за его выстрелом снова зазвучал знакомый протяжный вой, и новый рой свинцовых пчёл кровожадно впился Отступнику прямо в грудь. Мужчина уронил дробовик под напором десятка маленьких, но очень точных ударов, отшатнулся к стене, прижался к ней и безжизненно осел на пол. Глаза и рот при этом остались широко открыты. Похоже, он не ожидал, что сегодня умрёт так рано.

Кира вошла в комнату, опустила дымящийся ствол автомата и посмотрела на свою недавнюю цель, которая застыла в неестественной позе у стены. Потом перевела взгляд на меня.

– И не благодари, – сказала она, подмигнув одним глазом.

Я встал на ноги и задумчиво взглянул на то место, где должен был лежать один из моих подстреленных трофеев.

– Призраки... – подсказала Кира, подойдя ближе.

– Что они тут забыли?

Только Кира хотела что-то ответить, как до нас донёлся резкий и сдавленный кашель. Мы мгновенно обернулись на источник звука и направили на него оружие. Кашель доносился из-за кухонной перегородки. Мы бросили друг другу многозначительные взгляды и медленно пошли к источнику, постоянно удерживая его на прицеле. Так же, как в моей квартире, здесь не было стены между комнатой и кухней, их разделяла только невысокая перегородка, одновременно служившая разделочным столом.

Мы осторожно за неё заглянули и увидели нашего старого знакомого. Он сидел спиной к этой самой перегородке и держался за простреленный живот. Ему сегодня точно не везло. Сначала получил дверью по лицу, от чего у него оказался сломан нос и кровь заливала весь подбородок, а потом, судя по всему, он не успел спрятаться от свинцового шторма. Сейчас громила смотрел на нас, гордо захлёбываясь кровью, но всё с той же ноткой презрения в глазах. У него не было с собой оружия, он лишь обречённо ждал своей участи, пытаюсь зажать руками зияющую рану в животе. Пальцы сильно дрожали, пока сквозь них хлестала бурая жидкость, стекающая в огромную лужу под ногами.

Я убрал пистолет за пояс и присел рядом с ним.

– И как мы могли забыть нашего милого швейцара? Как твоё имя, Отступник?

– П-пошёл к чёрту... – Бритоголовый еле шевелил губами, боясь захлебнуться собственной кровью, и каждое слово ему давалось с большим трудом.

Я молча взял его правую руку и провёл своими пальцами по запястью, где был вшит чип Консоли. Передо мной открылось небольшое окно со всеми его данными.

– Так, что тут у нас? Ага, гражданин Алекс Китов, сорок два года... Кто же вы, и что тут забыли? – задал я, скорее, риторический вопрос.

В ответ на это мужчина смог изобразить только гримасу боли, совмещённую с натяжной улыбкой, а потом снова закашлялся. Его дыхание стало тяжёлым и прерывистым, и я понял, что времени у него почти не осталось. Кира же предпочла наблюдать за всем этим со стороны и старалась не вмешиваться.

– Алекс, что здесь делали Призраки? – Я сделал свой голос как можно серьёзнее и старался говорить очень чётко. – Что это за встреча, о чём вы с ними говорили?

– С-скоро ты умрёшь, Страж. – Китов говорил из последних сил, каждое его слово становилось всё натужнее и тише. – Скоро вы все сдохни...

Последнее слово он проглотил, глаза устало закатились, и он весь обмяк, завалившись набок.

– Думаю, нам надо скорей вернуться в башню и обо всём доложить, – сказала Кира.

– Да, пожалуй, ты права, давай покончим с этим, – ответил я и поднялся на ноги.

Я достал меч из ножен и резким движением рубанул по правой руке Алекса чуть выше запястья. Рука отскочила и моментально исчезла в воздухе, а на пол приземлился только крошечный квадратный чип. Тело, оставшись без своего якоря в этом мире, также поспешило разбиться на множество мелких кусочков и навсегда покинуть этот тихий уголок нашего рая. Я наклонился и поднял чип, а Кира тем временем умело орудовала тесаком, извлекая такое же устройство из тела своей жертвы с помповым ружьём.

– А это будет мой трофей, – сказала она с недоброй улыбкой, показывая мне чип, и положила его в карман.

Мы быстро обследовали квартиру, заглянули во все уголки и шкафчики, но ничего не обнаружили, даже холодильник оказался пустым, грязным и поросшим слоем забвения. Здесь уже давно никто не жил, и, скорее всего, эту квартиру использовали для тайных встреч или собраний. Нужно будет направить сюда отряд Ищеек, пусть получше всё обыщут, и, возможно, нам удастся найти хоть какую-нибудь лазейку.

Наконец мы направились к выходу, где я задержался у двери, ещё раз окинул взглядом израненное жилище и вдохнул запах недавней смерти, густо перемешанный с порошком.

– Надо вызвать кого-нибудь для зачистки, а ещё целую ку-

чу Техников после всего шума, что мы наделали, – сказал я вдогонку уже покидающей помещение Кире.

Затем и сам вышел в коридор, закрыв за собой покосившуюся дверь.

Можно представить, что ничего и не было. Обычное утро обычного города и обычной жизни. Но не о такой жизни мечтали люди, строившие наш новый мир. Все мечты когда-нибудь разбиваются, разочаровывают тебя, обманывают ожидания, являясь не в том виде, в каком рождались малой искоркой в наивном детском сознании. Мечта сбывается, но превращается в извращённое отражение своей чистой первоначальной сущности. Они не должны сбываться, а лучше и вовсе никогда не мечтать.

Глава 1. Падший ангел

А вам знакома гордыня? Это коварное, подлое и надменное чудовище, что живёт в каждом из нас, управляет жизнью и поведением, преисполняет и переполняет душу, ставит мнимые цели, искажает понятия о чести и правде. Кто впустил гордыню в наши жизни? Кто дал ей право безнаказанно резвиться и топтать всё человеческое, что ещё осталось в людях? Быть может, сама природа повинна в этом и нет никакой трагедии? Возможно, это у людей в крови, и тогда не стоит так переживать о поступках, совершённых в порыве доказать что-то другим и самому себе. Но правильно ли это? Как далеко мы ушли от животных в их бессмысленном цикле существования, в их вечном стремлении идти той дорожкой из жёлтого кирпича, что вымостила для них непреодолимая сила природы? Готовы ли мы делать шаги навстречу чему-то большему, чему-то более великому и не предначертанному, чем слепое повиновение остаткам природного зова и смиренное упование на неизменность своего пути? Нет, люди не готовы называться людьми, они всего-навсего дети. Они стремятся подчиняться желаниям и страстям, поддаваться слабостям и тешить только себя любимых до самой смерти. Ведь так не хочется замечать всех остальных рядом с собой, их нужды, желания и мечты. Нет, их нужно только топтать и топтать, выражать во всеуслышание свои детские

капризы, требовать уважения и признания и смертельно бояться взрослеть. Иногда бывает невыносимо трудно сделать всего один маленький, но важный шаг, особенно когда нужно переступить через себя, через собственное раздутое эго, разрушить бесконечную стену самомнения, выстроенную в течение всей жизни для защиты своей животной сущности.

Возможно, нет никакого природного начала. Скорее, это лишь уловка, оправдание для самих себя и других, желание объяснить свой эгоизм, честолюбие и алчность естественным происхождением пороков, их особым местом в истории и жизни человека. Мы сами породили это чудовище, сами возрастили и воспитали, лелеяли свои пороки как часть самих себя. Может, только так – возводя стену самомнения, считая себя лучше других, центром мироздания – мы чувствовали себя менее одинокими, но получилось всё строго наоборот.

Издравле человек пытался выделиться из толпы, быть лучше, умнее, красивее и крайне расстраивался, если узнавал, что кто-то обошёл его в этом нелепом соревновании. Он получал сокрушительный удар по своему самолюбию, и уязвлённая гордость пыталась всячески залатать огромную дыру, образовавшуюся после такого потрясения. И тогда он начинал тешить и взращивать свою гордыню, придумывать тысячи отговорок для своих неудач, находить несуществующие достоинства, строить вокруг себя защитную стену из кирпичей раздутого эго. За ней он мог жить и больше не бояться быть униженным, возводить свою личную башню, вы-

сокую и крепкую, где он самый главный.

Но все эти башенки эгоизма, которые кажутся своим хозяевам громадными и очень значимыми, на самом деле в глазах других всего лишь частокол из разбитых судеб и людей, что обрекли себя на одиночество и будут вынуждены вечно вариться в котле нарциссизма. И чем больше в обществе выстроено башен, чем чаще и кучнее частокол, тем труднее пробираться сквозь него другим людям, тем ярче проявляется разобщённость. Чаще всего с этим явлением даже не борются, не пытаются направить человека на путь самосовершенствования, на путь созидания мостов, а не стен и башен, а наоборот, этому потакают и всячески поощряют. Некоторые люди используют такой частокол в личных целях и амбициях, как фундамент для возведения монолита личной гордыни, и чем больше башен в основании, тем устойчивее их узурпированное сидалище на плечах угнетённых масс. Но чем сильнее гордыня покоряет человеческие сердца, тем выше и тяжелее становится этот монолит, тем больше он раздувается и не может остановиться. В этом суть извращённого эго: с каждым жизненным шагом оно будет лишь расти, наполняться массой, и в один прекрасный момент башня на плечах Атланта станет настолько огромной и тяжёлой, что сломает свой выстроенный фундамент. Тогда титан сбросит её со своих плеч и растопчет в порыве бездумной ярости.

Увы, даже наш славный город этот порок не смог обойти стороной. У нас был собственный монолит гордыни, башня

силы, что призвана внушать трепет и осознание власти, довлеющей над всеми. Вообще, весь центр города ярко и громко заявлял о своей значимости. Многочисленные небоскрёбы вздымались кучной грибницей, прижимаясь друг к другу тесными рядами, и, казалось, застыли в немом соперничестве за звание самого высокого здания. Широкие дороги, будто паутиной, опутывали всё вокруг, а суетливые и шумные нескончаемые потоки транспорта сновали во все стороны. Люди вечно куда-то спешили и всегда опаздывали. Даже обретая бессмертие, не успевали жить. Постепенно они покидали уютные автомобили, чтобы выплеснуть свою нетерпеливость на улицы. Плавная и равномерно гудящая металлическая река незаметно сменялась другой: оживлённой, подвижной, движущейся по замысловатой траектории и торопящейся по своим делам.

Люди настолько привыкли плыть по этому течению, что умудрялись никого не задевать, искусно огибали друг друга, лавировали между встречными потоками и подчинялись до автоматизма отточенным рефлексам. Всё это похоже на безумно красивый танец: чёткие и плавные движения, невероятная синхронность. Металлическая река делала пару кульбитов и закрученных па, а затем передавала эстафету людям, которые подхватывали ритм и кружили-кружили в круговороте дней. Не зря центр города часто называли его сердцем. С высоты птичьего полёта все эти потоки людских масс напоминали артерии и капилляры, огромную

разветвлённую кровеносную систему, по которой струилась жизнь нашего города, питала его сердце, наполняя энергией и смыслом.

Потоки заполняли башни, заставляя их биться, возрождаться новой жизнью. У их подножья суетливо расхаживали кокетливые барышни и с нескрываемым восхищением рассматривали бесконечные ряды дорогих бутиков, застывших во времени манекенов, демонстрирующих очередной виток нездоровой фантазии дизайнеров, а также бесщётное количество центров коррекции образа. В последнее время стало чрезвычайно модно менять себя, подстраиваться под чужие стандарты и идеалы красоты. Люди совсем забыли, каково это – быть самим собой, многие уже даже не помнят, кем они были и как выглядят на самом деле. Нет предела человеческому совершенству, но самое главное – нет предела человеческой глупости.

Но как бы горделиво ни возвышались эти небоскрёбы, им никогда не сравниться с главным зданием в городе. Самый центр венчала гигантская изысканная башня из стекла и бетона, упрямой стрелой уходящая в небо. Все прочие высотки по сравнению с ней казались простыми придворными шутами, мелкими прислужниками у трона могучего правителя. Огромным властным копьём она пронзала безжизненное небо, а верхушка терялась среди мрачных перин облаков и поблёскивала оттуда сумрачным светом. Башня внушала трепет и даже страх в сердца тех, кто посмел обратить на неё

внимание. В её резких зеркальных гранях отражалась кипучая жизнь города, а по утрам башня первая встречала солнце, ловила его нежный лучистый свет и сияла, подобно маяку, ведущему наш общий корабль к лучшей жизни.

Это был наш дом, башня Стражей – единственный управляющий и карающий орган в Системе. Она служила грозным символом нашей власти и могущества, гарантом беспрекословного подчинения Основному закону и обителью для защитников хрупкого равновесия в этом мире. У людей должна быть уверенность, что есть те, кто оберегает их покой круглые сутки, кто следит, чтобы на дороге в будущее не встречалось препятствий. Каждый человек в любой точке города, даже в его спальной части, мог взглянуть в сторону центра и увидеть её – башню, грозно отринувшую устои старого мира и устремлённую ввысь, в небо, зовущую за собой к заветной мечте.

Но, с другой стороны, так гласила теория, а на практике Стражи избегали публичности, предпочитая вести свою работу тайно, незримо растворяясь в жизни города. Жителей Системы не стоит тревожить плохими мыслями и образами, они не должны лишней раз задумываться о предназначении службы Стражей. Именно поэтому башня стала главным символом противоречивости нашего мира. Она горделиво вздымалась над городом, но предпочитала не кричать на весь мир о своём предназначении: вывеска над дверью отсутствовала, а зеркальные стены безучастно отражали дей-

ствительность, скрывая за собой всё, что происходит внутри, и всех, кто заселяет сей прекрасный объект архитектурной мысли. Поговаривают, что со временем люди свыклись с присутствием этого исполина и вовсе перестали его замечать, вспоминая о Стражах только в час нужды и лишений. Лишь некоторые обращали свой взор на башню, но видели в ней ещё один безликий небоскрёб с важными людьми в красивых костюмах. Стражей такое положение вполне устраивало: чем меньше жители вспоминают о карающем органе, тем спокойнее живут.

Было уже около одиннадцати часов, когда Кира вырулила на стоянку перед башней Стражей...

* * *

По пути от улицы Южной мы умудрились несколько раз застрять в пробке на узеньких дорогах оживлённой части мегаполиса и даже заблудились во дворах, пока пытались объехать затор у гигантского офисного здания. После череды всех этих опасных, но невероятно скучных приключений мы только к одиннадцати смогли прорваться в центр города к подножию башни Стражей. Собрание должно было начаться уже час назад, и за такое опоздание нас наверняка не похвалят и даже не наградят, но теперь у нас есть отговорка: мы выполняли трудное и важное задание. По правде говоря, при этом излишне много наследили и изрядно пошумели,

так что, скорее всего, настойчивых выговоров не избежать, но это уже не в первый раз.

Вообще, обязанности Палачей не особо располагают к тихой и неприметной работе, несмотря на все наши старания. Отступники редко изъявляют желание добровольно сложить оружие и отключиться от Системы не совсем безвредным способом. В основном они дают жестокий и яростный отпор, где не обходится без огнестрельного оружия и кровопролитных боёв. Это война за наше будущее, за наши общие мечты, а она никогда не проходит бесследно. Иногда очень хочется отправить тех, кто придумал эти правила, в самую гущу боя, выдать им тяжеленный стандартный тесак и заставить штурмовать засевших в укрытии Отступников, а потом попросить их быть неприметнее под шквальным огнём вражеского сопротивления. Легко придумывать правила, заседая на вершине высокой башни.

Кира тем временем искусно лавировала в бесконечном потоке автомобилей, пытаясь поудобнее зайти в разворот, а затем втиснуться в маленькое парковочное место. Оно располагалось прямо у входа в башню и было зарезервировано лично для нас. По обе его стороны расходились длинные ряды одинаковых, блестяще чёрных машин из штатного автопарка служащих Системы. Все чистые, сверкающие под каплями дождя, металлические коробки одинаковой модели, неотличимые друг от друга, словно близнецы. Они стояли настолько плотно и кучно, что каждый раз, открывая две-

ри, я боялся задеть соседний автомобиль, а ведь по правому боку находилась машина наших заклятых друзей и коллег из отряда «Харон». Несмотря на то, что служили мы одной благородной цели и были воспитаны в духе взаимовыручки, их заносчивый характер разбивал любые мысли о хорошем отношении. Иногда у меня проскальзывала скабрёзная мысль: дать как следует ногой по дверце их автомобиля. Но Страж должен сохранять спокойствие в любой ситуации. Хотя подобные мысли всегда вызывали у меня лёгкую мечтательную улыбку, и я не спешил гнать их прочь.

Машина дёрнулась и остановилась точно по центру парковочного места. Всё-таки Кира – великолепный водитель, чего не скажешь обо мне. Я бы непременно задел один из стоящих рядом автомобилей, и у меня есть смутные подозрения, какой именно.

Кира неохотно вылезла наружу и осмотрелась.

– Похоже, все уже здесь, мы последние, – с некоторой долей разочарования заключила она.

– Неудивительно, – выбираясь наружу, ответил я и прищелкнул: – Ого, сколько машин! Должно быть, все Стражи города слетелись посмотреть на наше новое начальство.

– Ага, не каждый день можно увидеть Хранителя вживую, а тем более послушать его. – Кира говорила это с явным пренебрежением и некой досадой, слегка покачивая головой. – А ты чего свой меч не взял, опять забыл?

– Не забыл, пусть в машине полежит, чтобы не мешался, –

махнул я рукой.

Кира недвусмысленно закатила глаза.

– Ладно, пошли быстрее, я уже вся промокла за это стремительное утро.

Напарница потрусила к входу, а я ещё раз взглянул на небо, на уходящую в облака зеркальную стрелу величественной башни. Затем закрыл глаза и мысленно попрощался с неприветливыми небесами.

Огромные двухстворчатые двери из тёмного непрозрачного стекла почувствовали приближение двух человек и с гулким шипением разъехались в стороны. Проходившие мимо люди, похоже, вообще не обращали внимания ни на раскрытые двери, ни на башню в целом, а может, старательно делали вид, что не замечают.

Мы дружно направились внутрь и успели сделать пару шагов до того, как двери, снова угрожающе шипя, сомкнулись за нашими спинами, защищая от прохладного воздуха и мокрой взвеси, наполняющей улицы. Прозрачные с внутренней стороны стёкла позволяли наблюдать за всем суетливым потоком людей, безразлично проплывающим мимо. Но нас мало заботили мрачные пейзажи мирских будней, сейчас наши взгляды были устремлены вперёд, навстречу новым свершениям и скучным совещаниям.

Сразу за входом скрывалось большое и просторное помещение, но невероятно пустое, серое и безжизненное, навевающее грустные мысли. Здесь не было ничего: ни удобных

диванчиков, ни столиков, ни декоративных растений, которые все привыкли видеть в холле любого офисного здания. Помещение выглядело нежилым и брошенным, и лишь в самом конце, прямо напротив двери, располагались два лифтовых проёма из сверкающего и блестящего металла, аккуратно утопленные в стене.

Неподалёку от них находилась полукруглая стойка из тёмно-красного лакированного дерева, отполированная до блеска, плавно переходящая в стол, за которым сидела молодая симпатичная девушка. На вид ей не больше тридцати, в бежевом костюмчике, с заправленными в пучок русыми волосами и чуть приспущенными на нос небольшими очками в тонкой оправе. В мире, свободном от воздействия физических недугов реального тела, в них уже не было необходимости, но некоторые люди продолжали использовать их в качестве своеобразного украшения или в виде специальных устройств с линзами дополненной реальности. Такие очки могли стать настоящим подспорьем в любой работе и верным помощником в жизни. Вот и сейчас девушка держала в руках какой-то документ и внимательно, очень деловито его изучала, время от времени перелистывая страницу и неодобрительно покачивая головой.

Она старательно не обращала на нас никакого внимания, хотя не могла не услышать звуки открывающейся двери и хлынувшего из-за неё шума большого мегаполиса. Впрочем, я уверен, что она ещё загодя увидела подъезжающий авто-

мобиль и выходящих из него людей, в коих наверняка узнала старых знакомых, но теперь демонстративно пылала к нам безразличием. По одному только мимолётному силуэту, мелькнувшему за дверями, она могла опознать почти всех сотрудников башни Стражей. Невероятно умная и красивая женщина, весьма редкое сочетание. Многие сотрудники долго и безуспешно пытались пригласить её на свидание, но она всем вежливо отказывала, говоря, что уже замужем за работой и если бы не её усилия, то в этой башне вообще бы никто не работал. Безусловно, она слегка преувеличила свою роль. Скорее она походила на обычного секретаря или работника приёмной, кто принимал заявки и жалобы от граждан, и по совместительству выступала куратором начинающих Наблюдателей, помогала им освоиться в башне и получить своё первое задание на долгом пути служению Системе. Изредка она выгоняла случайных прохожих, чудом обративших внимание на огромное здание в центре города и изящный вход из тонированного стекла, но случалось это всё реже.

Мы подошли к стойке с девушкой, и я негромко постучал по столешнице костяшками пальцев.

– Марина, привет! Добрая принцесса, скажи, как там дела в нашем королевстве?

Девушка оторвалась от изучения документа, посмотрела поверх очков и сначала поймала мою улыбку, а потом взволнованный взгляд Киры.

– «Феникс», ага, не прошло и года. – Марина отложила

бумаги и скрестила перед собой ладони. – Всё шутишь? Со-
всем обнаглел, Стил? Спит до полудня, катается где-то, а до-
нимают меня!

– Началось. Прямо с порога... – со вздохом прошипела
Кира и отвернулась в сторону.

Марина быстро перевела взгляд, полный ненависти, на
мою напарницу, а затем снова вернулась ко мне и сурово
спросила:

– Что там с Южной?

– Всё в порядке. Зачистили в лучших традициях, – от-
ветил я и подмигнул ей. – Кстати, Марин, пошли туда па-
ру Ищеек, пусть осмотрят всё... и пару хороших Техников
со знанием психологии, а то мы там немного пошумели. От-
ступники попались совсем несговорчивые на этот раз, доб-
ровольно отключаться отказались.

– Ох уж эти ваши «лучшие традиции»! Стил, ты свои
оправдания и шуточки оставь для начальства, хорошо? Хра-
нитель будет чрезвычайно рад послушать, как вы работае-
те... – Девушка сделала загадочную паузу. – Ищеек я отпра-
влю, но только после собрания, сейчас все уже на месте и ожи-
дают только вас. Чипы сдадите потом, а то Плотников тоже
на собрании. Мигом туда!

– Марин, последний вопрос: Икаров ещё здесь?

Девушка вдруг сделалась загадочной, посмотрела по сто-
ронам, как будто пыталась обнаружить нежелательные уши,
а потом приложила ладонь к губам и прошептала:

– Сергей Геннадьевич здесь, специально ждал тебя... – Марина осеклась и бросила мимолётный взгляд на Киру. – Вас. Хотел попроситься. Он на восьмом этаже, у зала собрания. Только быстро!

– Спасибо, Марин! – с улыбкой ответил я и потянул Киру к лифтам.

– Ты только с ней такой шуточный? – прошептала напарница мне на ухо.

– Ревнуешь? – Я расплылся в дурацкой ухмылке.

Кира громко фыркнула в ответ и замотала головой.

– Боюсь за свою репутацию. Твоя подружка, я посмотрю, тоже осталась не в особом восторге.

Я посмотрел на Марину, чтобы найти на её лице опровержение коварных слов моей напарницы, но девушка вернулась к изучению различных документов, а её строгий и внимательный взгляд выражал уже полное безразличие к окружающему миру. Можно ошибочно подумать, что Марина – немного жестокий, надменный и чёрствый человек, но это не так. Несмотря на некоторую жёсткость, хлёсткие слова, взгляды и выражения, на причуды тараканов в её голове, а также чрезмерную увлечённость своей работой, она весьма добра и отзывчива, хотя и скрывает это под толстым слоем профессиональной этики. Пару раз мне удавалось встретить её после работы, и она казалась мне совершенно другой: более мягкой, разговорчивой и непринуждённой, изредка позволяющей себе скромную улыбку. Но стоило ей вернуться в

башню, войти в эти негостеприимные двери и занять своё рабочее кресло, как разом каменели её сердце и душа. По неизвестной мне причине она сразу невзлюбила Киру и отчётливо испытывала к ней стойкую неприязнь. Каждый раз, когда мы возвращались в башню, она старательно делала вид, что не замечает мою напарницу, и обращалась только ко мне, а Кире доставались лишь презрительные и мимолётные взгляды. Марина хранила множество секретов, которые не спешила раскрывать, а я старался не лезть между молотом и наковальней сложных женских взаимоотношений.

Я и Кира подошли к дверям лифта и хотели нажать на кнопку вызова, но услышали, как на улице неожиданно раздался протяжный визг колёс. Штатная машина Стражей резко затормозила, развернулась к нам боком и остановилась у самого входа. Из неё выскочили двое и вытащили с заднего сидения что-то очень большое, а потом на руках потащили к входу. Двери башни с натужным шипением отворились, и в пустой холл вбежали два напуганных и промокших насквозь Стража. К сожалению, я не помню их имён, но точно знаю, что оба – Ищейки с пятого этажа, с которыми мне довелось поработать уже довольно давно. В руках они несли кого-то третьего: мужчину лет тридцати пяти в запачканной серой куртке.

Когда они приблизились к стойке, то я узнал бедолагу, ведь был с ним очень хорошо знаком. Дмитрий Сахаров – отличная Ищейка, хороший друг, верный Страж Системы

и просто прекрасный человек. Много раз он помогал мне на заданиях, выслеживал Отступников и никогда не боялся смотреть в лицо опасности. Боже, что с ним случилось? Я кинулся к Ищейкам, поддержал тело и ужаснулся, взглянув на него. Сейчас уже мало что напоминало о том brave человеке. Его голова безжизненно свисала с рук боевых товарищей, рот был слегка приоткрыт, а глаза заволокло непонятной белой пеленой. Всё лицо застыло в ужасной гримасе боли. Это было жуткое зрелище. Он весь побелел, а под кожей вокруг глаз вспучились вены, расходясь в разные стороны багровой паутиной.

– Что с ним случилось? – с досадой крикнул я.

– Нет времени, – отрезал один из Стражей и обратился к девушке за стойкой: – Марина, где Техники?

Девушка пульей вылетела из-за стола.

– Я им уже сообщила, они ждут в техническом отделе на десятом этаже. Скорее несите его в лифт!

Марина метнулась к лифту и нажала кнопку вызова. Похоже, она давно знала о произошедшем, но упорно сохраняла спокойствие при разговоре с нами.

Двери лифта почти моментально распахнулись, демонстрируя просторную и светлую кабинку, покрытую коричневым пластиком и свободно вмещающую до десяти человек. Мы втроём втащили туда Дмитрия, а Кира продолжала некоторое время стоять неподалёку и пребывать в смятении, но потом внезапно опомнилась и вслед за нами запрыгнула

внутри кабинки.

– Я помогу им, – крикнул я Марине. – Сообщи, что мы немного задержимся!

Девушка-секретарь зло посмотрела в мою сторону, но промолчала. В это время Кира неуклюже вывернулась и нажала кнопку десятого этажа. Двери сомкнулись, скрывая неодобрительный взгляд Марины, и кабинка плавно дёрнулась, набирая высоту. Напарница стояла у входа и по-детски удивлёнными глазами смотрела на безжизненное и застывшее в бесконечном мгновении страха лицо Дмитрия.

Лифт быстро набирал высоту, а циферблат над дверью послушно отсчитывал этажи: 2... 3... 4...

– Так что же всё-таки случилось? Убийство? – не выдержал я.

– Скорее, самоубийство, – понуро ответил до этого молчавший Страж. – Дима проследил за Отступниками до их убежища, запросил помощь, но мы приехали уже слишком поздно... – Он печально вздохнул и опустил глаза. – Видимо, ему захотелось стать героем, справиться в одиночку, и он использовал перегрузку. Уж не знаю, где он её взял.

– Что он использовал? – не понял я.

Но в этот момент кабинка качнулась, остановилась, и двери открылись.

Перед входом неожиданно возник взволнованный пожилой Техник.

– Скорее, сюда, заносите в кабинет! – истошно заголосил

человек в белом халате и с маленькой биркой на груди, прямо указывающей, что перед нами старший Техник Васильев.

Десятый этаж был всецело посвящён научно-техническому персоналу башни Стражей: чистые и сияющие белизной стены, мягкий струящийся свет с потолка и толпы снующих людей в белоснежных халатах. Вообще, технические этажи служили больше исследовательским и терапевтическим целям и не подходили для серьёзного лечения. Сюда приходили новоиспечённые Стражи для первичного обследования, а также все служащие башни раз в год для планового тестирования работы Консоли и нейронных связей. Здесь даже не нашлось никаких средств для транспортировки неисправных Стражей, и всё это время Дмитрия пришлось нести на руках.

В указанный Техником кабинет мы ввалились вчетвером и уложили тело на кушетку. Кабинет оказался большим, просторным и очень светлым. Одна его половина была полностью заставлена стеллажами с какой-то аппаратурой, а на другой размещалась широкая металлическая кушетка с ворохом подведённых к ней датчиков и всяких непонятных устройств.

Васильев внимательно осмотрел лицо Дмитрия, покрутил его голову своей рукой, расширил пальцами веки и заглянул в глаза, после чего разочарованно заохал. В это время в кабинет влетела ещё пара совсем молодых Техников – юноша и девушка. Они остановились у входа и вопросительно по-

смотрели на Васильева.

– Опять перегрузка, – печально заключил он, обращаясь к новоприбывшим помощникам. – Срочно нейронный стимулятор!

Техники рванули к стеллажам и начали энергично что-то включать и настраивать. Васильев тем временем прикрепил специальные датчики на голову Дмитрия и нацепил два маленьких колпачка на пальцы его правой руки, как раз туда, где располагались контакты Консоли. Затем пожилой Техник прикоснулся к миниатюрной пластине рядом с кушеткой, и перед ним развернулось широкое полупрозрачное окно, напоминавшее обычную клавиатуру, только кнопок было намного больше. Техник замер над телом умирающего Стража, потом резко повернулся ко мне и сухо заявил:

– Вам здесь не место, Палач. Спасибо за помощь, но все Стражи должны немедленно покинуть кабинет.

Обе Ищейки, что привезли Дмитрия, встревожено, но послушно потянулись наружу. Кира тоже намеревалась выйти, но я схватил её за плечо и одёрнул.

– Это мой хороший знакомый, – очень серьёзным тоном сказал я. – Вы занимайтесь своим делом, Техник Васильев, а мы сами решим, где нам место!

Молодые Техники переглянулись, а Васильев некоторое время смотрел мне прямо в глаза, но затем молча повернулся к кушетке и кивнул своим помощникам.

– Не теряйте время, начинайте отслеживать его сигнал.

Нужно установить связь с его мозгом, – сказал он и быстро стал перебирать по клавишам, витающей в воздухе клавиатуры.

– Сигнал очень слабый, местонахождение тела не удаётся определить напрямую, – отрапортовала молодая девушка в белом халате.

К сожалению, она была в другом конце кабинета, и я не мог прочесть её имя на бирке.

– Как и ожидалось. – Васильев нахмурил брови. – Хорошо, тогда начинайте перебор по капсулам...

– Сигнал начинает слабеть.

– Сколько?

– Всего тридцать микрооткликов в секунду и продолжает падать.

– Ищите быстрее!

Мы с Кирой стояли в сторонке и заморожено следили за работой Техников. Я иногда переводил взгляд на стеклянные глаза Дмитрия, пытаюсь разглядеть в них хоть какие-то изменения, но, увы, он всё так же безразлично смотрел сквозь белую пелену помутневших зрачков и, кажется, уже совсем не дышал. От этого мне становилось невыносимо грустно, и я снова переключался на мечущихся по кабинету Техников.

– Есть, нашёл! – воскликнул молодой парень. – Прямой отклик от капсулы 654-408, сигнал слабый, но стабильный.

– Отлично! – Васильев озарился надеждой. – Внимание, даю разряд!

Его пальцы быстро заплясали по клавишам, а тело Дмитрия на мгновение потускнело, стало полупрозрачным, затем как-то неестественно дёрнулось и вернулось к прежнему состоянию.

Васильев испытующе глянул на девушку-Техника, но та помрачнела и сокрушённо покачала головой.

– Двадцать микрооткликов, мозг продолжает умирать, Виктор Степанович.

– Внимание даю новый разряд!

– Семнадцать...

– Разряд! Воронков, подключай спинальный сигнал, пусть часть разряда через спинной мозг.

Молодой Техник послушно метнулся к другому устройству и начал что-то настраивать и нажимать на кнопки.

– Есть, Виктор Степанович!

– Новый разряд! Давай же, работай, проклятый мозг!

– Двенадцать микрооткликов, сигнал стал сбивчивый...

– Анна, может, успеем провести экстренный выброс из Системы, а там его подхватят?

Девушка в ответ мрачно посмотрела исподлобья на Васильева, а затем на экран прибора.

– Семь откликов, сигнал теряется... мы не сможем его вывести, Виктор Степанович, мозг почти умер. Нейронные связи слишком повреждены. Похоже, он сжёг его полностью.

Васильев опустил руки, и где-то на минуту в кабинете повисла гробовая тишина, только приборы продолжали свою

причудливую электронную трель. Потом старший Техник устало повернулся к нам и печально произнёс:

– Мне жаль вашего друга, Палач. Здесь уже ничего нельзя было сделать, он умудрился спалить себе мозг. Эх, это уже третий за месяц.

– Третий? Почему я не слышал об остальных? – ошеломлённо спросил я.

– Возможно, не каждый Страж ваш друг, – немного грубо, но совершенно беззлобно ответил Васильев и смахнул окно виртуальной клавиатуры перед собой.

Я слегка смутился подобному ответу, но не придавал этому особого значения.

– А что за перегрузка, про которую все говорят? – расстроено полюбопытствовал я. И с тоской посмотрел в уже безжизненные глаза бывшего товарища по службе.

– Сигнал потерян, пациент скончался, – обречённо пролепетала девушка за спиной Васильева, невзначай перебивая меня.

– Пометьте, время смерти – одиннадцать часов и двадцать минут, – вполборота ответил ей старший Техник. – А на ваш вопрос, Палач, я не вправе распространяться, спросите своё начальство.

Но тут Кира сделала шаг вперёд, угрожающе посмотрела на всех Техников и вступилась за меня:

– Прекратите играть в эти игры, Васильев. Никого выше нас нет, разве что Верховный Страж, но сомневаюсь, что его

волнуют подобные вопросы.

– Вы хоть и Палачи, уважаемые Стражи, но у вас всё же есть Икаров.

– Нет... нет у нас больше Икарова, – Кира немного понизила тон и смущённо отступила. – И вы прекрасно это знаете.

Васильев посмотрел на растерявшихся молодых Техников, а потом как-то грустно ухмыльнулся, когда вернул к нам своё внимание.

– Кот из дома – мыши в пляс, – тихо, себе под нос, пробурчал старший Техник. – Ладно, могу сказать лишь то, что знаю сам. Это какая-то новая программная зараза, которую внедряют себе люди, чтобы разогнать свой мозг, перегрузить его, поэтому мы зовём её просто перегрузкой. А вообще, я слышал, что она больше известна под названием «Белый шум». Видимо, из-за этого странного побочного действия в виде белёсого помутнения глаз. Очевидно, что ваш друг был слишком самоуверенным и храбрым Стражем, хотел справиться с врагами в одиночку, впрочем, как и все предыдущие. И, как все, он спалил себе мозги.

– Но зачем разгонять или, как вы сказали, перегружать себе мозг? – недоумевала Кира.

– Чтобы стать умнее и быстрее своего противника, как я понимаю. – Васильев всем видом выражал недоумение.

– Виктор Степанович, разрешите изъять чип? – спросил молодой Техник.

– Приступайте.

Я невольно поморщился и потащил напарницу к выходу из кабинета. Удалять чипы врагам – это одно, но смотреть на то, как режут руку твоему хорошему товарищу, что-то совсем не хотелось.

* * *

Только я успел переступить порог и прикрыть за собой дверь, как нас с Кирой окликнул знакомый и хрипловатый голос. Мы одновременно повернулись на зов и рядом с лифтом увидели невысокую осунувшуюся фигуру теперь уже бывшего руководителя отдела Стражей. Про Сергея Геннадьевича Икарова можно сказать много хороших слов, вспомнить все его заслуги и награды, подчеркнуть то, какой он замечательный человек, чуткий руководитель и просто добрый наставник. Уверен, что этим утром именно такие пустые слова были высокопарно, но безразлично произнесены с высоких трибун зала совещаний. Громкие, однако неспособные утолить его боль эпитеты и благодарности срывались с уст бывших подчинённых, упражняющихся в лицемерном ораторском искусстве под нескончаемые овации остальных коллег. К отставке Икарова относились так, будто его уже нет в живых. Причём бравурные речи больше напоминали номинальную панихиду, а не благодарности человеку, отдавшему всю жизнь служению Системе и каждому, за кого он был в ответе. Но какие бы хвалебные оды ни слетали с их губ с за-

стывшими в безразличии улыбками никто не знал его так, как я и Кира, никто не воздал ему столько же внимания и дружеского отношения в ответ на его великодушие. Поэтому мы ни капли не жалели, что не успели на начало совещания, и даже благодарны Отступникам, избавившим нас от выслушивания моральных экзекуций. Но, глядя в безмерно грустные глаза Икарова, мы читали в них всю скорбь об ушедших годах и о том, что он потерял в это мрачное утро.

На протяжении долгой и насыщенной жизни Сергей Геннадьевич прошёл тяжёлый и тернистый путь к своему вознесению на недостижимую для многих высоту. Будучи ещё совсем ребёнком, под влиянием юношеского романтизма, желания искать и вляпываться во все подряд приключения и переделки, а также обладая невероятно глубоким чувством справедливости и подлинного гуманизма, он подался в первый почётный круг Стражей – в Наблюдатели. Впрочем, подобным порывам подвержены многие юноши и девушки в том возрасте, когда первый раз в своей осознанной и наполненной гормонами жизни они встречают несправедливость, видят все осколки разбитой гармонии родного мира.

В этом я и Сергей Геннадьевич очень похожи. Он тоже явственно ощущал, что это его долг и призвание, хотел защищать людей от обид и невзгод, хотел, чтобы они жили в мире и спокойствии. Он незабвенно горел этой идеей каждый день, самоотверженно и много работал, не жалея здоровья и сил, просился на дополнительные посты, не спал ноча-

ми и аккуратно вёл свой дневник, куда записывал все замеченные им нарушения порядка. Даже самые малейшие проступки не ускользали из-под его пристального взгляда. Многим его коллегам не нравился такой ретивый и педантичный юноша, им он казался чрезмерно фанатичным и даже безумным. Почти все считали его закоренелым карьеристом и избегали его компании. Но Сергей не обижался, а только глубже погружался в работу, делая наш мир чуточку лучше.

Естественно, что на такого бойкого молодого человека скоро обратили внимание старшие Стражи и направили его энергию в новое русло. Следующие несколько лет он провёл в школе Стражей, получая желанное для многих звание Ищейки. Дальше вся жизнь Икарова походила на неистовый ураган, сметающий всех врагов и все преграды на своём пути: сотни раскрытых дел, десятков наград и благодарность за службу, полученная лично из рук Верховного Стража. Но всё это принесло немалое признание среди одних и страшную зависть среди других. После заслуженной аудиенции у Верховного Стража Икаров взошёл на последнюю ступень, на вершину той горы, о которой мог лишь мечтать много лет назад. К сожалению, Стражи четвёртого уровня не могут дальше продвигаться по службе и ему никогда не светила должность Палача. Но вместо этого было принято решение назначить его главой всего отдела расследований и спецопераций, причём даже Стражи третьего уровня оказались в его подчинении. Весь остаток жизни Икаров посвятил управлению

своим отделом и воспитанию всего корпуса Ищеек. Раскрываемость Отступников под его руководством выросла многократно, а самого Сергея Геннадьевича мы с Кирой почитали как второго отца. Иногда возникало ощущение, что Сергей тоже видел себя в этой роли, заботясь о своём отделе и каждом сотруднике, как о своих детях.

Но время шло, Икаров старел, его разум разрушался под тяжестью прожитых лет, что негативно сказывалось на профессиональных навыках. Он всё больше погружался в свои мысли, а потоки нескончаемых дел стали чаще ускользать из-под его увядающего внимания. Былой огонь, согревавший всё отделение, превратился в тлеющий уголёк, и мысли об этом постоянно терзали самого Икарова.

Вскоре над Системой нависла новая угроза – Кукловоды, с которыми безуспешно боролся весь отдел Ищеек долгое время, но ничего не мог поделать. Доверие к Сергею Геннадьевичу было окончательно подорвано. Наблюдая за беспомощными потугами своих верных защитников, Верховный Страж принял тяжёлое решение – снять с должности Икарова и отправить его на заслуженный отдых. Вместо него в эти сложные для Системы времена был назначен новый руководитель отдела Стражей, один из Хранителей – личной охраны Верховного Стража.

Вот так и закончился славный исторический путь одного отважного героя, всего лишь мечтавшего служить людям. Униженный и оскорблённый в лучших чувствах, Сергей Ген-

надьевич, не привыкший проигрывать, не смог сдержать уже старческих слёз, когда получил приказ об отставке. Самое печальное, что от него разом отвернулись все бывшие коллеги и воздыхатели, все те, кого он считал своими детьми, о ком заботился больше всего, и ради которых сделал многое. Но в нём больше не видели героя или наставника, будто и не было этих долгих лет и великих свершений. Прошлое растворилось, стоило только выключить свет. Меня и Киру Икаров любил больше всех, а мы старались, отвечали ему взаимностью, всегда поддерживали его и слушали. Похоже, что только ради нас он задержался в уже чуждом ему доме. Он хотел попрощаться и пожелать удачи в последний раз.

Икаров скромно стоял у дверей лифта, немного смущённо, как в первый раз, когда он только оказался в этих стенах, чтобы поделиться со всеми своими мечтами. Сейчас на нём неуклюже висел старый и протёртый годами кожаный плащ, под стать коричневым туфлям и небольшому кожаному чемоданчику в руках. Икаров крепко сжимал остатки своего прошлого, единственное, что связывало его с этим местом, а в другой руке держал широкополую старомодную шляпу, неловко прижимая её к груди. На его голове затейливо вились всклокоченные седые волосы, а на пожилом морщинистом лице блестели добрые, искренние, но такие печальные глаза.

Когда мы приблизились к нему, Икаров приветливо и тепло улыбнулся, как только могут улыбаться внукам их люби-

мые дедушки.

– Здравствуй, Стил! – сказал он, и его губы чуть заметно задрожали. – И тебе, моя любимая Кирочка.

– Доброе утро, Сергей Геннадьевич, – негромко, но почти одновременно ответили мы.

Икаров почти незримо склонил голову в знак приветствия и мимолётом бросил взгляд на дверь кабинета, который мы покинули совсем недавно.

– Про Диму мне уже сообщили, очень жаль, талантливый он парень, шустрый. Подаёт большие надежды, как мне кажется...

– Он только что скончался, – печально пробормотал я.

Икаров понуро опустил голову.

– Я уж понял, Стил, по вашему виду понял. Я не сомневался, что так всё обернётся, после такого не выживают. Жаль, очень жаль. И ведь не первый уже на моей памяти. Что же они у меня... – Икаров внезапно замолчал, и его лицо исказила гримаса боли.

– С вами всё хорошо? – с тревогой спросил я. – Как вы себя чувствуете?

– Всё нормально, ребята, просто фантомные боли.

– Какие боли? – переспросила Кира.

Но Икаров только махнул рукой.

– Неважно... это уже неважно, Кирочка. Мне намного больнее за своих подопечных, которых я вынужден оставить вот так. – Сергей Геннадьевич снова посмотрел в сторону за-

крытого кабинета, откуда в этот же момент вышли молодые Техники и скрылись в светлых коридорах технического отдела. – Что же они себя не берегут-то, а? Чем же ты думал, Дима? Обидно-то как. Вот нет у них трепета за собственную жизнь, не заботятся о себе, совершенно стали оторваны от реальности. Думаю, что это моя вина, я должен был уследить, заметить что-то, должен!

– Да ну, бросьте, при чём тут вы? – воскликнул я.

– При том! Возможно, я действительно потерял былую хватку, если юноши гибнут от такого под моим руководством. Это ужасная смерть, в ней нет ничего героического, она лишена всяческого смысла, понимаете? Ведь это даже не бой с ватагой Отступников. Стражи работают на износ, используют стимуляторы, разрушают собственный организм, свою жизнь – и ради чего?

– Ради веселья? – как-то не к месту предположила Кира.

– Веселье... – хмуро повторил бывший начальник и огляделся.

Всюду сновали люди в белых халатах, взмыленные, встревоженные, ходили из кабинета в кабинет, что-то оживлённо обсуждали, даже спорили. Жизнь вокруг текла своим чередом, и никто на нас не обращал никакого внимания, только одна очень молодая девушка на минуту остановилась около своего кабинета, погружённая в размышления, и посмотрела в нашу сторону. Взгляд её был очень пронзительным, но в то же время очень пустым и безжизненным, казалось, она

вовсе не видит трёх человек перед собой, а смотрит куда-то вдаль, сквозь нас, и думает о чём-то своём. Какие мысли крутились в её голове? Возможно, она вспомнила своего дедушку, когда увидела Икарова, и ей невыносимо тоскливо захотелось его обнять, а может, её мысли и вовсе унеслись в такие тёмные и запутанные глубины сознания, где мы так любим скрываться время от времени. Девушка смотрела сквозь нас некоторое время, а потом внезапно погрузилась, отвернулась и зашла в кабинет, медленно закрыв за собой дверь.

Сергей Геннадьевич проводил её взглядом, потом повернулся к нам и мрачно покачал головой.

– Нет, Кириочка, не думаю, что дело тут в некоем веселье или чудачестве и даже не в юношеских причудах. – Икаров глубоко вздохнул. – Причина намного серьёзнее и глубже. Знаете, я всегда говорил, что молодёжь – это индикатор здоровья общества. Ведь дети – это цветы жизни, а по здоровью цветка можно судить о качестве почвы, на которой он вырос. То, что сейчас мы видим, – это даже не болезнь цветка, скорее, его просто срезали, оторвали от земли, и теперь он сохнет и умирает...

Сергей Геннадьевич вдруг встрепенулся, опомнился, стал очень взволнованным.

– Ой, что-то мы тут заговорились совсем, вам же надо срочно бежать в главный совещательный зал, там же сегодня этот... – Икаров поморщился. – Заменитель мой. Стил, Кири, навестите меня как-нибудь, чаю попьём и обсудим много

интересных тем. Одно только прошу – не забывайте меня. Я же не смогу так... без вас, без них, без всего этого.

Икаров попытался улыбнуться и посмотрел вслед уходящим по коридору паре Техникам.

– Да что вы такое говорите, мы же... – запричитала Кира.

Но Икаров интенсивно и крайне эмоционально замотал головой и шляпой в своей руке.

– Нет-нет, Кирочка, не нужно больше слов. Сегодня с меня достаточно комплиментов и обещаний, а то совсем разрыдаюсь. – Икаров поспешно нажал на кнопку лифта. – Давайте я вас немного провожу до зала совещаний, а потом уже пойду восвояси, а то меня здесь уже не очень-то хотят видеть.

– Хорошо, – согласилась Кира. – А за приглашение спасибо, мы обязательно придём. Правда ведь, Стил?

– Да, конечно, сразу же, как сможем, обязательно наве­стим! Не расстраивайтесь вы так, Сергей Геннадьевич, вот увидите, опозорится ещё этот Хранитель. Эти прихвостни при троне ничего не смыслят в расследованиях. Вы подождите, вас ещё и назад попросят!

– Спасибо вам, ребятки. – Икаров улыбнулся. – Только из-за вас я всё ещё здесь.

Двери лифта распахнулись, и мы с Ки­рой втиснулись внутрь, а Икаров немного замешкался, провожая взглядом очередных Техников, суетливо пробегающих мимо, ворчливо покачал головой и последовал за нами. Кира – главная по

кнопочкам, нажала на ту, что соответствовала восьмому этажу, двери послушно закрылись, кабинка заметно дёрнулась и стала опускаться.

– Вот ведь поросята! – с досадой воскликнул Икаров.

– Кто? – непонимающе спросил я.

– Да Техники наши, усердно делают вид, что меня уже не существует, не успел даже за порог ступить. Ещё же вчера ко мне бегали в кабинет. Как же изменчива человеческая любовь...

– Не обращайтесь внимания, – попыталась приободрить его Кира. – Техники все такие, сами себе на уме, зануды, одним словом.

Лифт тем временем остановился на восьмом этаже, двери отворились, и мы дружно вышли наружу.

Нужно сказать, что башня Стражей – это почти целый город в миниатюре, со своей особенной жизнью, энергией, всеми возможными удобствами и услугами, которые мог предоставить мир снаружи. Здесь можно прожить целую жизнь, ни разу не покидая этих стен. Я думаю, что одержимый архитектор специально придумал её как самодостаточный форпост, с целью как можно больше разделить миры внутри и снаружи башни, тем самым отделяя жизнь простых людей и слой сложных механизмов, поддерживающих порядок и мирное существование всех обитателей Системы. В здании насчитывалось невероятное количество этажей, сколько точно – неизвестно даже мне, может, сотня или больше, ведь никто,

кого я знаю, не были выше двадцать пятого этажа и даже не подозревали, что там могло происходить. Всё, что выше, было доступно только узкому кругу высокопоставленных лиц, таких как Хранители или Техники с допуском к ядру Системы. Палачи считались элитой Стражей, но всё же простыми солдатами, оружием в руках тех, кто восседал над нашими головами. Зато я прекрасно знал, что творится здесь, у подножия стеклянного исполина.

Первый этаж был пуст и мрачен, хотя его можно назвать местным обиталищем нашей Марины или даже жилищем, если вспомнить, сколько времени она отдаёт работе. Следующие три этажа похожи на типичные офисные помещения крупных компаний и не отличаются оригинальностью. Они полностью отданы Стражам низшего уровня – Наблюдателям. Там сплошное нагромождение столов, стационарных Консолей и просторных шкафов, а по узким проходам между рабочих мест снуёт огромное количество народа. Целыми днями на этих этажах стоит ужасный, просто невыносимый гвалт. Наблюдатели приходят и уходят, сдают отчёты, о чём-то отчаянно спорят, иногда доходит даже до потасовок и драк, что немудрено, учитывая возраст неопытных сотрудников, а также их отчаянное рвение выслужиться и подняться по карьерной лестнице.

Я не очень любил эти помещения и не мог там долго находиться, а вот выше обстановка менялась кардинально. На пятом, шестом и седьмом этажах располагались кабинеты

Ищеек: просторные проходы, небольшие, но уютные кабинеты за закрытыми дверями, тишина и рабочая атмосфера. Здесь Стражи четвёртого уровня вели свои расследования и распутывали целый клубок хитросплетений, что уготовили для нас Отступники всех видов.

Восьмой и девятый отданы под многочисленные совещательные залы и кафедры для выступлений, а на следующих шести этажах расположились разнообразные технические, инженерные и исследовательские отделы, возглавляемые Техниками различных направлений. Эти пятнадцать этажей и есть основное рабочее ядро нашей службы, куда пускали почти всех, за исключением Наблюдателей, которым разрешалось посещать только свои рабочие пенаты.

Сейчас же на восьмом этаже перед нами предстал небольшой зал с несколькими экстравагантными красными диванчиками у стен. Справа и слева от нас две двери вели в разные лекционные и совещательные комнаты, а прямо по курсу большая двухстворчатая дверь скрывала за собой главный зал для собраний. С потолка разливался ровный и приятный свет, утопая в зеленоватом оттенке местных стен. По замыслу создателей, всё это должно создавать такую умиротворяющую атмосферу, чтобы расслабить человека перед докладом или выступлением, но я что-то весьма сомневался в таком подходе, потому что на меня такая пёстрая комната начинала нагонять тревогу. Хотя, возможно, это из-за пары десятков Ищеек, чьи внимательные взгляды устремились прямо

на нас. Ищейки стояли у входа в главный зал и что-то неторопливо обсуждали, когда мы вышли из лифта, но сразу переключили своё внимание. Похоже, нас уже успели невзлюбить за тяготы долгого ожидания, ведь совещание откладывалось только из-за нашего отсутствия. Увидев нас, они замолчали, укоризненно бросая тяжёлые взгляды, а затем, не стовариваясь, потянулись внутрь главного зала.

Я сделал вид, что мне безразлично такое внимание, и с тревогой обратился к бывшему начальнику, который всё ещё источал крайнее смятение.

– Сергей Геннадьевич, с вами всё хорошо?

– Да куда там, – расплывчато проямлил он и шутливо перевёл тему: – Это всё неважно. Зато смотрите, чего дали!

Икаров поставил чемоданчик на пол и осторожно извлёк из кармана плаща маленькую коробочку, покрытую фиолетовым бархатом. Затем открыл её и продемонстрировал нам круглый золотистый орден «За заслуги перед Системой».

– Ого! – воскликнула Кира. – Какой красивый!

– Поздравляем, – с улыбкой подтвердил я. – Вы заслужили!

– Да, похоже, это единственное, что я заслужил. – Икаров снова помрачнел и грустно посмотрел на орден, а затем захлопнул коробку и поспешно убрал её обратно.

Сергей Геннадьевич снова поднял чемодан и пронзительно посмотрел на Киру, а затем на меня.

– Ещё раз спасибо, ребятки. Я знаю, что вы волнуетесь за

меня, – произнёс Икаров спустя пару секунд раздумий. – Но знайте, я не расстраиваюсь из-за своей отставки. Наоборот, я рад и горд, что прожил долгую жизнь в стенах этого здания. Я многое успел повидать и пережить. Ведь я был счастлив, выполняя свою работу, а это главное. Неважно, чем мне в итоге оплатили за мою верную службу или как отнеслись, мне не о чем жалеть, а всё остальное на совести других людей. Да, я буду скучать по вам, по этому месту и своей работе, но я справлюсь... как всегда справлялся.

Я ничего не ответил, да и не мог на это возразить. Он, безусловно, прав и всегда был. Наверное, только в нашем возрасте тяжело мириться с несправедливостью. Мы всегда стараемся дать сдачи, возмущаемся, обижаемся и кричим в ответ, но с возрастом приходит иное понимание: осознание важности только своих поступков, действий и слов. Каждый сам отвечает за свою жизнь, брошенные на ветер слова, судьбу или счастье, сам куёт свою мечту, и никто не вправе нам мешать на этом пути, тем более когда мы честно это заслужили, отдав сполна свой долг перед обществом. Поэтому я прикусил губу и с согласием кивнул в ответ, а Кира в поддержку погладила Сергея Геннадьевича по плечу.

– Ну ладно, ребята, будем прощаться. Вам нужно спешить, а то с Хранителем шутки плохи, – сказал Икаров и язвительно продолжил: – Ещё и вас заменят... эти могут.

– Чем теперь думаете заняться, Сергей Геннадьевич? – поинтересовался я. – Времени-то теперь свободного о-го-го

сколько будет!

– Честно сказать, даже не знаю. – Икаров сделал робкую попытку улыбнуться, но глаза выдавали всю гамму чувств. – Придумаю что-нибудь, не волнуйтесь. До этого у меня было одно занятие в жизни, единственный смысл. Я никогда не разменивал те крохи свободного времени, что у меня оставались, на бесполезные занятия. А теперь, похоже, придётся искать хобби. Может, начну что-нибудь коллекционировать, например... бесполезные медали.

Бывший глава отдела Стражей совсем помрачнел и даже опустил руку со шляпой, которую он всё это время держал у груди. В этот же момент распахнулись двери второго лифта, и оттуда вышло два человека. Это был тот самый отряд Палачей, кого мы так страстно недолюбливали. Почему? По многим причинам. Крайне одиозные личности, красноречиво озаглавившие свой отряд «Харон», просто сложив первые буквы собственных имён. Первого звали Харви: высокий и грузный тип, широкоплечий и статный, он говорил глубоким басом и вообще производил весьма пугающее впечатление. Такой мог убить одним ударом, даже не используя огнестрельного оружия. Второй – Рон, вполне обычный парень, немного наглый, в меру дерзкий, чем-то напоминал меня, но скорее по росту и внешнему облику.

Видимо, наш негатив исходил из их отношения ко всему: к жизни, смерти, людям. Не зря они называли себя в честь того, кто по мифам и преданиям переправлял души в загроб-

ный мир. Вот и они считали себя этакими проводниками: отключали хладнокровно, с улыбкой на лице, считая своё равнодушие и цинизм большим достижением. Безусловно, в школе Стражей нас учили тому, что Палач должен быть хладнокровным вершителем правосудия, но их отношение я считал совсем уж ненормальным. Не лучшим образом они относились и к живым: вечное их надменное отношение ко всем, в том числе к сослуживцам, постоянные издёвки и подтрунивания, повелительный и приказной тон, пренебрежительное обращение к Наблюдателям стали их визитной карточкой. Стражи низших уровней боялись и сторонились общества Харви и Рона, но их это только заводило.

Но, несмотря на их дурной нрав и массовую к ним неприязнь, нужно отдать должное: какие-то принципы и следы своеобразной чести у них всё ещё оставались. Когда все служащие башни поспешили последовать словам известной поговорки: «С глаз долой – из сердца вон» – и перестали замечать Икарова, то эти двое из отряда «Харон», когда покинули лифт и заметили Сергея Геннадьевича, учтиво кивнули ему головой и пожелали хорошего дня. Это было немного неожиданно и выглядело искренним. На миг я даже поверил, что в них что-то есть, помимо бесконечного злорадства, но постарался как можно скорее прогнать эти мысли прочь. Нам же с Кирой досталось от них только пара ехидных ухмылок, после чего они также проследовали в зал, не проронив больше ни единого слова.

– Им бы гонора поменьше, были бы неплохие ребята, – с теплотой сказал Икаров.

– Ой, сомневаюсь, – засмеялась Кира.

В этот момент дверь слева от нас со скрипом открылась, и в неё вошёл высокий беловолосый и очень статный на вид мужчина средних лет. Он посмотрел на нас, а его глаза приобрели характерный, острый и внимательный прищур, от взгляда его веяло расчётливой строгостью, но он не выглядел злым, скорее деловитым. Губы оказались неестественно поджаты, что выдавало глубокую задумчивость, его явно отягощали внезапно нахлынувшие проблемы. Но в целом внешний вид был весьма специфическим. Чёрные лакированные ботинки сияли напыщенной важностью своего хозяина, а серые трубочатые брюки, гладко выглаженные, чистые, идеально подогнанные под рост мужчины, ещё больше подчёркивали в нём важную шишку, офисного обитателя, никогда не покидавшего своё логово и не любившего марать руки по пустякам. В брюки заправлялась лощёная серо-зелёная рубашка, аккуратно застёгнутая на все пуговицы, а поверх неё виднелись крепко натянутые подтяжки, удерживающие штаны, но зачем они нужны, не смог бы ответить даже сам хозяин. Возможно, это всего лишь вычурный элемент униформы, ведь даже без них брюки сидели как влитые. Через руку мужчины был перекинут длинный плащ, который он вряд ли когда-нибудь надевал, скорее тот также числился ещё одним элементом профессиональной формы. Но всё это произво-

дило странный магический эффект: его уверенность, глубокий и проникновенный взгляд внушали неизменный трепет каждому, кто оказывался перед ним. Со всей этой тёмной и тоскливой гаммой в одежде сильно контрастировали волосы сияюще-белого цвета, чуть удлинённые, но не скрывающие этого внимательного прищуря, направленного сейчас прямо в мою сторону. Эта таинственная причуда в изменении цвета волос – главная отличительная черта Стражей второго уровня – Хранителей.

Да, это был он, наш новый начальник, повелитель и господин. Изредка Хранителей ещё величали высшими Стражами – элитная когорта воинов, а также личная охрана Верховного Стража. Их всего трое, но их считают лучшими воинами. Смелые и бесстрашные, умные и сильные, прекрасно владеющие любым холодным оружием, способные выстоять в одиночку против целой армии и остаться в живых, а уж в точности владения огнестрельным оружием им вообще нет равных. Возможно, это всего-навсего местные городские байки, глупые легенды, призванные внушать страх и трепет перед ними, но проверить истинность этих слов никто не решился. Высшие Стражи редко покидали верхние этажи башни, несли там круглосуточную охрану Верховного Стража и всех секретов, что хранила эта цитадель порядка.

Покинуть свой пост и спуститься они могли только в экстренных случаях, который, по всей видимости, настал, если Верховный Страж решил отправить одного из них руково-

дить нашим отделом. К слову, о нём. В отличие от Хранителей, кого хоть раз в жизни мог лицезреть каждый, Верховного Стража первого и самого высокого уровня не видел никто из тех, кого я знаю. С ним имела право разговаривать только его личная охрана: три человека из всей Системы. Он вёл жизнь затворника на самом верху башни. Оттуда он следил за Системой, руководил по мере сил и возможностей, корректировал курс наших действий, но иногда нам казалось, что вся его активная деятельность началась и сразу закончилась после написания свода законов Системы. Некоторые предполагали, что это вовсе обычный дряхлый старикашка, чью жизнь насильно поддерживают много лет. Ведь если верить слухам, то Верховный Страж ни разу не сменялся за всё время существования Системы, а это уже несколько поколений людей. Другие, наоборот, склонны впадать в конспирологию, строить теории заговора, высказывать догадки о лживой натуре самих Хранителей и что они де-факто правят Системой от имени давно умершего Верховного Стража. Но, увы, проверить это также никто не мог.

К сожалению, Хранитель, что вышел к нам, мало походил на героев местных легенд, скорее на типичного клерка из местной коллекции офисного планктона. Трудно поверить, что человек с такой кричащей аристократичной внешностью мог хоть как-то соответствовать закреплённому за ним имиджу. Но всё же, стоит признать, его строгий и холодный взгляд пробирал до самых костей.

В помещении повисла неловкая тишина, пока Хранитель стоял на выходе из боковой комнаты и внимательно изучал трёх человек, замерших в страхе у лифта.

– Икаров, – сухо начал он. – Почему вы ещё здесь? Вам велено покинуть это здание ещё час назад. Здесь могут находиться только сотрудники службы Стражей. Ваш статус аннулирован.

Меня поразило, как были произнесены эти слова. В его голосе не чувствовалось ни грамма сарказма, злости или надменности – обычный спокойный тон, немного дипломатичный и отстранённый. Его речь текла плавно и размеренно. Слова показались мне слегка оскорбительными, но он произносил их с таким хладнокровием, всем своим видом говоря: «Извините, но это правило». Я хотел обидеться на его резкий тон, честно хотел, но не смог.

– Я уже уйду, господин Страж, только попрощаюсь с ребятами, – покорно ответил Икаров.

Хранитель молча перевёл взгляд на нас.

– А, «Феникс», наконец-то! Быстро в зал! Мы и так уже на порядок отстали от графика, – скомандовал высший Страж, затем перехватил свой плащ и быстро прошёл в центральные двери.

Мы были готовы ко всему в это странное утро: крику, ругани и язвительным выражениям, даже к долгому брюзжанию за наше опоздание, а в итоге Хранитель оказался совсем не таким, как мы себе представляли. Приятный бари-

тон и назидательные, но эмоционально участливые слова, как у доброго, но строгого учителя, сильно контрастировали с нашими предубеждениями.

– Ладно, ребятки, бегите, а я пойду к выходу. До встречи, Стил, – почти прошептал Икаров и обнял меня, а затем Киру. – До встречи, Кирочка!

– До встречи, Сергей Геннадьевич!

– Берегите себя, – грустно добавила напарница.

После чего бывший начальник аккуратно надел на себя шляпу, взял в другую руку сумку и нажал на кнопку вызова лифта, а мы быстрым шагом двинулись к двустворчатым дверям.

* * *

Главный совещательный зал был весьма большим и просторным, с ярким освещением и отличной акустикой. Стены были покрашены в приятный кремовый оттенок, а одну из них, правую от входа, заменял стеклянный фасад здания, откуда пробивался тусклый свет пасмурного дня. Город за окном бурно кипел жизнью, даже не подозревая о том, что сейчас происходит за зеркальной стеной грозной башни в самом его центре. На другом конце помещения виднелась небольшая возвышенность, где находился обычный письменный стол, стул, а с правой стороны – кафедра для выступлений. Несмотря на торжество технологий, по цен-

тру своеобразной сцены располагалась обычная белая доска с кучей прикрепленных на неё фотографий, документов, непонятных схем и рисунков. Вокруг места для выступлений полукругом расставили ряды кресел, уходившие волнами по всему помещению, из которых занятыми оказались не больше половины. Хотя этот зал никогда не видел слушателей больше, ведь контингент служащих, допускаемый на этот этаж, был сильно ограничен. По моим наблюдениям, здесь собрался весь отдел Ищеек, значительно потерявший со смертью Дмитрия, отряды Палачей и большая часть руководящего состава Техников. Подобный разношёрстный состав участников и назначение самого Хранителя не сулили ничего хорошего.

Когда мы вошли в зал, все стояли около своих мест, приветствуя проследовавшего перед нами Хранителя, который уже занял своё место за кафедрой и теперь осматривал присутствующих.

– Замечательно, наконец-то все в сборе, можно начинать, – очень спокойно произнёс он со сцены, а затем обратился к нам: – «Феникс», займите ваше место.

При этом его слова прозвучали неожиданно громко, раскатами грома расходясь по всему залу. Это чудесная особенность местной трибуны, придуманная одним из Техников башни уже очень давно. Голоса всех, кто ступал на эту сцену, автоматически усиливались, создавая эффект работающего микрофона. Поначалу это немного пугало, но в нашем мире

ко всему привыкаешь слишком быстро.

Хранитель требовательно, но вежливо указал на свободные места в первом ряду, любезно оставленные лично для нас. Мы прошли по дорожке между кресел и встали около своих мест, как раз рядом с Харви и Роном. Высоченный Харви посмотрел на меня сверху вниз и жеманно оскалился.

– Отлично! – воскликнул Хранитель. – И раз уж мы всё равно стоим, давайте почтим память нашего сослуживца Дмитрия Сахарова, погибшего сегодня по собственной глупости и неосмотрительности. Пусть это послужит нам всем хорошим уроком. Прошу минуту молчания...

От подобной бестактности я даже подпрыгнул на месте и поймал пару смущённых взглядов от других коллег, но все предпочли промолчать и сделали вид, что ничего не заметили.

– Хорошо, спасибо, присаживайтесь. Давайте для начала познакомимся со всеми. Зовите меня Вергилий, и в ближайшее время именно я буду вашим проводником через весь тот ад, что творится в нашей Системе. Вы прекрасно знаете, кто я и почему здесь нахожусь, а также должны осознавать, что это приведёт к коренным изменениям в вашей работе и ситуации в целом. Я был назначен на эту должность не просто так. Хранителям поручают вмешиваться в дела рядовых Стражей только в самый критический и важный момент. И он наступил!

Вергилий сделал долгую паузу и медленно обвёл взглядом

всю аудиторию. В присутствии высшего Стража некоторые боялись даже дышать.

– В Систему пришли тяжёлые времена, – продолжил он, – она стонет, умирает под натиском многочисленных врагов. Они хитры, коварны и многочисленны. Наша служба уже не справляется с таким напором проблем, что смертельно опасно для нас всех, и с этим нужно что-то делать. Иначе... иначе всё, за что мы боролись и ради чего жили, всё, что построили и любили, будет разрушено, а крохотные остатки человечества снова окунутся в хаос, который непременно приведёт к их окончательному истреблению. Мы не должны этого допустить, и поэтому я здесь. Только осознавая всю важность возложенной на меня миссии и всю глубину проблем, я согласился лично возглавить отдел Стражей и сделаю всё, что от меня потребуется, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Сейчас я повторяю то, что уже говорил сегодня утром. Икаров – хороший человек и, безусловно, был отличным руководителем. Мы не жалеем, что назначили его когда-то на эту должность, и, говоря «мы», я выступаю от лица всех Хранителей и Верховного Стража. Икаров честью и правдой служил нашей Системе долгое время, но само это время безжалостно ко всем. Оно бросило вызов, с которым он не смог справиться, но, несмотря на это, Икаров останется в нашей памяти великим человеком.

«Не такой уж он и гад», – подумал я.

– Итак, мы столкнулись с серьёзной проблемой, и даже

не с одной. Чтобы победить врага, его нужно познать, найти слабости, отрезать голову и испепелить тело. На данный момент известны две ключевые угрозы: Призраки и Кукловоды. Для начала попробуем резюмировать всё, что мы знаем о них, чтобы все присутствующие могли чётко и всесторонне оценить масштаб нависшей опасности. Плотников, прошу вас! – Вергилий кивнул кому-то в зал, а сам уселся за стоящий на сцене стол.

Из задних рядов поднялся очень молодой Техник в белом халате с взъерошенными волосами и испуганным взглядом. В руках он сжимал увесистую кипу документов и торопливо пробирался к сцене. Добравшись до кафедры, он водрузил на неё бумаги и начал суетливо их перебирать.

– Здравствуйте, многие меня, наверное, знают, я Константин Плотников, старший Техник отдела исследований и разработок, а также руководитель отдела чипования. П-простите, я немного волнуюсь, не привык вот так... – Последнее обращение он направил в сторону Хранителя, при этом его голос сильно дрожал, но звучал также громогласно.

В зале кто-то насмешливо фыркнул.

– Продолжайте, Константин, – безразлично настаивал Вергилий.

– Хорошо, хочу поделиться с вами всем, что удалось собрать нашим отделом за это время. Начнём с... – Он отчаянно зашуршал бумагами. – С Призраков. С ними всё намного проще, это просто люди, потерявшие связь с Системой,

ставшие изгоями общества, добровольно обрѣкшие себя на такое вот... довольно жалкое существование. Каждый из них однажды преступил закон и должен был понести заслуженное наказание, но им удалось уйти от системы правосудия, сбежать от Палачей и затем удалить свой чип.

– А это возможно? – уточнил Хранитель.

– Оказалось, что в-возможно. Без специального оборудования это тяжело сделать, но при наличии нужных знаний... В любом случае, удалив чипы, они потеряли свои маячки в нашем мире, теперь это просто сгустки мыслительной энергии, затерянной в бесконечном потоке данных. У них нет прав, они ничего не могут сделать без чипа Консоли. Их виртуальный образ моментально разрушится после смертельного воздействия на него и после гибели мозга. Извлечение чипа – это очень... очень опасное и рискованное занятие, к тому же необычайно сложное. Как я и сказал, на это нужны недюжинные умственные и технические способности. Нам удалось поймать и завербовать одного взломщика, обладающего такими навыками, и склонить к сотрудничеству. Теперь он сдаёт нам Отступников, обратившихся к нему за помощью и желающих скрыться от правосудия, но, к сожалению, этого слишком мало. Существует большая вероятность, что таких специалистов несколько, и выявить остальных пока не удалось.

– Хм, это довольно интересно, – задумчиво изрёк Вергилий. – Константин, передайте мне потом информацию по

этому, как вы выразились, специалисту.

– Д-да, конечно! Вот, у меня с собой. – Плотников быстро выудил один листок из кучи и протянул его.

Хранитель положил его перед собой, изучил беглым взглядом и постучал по нему пальцами, привлекая внимание Константина.

– Так вы говорите, что этот... – Вергилий посмотрел в листок. – Максим Ветров теперь работает на нас? Вы доверяете этому Отступнику?

– П-приходится. – Плотников развёл руками. – Он нам сильно помог в последнее время, активно сотрудничал и не давал поводов усомниться в себе. К тому же мы следим за ним. Не думаю, что он предаст нас.

– Пусть только попробует, – сквозь зубы процедил Рон рядом со мной, но так, чтобы все услышали.

Вергилий сделал вид, что не заметил этого высказывания.

– Хорошо, Константин, я вас отвлёл, продолжайте.

– Так вот, мы считаем, что подобных специалистов несколько, и из-за них численность Призраков значительно выросла за последнее время. Но один вопрос остаётся загадкой: где вся эта масса может прятаться? В Системе не так много мест, где можно остаться незамеченным, но наши поиски не привели к ощутимым результатам, а все пойманные живьём Призраки отказались что-либо говорить. Поэтому нужно найти убежище Призраков и срочно! Если раньше они старались вести себя как можно тише, прятались, то

сейчас заметно поменяли тактику. Мы предполагаем, что у них появился лидер и налицо все признаки строгой самоорганизации. В последнее время всё чаще проводятся спланированные атаки на ключевые пункты и узлы Системы, также есть подозрение о подготовке массовой диверсии.

– Диверсии? – Хранитель оживился и уселся поудобнее.

– Да, но мы не знаем какой. Не так давно, буквально на прошлой неделе, была предпринята попытка прорваться в «Центр техобслуживания и чипования населения» на улице Каскадной. Как нам удалось выяснить, их целью были так называемые ноль-чипы, то есть пустые чипы, подготовленные для установки людям. Зачем Призракам то, от чего они так яростно хотели избавиться, не совсем понятно. Авторизовать их они всё равно не смогут, для этого им придётся прорваться к нам в башню...

Плотников осёкся и испуганно посмотрел на слушателей, как будто сказал что-то лишнее. По залу пронёсся взволнованный ропот.

– Но, как сказал Константин, это глупо и странно, они явно преследуют какие-то иные цели, – холодно успокоил всех Хранитель. – К тому же это настоящее сумасшествие – нападать на башню. Неважно, сколько их, – дальше первого этажа они никогда не пройдут, это чистое самоубийство. А мы знаем точно, хоть они и Отступники, но явно не дураки... Плотников, продолжайте!

– Д-да, спасибо. Как я и сказал, их целью были ноль-чипы,

но, к несчастью для Отступников, в тот день там случайно оказался Палач Зет для диагностики своей Консоли. Обычно мы не обслуживаем Стражей в гражданских центрах, поэтому Отступники явно не ожидали встретить такую преграду на своём пути. Атаку удалось отбить. Но будьте уверены: они вернуться за тем, что им нужно. Сейчас они ещё испытывают трудности с организацией и ресурсами, и это наш шанс как можно скорее найти их убежище и нанести удар, пока их банда окончательно не окрепла и не превратилась в грозную силу. У нас катастрофически не хватает людей и возможностей защитить все стратегически важные объекты. Стражей слишком мало, мы не готовы к масштабным нападениям, и они это скоро поймут. Всё, что мы можем, – это немного усилить охрану, привлекая для этого Наблюдателей. Некоторым пришлось даже выдать оружие, что немыслимо по нашим меркам, но обстоятельства кричат об опасности. В-вот, это что касается Призраков...

– Резюмирую, – начал с места Хранитель. – На текущий момент над Системой нависла самая серьёзная угроза за всё время нашего существования. Перед нами организованная банда из самых отчаянных головорезов и бандитов, кому удалось избежать наказания. Они осознанно отсекли себя от общества, и теперь они никто, лишний информационный мусор, который следует немедленно убрать, пока он не пожрал собой всё, что мы знаем. Также мы уверены, что последуют новые атаки на наши центры, нужно быть готовыми.

Сделайте всё, чтобы оградить людей от такого потрясения, найдите Отступников прежде, чем они нанесут новый удар! Переверните все подвалы, закоулки, переверните весь город вверх дном – что угодно, но Призраки должны быть уничтожены как можно скорее! «Харон»?

– Да, господин Хранитель? – отозвались хором двое рядом со мной.

– Возьмите это дело под свой личный контроль, используйте любые ресурсы башни, а также в вашем распоряжении весь штат Ищеек и Наблюдателей. Результат должен быть в ближайшее время!

– Есть! – проревел Харви.

– Отлично, – удовлетворённо ответил Вергилий. – Плотников, что у нас дальше?

Юноша встрепенулся, облизал высохшие после доклада губы и нервно начал перебирать гору документов, при этом неразборчиво бормоча что-то себе под нос. Спустя некоторое время он просветлел, аккуратно подровнял перед собой стопку бумаг и демонстративно закричал, привлекая внимание.

– Вторая проблема не менее серьёзная, а может, даже более. К тому же весьма загадочная и таинственная. Весь наш технический отдел теряется в догадках о природе этого явления...

– Плотников, ближе к делу! – грубо прервал его Вергилий.

– Д-да, простите, конечно же, я говорю о Кукловодах.

В зале прокатился новый гул оживления, а некоторые присутствующие энергично закивали головами и стали перешёптываться.

– Уверен, вы уже немало о них наслышаны, – перекрикивая, продолжил Плотников. – И каждый, разумеется, имеет свою точку зрения на это явление: от научной до совсем уж абсурдной и мистической. Но попробуем отбросить все предрассудки и начнём оценивать всё здраво. Как сказал господин Хранитель, чтобы побороть врага, нужно знать его в лицо, но для этого мы должны ответить себе на множество вопросов. Что их породило, кто они на самом деле? Попробуем разобраться вместе. Так что же мы знаем о Кукловодах?

Зал окутала тишина, в которой я смог услышать, как поскрипывает стул под Хранителем. Все неуверенно посматривали друг на друга, но никто не решился ответить, и тогда Константин снова заговорил:

– Почему мы их так прозвали? Хорошо, давайте я попробую рассказать, как всё начиналось, может, не все в курсе происходящего. Где-то пару месяцев назад в центре города мы поймали и отключили одного мужчину средних лет за то, что он пытался проникнуть в центр коррекции образа. Его заметил местный Техник, задержавшийся на рабочем месте. Он пытался остановить нарушителя, за что был жестоко убит. Хорошо, что он успел включить тревогу, как только заметил что-то неладное. До того как Отступник успел скрыться, на место прибыл наш Палач и отключил его. По-

моему, это снова были вы, «Зета»?

Плотников посмотрел куда-то в угол зала и замолчал. Только сейчас я заметил, что там, с самого края, сидел угрюмый мужчина с печально опущенной головой. Его лицо было начисто лишено эмоций и источало некое подавленное безразличие, зато эту обитель скорби обрамляла густая и аккуратно обстриженная борода. Я не знал, сколько ему лет, и всегда боялся спросить, но проступившая седина в волосах и бороде выдавала в нём умудрённого годами Стража. Это был третий и последний отряд Палачей, а точнее, он состоял всего из одного человека: мрачного, неразговорчивого и немного странного. Его имя тоже было вполне необычное и происходило от названия отряда – Зет. Он сидел тихо, уставившись в пол, и не обращал ни на кого внимания, неторопливо теребя уголок своей потёртой куртки.

Плотников смутился, что его вопрос проигнорировали, недовольно поморщился и продолжил:

– В общем, чип был извлечён и доставлен к нам на анализ. Но вот что интересно...

Плотников снова замолк, подошёл к доске и ткнул рукой в одну из фотографий, где был изображён молодой мужчина весьма приятной внешности и с очень доброй улыбкой.

– Знакомьтесь, Меренский Павел Иванович – примерный отец и семьянин, а ещё лучший сотрудник в фирме «Роялти»! У него двое детей, красавица-жена, высокий и стабильный заработок – просто невероятно счастливый и удач-

ливый человек. Б-был... В его жизни было всё, о чём мог мечтать любой нормальный житель нашего города. По отзывам знакомых, он был невероятно добрым и отзывчивым человеком, отличным собеседником с прекрасным чувством юмора. За всю свою жизнь он не дал ни единого повода сомневаться в своей безупречной репутации. Вероятно, он даже дорогу переходил только на зелёный свет. Невероятно, не правда ли? Святой человек... Зачем я всё это рассказываю? Чтобы вы поняли, кем он был, и смогли составить для себя определённый личностный портрет, а потом сопоставить с тем, что я говорил ранее.

Плотников выдержал небольшую паузу.

– Два месяца назад Меренский, дождавшись темноты, взломал дверь центра коррекции образа, украл дорогостоящее оборудование, но не успел с ним покинуть помещение, как оказался застигнут врасплох одним из сотрудников. Меренский, до этого не обижавший даже навозных мух, достал нож и нанёс около пятнадцати колотых ранений пострадавшему в живот и после чего перерезал ему горло. А дальше спокойно попытался покинуть помещение, где и был застигнут прибывшим на место Палачом. Попытка оказать сопротивление привела к отключению Отступника. Какой мы можем сделать вывод из всего этого? Как может взрослый человек так резко измениться, если на то не было никаких предпосылок? Надо признать, что это несколько озадачило весь наш отдел. Но так бы всё и закончилось на удивлён-

ных перешёптываниях среди Техников, если бы этот случай оказался единственным. Неделей позже некто Привалов, – Плотников ткнул пальцем в фотографию другого молодого мужчины, – забил до смерти одного из наших Наблюдателей, жестоко, причём стальной арматурой. На том парне живого места не осталось, а ему всего-то стукнуло девятнадцать лет, только-только заступил на своё первое дежурство. Через день Привалов убил ещё одного Наблюдателя, почерк тот же, но в этот раз ему не удалось уйти, он был задержан и отключён. Анализ его чипа вновь привёл в замешательство весь наш отдел и заставил вспомнить о случае с Меренским, который уже успели назвать исключительным. Привалов оказался не менее законопослушным и верным гражданином нашего общества. До того момента. Работа, семья, отличные рекомендации, отсутствие каких-либо нарушений и подозрений – всё, как всегда, пока в один момент они просто не сходят с ума...

– А что на это говорили их семьи? – перебил кто-то с задних рядов.

– Хороший вопрос. П-правильный. Семьи также пребывали в полном недоумении и отчаянии, обвиняли нас в подлоге и в клевете, отказывались верить в случившееся, говорили, что их мужья, братья и отцы, самые лучшие на свете, и прочее, и прочее. Ничего конкретного и внятного они сообщить не смогли, скорее, ещё больше вгоняли нас в ступор и непонимание. Кроме одного случая, который натолкнул нас

на интересные размышления.

Плотников закашлялся: от длинного монолога его горло изрядно высохло. Он перевёл дыхание, вернулся к кафедре, достал откуда-то из-под неё стакан с водой, сделал пару глотков и вновь обратился к залу:

– Некоторое время спустя произошло дерзкое нападение на грузовик, перевозивший ценное и сложное техническое оборудование для нашей башни, вы должны помнить тот случай. Два человека в масках вытащили водителя из кабины, пока машина стояла на светофоре, а затем на глазах у всех жестоко зарезали его ножами и угнали грузовик. В соседнем районе автомобиль был успешно перехвачен, один из нападавших отключён, второму удалось скрыться, и, к слову говоря, он не найден до сих пор. Но Отступник поведал нам много нового. Точнее, не совсем он. Его чип тщательно изучили, но, увы, биография снова оказалась безупречной – ни единой зацепки. Зато при допросе его жена раскрыла интересные сведения. Оказывается, она заметила, как её муж связался с каким-то странным человеком, стал часто и надолго уходить из дома, начал с холодом к ней относиться. И однажды на свой закономерный вопрос о том, что происходит, получила странный ответ. Он накричал на неё, сказал, что он не её муж, а его уже давно нет в живых, а потом, испугавшись своих же слов, начал угрожать ей убийством, если она проговорится об этом Стражам. После этого разговора он ушёл из дома и больше не возвращался, а через три дня

вместе с неизвестным поделщиком он совершает нападение на грузовик.

Плотников сделал небольшую паузу, чтобы сидящие в зале переварили услышанное, и спросил:

– Как вы думаете, о чём этот случай может свидетельствовать?

Аудитория загудела, перешёптываясь между собой.

– Может, они сошли с ума? – робко спросил кто-то.

– Они заболели...

– Я думаю, это сговор, или их обманули...

Люди наперебой предлагали различные варианты. Над одними смеялись, другие серьёзно обсуждали, третьи принимали с явным скепсисом. Вергилий не вмешивался в ход дискуссии, только задумчиво и встревожено потирал пальцами подбородок, всматриваясь в фотографии на доске.

Это продолжалось до тех пор, пока Кира не сделала смелое предположение:

– Одержимые?

– Правильно! – обрадовался Плотников, показывая рукой на мою напарницу. – Она права! Впрочем, вы все правы. Мы выдвигали в точности такие же теории, отсекали лишние и добавляли другие с появлением новых данных. Теперь вы каждый день используете термин «Кукловоды», принятый в нашем отделе, но не удосужились даже задуматься, откуда он появился. Ведь на то были свои причины. Одержимые? Да. Больные? Возможно. Мы не смогли до конца понять причи-

ны их «одержимости». Единственное, на чём наш отдел сошёлся во мнении, что на момент совершения преступлений эти люди уже не были самими собой.

– Поясните, – Вергилий снова внимательно прищурился.

– Это с-сложно объяснить, господин Хранитель. С каждым днём число обнаруженных Кукловодов только растёт, вместе с тем появляется всё больше материалов для исследований. Мы постепенно отсекали вариант за вариантом, пока не остался только один. – Плотников почесал в затылке. – Личности этих людей похищают: их виртуальный образ, жизнь, их тело теперь находятся под контролем других людей. Вы можете спросить: «Как это возможно, как можно полностью подчинить себе человека?» Это интересный вопрос, который мы тоже себе задавали. Мы думаем, что злоумышленники нашли способ перехватывать сигнал, идущий от мозга человека к его виртуальному образу, чтобы потом подменять его своим. Они полностью замещают сознание жертвы на своё. Что при этом происходит с вытесненным разумом, мы не знаем, возможно, он просто погибает или на время отключается, а может, полностью выбрасывается из Системы, нам не удалось это выяснить. К сожалению, связи с внешним миром до сих пор нет.

Зал взбудоражено загудел.

– Разве это возможно? – холодно спросил Хранитель.

– Н-наверное, – растерянно ответил Плотников. – Это единственное разумное объяснение, которое нам удалось вы-

вести из всех имеющихся фактов. Нам неизвестно как они это делают. Может, где-то в Системе у них есть целый комплекс по перехвату сигналов, а значит, это огромная дыра в безопасности, угрожающая всем нам. Но для этого им бы понадобилось оборудование, по мощности не уступающее нашему. Если это так, то каждый из нас может стать жертвой Кукловода в любой момент, может быть, даже здесь и сейчас...

– Плотников, я попросил бы вас не делать поспешных выводов и не вносить разлад, сейчас он нужен меньше всего, – строго прервал его Хранитель.

– Простите, подобные мысли не дают мне покоя, но такая угроза действительно существует. Если им удастся проникнуть в персонал башни, последствия могут быть катастрофическими.

– И всё же это только предположения, держите их пока при себе. Это же касается всех присутствующих. Ничего из сказанного здесь не должно выйти за пределы этих стен. Надеюсь, это всем понятно?

Зал замер в молчаливом беспокойстве и ничего не ответил. Не дождавшись реакции, Вергилий снова обратился к выступающему:

– Плотников, почему от действий Кукловодов страдают только законопослушные и хорошие люди?

– Я н-не сказал, что страдают только хорошие люди. Нам достоверно неизвестно, сколько сейчас образов людей захва-

чено злоумышленниками. Дело в том, что на контрасте поведения примерных граждан легко отличить и отследить изменения их личности. Скорее всего, Кукловоды захватывают всех без разбора, или до кого удаётся дотянуться их машинам. На хаотичных и менее порядочных элементах изменения будут не так заметны. Из всего этого очевидно, что группировка Отступников, которая занимается похищением чужих образов, очень хорошо организована, обеспечена, оснащена первоклассной техникой и технологиями, а также в ней есть отличные программисты. Как думаете, такая сложная организация может быть без сильного лидера? П-правильно, не может. А посему...

Плотников с довольным видом вновь подошёл к доске и указал на одну из самых больших фотографий, сделанную на камеру наружного наблюдения. На ней запечатлён мужчина в длинном чёрном плаще и натянутом на глаза капюшоне, из-за чего его лицо оказалось полностью скрыто от вездесущего ока.

– Знакомьтесь, наш таинственный незнакомец, ключевая фигура во всём этом деле. Его личность до сих пор не удалось установить, но мы ведём активную работу в этом направлении. Его удалось заметить или опознать во многих местах, где случались нападения Кукловодов. Он редко самостоятельно участвует в преступлениях, в основном держится в тени, но всегда координирует и следит. Мы уверены в этом. Он постоянно попадает под объективы наших камер и на глаза

очевидцев, будто хочет быть замеченным, но его лицо всегда скрыто под капюшоном. Судя по описанию, именно он был тем странным знакомым, что увёл из семьи законопослушного мужа, позже напавшего на грузовик. Существует вероятность, что именно он выбирает будущих жертв похищения образов и лично причастен к появлению новых Кукловодов. Присмотритесь к нему, это цель номер один, наш таинственный дирижёр! Мы называли его Кукольник. До выяснения личности Отступника это прозвище будет его идентификатором. В-вот...

Плотников замолчал, всем своим видом давая понять, что закончил выступление, и теперь стоял с невинным лицом, перебирая бумажки за кафедрой.

– «Феникс»? – внезапно окликнул нас Вергилий.

Я в это время задумался над словами Плотникова и не заметил слов Хранителя, но Кира со всей силы ударила меня в бок локтем, и я вскочил как ошпаренный.

– Да, я здесь! – вскрикнул я от неожиданности.

– «Феникс», насколько я знаю, вы были на задании сегодня утром, на Южной улице, не так ли?

– Так точно, господин Хранитель!

– Расскажите всем, я думаю, это будет интересно.

Я почувствовал, как мигом пересохло в горле, и появилась лёгкая нервозность. Я же Страж, более того, я Палач, моё призвание быть сильным, стойким и непоколебимым. Я видел боль и страх, навсегда застывший в остекленевших гла-

зах Отступников, видел муки раскаяния и бессильную злобу умирающих от моих рук людей. Каждый день я смотрю в глаза смерти, бесстрашно, спокойно, и вижу лишь отражение себя самого, свою душу, застывшую в объятиях бесчувственного льда. Но сейчас я впервые почувствовал себя не в своей тарелке, будто чужим. Сотня пытливых глаз неумолимо сверлила мне затылок, а люди, застывшие в ожидании, породили настолько гнетущую тишину, что она сдавила мне грудь, я задыхался. Нас учили быть незаметными и тихими, смертоносным мечом, что разит из темноты. Это путь одиночества и саморазрушения во имя всеобщего блага, это единственный смысл наших жизней и возможное их течение. Всеобщее внимание, внезапный свет, пролившийся над моей головой, обжигают и причиняют боль, это смертоносный яд, ускоряющий саморазрушение.

Я заставил себя собраться, мысли в голове смешивались, растекались, сливаясь в тяжёлый и неприятный шум в ушах. Кира почувствовала эту неловкую паузу и незаметно пнула меня по ноге.

– По прибытии на улицу Южную в доме номер двадцать семь было обнаружено четверо Отступников, – начал я, придавая своему голосу как можно больше уверенности. – Мы оценили степень опасности, и, учитывая вооружённое сопротивление, отключили Отступников от Системы, а чипы изъяли.

– Вы уже сдали чипы? – поинтересовался Хранитель.

– Нет, ещё не успели.

– Тогда сдайте их сейчас. Плотников, у вас считывающее устройство с собой?

Старший Техник, увлечённый своими записями, встревоженно поднял голову.

– А? Да-да, конечно, оно у меня всегда с собой, – ответил он и похлопал по небольшому продолговатому предмету у себя на поясе.

Я достал свой трофейный чип, затем забрал такой же у Киры и передал их Плотникову.

– Учитывая, что Отступников было четверо, а чипа всего два, то самое интересное вы забыли упомянуть? – хитро и внимательно взглянув, спросил меня Хранитель.

– Ах да, простите, забыл сказать, что двое из отключённых оказались Призраками.

– Вот это как раз интересно! Плотников, развеите мои сомнения?

Техник возился с чипами, попеременно вставляя их в устройство, а потом что-то внимательно изучал в появившемся окне Консоли.

– С-сейчас... сейчас, секундочку... ага, вот. Так мы и думали – похоже, снова Кукловоды. По крайней мере, у одного из отключённых отличная биография. Это точно они. Другие Техники подтвердят, я уверен.

– Хм, Призраки и Кукловоды, так я и думал, это очень настораживает, – задумался Вергилий.

– Вероятно, у них была запланированная встреча, – констатировал я. – Что конкретно они обсуждали, нам не удалось выяснить, но один из них пригрозил нам скорой смертью. Похоже на заговор...

Хранитель озадаченно хмыкнул.

– Плотников, а ведь это не в первый раз?

– Да, господин Хранитель, похожие встречи между Призраками и Кукловодами были замечены уже неоднократно.

– Хм, возможно, «Феникс» прав, они действительно что-то замышляют. Если две главные угрозы Системы объединятся... Нужно срочно выяснить, что они затевают! «Феникс», это будет вашей задачей. Помогите нашим Ищейкам, выясните, что замышляют Кукловоды, где прячутся и кто этот загадочный Кукольник, в общем, всё, что поможет их остановить. В вашем распоряжении также все ресурсы Стражей.

– Принято, господин Хранитель!

– Сядьте вы уже, наконец, на место. И ещё, что у вас за внешний вид? Побрейтесь немедленно и, вообще, приведите себя в порядок. Не позорьте гордое имя Стража. Вы же Палач, вы должны внушать страх и уважение людям.

Позади меня раздалось довольное похрюкивание Харви, которого это изрядно насмешило. Я пристыжено и молча согласился с этим и поспешил занять своё место.

Харви нагнулся к моему уху и прошептал:

– Как всегда, девчонкам самые интересные задания!

Я повернулся к нему, поймал его победный оскал и издевательски вздохнул:

– Ага, даже я вам завидую.

Харви злобно и надменно посмотрел на меня, но промолчал. Собрание между тем продолжилось. Плотников ушёл на своё место и его сменил какой-то пожилой Техник в белом халате, который долго и обстоятельно рассказывал о психологии Отступников и о том, как с ними бороться, но я уже не слушал, моё внимание вновь было приковано к Зету. Он всё также безучастно сидел в одной позе и нервно теребил уголок своей куртки. Его совсем не интересовало то, что происходит на собрании, и всем своим видом он показывал, как мечтает поскорее сбежать из этого зала. Я мог понять его чувства. Среди сослуживцев ходило множество всевозможных слухов и баек об отряде «Зета» и о нём самом. История его жизни постоянно обрастала всё новыми и более экзотическими подробностями, и уже невозможно понять, где заканчивается правда и начинается вымысел. При этом самого Зета никто не решался спросить.

Мне тоже известно немного: всё те же истории, переходящие из уст в уста. Изначально в отряде «Зета» состояло два брата, слишком рано познавших боль утраты. Их родители погибли от рук Отступников, когда они были ещё детьми, и сирот решили отдать на попечение школы Стражей. Для них это было лучшее место. Братья хотели найти и покарать убийц, жаждали мести и справедливости, жили одной меч-

той – стать однажды Палачами и найти тех негодяев, кто разрушил их жизни. Иногда злость – это лучшая мотивация, особенно когда она направлена в нужное русло. Они стали лучшими учениками, всегда поддерживали друг друга, в совершенстве овладели искусством боя и вскоре добились того, чего желали больше всего на свете. Они стали Палачами. Но, как и все Стражи третьего уровня, они должны были пройти процедуру Отречения, стать людьми иного качества, забыть все чувства и эмоции, отринуть все тяготящие их связи прошлого и жить только одним – служением людям и Системе. Им пришлось пойти на этот шаг. В результате они забыли своё прошлое и своих родителей, хотя, скорее, не их самих, а ту боль, что стала единственным смыслом жизни двух братьев. После этого они знали и помнили только одно: они верные защитники Системы и всем сердцем желают порядка и справедливости в нашем лучшем мире, но теперь забыли почему. Красивая сказка, но не со счастливым концом.

Братьев назначили в один отряд, который они назвали «Зета». Один из них стал Зет-старший, а другой Зет-младший. Странное название, но, возможно, в нём заложен некий потаённый смысл. Они провели множество успешных операций, считались одними из лучших Палачей, гордостью нашей службы, пока однажды не произошла трагическая случайность. Много слухов и домыслов ходят о том, что случилось на самом деле, но неизменно лишь одно: младший из братьев «Зета» был убит, причём пал он не от рук Отступ-

ника, а самого Хранителя. Кто виноват и что случилось в тот день между Палачом и Хранителем, никто не знает до сих пор. Сам Зет-старший после этого стал нелюдим, угрюм и немногословен. Он избегал общения и компаний, постоянно отказывался от предложений взять другого напарника, предпочитая с тех событий работать в одиночестве. Но самое главное, после смерти своего брата Зет возненавидел всех Хранителей и испытывал к ним глубочайшее презрение. Теперь, когда объект его ненависти так близко и поставлен командовать им, я понимал всю гамму чувств Зета и его нежелание находиться с Вергилием в одном помещении, но пойти против долга он не мог. Глубоко в сердце он, вероятно, мечтал отомстить за смерть последнего близкого человека, только я не знал, причастен ли к этому Вергилий. Несмотря на всю скрытую, но бурлящую внутри него ненависть, Зет всё равно пришёл на собрание и продолжал стойко терпеть присутствие рядом с собой Хранителя и, возможно, убийцы своего брата. Вергилий, похоже, сам прекрасно осведомлён об этой ситуации и старался не беспокоить этот тлеющий уголёк.

Собрание между тем всё тянулось и тянулось, время давно уже перешагнуло полдень, и я начал изрядно скучать. Всё самое интересное я узнал, с новым начальством успел познакомиться и получить выговор, а остальное меня мало волновало. Ещё несколько раз выходили разные докладчики, рассказывали об Отступниках, а то и вовсе говорили на отстра-

нённые темы. Но только настал момент, когда я подумал, что смерть – это не такая уж пугающая перспектива, как Хранитель объявил о завершении собрания и велел всем срочно приступать к намеченной работе. Мы с Кирой радостно вскочили и понеслись к выходу из зала. Нужно было посетить душ, привести себя в порядок и приступать к дежурству.

* * *

Мужские душевые располагались на двадцатом этаже башни, а женские этажом выше. Когда мы зашли с Кирой в лифт, то успели перекинуться парой встревоженных фраз о текущей ситуации в Системе прежде, чем я покинул кабинку лифта вместе с другими Стражами, а она поехала дальше. Мы договорились встретиться через сорок минут на первом этаже, мне нужно было немного успокоиться и привести мысли в порядок после этого совещания.

Я зашёл в раздевалки: огромные, просторные, с длинными рядами железных шкафчиков для личных вещей. Душевые обычно пустуют в разгар рабочего дня, но из-за собрания в башне задержалось множество Стражей, даже Наблюдатели постоянно рыскали рядом с Ищейками, пытаюсь выведать, что же мы так долго обсуждали. В раздевалках из-за такого количества народа стоял гул, как на рыночной площади. Меня это немного смущало, но я прошёл в другой конец помещения, выбрал свободный шкафчик, куда сложил все вещи,

взял оттуда пушистое полотенце и гигиенический набор, любезно приготовленные для каждого, и поспешил в душевые. Они были чистыми, светлыми, с белоснежными стенами и небольшими уютными кабинками. Здесь впервые за всё утро я почувствовал себя живым. Как же приятно, наконец, окунуться в ласковое водяное покрывало, побриться и открыться новому дню.

Вдоволь понежив себя под струями тёплой воды, я обтёрся полотенцем и одухотворённо направился в раздевалки. По пути я заметил небольшую кучку людей, собравшихся у одного из шкафчиков и что-то возбуждённо обсуждающих. Я решил подойти поближе.

– О, Стил, привет! – выкрикнул человек, окружённый этой толпой, когда заметил моё приближение – Смотри, что нашёл, такой же, как у тебя, только сломанный. Видимо, нашему белоголовому не разрешают играть с настоящим оружием!

Мужчина весело расхохотался. Если я правильно помню, то это одна из Ищеек, я видел его на собрании, но почти не знал в жизни. Сейчас он стоял у открытого шкафчика и задорно демонстрировал всем эфес, очень похожий на тот, что у моего меча, только в этом отсутствовал клинок. Мужчина шутил, смеялся и размахивал им перед лицом своих товарищей.

– Вась, ты бы это, завязывал, – сказал один из окруживших его сослуживцев. – Ты прекрасно знаешь, что это. По-

ложи, где взял. Не к добру это. Сейчас вернётся Хранитель из душевой, узнает, что ты залез в его шкафчик, и... мало не покажется. Точно говорю.

– Да, да, Вась, не стоит, – вторили остальные.

– Да ладно вам, мужики, вы чего? Нашли, кого бояться, индюка надутого. Что он мне может сделать? Рукояткой по голове настучит?

Мужчина вновь зашёлся задорным смехом.

– Вася, ты совсем дурной? – нервно спросил его коллега, постоянно озираясь. – Это же меч Хранителя со встроенным механизмом Создания, положи немедленно.

– Чего? – удивился он и с изумлением посмотрел на эфес меча в своей руке.

– Ты что, про меч Хранителя никогда не слышал? Он создан только наполовину. Клинок появляется по желанию обладателя меча.

– Кру-у-уто, – протянул несмышлёный воришка и стал им размахивать уже с деловитой хваткой. – А как его включить?

Кто-то из собравшихся повернулся ко мне и жалобно проговорил:

– Стил, останови его, пока он всех на дно не утащил.

Я согласился и протиснулся между людей.

– Его нельзя включить, точнее, это может сделать только хозяин меча, – ответил я на вопрос горе-Ищейки и протянул к нему руку: – Василий, отдай его, пока никто не пострадал.

– Да кто же пострадает, если его включить нельзя? – рас-

строено отозвался Василий.

– Не от него, – недвусмысленно ответил я и ещё требовательнее посмотрел на виновника этого представления.

– Ой, да ну вас, – обиделся Василий, затем отдал меч Хранителя и поковылял вглубь раздевалки.

Я провёл пальцами по великолепному оружию.

– Этот получше твоего будет, да, Стил? – спросил один из присутствующих.

Рукоять этого меча действительно очень похожа на мою: тот же цвет и размер, та же форма. Хранители тоже оказались поклонниками старинного оружия, или мы посещали один и тот же музей. Кира была права: меня всегда восхищало их оружие. Такое простое и элегантное, а исчезающий клинок позволял легко спрятать меч от окружающих и избавиться от ношения громоздких ножен. Увидеть воочию и пощупать такой шедевр человеческой мысли – это моя давняя мечта.

– Сти-и-ил, Хранитель вот-вот вернётся, – взмолился кто-то рядом со мной.

– А ведь только подумать, – немного обиженно пробубнил я, продолжая вертеть в руках рукоять меча, – нам строго запретили использовать Создание, ругают, наказывают за каждый патрон, за каждую созданную мелочь. Говорят, что Система больна, нужно быть осторожнее. А тут целое оружие, плюющее на все запреты.

– У-у-у, похоже, это заразно, пойду я от греха подальше, –

сказал испуганный мужчина и поспешил ретироваться, уводя за собой ещё пару человек.

Может, это действительно заразно, или внезапно проснувшаяся зависть не давала мне выпустить из рук долгожданное сокровище.

– Если подумать, зачем им такое оружие? Ведь они даже из башни не выходят, в боях не участвуют и не рискуют жизнью, как мы, – расстроено причитал я, наивно полагая, что меня поддержат. Но в глазах невольных свидетелей моих низменных пороков застыл только страх.

На границе собственной интуиции со здравым смыслом я почувствовал дуновение отрезвляющего прохладного ветра, возвращающего меня в жестокую реальность. Внезапно повисшая вокруг тишина не предвещала ничего хорошего. Я не видел, но ясно ощущал тяжёлую поступь Вергилия за своей спиной.

– Гордыня, Страж, – это ужасная черта характера. А гордыня, основанная на унижении других, страшнее всего. Вы не пропустите меня к шкафчику?

Его голос ударами колокола отозвался в моей голове. С большим усилием я повернулся на одеревеневших ногах и увидел Хранителя с полотенцем, обёрнутым вокруг пояса, и с причудливо взъерошенными волосами. Он стоял рядом со мной и с тяжёлым осуждением смотрел на всех вокруг. Нет, он вовсе не ругался и не кричал, а в его голосе я не нашёл даже тени возмущения или злости, только чуть заметная снис-

ходительная улыбка на его лице, но она пугала сильнее злого взгляда. Люди позади меня застыли в немом молчании и боялись даже пошевелиться, а я отступил от шкафчика, пропуская Вергилия.

– И моё оружие, будьте добры.

Я протянул рукоять и сделал ещё один шаг в сторону.

– Кто взломал мой ящик? – с привычным для него хладнокровием спросил Вергилий и почему-то сразу обратился к собравшейся толпе.

Люди вокруг со страхом посмотрели на таинственное оружие в руках Хранителя и немного отступили.

– Я не... – начал отвечать я.

Но Вергилий меня сразу прервал.

– Не надо, Страж, я знаю, – отрезал он, а затем снова обратился к остальным: – Так кто это сделал?

– Он сказал, что было открыто, – пропищал кто-то позади группы людей.

Вергилий расстроено покачал головой и повертел эфес в своих руках.

– Эх вы! Вам бы только возмущаться и обвинять других, а сами совершенно неспособны взглянуть в свои глаза. Клевета, зависть, мелкая подлость и гордыня, как глубоко вы ещё готовы пасть? А, Стражи? Посмотрите на себя, в кого вы превратились?! Система стонет под гнётом Отступников, а где её защитники? Они воруют из чужих ящиков и ведут себя как дети. Больно на это смотреть. Вы считаете, что достойны

большого? Достойны вот этого?

Хранитель взял за один конец рукоять своего меча и демонстративно показал всем.

– Это оружие – символ Хранителей, символ тех, кто никогда не падёт, кто вынужден быть примером для всех остальных. Этот меч должен внушать страх нашим врагам и вселять надежду тем, кого призван защищать. Если запятнать этот символ, если хотя бы раз позволить себе предать светлый образ Стража, то что останется от нашей Системы? Так вы считаете, что достойны такого? – уже без тени улыбки и настойчиво потребовал ответа Вергилий и посмотрел на меня.

– Я... – сдавленно прохрипел я, но проглотил все прочие слова.

– Я знаю вас, Палач, и видел ваш меч. Рад, что вы тоже любитель древнего оружия. Наверняка вы мечтаете когда-нибудь стать Хранителем и носить подобный меч. Что же, давайте проверим, насколько вы достойны подобной чести? Я готов преподать вам небольшой урок и проверить ваши способности. Жду вас через двадцать минут в зале для спарринга, – настоятельно потребовал Вергилий, а затем обратился к толпе: – А что касается всех остальных, то виновника этих событий жду у себя в кабинете через пару часов, иначе отвечать придётся всем вам!

Хранитель безучастно отвернулся к своему шкафчику и начал сгребать оттуда вещи. Судя по его тону, моего жела-

ния никто не спрашивал. Я сумел только кивнуть в ответ, но Вергилий этого не заметил. Словно робот с застывшим выражением лица, я повернулся на месте, где встретился с десятком растерянных людей и медленно направился к своему шкафчику. В раздевалке образовалась гнетущая, но очень оживлённая тишина. Люди металась между рядами, что-то нашёптывали друг другу, повышая количество удивлённых лиц. Я чувствовал, что нахожусь в эпицентре зарождающейся бури, из которой волнами расходились людские пересуды. Вокруг меня ярко вспыхивали всё новые звёзды одобрительных, а иногда и осуждающих взглядов. Я поспешил пригладить мокрые волосы, побыстрее оделся и, схватив свои вещи, выскочил из раздевалки.

Только у лифта тиски всеобщего внимания ослабили свой хват, и я смог вдохнуть немного спокойствия. Когда я оглянулся, мне показалось, что кто-то наблюдает за мной из-за двери раздевалки, но она быстро захлопнулась, оставляя меня наедине с самим собой. Сложно винить людей в том, что их взбудоражило грядущее событие, ведь не каждый день выпадает возможность лицезреть битву между Палачом и Хранителем. Тем более в последний раз такое столкновение закончилось гибелью Зета-младшего. Не будь я участник этих событий, тоже радовался бы как ребёнок, но сейчас мне хотелось провалиться как можно глубже под землю и никогда не вылезать обратно. На меня вдруг нахлынуло такое огорчение после всех сумасбродств сегодняшнего дня.

Ну почему я не держал рот закрытым?! Хотелось как можно сильнее ударить по двери лифта, очень хотелось! Я даже успел сжать кулаки, но двери виновато распахнулись, и я вошёл в тренировочный зал на двадцать втором этаже.

В это время здесь было темно и пусто. Я первый, кто пришёл сюда, и был счастлив, что мне выдалась минутка побыть одному и собраться с мыслями в полной тишине. Тренировочный зал занимал весь этаж, а двери лифта выходили прямо в просторное помещение, от чего оно казалось ещё больше и мрачнее. Здесь не было никаких стен или перегородок, лишь один большой зал с вкраплениями несущих колонн, и только в левом дальнем углу пристроилась небольшая комнатка с тесной раздевалкой. Окна в помещении были закрыты, поэтому тут царили вечный полумрак и постоянный спутник всех гимнастических и тренировочных залов – этакий терпкий аромат, настоящий на поте, машинном масле и тёртой резине. Я щёлкнул выключателем у входа – и этаж озарился ярким светом, освещая целый арсенал спортивного инвентаря: десятки различных чудаковатых тренажёров, разнообразных манекенов для оттачивания рукопашного боя и с применением холодного оружия. Центр зала венчала огромная импровизированная арена, вымощенная из мягких прорезиненных матов приятного голубого цвета и без всякого ограждения. С грустью я посмотрел на место своего будущего ристалища, но озаряя свои мысли мимолётной надеждой, что без постоянной боевой практики Верги-

лий мог потерять хватку и мой позор будет не так предсказуем. Пусть он Хранитель, лучший боец на свете, но как давно он брал в руки оружие и использовал его по назначению? Разве может он сравниться с Палачом, с тем, кто каждый день встречает смерть с распростёртыми объятиями?

С этими мыслями я зашёл в узкую и тесную раздевалку, прикрыл за собой дверь, потом достал с полки комплект специальной формы и спешно переоделся. Просторная, скорее, даже безразмерная, что немного сковывало движения, форма применялась в основном при тренировках рукопашного боя и была сделана из приятной льняной ткани светло-кремового оттенка. Закончив разглаживать несуществующие складки, я решил больше не откладывать неизбежное и вышел наружу, но тут же встал как вкопанный. Пока я переодевался и собирался с духом, в зале собралась целая толпа: люди громко общались, смеялись и всё продолжали прибывать. Странно, что я ничего не услышал из раздевалки. К чему было устраивать подобное шоу? Я надеялся на частный урок послушания и вовсе не желал кормить всеобщее любопытство.

Я осмотрел зал в поисках Хранителя и заметил Киру, которая пробивалась через толщу людей и спешила ко мне навстречу. На её лице застыли такие радостно-восторженные эмоции, что я поначалу испугался.

– Ой, Кира, прости, я совсем забыл, что назначил встречу в холле башни. Тут такое случилось, ты не представляешь!

Не знаю даже, как это объяснить, – оправдывался я, встречая свою напарницу.

Кира подошла ближе и оглядела меня с ног до головы.

– Да ничего, Стил, я уже в курсе. Только я успела выйти из душа, как узнала интересные новости. Ну ты даёшь! Что ни день, то приключения. Такое я точно не могу пропустить. – Кира задорно рассмеялась, потом в шутку сделала серьёзное лицо и низким голосом проговорила: – Палач и Хранитель, сражение века, кто же победит?! В левом углу ринга мастер элегантного оружия...

– Не смешно, – обиженно прервал я напарницу. – Вообще не смешно, Кира, он же может меня убить.

– А, по-моему, смешно! И не говори глупостей, никто никого не убьёт. Вот держи, я захватила с собой из машины!

Только после её слов я заметил, что всё это время она держала в руках мой меч.

– Зачем он? Разве не...

– В каком смысле «зачем»? Ты его своей харизмой решил побеждать?

– Но это же тренировочный бой!

Кира нахмурилась и обиженно поджала губы, затем с силой всучила мне меч, больно ткнув ножнами в грудь.

– Я не удивлена, что ты в это вляпался.

Я взял в руки свой меч, покрутил его в воздухе, вытащил наполовину из ножен и посмотрел на своё отражение в клинке.

– Иногда я не умею держать язык за зубами, только и всего.

– Иногда. – Кира усмехнулась, а потом всё-таки потрепала меня по плечу. – Не обижайся, ты ещё покажешь этому зазнайке всю силу Палачей, я уверена! И, вообще, классный у тебя прикид, тебе идёт.

Она снова хихикнула, прикрыв рот рукой.

– Ладно тебе издеваться, хохотушка. – Я попытался приободрить себя. – Кстати, а где мой новоявленный оппонент? Неужели струсил?

На этих словах двери лифта распахнулись, и в зал вальяжно вошёл Вергилий, ведя за собой свиту из гудящих и взволнованных зрителей. Уверенно чеканя шаг, он будто плыл сквозь расступающуюся перед ним толпу, мимолётно разбрасывая по сторонам целеустремлённые взгляды. Я ожидал, что он последует моему примеру и посетит сначала раздевалки, но Вергилий повесил свой плащ на один из тренажёров и направился прямиком на арену.

– Иди, – шепнула мне на ухо Кира и легонько подтолкнула в спину.

Хранитель остановился рядом с матами, устилающими арену, снял свои лакированные ботинки и поставил рядом, оставшись в одних чёрных носках, а затем взошёл на место будущего ристалища. Он расстегнул и закатал рукава рубашки, потом провёл большими пальцами под ремнями подтяжек, оттягивая их в сторону и со шлепком возвращая на ме-

сто. Когда он завершил свой странный ритуал, я заметил, что на его правом запястье отсутствует отличительный знак Стражей: ни полосок, ни каких-либо символов, выделяющих его среди обычных людей. Кроме меча, светлых волос и бесконечной глубины самомнения, конечно же. Хранители отличаются от прочих Стражей, их считают иной, более высокой кастой, тайным оружием, что прячут до тёмных времён. Они не участвуют в обычной жизни башни и города, они затворники, привыкшие взирать на мир с огромной высоты. Чтобы подчеркнуть это различие и отрешение, им удаляют метки с запястья, и теперь я лично убедился в правдивости этих историй.

Следом за Вергилием я взобрался на арену и немного помялся на матах. В отличие от Хранителя, я очутился босиком, и ноги сильно утопали в излишне мягкой и неприятной на ощупь поверхности, где, оказалось, нелегко удержать равновесие. Я неуклюже подошёл к своему сопернику и промычал вполголоса:

– Может, лучше, если бой пройдёт за закрытыми дверями?

– Вы не очень стремились избавиться от публики, когда тешили свою гордыню, поэтому и ответ вам придётся держать при всех, – негромко ответил Хранитель.

К моему счастью, его слова утонули в общем шуме. Выбора у меня не осталось, я почтительно склонил перед ним голову и отошёл на исходную позицию. Толпа вокруг нас обра-

зовала плотное кольцо и внимательно наблюдала за обоими противниками. Краем глаза я заметил, как через строй людей протиснулись Харви и Рон, сияя на весь зал злорадными ухмылками. Я до последнего надеялся, что два этих ходячих недоразумения не узнают о происходящем.

– Смотри-ка, сейчас кого-то накажут, – заверещал Рон.

– Да, девчонок бить нехорошо, – поддержал Харви.

Хранитель бросил на них суровый взгляд, и те разом замолкли.

– Приступим! – громко сказал Вергилий.

И голоса в зале моментально стихли, уступая место зловещей тишине.

– Мы не будем использовать тренировочные мечи? – осторожно и тихо спросил я, но голос зазвенел в голодной тишине.

Рон от моего вопроса радостно хрюкнул, еле сдерживая смех, от чего мне стало совсем неловко.

– Зачем? – недоумевал Хранитель. – Воин должен видеть реальную опасность в бою, чувствовать сталь, направленную на него, ощущать дыхание смерти в каждом выпаде противника, только тогда раскрывается его истинное умение. Вы ведь этого хотели? Доказать своё умение? Показать, что вы достойны большего? Не скрою, что бой между Стражами высокого уровня может закончиться плачевно для одного из нас, но ведь для того мы живём, чтобы отдать жизнь в сражении за наше будущее. Обнажите ваше оружие, Палач!

С тяжким грузом на сердце я вытянул меч из ножен и отбросил их в сторону. Хранитель также снял с пояса рукоять своего меча и провёл двумя пальцами по небольшой пластине на её поверхности. Воздух около его рук всколыхнулся, в нём вспыхнуло яркими звёздочками и заблестело небольшое облако из множества маленьких металлических частичек. Они витали вокруг рукояти, закручиваясь в спираль, а затем моментально собрались в длинный и блестящий клинок. Теперь меч Хранителя стал полной копией моего.

– Мне нравится твой выбор, Палач, – с некой долей одобрения сказал Вергилий, внезапно перейдя на ты. – Это хорошее оружие, древнее и величественное, его использовали когда-то могучие и бесстрашные воины, считавшие меч продолжением своей души. Тебя ведь зовут Стил? Насколько я знаю, это сокращение от слова «стилет»? Великолепно, Стил – хорошее имя, я вижу, что философия холодного оружия у тебя в крови. Если не ошибаюсь, это название тайного грациозного оружия, которым скрытно разили своих врагов. Уверен, это будет интересный бой. А теперь нападай!

Зрители вокруг нас стояли неподвижно и с интересом наблюдали за растянувшейся прелюдией, только Рон всё время оглядывался на других, пытаясь найти поддержку своему ехидному настрою.

Хранитель встал в боевую стойку, немного выставив вперёд оружие, напрягся и внимательно прищурил глаза. Зал затаил дыхание.

«Ну что же, приступим», – подумал я и удобнее схватил свой меч.

Я помялся немного на месте, привыкая к очень мягкому мату под ногами, попытался нащупать более удобную и устойчивую позицию, и...

...Рывок, рассекающий взмах снизу, звон металла, натужный визг встретившихся лезвий. Хранитель одной рукой с лёгкостью парировал удар. Он подставил свой меч навстречу моему и теперь со скрежетом уводил мои руки в сторону. Затем быстрый удар свободной рукой мне в лицо. Я отшатнулся назад, выходя из клина, и чуть не вскрикнул от неожиданности. Лицо горело от боли, жгучий поток волнами расходился от разбитого носа. Я схватился за лицо и с ужасом посмотрел на Вергилия – его взгляд был очень осуждающим. Я почувствовал, как ладонь наполнилась кровью из разбитого носа, она стекала по локтю, окрашивая рукав формы в багровый цвет. Я убрал руку от лица, и народ в зале ахнул, кровь небольшим ручейком устремила по губам, подбородку, а затем каплями усеяла белоснежную форму. Она быстро порастала красными пятнами и становилась всё более жуткой. Только отряд «Харон» продолжал наслаждаться происходящим, тихо, но радостно улюлюкая и надсмехаясь надо мной.

– Что это было, Страж? – возмутился Хранитель. – Я тебе чётко сказал: нападай! Ну же!

После этих слов он снова встал в боевую стойку. Я посмотрел вокруг, встретился взглядом с напуганной Кирой,

и почему-то мне стало очень стыдно. Утопая в жуткой боли от разбитого носа, я неосознанно смахнул рукавом кровь с лица, дополняя разводами и до того жуткий холст с картиной моего падения, потом двумя руками покрепче схватил свой меч и ринулся вперёд. Взмах, удар – Вергилий ловко блокировал мой выпад. Отскок в сторону, удар, второй, мечи звонко стонали от яростных столкновений. Я хотел провести рубящий удар слева, но Хранитель так быстро метнулся в сторону, что я не успел даже заметить его движение, будто тенью он ускользнул от моего удара. Враг внезапно оказался справа позади меня и приставил к моей шее холодную сталь клинка, который острой кромкой больно врезался в кожу.

– Ты убит, Страж! – Голос его стал совсем недружелюбным. – Это всё, на что ты способен? Где же весь твой боевой опыт? Давай же, нападай, я всё ещё жду, когда ты перестанешь валять дурака и начнёшь сражаться так, как положено Стражу твоего уровня.

Хранитель убрал клинок от моей шеи и прошёл на исходную, где изящно взмахнул своим оружием в воздухе, снова вставая в стойку, а затем издевательски поманил рукой. К тому времени я уже весь оказался испачкан в крови и представлял собой довольно жалкое зрелище. Я вновь бесполезно попытался смахнуть кровь со своего лица и сжал рукоять меча с новой силой. Злость и ярость начинали заполнять моё сердце, они застилали глаза и туманили разум. Я метнулся в бок, занося свой меч, затем удар, ещё один, но Хранитель

каждый раз с лёгкостью парировал их. Он двигался так быстро, исчезал перед глазами, буквально таял в воздухе и появлялся с другой стороны. Как такое возможно? Разве может человек двигаться с такой скоростью и изяществом? Нет, человек не может. Даже взгляд не успевает ловить момент его движения.

– Убит! Ты умер, Страж... и опять! – повторял он раз за разом, нанося мне лёгкие порезы по всему телу и вспарывая форму.

Его голос становился всё злее и жёстче, исчезли последние нотки деликатности, потускнел радужный образ неумелого клерка из высоких кабинетов, голос стал ниже, свирепее, теперь передо мной стоял настоящий воин, беспощадный и хладнокровный. А я продолжал раз за разом с яростью бросаться в атаку, кричал, рубил что было силы, пытался маневрировать на мягком полу, но каждый раз Вергилий с лёгкостью отражал все удары, уходил от них ещё до того, как я успевал занести меч. Моя выносливость быстро иссякла, и я ринулся из последних сил, пытаюсь проткнуть его в своей самой глупой и бессмысленной атаке. Хранитель ушёл от удара, схватил мою вытянутую руку и сильно вывернул её. Я закричал от жуткой боли и выронил свой меч. Вергилий решил не тратить времени зря и со всей силой ударил мне под дых. Я уже не мог кричать, лишь сдавленный хрип вырвался из моей груди, мир поплыл в глазах, ноги перестали слушаться, а в голове помутилось. Хранитель не испытывал жалости, он

не выпустил из своей железной хватки поражённого противника и закончил свой приём прямым ударом в уже разбитое лицо, одновременно отпуская мою руку. Немного попятившись, я рухнул на маты, поверженный и униженный, истекающий кровью и собственной гордостью. Всё лицо горело, но сознание уже отказывалось воспринимать реальность, в глазах окончательно потемнело, а звук встревоженной толпы уносился куда-то вдаль. Голос Вергилия стал каким-то глухим и неестественным.

– Ты убит! И снова, и снова, и снова! Ты жалок, Страж! Гордыню нужно вырывать из заражённого сердца, жестоко и решительно, надеюсь, ты понимаешь это?

Он говорил очень громко и устрашающе. Голос его совсем изменился, он громогласно звучал под сводами зала и нагонял немало трепета на всех присутствующих.

– Надеюсь, ты не будешь держать на меня зла, – продолжил он, обращаясь ко мне. – Это всё во имя твоего блага. Когда-нибудь ты это поймёшь. Безусловно, сейчас ты очень зол на меня, я чувствую, как ярость кипит в твоих венах. Тебе хочется разорвать мне глотку, вцепиться в неё зубами, как обезумевшему псу. Ты потерял связь с реальностью, в этом твоя проблема, Стил. Злиться тебе стоит исключительно на себя самого. Ты забыл, где твой враг! – грозно отрезал Вергилий, а затем обратился ко всем присутствующим: – Вы все забыли! Стражи, позорящие своё светлое имя. Ваш враг не здесь, не перед вами, он где-то там, скрывается в переулках

Системы и ждёт, когда мы перегрызём друг другу глотки. А ещё главный враг внутри вас, сжирает последние крохи того, что можно назвать человеком. Вы тонете в собственном самолюбовании, считаете себя лучше других, вам не нужны правила и законы. Вы лучше их, выше их. Посмотрите, к чему приводит непослушание закону, к чему приводит ваша безмерная гордыня, желание быть выше остальных, посмотрите на вашего сослуживца Дмитрия, где он теперь? Он знал, что эта программа опасна, что она спалит ему мозги, но ему хотелось нам что-то доказать или, может, самому себе показать, чего он стоит! Это его погубило, погубит и вас! Запомните: Отступниками не рождаются.

Пелена поражения, укутавшая мой разум, начала рассеиваться. Постепенно ко мне возвращались зрение и слух, дыхание восстанавливалось, но тело продолжало ныть и ломать от боли. Я попытался подняться, но тут же рухнул обратно. Зал замер в немом страхе перед грозными речами Хранителя. Десятки глаз разом потухли и прятались от гнева высшего Стража, даже Харви с Роном перестали демонстрировать свой нрав и покорно притихли с растерянным видом, изредка посматривая на моё истерзанное тело, лежащее на матах. Вергилий снова осмотрел своих подопечных, затем деактивировал меч и пристегнул эфес к поясу.

– Ты посмотри, мою любимую рубашку кровью испачкал, эх... – Хранитель резко сменил тон, он стал намного спокойнее и мягче. – В чём твоя ошибка, Стил, ты понимаешь?

Страх, злость, неуверенность – ты впустил их в свой разум, ты дал поработить себя, уничтожить, подчинился их воле. Как только ты это сделал – ты проиграл. Это действия не Стража, а глупого юнца. Ты забыл, чему учили в школе Стражей? Что там говорили на этот счёт? Давай же, вспомни?!

– Эмоции убивают разум, – прошипел я сквозь зубы, пытаясь подняться.

– Что? Я не слышу!

– Эмоции убивают разум! – громче повторил я, упираясь руками в маты.

– Верно, а разум – это основа нашего мира, его суть, более того, мы сами лишь сгусток мыслей в общем потоке жизни. Ты и есть этот разум, а эмоции прежде всего убивают тебя самого!

С лица Вергилия окончательно спала маска негодования, он подошёл ко мне, протянул руку и помог подняться на ноги.

– Ты сейчас думаешь, что я намного сильнее тебя? Искуснее? Вовсе нет. Мы вышли из одной школы, обивали пороги одних и тех же учителей. Твоя проблема, Стил, да и не только твоя – вы забываете всё, чему вас учили. Пропускаете теорию мимо ушей, считая это напрасной тратой времени. Разница между нами только в этом. Давай, напomini нам о трёх правилах Палача, о его законах жизни, твоём собственном кодексе, вспомни, чему тебя учили.

Вергилий требовательно уставился на меня, иногда погля-

дывая на реакцию остальных Палачей в зале, включая Киру. Я прекрасно помнил о том, что спрашивал Хранитель, но он прав: я не придавал этому особого значения. Легко мнить себя лучшим, греться в лучах собственной звезды, когда всё у тебя получается, а противники – сплошь неумелые дети, умирающие с каждым движением и взмахом. В такой момент легко взрастить в себе чувство превосходства, потерять бдительность, пока не столкнёшься с противником сильнее себя. Тогда жизнь расставит всё на свои места.

– Первое правило? – потребовал Вергилий.

– Будь холоден как сталь – и ты станешь подобен ей, разящим как клинок, крепким как закалённый металл! – отчеканил я.

– Правильно, повторю ещё раз: эмоции разрушают разум и приводят к необдуманным поступкам. Второе правило?

– Мысли быстрее врага своего и будешь всегда на шаг впереди.

– Верно! И то, и другое раз за разом повторяют одну простую истину. В нашем мире как нигде верно высказывание, что мысль материальна. Система – это клубок из людских мыслей, тесно сплетённых между собой. Чем быстрее работает твой разум и лучше предугадывает действия врага, тем сильнее ты становишься. Именно это пытался сделать Дмитрий, стать умнее одним махом, но, увы, так не бывает. Третье правило?

– Уважай врага своего, – печально выдохнул я и добавил: –

Всегда.

– О, вот мы и добрались до исходной позиции! Нужно всегда уважать своего противника. Недооценивая его, ты загоняешь себя в ловушку, расслабляешься, теряешь концентрацию и тебя легко выбить из равновесия. Переоценивая его, ты, наоборот, теряешь самообладание, выпускаешь на волю страх, что сковывает твои движения. В этом случае тоже можно забыть о победе. Всегда воспринимай противника как равного, кого при должном усердии ты всегда сможешь победить. Хоть на миг потеряешь самообладание в тяжёлом бою – и ты труп! А теперь... – Хранитель поддел ногой мой меч, лежащий на матах, и бросил его в мои руки, а следом сорвал с пояса свой и снова активировал его. – А теперь, Страж, нападай!

Я поймал в полёте своё оружие, размял немного шею, руки и потоптался на месте. Тело всё ещё ныло от боли, но кровь перестала течь, и разум достаточно прояснился.

– Быть холодным как сталь, – прошептал я одними губами и сделал глубокий выдох.

Страх постепенно отступал, забирая с собой нахлынувшее отчаяние. Передо мной стоял уже не Хранитель или непобедимый воин, а скорее обычный человек с холодным оружием, я смотрел на него, как в своё отражение. Рывок, снова хлёсткий рассекающий удар снизу, лязг металла и отскок в сторону. Новый удар – и я метнулся в другую сторону, пролетел над поверхностью мата, удивляясь собственной скорости

и изворотливости после стольких ран. Взмах из неудобного положения – и Хранитель успевает вывернуть руку и парировать мой удар всего за долю секунды до того, как тот рассечёт его грудь. Его меч дрогнул, Вергилий отпрыгнул назад, но не проронил ни слова, одарив меня лишь довольной ухмылкой. Он развернулся и сменил боевую стойку, тоже обхватывая рукоять двумя руками. Потом резко сорвался с места, да так быстро, что я успел заметить только тёмный всполох, витающий в воздухе, размазанный силуэт на том месте, где только что был человек. В решающий момент я среагировал и отбил удар, пришедший откуда-то сбоку, но не устоял на ногах и повалился на маты. Вергилий моментально подскочил и сделал попытку пригвоздить меня к полу, но я перекатился в сторону, и его меч воткнулся в маты. Неужели он и правда готов пронзить меня насквозь? Я вскочил, попытался ударить противника, пока тот вытаскивал клинок, но Вергилий успел среагировать и уйти из-под удара.

Мы кружили по арене в неистовом танце теней, зрители не могли уследить за нашими движениями и довольствовались блеском и звоном мечей, окутанным нечёткими силуэтами. Мы наносили десятки ударов, изворачивались, скользили по всей арене, клинки смыкались, стонали, искрились от быстрых и сильных ударов, всё это сливалось в красивую, но холодную песню смерти. После очередного отскока я с криком махнул мечом и кончиком лезвия смог дотянуться до щеки Вергилия, оставляя на ней ощутимый разрез. От

неожиданности он вскрикнул, прижал ладонь к ране и отступил. Весь зал хором ахнул. Хранитель посмотрел на ладонь, на которой остались следы крови, вытащил из кармана брюк небольшой носовой платок и прижал к щеке.

– Достаточно! – сказал он, деактивируя свой меч. – Не хватало нам ещё поубивать друг друга. Вижу, ты, наконец, усвоил этот урок. Что же, я вполне доволен, как ты показал себя в конце боя. Пусть наши раны напоминают тебе о важности моих слов.

Я кивнул и почувствовал, как напряжение спадает с тела, проходит азарт битвы, но вместе с тем пришла сильная усталость, ноги подкосились, и я чуть снова не очутился на матах. В это время ко мне подскочила взволнованная Кира и поддержала, чтобы я не упал. Обессиленный, я разжал трясущиеся руки, и меч упал к моим ногам.

– Кира? Вас ведь так зовут? – любезно спросил Вергилий мою напарницу, подходя ближе. – Помогите напарнику добраться до технического отдела, а после принимайтесь за работу. У вас ещё много дел, помните? Нет ничего важнее Системы, этот бой не причина откладывать выполнение долга.

– Хорошо, господин Хранитель, – кивнула Кира, после чего потащила меня к выходу.

– Концерт окончен, все расходимся по своим рабочим местам, живо! – громко скомандовал Вергилий.

Люди потянулись к лифту. Мы шли не очень быстро, Кира пыталась меня поддерживать, но мои ноги совсем не слуша-

лись, сильное перенапряжение давало о себе знать. Нас обгоняли, хлопали по моему плечу, приветливо улыбались, и, вообще, на душе стало как-то тепло и спокойно. На полпути к лифту меня окликнул Вергилий:

– Стил, подожди!

Мы резко остановились и повернулись на зов. Хранитель разглядывал свой платок с капельками крови, затем поднял голову и бросил какой-то предмет в нашу сторону.

– Держи, ты это заслужил! – крикнул Вергилий вдогонку.

Я машинально поймал предмет и, только когда опустил глаза, понял, что держу в своих руках рукоять от меча Хранителя.

– Но... – Я опешил и не знал, что ответить.

– Отличный бой, что ни говори. Если будешь также стараться, то, уверен, ты сможешь стать настоящим Хранителем. Я снял блокировку меча, попробуй, активируй его.

Трепеща от волнения и распирающего ликования, я провёл пальцами по металлической пластине на рукояти, после чего клинок вновь пронзил воздух, приводя меня в неопиаемый восторг.

– Всё, теперь он твой и только твой, Стил. Береги его и будь действительно достоин! – с гордостью сказал Вергилий и позволил себе небольшую улыбку.

Хранитель вновь прижал платок к щеке, другой рукой снял плащ с тренажёра, а затем подобрал мой бывший меч, который мы бросили на полу после боя. Что сказать, я был

крайне доволен таким обменом. Я полюбовался своим новым мечом, затем снова провёл пальцами по пластине, и клинок, немного задрожав, рассеялся на облако блестящих металлических льдинок.

— А я не понял, кто победил-то? — возмущённо проревел на весь зал опомнившийся Харви, когда почти все покинули помещение.

* * *

Кира повела меня к Техникам и всю дорогу шутила о том, как Хранитель испугался продолжить бой и струсил после первой же раны. Мне нравилось её задорное настроение, это помогло хотя бы немного отвлечься от боли в голове и во всём теле, но сил радоваться такой победе и ценному подарку уже не осталось. Я пытался криво улыбаться, поддержать её эмоции, но это давалось мне с большим трудом. Когда мы вернулись на десятый этаж, нас уже встречало несколько Техников с неподдельным восторгом в глазах. Они улыбались, приветствовали и помогли Кире отвести меня в нужный кабинет. Раньше за ними не наблюдалось подобной заботы о раненых Стражах, скорее, эту обязанность они воспринимали как неприятное дополнение к основной работе. Иногда новости и слухи в нашей башне распространяются слишком быстро.

Услужливый Техник долго корпел надо мной: заживлял

раны, восстанавливал мышечный тонус, корректировал образ, убирая отёки и ушибы. К счастью, в нашем мире возможно всё. Через полчаса моё тело было приведено в отличное состояние, меня отчистили от крови, и я стал выглядеть ещё лучше, чем с утра. Кира тем временем принесла мои вещи из раздевалки. Но внешний образ в Системе не более чем обман, иллюзия, призванная показать мнимое благополучие, красивая вывеска, за которой скрывается изуродованное и больное нутро. Я выглядел, как прежде, но разум невозможно обмануть. Он видел удары и чувствовал боль, он знает, что, несмотря на убранные шрамы, боль остаётся внутри и будет отдаваться по всему телу при каждом шаге, а лицо, внешне свежее и чистое, внутри пылает страшным огнём и мечтает окунуться в огромный чан со льдом. Всё-таки здорово он мне врезал и, похоже, поделом. Странно, но я не чувствовал ненависти к Вергилию, ни злобы, ни желания мстить – ничего. Больше всего я ощущал невероятную лёгкость в душе, даже радость. Возможно, это от того, что всё утреннее сумасбродство, наконец, закончилось, а может, от того, что мне всё-таки удалось ранить Хранителя, выстоять в этом неравном бою.

Время стремительно приближалось к вечеру. Мы спустились на первый этаж и пожелали удачного дня Марине, проводившей меня странным оценивающим взглядом, потом вышли на промозглую улицу и быстро запрыгнули в свой автомобиль. Большая часть транспорта у башни уже успе-

ла разъехаться по своим делам, включая машину «Харона». Ещё одна радость на мою больную голову, встречаться с ними совсем не хотелось.

– Ну что, герой, куда поедем? Есть мысли? – спросила Кира.

В животе начинал набирать мощь настоящий ураган, он журчал, переливался и требовал дозаправки. Сегодня мне так и не удалось поесть, поэтому к вечеру я ужасно проголодался.

– Поехали в «Мистерию», как обычно. Нужно основательно подкрепиться, а то я сейчас помру с голода, – ответил я и скорчил жалобную гримасу.

Кира охотно согласилась с такими вескими доводами, вырулила на дорогу и вдавила педаль газа. Я посмотрел в зеркало заднего вида, помял пальцами лицо, потрогал челюсть, покрутил головой и с удивлением хмыкнул: на мне не осталось никаких следов былого сражения. Жалко, что боль так легко не уходит, как её внешние проявления. Как сказал Вергилий, в нашем мире мысль материальна. Вся наша жизнь – одна большая затянувшаяся мысль, пронесённая стрелой сквозь века, что растворится в потоке времён.

– А всё-таки неплохо он тебя отделал, – ухмыльнулась Кира.

– Это точно. Мой тебе совет, Кир: никогда не обсуждай людей за их спиной, иначе они могут оказаться за твоей! – Я попытался улыбнуться, но жгучая боль вновь пронзила ску-

лы, и я поспешил отвернуться к окну, чтобы скрыть своё перекосенное лицо.

Чтобы отвлечься, я всю дорогу рассматривал и крутил в руках эфес подаренного меча. Выглядел он необычно, будто игрушка, от которой отломали клинок. Кира тоже изредка, но с интересом косилась на рукоять, пока любопытство не взяло над ней верх. Она удивлялась поступку Хранителя, шутила, что я наконец перестану везде терять и забывать своё оружие.

– Знаешь, а ведь это большая честь, – с подозрением сказала она. – Только немного странно.

– Что странно?

– Да всё это. Хранитель так легко отдал своё оружие, хотя его выдают только по рангу.

– Не отдал, а обменял, – шутливо уточнил я.

Но Кира всё ещё выглядела встревоженной.

– Всё равно. Это не пройдёт для него бесследно и для тебя тоже. Палач с оружием Хранителя... другие Стражи могут не разделить твоего восторга.

– Может, меня тоже готовят в Хранители? – с улыбкой спросил я.

В ответ Кира скорчила такую обидную гримасу, будто услышала самую большую глупость на свете.

– Тогда на что ты намекаешь? – Улыбка плавно сползла с моего лица.

– Ни на что, просто держи ухо востро. – Киру немного

смутил разговор, и она поспешила сменить тему: – Вот и кафе, почти приехали!

Небольшое, но уютное кафе «Мистерия» находилось на самой окраине центральной части города, на небольшой улочке с чудесным названием – Бульвар Мира. Это была тихая, спокойная, хорошо ухоженная улица с редкими вкраплениями домов. В больших пространствах между зданиями удавалось разглядеть родную спальную часть города и трассу, ведущую к ней. Само кафе было невысокое, одноэтажное, с красивым разукрашенным фасадом и большой оборудованной площадкой перед входом, где располагалось множество столов под брезентовыми навесами. В самом здании находились только кухня и служебные помещения, а пробовать местные блюда предполагалось на свежем воздухе. Из-за поломки погодного модуля и непрекращающегося дождя популярность данного заведения значительно упала. Если раньше люди любили посидеть семьями за небольшими столиками, полюбоваться силуэтом спальной части города или просто побыть в тишине и отдохнуть от бешеного ритма жизни, то теперь только отдельные храбрецы отважились есть на промозглom и сыром воздухе, под постоянный и надоедливый шорох дождя над головой. Однако местная изысканная кухня способна искупить многое. Мы с Кирой любили это место. Здесь мы отдыхали от работы, проводили время за разговорами и уже привыкли заезжать сюда на обед. Заведением владела немолодая, но крайне добродушная женщина. Хо-

зьяйка любила сама всем заправлять в своём кафе: готовить, убирать или принимать заказы. Нам казалось, что в своей работе она находила какой-то высший смысл, идею, ради которой выкладывалась по полной, и это делало её по-настоящему счастливой. Было в этом что-то знакомое от службы Стражем.

Когда мы подъехали к кафе, народу осталось очень мало, почти все столики пустовали, только несколько из них были заняты скучающими посетителями. Обеими руками они обнимали чашки с горячими напитками и отрешённо смотрели куда-то вдаль. Я прицепил своё новое боевое приобретение к поясу, застегнул куртку и спрятал под ней меч, затем мы переглянулись с Кирой и одновременно вышли под нещадные потоки дождя. Наше место, как всегда, оказалось свободным, ведь хозяйка уже привыкла видеть нас каждый день и никому не позволяла садиться за наш привычный крайний столик. Мы заняли свои места и стали терпеливо ждать. Дождь тоскливо выбивал такт, тихо шурша по брезенту над головой, стекал с него и задорно падал на землю. Всё это успокаивало, позволяло забытья и на время уйти в себя.

– Рада вас видеть, чего изволите на этот раз?

Хозяйка возникла так неожиданно, что я вздрогнул, возвращаясь из полёта по миру фантазий.

Она стояла, расплываясь в широкой и естественной улыбке, и терпеливо ждала в услужливой позе.

– Здравствуйте, мы в этот раз очень голодны, что у вас

сегодня особо вкусно? – спросила Кира.

– О, вы же знаете, у меня всё очень вкусное, по-другому не бывает. – Женщина хихикнула. – Но вот картошечка с грибочками в этот раз получилась действительно замечательной, будете?

– Да, давайте, и кофе, пожалуйста. Стил, а ты что будешь?

– Мне то же самое.

– Хорошо, я мигом! – Женщина бросила игривый взгляд и скрылась из вида в здании кафе.

– Хорошая женщина, – заметила Кира, смотря ей вслед.

Есть хотелось просто безумно, поэтому как только хозяйка вернулась с двумя огромными порциями картофеля, мы тут же свирепо набросились на него с ложками наперевес. Через несколько минут мы уже сидели сытые, довольные и грели руки о горячие чашки с тёмно-бурым кофе.

– Скажи, Стил, как тебе наш новый начальник после всего произошедшего? – спросила Кира и немного отхлебнула из чашки.

– Да как тебе сказать, – немного смутился я. – Хороший человек, наверное.

С этими словами я снова потрогал больное лицо.

– Да уж, – засмеялась Кира.

– Кир, ты мне лучше скажи, что ты думаешь об его словах о Дмитрие и обо мне? Может, мы действительно ужасные Стражи? Ведь в чём-то он прав. Даже Сергей Геннадьевич с утра нам пытался сказать что-то похожее, помнишь?

– Ты про его тираду о гордыне? Да уж, это было вызывающе громко и жутко. Не знаю, что и сказать. Не думаю, что стоит придавать столько значения всем этим словам о гордыне, эмоциях или о чём он там ещё говорил. Он слишком всё усложняет, драматизирует, ему по профессии положено быть вечно недовольным. Мы просто ещё дети, понимаешь? Точнее, вы все дети, а я нет, я взрослая и самостоятельная. – Кира рассмеялась. – Да, я знаю, что Дмитрию было уже за тридцать, но что значит этот возраст в нашем мире? Всё ещё ребёнок по местным меркам. Увеличивая срок жизни, мы увеличиваем порог взросления, люди тонут в этом... как его? Инфантилизме, во! Они не хотят взрослеть. А зачем? Им комфортно, им ничего не угрожает, они защищены от всех невзгод и страстей, вот и ведут себя как дети.

– Что, и я тоже? – спросил я с ноткой обиды.

– Ты тем более, дурачок. – Кира подмигнула, показывая всем своим видом, что не хотела обидеть. – Да все мужчины – сплошь сильно выросшие мальчишки, которые не игрались в войну. В вас ещё сохранились это бездумное любопытство и тяга к опасностям, вот и подключаете себе всё подряд, головешки свои неразумные сжигаете.

Кира постучала кулаком себе по макушке.

– И почему мы, по-твоему, не хотим взрослеть?

– А зачем? Ну правда, Стил, зачем вам взрослеть? Все люди сейчас окружены заботой, спокойствием, их ничего не тревожит и ничто им не угрожает, им незачем братья за ум.

– То есть ты считаешь, что вся беда только в этом инфантилизме?

– Конечно! Тот же Дмитрий, вот кто он? Такое же несмышлёное дитя, которому хочется резвиться. Ты уж извини, что я так о твоём друге, но сам посуди. Чем дети заняты всё время, что им нужно? Самоутверждаться им нужно, а ещё развлекаться – и всё это невзирая на опасность. Вергилий уповал на то, что мы перестали следовать каким-либо нормам и правилам, да так и есть – непослушные, невоспитанные дети! Дмитрию захотелось почувствовать себя героем, и он принял заведомо смертельную программу. Он не думал о последствиях, ребёнок никогда о них не думает, за него должны думать родители.

Наступила неловкая пауза, в ходе которой я пытался размышлять над словами напарницы.

– Знаешь, Кир, мне кажется, ты не совсем права. Ты слишком всё упрощаешь, даже Икаров говорил о чём-то другом.

– Вам лишь бы всё усложнять. – Кира развела руками.

Я не стал обострять спор и сделал вид, что осматриваюсь. Площадка перед кафе почти пустовала, только несколько столиков облюбовали местные жители. Неподалёку от нас пожилой мужчина читал свежие новости из утренней газеты. Ох уж эти любители старины, уже давно вся жизнь протекает через Консоль: свежие новости, сводка погоды, расписание транспорта и многое другое, и только люди преклонного возраста всё ещё предпочитают «живые» вещи. Скоро это

всё должно кануть в лету, ведь архаизмы привязаны к людям и постепенно уходят вместе с ними. В другой части площадки сидела молодая пара, они пили крепкий кофе, бурно обсуждали местные сплетни и совершенно не замечали никого вокруг. По соседству с ними примостился сурового вида мужчина в строгом деловом костюме, нахмутив лоб, он о чём-то усиленно думал. Может, о том, как ему поднять резко упавший спрос на акции, или о том, как обогнать своего сослуживца в погоне за видное место в совете директоров, а может, ему просто не нравился местный кофе. Все такие разные, неужели они все не способны взрослеть? Может, это наша вина? Нет, здесь что-то иное, Кира ошибается. Люди изменились, и это очевидно, но вот почему? Пока я раздумывал, случайно посмотрел на одно из зданий неподалёку. Кто-то на его торце при помощи баллончика с краской вывел странную надпись огромными красными буквами: «Верните Марию!». Я недоумённо хмыкнул и указал взглядом напарнице на свою находку.

– Что ещё за Мария? – спросил я.

– Не знаю, – пожала плечами Кира. – По всему городу встречаются эти надписи. Я слышала, что пытались отловить тех, кто портит стены, но пока поиски ни к чему не привели. К тому же, сам понимаешь, сейчас есть дела гораздо важнее, и никто не будет отвлекать Ищеек на всякие пустяки. Хотя вандализм – это серьёзное преступление.

– Призраки?

– Может, они, а может, простые хулиганы, кто их знает?

– Так, а что за Мария, почему они так стремятся её вернуть? Это ведь неспроста. Возможно, она была важным человеком среди Отступников, может, даже лидером.

– Ни разу не слышала это имя. Надо будет проверить, вдруг эта Мария проходила по одному из дел. Хотя если проходила, то значит, давно отключена, что же они требуют вернуть? Вандалы, одним словом: этим лишь бы покричать, заявить о себе. Ну что, Стил, наелись? Тогда пошли, пора на боевое дежурство.

– Ага, пошли, – согласился я и крикнул в сторону здания кафе: – Хозяйка, счёт!

Я взмахнул рукой, чтобы привлечь к себе внимание и нечаянно задел чашку рядом с собой. Та соскользнула со стола, упала на землю и звонко разбилась на несколько кусочков. Хозяйка моментально подскочила к нашему столику, всё с той же задушевной улыбкой.

– Ой, извините, пожалуйста, я случайно, внесите это в счёт, – затараторил я.

– Да ничего, ничего, – добродушно ответила женщина и принялась собирать осколки.

– Позвольте вам помочь?

Я наклонился, чтобы собрать остатки разбитой чашки и случайно задрал правый рукав куртки, тем самым оголив своё запястье.

– Ой нет, не стоит, вы лучше... – Женщина оборвалась на

полуслове.

С ужасом в глазах она смотрела на знак из трёх полосок на моей руке, потом отскочила назад как ошпаренная и усе- лась прямо на землю. Вся предыдущая жизнь пронеслась пе- ред её глазами, все наши встречи и разговоры, все её слова и действия. С каждым витком таких событий её лицо блед- нело всё больше. До этого момента она даже не подозревала, кто ходит к ней на обед. Хозяйка также быстро вскочила на ноги, её губы неестественно затряслись, и она затараторила:

– Да что же вы, да почему же, да что же вы не сказали... ой. Извините меня, господин Страж, это я виновата. – Женщина готова была расплакаться, хотя ещё мгновение назад её лицо озаряла безмятежная улыбка.

– Бросьте, вы ни в чём не виноваты, с чего вы взяли? Да- вайте мы лучше оплатим счёт и пойдём?

– Нет-нет, не нужно, что вы! Всё за счёт заведения, мы всегда рады Стражам, заходите в любое время, – запинаясь, произнесла женщина и замахала руками.

– Нет, мы всё-таки хотим заплатить, и чашку включите тоже.

– Мы настаиваем! – добавила Кира.

– Конечно-конечно, как вам будет угодно. – Женщина испуганно протянула небольшую белую коробочку с железной пластиной на ней.

Я провёл двумя пальцами по её поверхности, после чего открылось небольшое полупрозрачное окно, где мне предло-

жили подтвердить перевод денежных средств. После выбора утвердительного ответа окно спешно растворилось в воздухе.

– Пожалуй, мы пойдём, спасибо за всё, – кивнула женщина Кира. Но та смогла только молчаливо моргнуть в ответ.

Под пристальными взглядами остальных посетителей мы поспешили как можно скорее скрыться в своём автомобиле. Хозяйка продолжала со страхом смотреть нам вслед, сжимая у груди ту белую коробочку, и боялась пошевелиться. Что её так напугало?

– Что её так напугало? – повторил я свои мысли вслух уже после того, как машина тронулась с места.

– Твой знак на руке, очевидно же, – ответила Кира и сокрушённо покачала головой. – Только обидно, что теперь про это кафе нам с тобой придётся забыть. Эх, а я так его любила...

– Это я понял. Но почему? Почему её так напугало то, что я Страж? Может, она узнала знак Палача? Но откуда простая кухарка может знать тонкости наших обозначений?

– Параноик во мне ответил бы, что ей есть, что скрывать, вот и боится.

– Судя по нашему опыту, только хорошие люди и боятся всего, а Отступники обычно беспринципны. Хм, Кир, честное слово, не понимаю. Я-то думал, что люди должны радоваться, ведь мы их защищаем, охраняем их покой, ограждаем от всего плохого, мы же тоже хорошие! Ведь так, Кир,

скажи?

– Хорошие? – усмехнулась напарница. – Я ведь и говорю, ты всё ещё ребёнок. Хорошие, плохие – это ведь только у детей так. Только у них мир делится на чёрное и белое, на такие узкие понятия, как добро и зло. Ну да, мы хорошие... наверное. Но для кого? Всё относительно, Стил, пойми. Для маленького мальчика, что кровожадно жаждет мира во всём мире, ты, безусловно, герой, и мальчик стремится быть похожим на тебя. Для Отступника ты заклятый враг и злодей, ты ведь хочешь его остановить. А для неё, для этой простой кухарки, всё сложно: она уже не ребёнок, но она и не Отступник, для неё всё не так очевидно. Возможно, в душе она боится перейти тебе дорогу, стать для тебя врагом, целью, боится сделать что-то не то. Вот поэтому мы скрываемся, ведём, так сказать, незримый бой. А то всё у тебя слишком просто. Вот скажи, от чего ты её защищаешь? А? От всего плохого, от негатива в жизни? Но разве ты сам не несёшь этот негатив во время борьбы с Отступниками? Ох уж этот извечный спор о добре с кулаками.

– Какой спор?

– Ну, о том, когда добро убивает зло, то может ли оно считаться добром? Вот для неё, возможно, ты такое же зло, которого она боится.

– Но мы же их защищаем!

– А ещё мы их убиваем, Стил.

Несколько часов мы просто колесили по городу, скучали и молча смотрели по сторонам, каждый думая о чём-то своём. После случая в кафе меня всё не покидало это странное и неприятное чувство. Может быть, иным людям нравится, когда их боятся, преклоняются, но мне это приносило жуткий дискомфорт. Всю жизнь я хотел помогать людям, быть нужным им, защищать от опасностей и быть полезным для общества. Я мечтал, что на меня будут смотреть с уважением и благодарностью, а не со страхом, что я буду желанным гостем и дорогим другом. Но во что я превратился? Все мы? В монстров? Но почему? Из защитников Системы мы вдруг стали изгоями. Не понимаю. Мы оберегаем их от всех невзгод, от страшного воздействия разрушительных негативных эмоций, мы устраняем все преграды на пути к счастливой и спокойной жизни. Но всё, чего мы добились, – это животный страх перед своими же защитниками, стражами людских душ. Может, это справедливая плата за нашу работу? Может, для того, чтобы другие жили счастливо, кто-то всё равно должен страдать, быть гонимым и презируемым, нести муки и наказания за всех людей? Но всё равно этот взгляд, эти наполненные страхом глаза пожилой хозяйки кафе не покидали меня, они терзали мою душу и не давали покоя. Чего же она так испугалась? Вдруг Кира права, и эта

женщина – пособник Отступников, укрывающая их у себя на кухне? Нет-нет, такие мысли нужно гнать прочь! Как всегда, причина скрыта за вуалью простых и очевидных ответов – жаль, Кира не понимает этого.

Машина медленно катилась по дороге, наворачивая круги по всему городу, а я сидел в кресле пассажира, прислонившись к окну и погружённый в свои размышления, разглядывал проплывающих мимо прохожих. Ручейки дождя весело стекали по стеклу, искажая и преломляя весь мир кривых зеркал. К тому моменту мы сами не знали, что ищем и куда направляемся.

– Что теперь? Куда нам ещё поехать? – прочитала мои мысли Кира. – По-моему, мы бесцельно тратим время.

– Нам велели искать Кукловодов, – развёл я руками. – Вот мы и ищем. Может, это не наши обязанности, но заданий-то всё равно не дают, поэтому пока просто патрулируем.

– Угу... о, кстати, смотри!

Кира резко затормозила, свернула на обочину и остановилась. Она протянула ко мне руку и указала куда-то в окно. В десяти шагах от нас на тротуаре стоял мужчина преклонных лет. Даже по меркам этого района он был одет очень бедно: изрядно поношенные ботинки, потёртый и замусоленный плащ из недорогих материалов. На сильно полысевшей голове сияла огромная проплешина, по которой неумолимо колотили капли дождя. Мужчина казался очень грустным, замкнутым и разочарованным в жизни, он стоял неподвижно,

с чуть наклонённой головой и пустым взглядом, направленным куда-то в землю. Но больше всего нас привлекло нечто другое. В руках мужчина держал большой кусок грязного картона с корявой, но уже такой знакомой фразой: «Верните Марию!».

Я переглянулся с Кирой.

– Это уже интере-есно, – произнёс я протяжно.

– Опять эта Мария! Надо всё-таки узнать, кто она такая.

Может, этого старичка потрясём?

– Да, можно. А вообще, зря он это затеял. Если его увидят Наблюдатели, то для него это всё может очень печально закончиться. Хотя, по моему мнению, он ничего страшного не совершает.

– Это ещё стоит изучить, кто он и что он, но если следовать Основному закону, то он негативно влияет на людей вокруг, – неуверенно ответила Кира.

Я вновь посмотрел на старика, но тот продолжал неподвижно стоять на месте. Проходящие мимо люди, похоже, не замечали его одинокий пикет. Кто-то из них бежал под дождём, пытаясь как можно скорее укрыться от вездесущей и надоедливой мороси, кто-то, наоборот, прогуливался медленным шагом и общался с приятелем через открытое перед ним окно Консоли, но все они аккуратно огибали нарушителя и невозмутимо продолжали двигаться дальше. Никому одинокий мужчина на улице с немым криком о помощи оказался не интересен, как будто этот бедный старик уже стал

частью общества и мира вокруг, их неотделимой частью. Люди воспринимали его как должное и даже не задумывались над его судьбой, жизнью, он превратился в невидимку для их чёрствых глаз, продолжением их самих, ненужное дитя, выплеснутое на улицу.

Внезапно перед нами развернулось окно от Консоли автомобиля, и зазвучал привычный металлический голос связиста, от которого Кира чуть заметно вздрогнула.

– Отряд «Феникс», это Башня. Приём.

– Ну вот, помяни чёрта... – прошипела Кира и нажала на кнопку ответа: – «Феникс» на связи!

– «Феникс», поступила информация от Наблюдателя на улице Строителей. Около дома номер двенадцать пожилой мужчина распространяет негатив и пугает народ. В связи с уже неоднократным нарушением Основного закона Системы и тяжестью его вины Отступник приговорён к отключению. По нашим данным, вы находитесь в этом районе, вам необходимо незамедлительно прибыть на место и устранить угрозу. Как поняли? Приём.

– Вас поняли, Башня, выполняем. Конец связи, – со вздохом ответила напарница и закрыла окно Консоли.

Всё время, пока шёл инструктаж, нам показывали карту города с отмеченной на ней красной точкой – местом смертельного randevu. Только в этот раз точка совпадала с нашим текущим местоположением. Я посмотрел в окно, и моё опасение подтвердилось. За спиной мужчины с самодель-

ным транспарантом на стене дома виднелась табличка: «улица Строителей 12». Я недоумённо посмотрел на напарницу.

– Ага, похоже, это он, – прочитала мои мысли Кира. – Эх, а я предупреждала. Интересно, что он такого ужасного совершает или совершил? Оператор сказал, что нарушение уже не первое.

– «Источает негатив и пугает народ», – передразнил я связиста. – Люди в ужасе так и разбегаются. Но что поделать, наша обязанность – исполнять приказы...

Не успел я договорить, как рядом с автомобилем неожиданно появился незнакомый силуэт и постучал костяшками пальцев по стеклу рядом со мной. Я опустил окно, и в него заглянул молодой улыбчивый парень в непромокаемом плаще и натянутым на голову капюшоном.

– О, вы уже здесь! – весело воскликнул парень.

– Кто ты? – строго спросил я.

– Ой, простите, господин Страж, забыл представиться. Я Наблюдатель, Витя... то есть Виктор Пахомов!

Парень протянул руку в окно и хотел поздороваться, но, встретив мой хмурый взгляд, с неловкой миной убрал её обратно.

– Я не ожидал, что вы так быстро приедете. – Улыбка сошла с его лица. – Вот он, этот гад, Отступник. Это я его обнаружил, ага, и сразу сообщил в башню. Не первый день здесь ошивается.

С этими словами Витя указал на знакомого нам пожилого

мужчину.

– Вы его что, прямо сейчас казните? – Парень всё никак не мог уговориться и с интересом продолжать тараторить.

– Послушай, наглец, сколько тебе лет? – строго спросил я. Но тот уже насупился и замолчал.

– Шестнадцать? Восемнадцать? Тот человек тебе в дедушки годится, будь повежливее, это вовсе не игрушки. Кто вообще дал тебе право вот так распоряжаться чужими жизнями, а? Что ты передал в башню?

Парень помрачнел и отстранился от окна.

А я заговорил громче и отчётливее:

– Ведь ты же мог запросить Ищейку, попросить разобраться в ситуации. Мог? Но не сделал. Вещи в нашем мире далеки от категоричных оценок и однозначных выводов. Люди очень многогранны, и их нельзя оценить с первого взгляда. Для тебя это всего лишь жестокая игра, в которой ты удовлетворяешь свои амбиции. Нет, тебе не нужна Ищейка, тебе нужна запись в журнале об очередном раскрытом Отступнике. Тебе самому не терпится стать Ищейкой, и за это ты готов приговорить кого угодно. Вот что сделал этот старик?

– Он распространяет негатив и пугает народ, – надрывно и с ноткой обиды прокричал Витя.

– Ах вот кто автор этих строк! – возмущённо ответил я.

А Кира неодобрительно покачала головой и цокнула языком.

– Ну что, поздравляю, парень, ты хорошо выучил Основ-

ной закон. Можешь быть доволен, – с напором продолжил я.

– Но он Отступник, – с досадой пробубнил парень и печально понурил голову.

– Эх... ты только что приговорил к отключению пожилого человека и даже не попытался разобраться. Да что там говорить, ты даже имени его не узнал. Так кто из нас палач, парень?

Витя долго и натужно пыхтел, подбирая нужные слова, а потом круто развернулся на месте и быстрым шагом отправился вниз по улице. Несмотря на то, что Наблюдатель покинул нас, давящее напряжение осталось витать рядом со мной, отягощая и без того сырой и прохладный воздух. За открытым окном угрюмо шелестел по асфальту дождь и отчётливо слышался запах смерти.

– Зачем ты его так? – осторожно спросила Кира. – Он ведь прав и действовал согласно Основному закону.

– Прав, – нехотя согласился я. – Но пусть научится уважению к людям, он служит в первую очередь ради них, а не себя. Люди не игрушки и не ступени для личного возвышения. Ты сама говорила, что мир не делится на чёрное и белое, а он пока этого не понимает. Наблюдателям дали слишком много власти над людскими судьбами. Низшее звено, а крутят весь механизм.

Я поморщился и поднял боковое окно, после чего мы ещё долго сидели и смотрели на неподвижную старческую фигуру, которой пришло время завершить свой личный путь

к счастью. По стеклу струились ручейки дождя, размывая и искривляя образ одинокого человека с картонкой. Небо оплакивало ещё одного нового посетителя, не дожившего до незримого и такого далёкого светлого будущего. Небо готово принять его в своё щедрое лоно.

– Сти-и-ил? – протяжно позвала Кира, не отрывая взгляд от старика. – А ты смог бы отключить меня?

– Что?! Ты с ума сошла?

– Мы ведь теперь обязаны его отключить?

– Ну да, приговор уже вынесен, мы обязаны его исполнить. Только при чём тут это?

– А если бы на меня пришёл такой приказ, ты бы его выполнил? – задумчиво произнесла Кира.

– Нет, наверное, не смог бы, – после некоторых раздумий ответил я.

– А почему? Чем я лучше того старика? Почему его ты отключишь без раздумий только потому, что так приказали. А меня нет?

– Так ты же моя напарница... друг.

– Друг, значит? Как это лицемерно, Стил. Вся разница между нами только в том, что я тебе знакома, а он нет. Получается, все, кто тебе не друг, уже и не люди вовсе? Они ценятся намного меньше только по этому критерию? Так ведь?

– Да нет, почему же, он ещё и Отступник.

– Ну вот, уже и Отступник. Только сам распинался перед тем парнем за то, что он наделал скоропостижных выводов,

и на тебе, приехали.

– Так, а что прикажешь делать?

– А вот иди и познакомься с ним, стань другом, что же ты? Вот видишь, ты такой же, как тот мальчишка. Одни люди для вас дороже других только по факту знакомства, а все остальные сразу становятся никем, пустым местом и ничего для вас не значат. Тот Наблюдатель не ощущает важность человеческой жизни, ты прав в этом, но все люди такие. Да ты посмотри на них... – Кира вновь указала на одинокого старика и молодую парочку, проходящую рядом с ним. – Им же всем откровенно плевать на него! Их заботят только жизнь и здоровье друг друга, а на человека с улицы они не обратят внимания, даже если он будет умирать в луже собственной крови прямо у них на глазах. А знаешь, в чём секрет? Человеку никто не нужен и не важен, кроме него самого. Он эгоист. Мы все эгоисты до самых костей. Если уж говорить начистоту, то и до знакомых человеку нет никакого дела. Он боится потерять только часть себя, свою личную эмоциональную собственность, свой устоявшийся мирок, вещи, к которым он привык. Когда кто-то входит в его жизнь, то становится всего лишь ещё одной вещью, социальной игрушкой, за которой хочешь не хочешь, но приходится следить, оберегать, только бы не сделать себе больно от её потери. Именно себе. А такие люди, как этот несчастный старик, для них просто ненужная вещь, которой не нашлось применения.

– Ого, какая ты циничная, – удивился я. – Я не знал тебя

с такой стороны.

– Я просто честна с собой и с другими. Может, Отречение виновато в этом, а может, весь мир.

– Хорошо, тогда я отвечу на твой вопрос по-иному и, возможно, несколько витиевато. Человек – существо многогранное, и вписать его в схему из нескольких переменных не получится. В каждом явлении, в каждой ситуации и жизненном выборе встречается и пересекается множество факторов: от моральных и нравственных, до законов общества, в котором мы живём. Только подставив все переменные в уравнение в определённый момент времени, можно объяснить тот или иной поступок. Не нужно загадывать заранее и не стоит спрашивать меня сейчас о гипотетических моральных выборах в возможном будущем. Это к вопросу, выполню ли я приказ о твоём отключении. Если случится подобное, тогда и посмотрим, всё равно смоделировать в уме такое не получится.

– Станешь тут циничной... – буркнула в ответ напарница.

– Ладно, сиди тут, я сам разберусь с этим человеком. Я быстро...

Я шутливо толкнул в плечо надувшуюся от непонятной обиды Киру и вышел из автомобиля, осторожно захлопнув за собой дверцу. Я осмотрел улицу на предмет нежелательных свидетелей и быстрым шагом приблизился к старику, затем схватил его за рукав и негромко сказал ему на ухо:

– Служба Стражей! Очень прошу вас не оказывать сопро-

тивление и проследовать со мной.

Пожилой мужчина ничего не ответил и никак не отреагировал на мои слова. Тогда я с силой потащил его в тесный переулок между домами, где никто не сможет нас увидеть. Переулок хитро петлял, складываясь в запутанный и тесный лабиринт, а дома жались друг к другу и удобно защищали нас от взоров всего остального мира. Мужчина послушно и с полным безразличием следовал за мной, продолжая сжимать промокшую картонку в своих руках. Я выбрал место под каким-то навесом, прикрепленного к стене дома, где бы мы могли спрятаться от дождя, и подтолкнул туда своего пленника. Потом выдрал из его рук импровизированный транспарант, порвал на клочки и отбросил в сторону. Мужчина с печальным взглядом проследил за своей единственной драгоценностью, но упорно продолжил молчать.

Я потрянул его за плечо.

– Гражданин, как вас зовут?

Он продолжал изображать немую статую, сильно сутулился и удрученно смотрел себе под ноги. Судя по его внешнему виду, по грязной и неопрятной одежде, старому плащу, насквозь пропитанному тёмными грязными пятнами, он долгое время жил на улице, возможно, даже в этом переулке. На самом деле мужчина не был настолько стар, как нам показалось сначала, просто под толстым слоем уличной грязи, вековой небритости и вселенской горечи сложно разглядеть человека, стремившегося жить.

– Вы меня слышите? – Я снова потрянул его, пытаюсь привести в чувство. – Вы можете говорить? Вы меня вообще понимаете?

В ответ снова была тишина. Я раздражённо выдохнул, взял его за руку и провёл пальцами по запястью. Открылось небольшое окно Консоли со всей информацией о владельце чипа.

– Так. Виктор Степанович... ага. Виктор Степанович, вы меня слышите?

Надо же, ещё один Виктор. Этот Наблюдатель умудрился приговорить своего тёзку, как интересно. Я просмотрел всю информацию об этом человеке и не нашёл в ней ничего интересного: особых нарушений нет, кроме подобных акций, долгов нет, наблюдение не устанавливалось. Хм, тогда что его сподвигло пойти на это? Может, он Кукловод? Нет, вряд ли, не похоже на них. Тогда что?

– Виктор Степанович, ответьте, пожалуйста, на вопрос. Кто такая Мария? – сказал я и указал на разорванный плакат в стороне.

Мужчина оживился и посмотрел в мои глаза.

– Вы ведь понимаете, что я говорю? – продолжал я. – Я же вижу! Всем будет лучше, если вы расскажете, кто такая Мария, которую вы так усердно требуете вернуть. Слышите? Кто такая Мария?

Я схватил его за плечи и начал трясти. Но он продолжал смотреть на меня, его глаза увлажнились, задрожали, он го-

тов был заплакать.

– Ох, похоже, это бесполезно. Ладно, нужно с этим заканчивать. Виктор Степанович, простите, но я должен выполнить свой долг. Вы нарушили Основной закон Системы и приговорены к отключению. Мне очень жаль...

Меня уже начинало пугать его постоянное молчание и полное безразличие ко всему происходящему. Я снял с пояса рукоять меча, немного подумал и приставил к его телу где-то в районе живота.

– Мне очень жаль... – снова выдохнул я и провёл пальцами по контактной пластине.

Воздух у небольшой круглой гарды печально вздрогнул, засверкал частичками металла, а затем они слились в протяжном вое, вонзаясь в тело пожилого человека. Они собирались внутри него в тонкий и невероятно острый клинок, разрывали плоть и пронзали все внутренности. Мужчина издал истошный хрип, широко открыл рот и запрокинул голову. Он схватился руками за мои плечи, сильно сдавил их, пытаясь заглушить боль внутри себя, этот адский огонь, который разжигали сейчас тысячи маленьких частичек, рвущих всё на куски.

Только в этот момент я понял, что неправильно поступил. Зачем я принёс столько страданий этому человеку? За что я наказал его такой невыносимой болью? Нужно было отключить его быстро, приставить рукоять меча к голове и пронзить её. Но я не смог. Он не был для меня врагом, и я не ис-

пытывал жажды справедливой кары, но поступил с ним, как с любым Отступником: хладнокровно и жестоко. Я почувствовал что-то, впервые за долгое время. Опустошение. Где-то глубоко внутри меня что-то всколыхнулось, закричало, взмолилось и больно кольнуло в сердце. Я вспомнил наш разговор с Кирой, каждое сказанное слово с новой силой вонзилось в мой разум. Возможно, он не заслужил такую участь и его ещё можно было спасти, узнать получше, выслушать, понять и помочь. Он не был убийцей, грабителем или мошенником, он не был Отступником, он всего лишь хотел что-то сказать этому миру, поведать о своём горе, достучаться до всех людей, которые уже разучились видеть жизнь вокруг себя и потеряли связь с реальностью. Кажется, я начал понимать, какие думы терзали Икарова, но, к сожалению, Отречение, кодекс Стражей и годы тренировок не позволили вырасти этому ростку сомнения. Неуловимый лёгкий бриз всколыхнул отдельные струнки в моей душе, а затем привычно развеялся под гнётом установленных правил и норм.

Мужчина беззвучно смотрел в хмурое и ненастное небо, продолжая цепляться за меня руками. На его глазах появились первые капельки разочарования, и небольшая слезинка скромно побежала по морщинистой щеке. Я провёл пальцами по рукояти, клинок задрожал и растворился, унося с собой потоки несправедливой боли. Мужчина начал оседать на землю, но я придержал его и усадил спиной к стене дома. Он недоумённо посмотрел на меня, потом на свой живот, где

быстро росло огромное багровое пятно. Он дотронулся до раны, осмотрел свою окровавленную ладонь, затем снова перевёл взгляд на меня. Дрожащими пальцами он расстегнул несколько верхних пуговиц плаща, запустил под него руку и вытащил из внутреннего кармана небольшую белую вещь квадратной формы, и потом протянул её мне.

Я осторожно взял её в руки и понял, что это старая фотография с технологией моментальной проявки. Подобные устройства использовались на заре зарождения Системы как нелепое заигрывание с ушедшей реальностью и далёким прошлым. Некоторые люди всё ещё хранили их как раритеты, консервативные чудаки, верящие в особый магический дух старых вещей и постоянно ворчащие, что нынче всё стало слишком виртуальным и ненастоящим. В нашем мире подобные заявления звучали особенно забавно. На самой фотографии оказалось изображение милой и жизнерадостной девочки на фоне природы. Ей было около десяти лет, не больше. На девочке надето затейливое светлое платье с розовым отливом, на голове две длинные косички с завязанными голубыми бантиками, а на ногах длинные чулочки. Она задорно улыбалась и разводила руки в стороны. Фотография выглядела очень старой, потёртой, её часто не выпускали из рук, при этом часть изображения совсем поблекла, но внизу виднелась отчётливая надпись: «Алиса».

– Кто это? – спросил я.

Мужчина что-то прошептал одними губами, но я не смог

разобрать. Я присел на корточки рядом с ним и придвинулся поближе.

– Виктор, кто это? – настойчиво спросил я, показывая фотографию.

– В-в-верните Марию... – сухим и хрипучим голосом ответил он.

– Марию? Это Мария? – указал я пальцем на фото.

Виктор лишь слегка покачал головой. Потом схватил меня за воротник, сильно сжал руку и притянул к себе, одновременно отрываясь спиной от стены.

– Найдите мою дочь, умоляю... – прохрипел он.

– Так это ваша дочь? Мария? А почему тут написано «Алиса»?

– Она с Марией... верните её... найдите мою дочь... прошу!

– Ваша дочь у Марии? Ничего не понимаю. Кто она такая? Виктор?.. Виктор?!

Мужчина не ответил. Его хватка ослабла, он выпустил из рук ворот моей куртки, захрипел, тяжело выдыхая воздух, и его тело обмякло, вновь прислонившись к стене. Только одинокая слезинка снова спешила повторить свой путь, в последний раз стекая по родной морщинистой щеке и навсегда покидая тепло и уют своего прежнего хозяина.

Остаток рабочего дня мы провели в бесполезных скитаниях по всему городу. Кира наматывала круги по разным районам, пару раз заезжала в какие-то пустые дворы, огибала ветхие строения и вновь выбиралась на дорогу. После моего возвращения из переулка с чипом того бедолаги мы почти не общались. Кира дежурно спросила, было ли что-то подозрительное в том человеке, но я отрицательно покачал головой. Тогда она замолчала и больше не стала ничего выяснять. Кто знает, что кружило в её голове, какие мысли, чувства, эмоции, она привыкла скрывать их, как нас учили в школе Стражей. Новому витку нашего спора она предпочла тихо и натужно вздыхать время от времени, разряжая скопившийся негатив.

Я так и не решился рассказать ей о фотографии, которую мне передал человек в переулке, она бы вызвала слишком много вопросов, а мне хотелось посидеть в тишине и подумать. Правильно ли я поступаю, скрывая подобное от напарницы? Это же улика? Да, улика, только о ней никто не знает, кроме меня. При этом я продолжал ощущать в себе непонятное чувство. Оно клокотало, раздирало меня изнутри и пыталось вырваться наружу, но оказалось запрятано так глубоко, что до меня доносилось лишь лёгкое, но неприятное беспокойство. Что это? Я не знаю это чувство, точнее, не мо-

гу вспомнить. Я выполнил задание и должен быть спокоен, это был приказ. Но это мерзкое жгучее ощущение в глубине сознания, оно разъедало меня, медленно, но настойчиво. Словно лёгкий зуд от укуса комара, его хочется чесать и чесать, пока не сдерёшь всю кожу. Я сохранил это фото, спрятав во внутреннем кармане куртки, иногда прижимая руку к груди, чтобы проверить, ощутить его присутствие. Кира, безусловно, заметила мои странные движения, но не стала ничего спрашивать. Нужно разузнать хоть что-то об Алисе и Марии: кто они и почему из-за них такой шорох поднялся в городе. Как же мне хотелось избавиться от этого зуда внутри, он не давал мне покоя. Я чувствовал, что должен найти пропавшую девочку, только это способно его унять.

В это время на город надвигалась ночь. Стало совсем темно, небо почернело, приобретая грозный клубящийся вид, а ненастье начало усиливаться. Капли дождя из мелкого ублаживающего шороха превратились в сильный ливень, с грохотом стучащий по крыше автомобиля. На улице зажглись каскады цветных огней, вывесок и фигурных подсветок, город окунулся в красивый сказочный мир, вздохнул переливами огней и возвестил о начале новой жизни.

Мы возвращались домой в спальную часть города. Машина размеренно и вальяжно катилась по улочкам, и я успевал наслаждаться пиршеством цветных огней, что дарил центр с его нескончаемыми магазинами и роскошными заведениями. Люди менялись, надевали другие маски, вели свою осо-

бую ночную жизнь. Здесь рождались иные интересы, иной характер, это были совсем другие люди. Они спешили выбраться из своих дорогих авто, бежали в клубы, рестораны, развлекательные заведения. Забавно видеть, как скромные офисные клерки в один миг превращались в одно сплошное разнузданное и чрезмерно раздутое эго, стремившееся показать себя во всей красе. К чему было это лицемерие и двойная жизнь? Возможно, они сбегали от повседневности, или им не хватало контрастов в жизни, а может, только так они чувствовали себя по-настоящему живыми.

Кира покинула шумный и оживлённый вечеринками центр города и выехала на трассу, ведущую в спальную часть города. На нас хлынула непроглядная тьма и с непривычки ударила по глазам после недавнего купания в обилии света. На трассе было плохое освещение, а далеко отстоящие друг от друга осветительные столбы неохотно разгоняли густой полумрак. В такую погоду даже фары автомобиля не справлялись с неистовым натиском темноты. К тому же бесконечные потоки воды, обрушивающиеся с небес, ещё сильнее затрудняли обзор. Очистители на лобовом стекле работали в полную силу, но не могли справиться с такой нагрузкой.

– Да-а, ну и погодка. – Единственное, что произнесла Кира после вечности в натянутом как струна безмолвии.

Мы въезжали в спальную часть города, окунались в совсем другую, размеренную и куда как более осмысленную жизнь. Здесь не мерили маски, не тягались амбициями и не

пытались выставить своё эго на показ. Здесь всегда было спокойно и по-домашнему уютно. Тихие улочки утопали в блеклом свете старых фонарей, в домах ярко горели окна, а за ними мелькали усталые тени жильцов. Весь мир вокруг нас погружался в теплоту домашнего очага, вечернего отдыха за чашечкой горячего чая и сладкую дремоту после долгого и трудного рабочего дня. Кругом царил полумрак, лениво разгоняемый редкими фонарями и светом от ближайших домов. Улицы здесь довольно узкие, дома стояли очень близко и тесно прижимались друг к другу, пытаясь согреться под капризным ненастьем.

Сейчас людей на тротуарах почти не осталось, все давно сидели по домам в компании со своими любимыми шоу, общались с семьями, мечтали, строили новые планы или вовсе предавались сладким грёзам перед подвигами нового дня. Только редкие компании молодых людей прохаживались по улице, смеялись, резвились, молодая кровь бурлила в их жилах и не давала отправиться по домам.

Кира жила неподалёку от трассы, ведущей к центральной части города, поэтому в первую очередь мы всегда заезжали к ней. Она отправлялась домой, а я пересаживался на нелюбимое место водителя и продолжал свой путь, в свою маленькую, но такую привычную конуру. Я жил немного дальше, в глубине спальных районов, в более захолустном и спокойном месте, поодаль от города ярких красок.

Вот и сейчас, как обычно, мы выехали на Заводскую ули-

цу и направились к дому номер два, где жила Кира. Почему улица называлась Заводской, я не знал. Возможно, на заре строительства Системы здесь предполагалось возводить промышленный район, но что-то пошло не так. Квартира Киры располагалась в красивом и ухоженном пятиэтажном доме и была намного роскошнее моей: несколько комнат, огромная ванная и отдельная кухня, что было вполне закономерно. Дом стоял на окраине спальной части и всеми силами пытался выглядеть лучше перед лицом своих старших братьев из центра города. Здания здесь всегда отличались красивым и ухоженным видом, за ними усердно следили и украшали. Ведь обеспеченный человек из центра, если соизволит обратить свой взор на юг, должен видеть не разбитую и нагнетающую депрессию застройку, а симпатичную и лицемерную вуаль. Он должен верить, что даже там все люди живут хорошо, не страдают и не бедствуют, чтобы совесть его продолжала спать крепким сном и не тревожить своего хозяина. Всё, что окружает этих людей, должно быть прекрасно. Именно поэтому в древности самые приближённые к господину рабы всегда хорошо одевались, были чисты и внешне привлекательны, а что творилось за пределами внутреннего окружения, за границей поля зрения, мало кого волновало.

Кира подъехала к дому номер два, остановилась и всмотрелась сквозь лобовое стекло.

– Ты посмотри, какой сегодня зарядил! Никогда такого не было. Эх, видимо, дела идут всё хуже и хуже. Вот, чем надо

заниматься: латать Систему, а не ловить Призраков. Ладно, Стил, побегу я, устала очень. До завтра! И очень прошу: не проспай опять, не хочу снова видеть твою наглую сопящую мордашу.

– Хорошо, хорошо, – мягко ответил я. – До завтра!

Я помахал на прощание рукой прямо перед её лицом. Кира криво улыбнулась и с неохотой начала выбираться в дождливый вечер. Но только она вылезла на улицу, как раздался щелчок, открылась Консоль автомобиля, и зазвучал уже ненавистный нам голос.

– Отряд «Феникс», это Башня. Приём.

– Ну что ещё там?! – Кира с досадой плюхнулась обратно на место. – Сколько можно?! Я спать хочу!

Я с пониманием посмотрел на напарницу, по её примеру наигранно закатил глаза и нажал на кнопку ответа.

– Почти живой отряд «Феникс» на связи. Что случилось? – ответил я и скорчил гримасу.

– «Феникс», вам новое задание... последнее, – неловко добавил голос. – Поступил приказ отключить Отступника по адресу: улица Возрождения, дом девять, квартира шестьдесят один. Отступник – Дмитрий Иванович Шолохов, возраст – семьдесят два года, приговор привести в исполнение немедленно. Как поняли? Приём.

– Вас поняли. Конец связи, – безрадостно ответил я и отмахнулся от парящего экрана.

Окно Консоли дрогнуло и исчезло, оставив нас наедине

с тишиной и монотонным шипением дождя на улице. Мы переглянулись.

– Они издеваются, что ли? Что сегодня за день-то такой?! Семьдесят два года? – возмущённо взмолилась Кира. – Сегодня что, все старики в городе взбунтовались?

– Ага, причём так срочно. На ночь глядя, ай-ай. Ещё один смертельно опасный враг общества. Герои должны устремиться в ночь, дабы зловещий Отступник не успел огреть кого-нибудь тапком по голове до завтрашнего утра.

Кира не разделяла моего шутливого настроения, она сидела рядом и смотрела на меня с таким жалостливым видом, что сердце начинало сжиматься от боли.

– Ладно, Кир, иди домой, отдохай. Уж со стариком я как-нибудь один справлюсь. Опыт у меня уже есть.

– Точно справишься?

– Да иди уже, – ответил я и мягко толкнул её в бок. – Улица Возрождения всё равно недалеко от моего дома, сделаю небольшой крюк, там дел-то на пять минут.

– Спасибо, Стил. Честно, спасибо!

Кира выскочила из автомобиля и побежала к дому, неуклюже прикрывая голову руками, а я пересел на место водителя, захлопнул за ней дверцу и выехал на дорогу.

На самом деле крюк до улицы Возрождения был совсем не маленьким, искомая цель находилась в совершенно другом районе, и всё время в пути я провёл в некотором смятении и расстройстве. День выдался на редкость пакостным.

Я был изнеможён до предела, и больше всего мне хотелось упасть на свой диван и уснуть крепким сном. Нужно потерпеть ещё немного. Сейчас заеду к этому несчастному, раздва – и здравствуй, постель, здравствуй, Тьма! Тьфу, точно же, Тьма, я уже забыл о ней. Теперь и сон сразу пропал.

Я встряхнулся, взбодрился и как раз завернул на нужную улицу. Через пару минут я остановился у нужного адреса. Надо мной нависал стандартный пятиэтажный дом из старого, почерневшего от сырости кирпича. Во дворе царила непроглядная тьма, все фонари оказались выключены или сломаны, а свет горел только в нескольких окнах. Я примерно прикинул, где должна находиться шестьдесят первая квартира, и сразу припарковался около последнего четвёртого подъезда.

Дождь беспрестанно заливал лобовое стекло, и сквозь него становилось всё труднее разглядеть, что находится впереди. Свет фар выхватывал лишь старый полуразрушенный вход, покосившийся от времени козырёк подъезда и две увядшие клумбы по обеим сторонам. Когда-то здесь было очень красиво и ухоженно, люди следили за цветами, вон там стояли лавочки, где проводили досуг местные жители, обсуждали свежие новости и сплетни, жизнь цвела и светила в будущее. Но всё закончилось с приходом дождей, они смыли все надежды и мечты, подрезали многим крылья и желание к чему-то стремиться, они отняли у людей желание жить. Некогда красивый, ухоженный подъезд совсем потуск-

нел, накренился и пал жертвой человеческого безразличия.

Всё, что нас окружает, весь мир – это отражение нас самих, проекция наших душ и мыслей. Достаточно пройти по обычной улице где-нибудь в глубинке города, заглянуть в ближайшие дома, посмотреть на лужайки около них, чтобы понять, что представляют собой жильцы, обитающие здесь. Разруха начинается не с клумб, а в сознании людей. Здесь, в выдуманном мире, состоящем из полёта мыслей, даже лёгкое дуновение отчаяния способно породить разрушительную бурю.

Я выключил фары и заглушил двигатель, а затем подался вперёд к лобовому стеклу и попытаться разглядеть здание. В этой части дома оказалось особенно темно: в окнах не было ни света, ни любых других признаков жизни. Отступник, скорее всего, уже спал или вовсе отсутствовал. Меня больно кольнула мысль и острое желание, чтобы его не нашлось дома, иначе придётся вытаскивать из кровати старого человека и говорить ему об отключении. От этого почему-то стало совсем не по себе.

Неожиданно перед глазами возникла яркая вспышка, ослепила на время, а затем надо мной пронёсся оглушительный раскат грома. Давно я не видел грозы, погодный модуль продолжает разваливаться прямо на глазах, а дела в Системе идут всё хуже и хуже. Этот день просто не мог закончиться хорошо. Я выбрался из автомобиля, захлопнул дверцу и посмотрел на небо. Дождь неумолимо хлестал по лицу тяжёлы-

ми каплями, и мой нос отозвался сдавленной болью, напоминая о позорном дне на ринге.

Снова яркая вспышка. Огромная сияющая голубая змея промчалась по небу, освещая чёрные и вздыбленные тучи над головой, пронзая их и уходя куда-то вдаль. В призрачной вспышке тёмный двор и здание передо мной казались совсем уж зловещими. Я поёжился от нахлынувших мыслей и поспешил зайти внутрь. Когда дверь подъезда со скрипом захлопнулась за моей спиной, скрывая бушующее небо и заглушая шипящий звук дождя да грозные раскаты грома, из темноты ударил резкий и неприятный запах плесневелой сырости. Я поморщился и начал подниматься, ощупывая ногами каждую ступень. Лишь редкие вспышки молний, пробивающиеся сквозь грязные окна подъезда, помогали не утонуть в вязкой темноте.

– Так, тут где-то был фонарик, – шёпотом сказал я себе и открыл Консоль. – Эй, какого чёрта?!

Раз за разом я нажимал на пункт в меню Консоли под названием «Покупки», но мне постоянно выдавалось предупреждение: «Создание временно запрещено, попробуйте позже».

– Просто великолепно! – воскликнул я в более грубой форме. Но мне ответило только эхо из тёмного пролёта этажей.

Само окно Консоли, плывущее передо мной, излучало приятное и чуть заметное оранжевое свечение. Его вполне

хватало, чтобы окончательно не разбить себе многострадальный нос, поэтому я решил использовать его в качестве источника света. Всё лучше, чем ничего. Таким образом мне пришлось взбираться на самый верхний пятый этаж, прежде чем передо мной возникла дверь с цифрой «61». Мне сегодня везёт, кругом одни совпадения: снова последний этаж, главное, опять не оказаться соседом, живущим на крыше.

Я подошёл к входу, протянул руку и обнаружил, что дверь немного приоткрыта. Это меня серьёзно насторожило. Я выбрал в Консоли раздел с амуницией и нажал на пункт с названием своего пистолета. Хорошо, хоть создание оружия они не заблокировали. Какое благородство с их стороны! Мгновение спустя окно Консоли исчезло, а в руку мне упал мой тяжёлый и родной пистолет. Я выдохнул, морально готовясь ко всему, и толкнул дверь. Она протяжно и противно скрипнула, выпуская мне навстречу затхлый и едкий запах старого помещения и очередную порцию крошечной тьмы. Перешагнув через порог, я осторожно прикрыл за собой дверь. Я ничего не мог разглядеть перед собой, а из звуков до меня доносился только сбивчивый шелест собственного дыхания, но снова включать Консоль я не решился.

Новая вспышка сверкнула за окном, и на миг позволила мне оценить окружение. Я оказался в однокомнатной квартире с весьма необычным строением. Сразу перед входом была стена, разделяющая всё пространство на две части: левую – самую большую, где располагалась жилая комната, и

правую – маленькую кухню. Снова вспышка – и после неё я заметил тёмную фигуру у окна на кухне. Мне стало немного жутко от всей ситуации, она очень напоминала затёртую сцену из какого-нибудь второсортного ужастика, только вот ужас в этот раз был настоящим. Я навёл свой пистолет на тень и сделал шаг вперёд.

– Я вас ждал, Страж, – раздался голос с кухни.

– Служба Стражей, не двигаться, поднимите руки вверх, назовите себя! – громко отчеканил я.

– Проходите, присаживайтесь, будьте как дома. – Голос человека был очень добрым, мягким и спокойным.

– Кто вы? Назовитесь! – я сделал ещё один шаг вперёд, не опуская оружие.

– Я Шолохов Дмитрий Иванович, вы ведь по мою душу пришли, верно?

Мужчина отошёл от окна и сел за кухонный стол у стены.

– Здесь ещё кто-нибудь есть? – грозно спросил я.

– Да нет здесь никого. А где ваш напарник?

– А он вам нужен? – озадаченно переспросил я.

Откуда он знает про напарника? Странно это всё.

– Да нет, не нужен. Значит, вдвоём будем. Вы присаживайтесь, в ногах правды нет, – вежливо повторил мужчина своё приглашение.

На кухне раздался странный шелест, а затем звук вспыхнувшей спички. Тёмная фигура зажгла небольшую свечку, стоявшую на столе, и кухню наполнил тусклый дрожащий

свет от крохотного огонька. Я осторожно подошёл к своей цели и, когда убедился, что опасности нет, засунул пистолет за пояс и сел напротив Шолохова.

– Включите свет, – потребовал я.

– Я не могу этого сделать, молодой человек, его давно уже отключили за неуплату.

За окном громко хлестал дождь, бился о стекло раненой птицей, стекал по карнизу и продолжал свой полёт. Время от времени сверкали молнии, немного разгоняя неуютный полумрак, следом проносился грозный рёв грома и снова стихал, оставляя меня наедине с Отступником. Между нами тускло горела единственная свеча, поставленная в стеклянный стакан, но она плохо справлялась. Её слабого сияния хватало, чтобы в очертаниях разглядеть маленькую кухню, по-домашнему уютную и с очень бедной обстановкой, а также смуглое морщинистое лицо старика, с налётом грусти смотрящего в мои глаза. Его щёки обвисли, волосы поседели, но продолжали крепко держаться на голове. Несмотря на плохо скрываемую печаль, его взгляд казался очень цепким, внимательным и напряжённым, но каким-то пустым, вмещающим столько безразличия, что в его бездонной темноте отражался только дрожащий огонёк свечи. Шолохов обладал крепким и статным телосложением для своих лет, вероятно, он активно занимался собой в молодые годы. Он сидел гордо, выпрямив спину и скрестив перед собой ладони на столе, отрешённо поглядывал на источник света, периодически

поджимая губы. Пока я разглядывал свою цель, позади меня, у входа, что-то тихонько шваркнуло. Я вскочил, выдернул из-за пояса пистолет и направил его в темноту.

– Вы же сказали, что дома никого нет! – осуждающе возмутился я.

– Да успокойтесь вы, – испугался старик. – Уберите оружие. Дома действительно никого, кроме нас, нет. Барсик не считается.

– Барсик?

Из темноты появилось два зелёных огонька, они медленно приближались, а я продолжал держать их на мушке, отслеживая каждое движение. Вот уже рядом со мной показалось что-то не очень большое, тёмное и мохнатое, подобралось к моим ногам, село рядом, посмотрело на меня вопросительным взглядом и сказала своё твёрдое «Мяу!».

– У вас есть домашняя программа? – поразился я.

– Фи, программа, – ответил старик и сморщился. – Это мой кот, Барсик. Правда, он хороший?

– Мяу, – глубокомысленно подтвердил кот.

– Ну, наверное. – Я немного растерялся, убрал пистолет обратно за пояс и сел на табуретку.

Кот ещё раз требовательно мяукнул и, не дождавшись того, о чём просил, развернулся, дошёл до старика и запрыгнул к нему на колени.

– Их же давно запретили? Они несут слишком большую нагрузку на Систему из-за сложного механизма эмульсии

поведения? – я пристально наблюдал за мохнатым попросайкой, а он за мной.

– Некоторым разрешали, – пожал плечами Шолохов. – У меня были большие заслуги перед Системой... в своё время. Думаю, я заслужил хотя бы его, – сказал он. И погладил кота, на что тот довольно мяукнул.

– Заслуги? Какие? – заинтересовался я.

Шолохов встрепенулся и опустил взгляд на огонёк свечи.

– Ладно, давайте заканчивать. Делайте то, зачем пришли. Только у меня будет маленькая просьба. Я вижу, вы неплохой человек, Страж, позаботьтесь, пожалуйста, о моём Барсике, очень прошу. Он хороший, добрый, воспитанный, вот увидите!

С этими словами он поцеловал кота в загривок и снял с колен. Я смотрел на это с некоторым недоумением и явно ощущал что-то неладное.

– Дмитрий Иванович, можно сначала вопрос? Что вы натворили?

– Вот те раз! – удивился Шолохов. – С каких это пор Палачей интересуют детали? Вы должны выполнять приказ, и всё.

– Так, это уже интереснее, тогда у меня сначала будет другой вопрос. Вы изначально знали, кто я, потом спросили о напарнике, назвали Палачом, что происходит? Откуда вы столько знаете о нас?

– Я многое знаю о тебе и твоей службе. За всю свою

жизнь я научился видеть и определять Стражей на расстоянии. Твоя походка, движения, неуловимый запах смерти, следующий за тобой по пятам, – всё это выдаёт в тебе профессионала особого уровня.

Тут на меня внезапно снизошло озарение.

– Подождите-ка, дайте вашу руку!

Я схватил его за запястье, провёл пальцами по месту вживления чипа и всмотрелся в открывшееся окно, но старик быстро одёрнул руку.

– Хватит! – раздражённо воскликнул Шолохов.

– Да у вас провал в биографии длиною в жизнь, ничего нет, вообще ничего! Вы ведь Страж, да? Бывший Страж? Вот откуда вы всё знаете.

– Был когда-то. – Старик сдался и чуть заметно кивнул. – Когда был таким же юным и безрассудным, как ты.

– Ого! Так что же вы всё-таки натворили? За что вас следует отключить?

– Эх, Страж, лучше бы ты не задавал лишних вопросов, а делал своё дело, как тебе и положено. Не думал я, что с тобой будет столько проблем, я надеялся на быстрое решение.

– Подождите! – Я вскочил как ужаленный. – Что вы хотите этим сказать? Какое быстрое решение? Что вы сделали?

– Это неважно, заканчивай с вопросами! Всё, что я сделал, было осознанно, и хочу получить за это наказание.

– Осознанно? Вот как. – Я обратно уселся за стол и с некоторым разочарованием посмотрел на Шолохова. – Так вы са-

ми захотели отключения? Похоже, вам нужна помощь Техника, а не Палача. Я, конечно, понимаю, что лучшее средство от головы – это топор, но не до такой же степени? Давайте я позвоню Техникам, и вам помогут.

Старик грозно вскочил с места и с досадой ударил кулаком по столу.

– Не нужно никому звонить! Вы получили задание, Палач, так имейте же честь и выполните его, – громко сказал Шолохов. А потом вернулся на место, с тяжестью выдохнул и стал говорить тихо, отвернувшись в сторону: – Теперь вам некуда деваться, вы должны отключить меня и доставить мой чип в башню. Не нужно меня лечить или лезть в душу. Всё, о чём я прошу, – это дать мне спокойно умереть... пожалуйста.

– Но... Но почему? Я не понимаю, – не унимался я. – Почему вы так жаждете отключения? У меня это совсем не укладывается в голове. Ладно, ещё молодые люди совершают глупости, они наивные, порывистые, но вы?! Доживите свой век спокойно, зачем вам всё это? Прячетесь здесь в кромешной темноте, как загнанный зверь, совсем обезумели. Скажите, почему вы перестали платить за свет? У вас денег нет? Разве вам не делают выплаты? Дмитрий Иванович, в вашем возрасте надо жить и радоваться каждому новому дню, а не приближать смерть всеми способами.

Шолохов ничего не ответил, только ниже опустил голову, закрыл глаза и начал глубоко дышать. За окном в это время снова сверкнула молния, и стёкла затряслись от грохота. На-

блюдая за начинающейся бурей, я ушёл в собственные мысли, борясь, но сдаваясь под давлением внутренней боли.

– А знаете что? – сказал я, очнувшись от размышлений. – Всё, хватит с меня на сегодня странных событий и смертей. Считайте, что вам не повезло со мной или, наоборот, повезло, это как посмотреть. Возможно, я пожалею об этом импульсивном решении, но поймите меня правильно, я должен разобраться, что с вами случилось, должен понять. Я чувствую, что-то изменилось в Системе за последнее время, и вы мне поможете понять, что именно. Сделаете это – и тогда я выполню вашу просьбу, обещаю.

– Вы не можете так поступить, Страж, вы связаны обязательствами, вы должны выполнить задание, – пробубнил старик.

– Да, вы правы, должен, и я его выполню.

Шолохов с недоумением уставился на меня, но я в ответ улыбнулся, встал и вышел в прихожую. Там я открыл Консоль, выбрал пункт «Звонок» и нашёл в списке человека по имени Макс. Рядом с его именем красовалось две кнопки: «Видеозвонок» и «Личный вызов». После выбора второго варианта Консоль свернулась, воздух всколыхнулся, и в нём появилась телефонная трубка необычной формы, в виде гладкой дуги из глянцевого пластика. Она упала мне прямо в руку, и после продолжительных гудков человек на том конце всё-таки ответил:

– Стил, ты с ума сошёл? Я просил мне не звонить! – от-

ветил встревоженный голос.

– И тебе привет, Макс! У меня нашлось применение твоим талантам, быстрее приезжай на улицу Возрождения девять...

– Какое ещё Возрождение? Ты чего? Ночь на дворе, за мной могут наблюдать ваши верные псы, ты забыл? Они вечно околачиваются у моего дома.

– Макс! Быстро взял такси, свои инструменты и приехал на улицу Возрождения, дом девять! Чтобы через двадцать минут был здесь, для тебя есть работа по профилю. Не забывай, кому ты обязан жизнью.

– Да-да, Стил, ты же не позволишь мне забыть об этом до конца этой самой жизни. Куда конкретно приезжать?

– Квартира шестьдесят один.

– Ох, сейчас буду...

Макс отключился, и трубка в моей руке поспешила растаять в воздухе. Я вернулся на кухню. Дмитрий всё ещё сидел за столом, погружённый в молчаливую меланхолию, смотрел на дрожащий огонёк и медитативно поглаживал своего кота, который снова забрался ему на колени.

– Сейчас приедет мой друг, он поможет, – неловко сказал я, усаживаясь на табурет.

– Может, тогда чаю, пока ждём? – с долей смирения спросил старик, оторвавшись от свечи.

– Не откажусь.

Мурлычущий кот во второй раз был спущен на землю,

от чего он обиженно мяукнул и побрёл восвояси. Шолохов, шаркая ногами, подошёл к плите, чиркнул спичкой и поставил на горелку ковшик с водой.

– Извините, – сказал он. – Чайник у меня только электрический.

Старик достал из навесного шкафчика старое засохшее печенье, высыпал его на стол, сделал нам по бокалу крепкого чая и вернулся на своё место.

– Этот ваш Макс, он ведь взломщик? – спросил старик, делая из чашки глоток.

– Как вы узнали?

– Бросьте, Страж, сколько можно удивляться? Я полжизни отдал служению Системе и не такого повидал. Я понимаю, что вы хотите сделать. Не боитесь? Если об этом узнают, вас отключат.

– Не узнают, не должны. Макс – наш штатный взломщик, мы часто прибегаем к его помощи по долгу службы. Тем более он многим мне обязан.

– И давно Стражи начали сотрудничать с Отступниками? – спросил Шолохов, посмотрев осуждающе и очень пронзительно.

– Нет, то есть там не всё так просто, – с некоторым замешательством ответил я и отвернулся в сторону.

Некоторые время мы сидели в тишине. Я держал в руках горячую чашку, грел руки и смотрел сквозь темноту в кухонное окно, где иногда ярко проносились всполохи разрядов,

неся за собой грохочущий рокот грома.

– Дмитрий Иванович, можно вам задать один вопрос? Для меня он очень важен. Как вы считаете, жители Системы сильно изменились за это время? Они стали хуже или лучше? Насколько мы приблизились к мечте?

Шолохов сдавленно крикнул и предосудительно покачал головой.

– Изменились? Ты даже не представляешь как, Страж...

– Всё так плохо? Есть у меня один знакомый, примерно вашего возраста, он считает, что люди нынче, особенно молодое поколение, совсем потеряли связь с реальностью. Он сравнивает их с цветами, оторванными от почвы. А моя напарница видит проблему в повсеместной инфантильности общества.

– Ну а ты как считаешь? – спросил старик и с интересом прищурился.

– Даже не знаю, – искренне недоумевал я. – Я вижу вокруг чужих друг другу людей, они все разобщённые, как отдельные листики в потоке воды, плывут по течению, сталкиваются лениво, расходятся и продолжают свой путь. Возможно, это всё глупости, но я не понимаю, как мы можем вместе достичь нашей общей мечты. Все люди превратились в одну большую, инертную и апатичную массу, они ничего не хотят и ни о чём больше не мечтают. Всё, что им нужно, – это плыть по течению, чтобы их не трогали и не тревожили. Я не знаю причин этого, я говорю лишь то, что вижу на улицах

каждый день. Хотя что тут ещё скажешь, если даже старики стремятся поскорее покинуть этот мир.

Шолохов стыдливо отвёл глаза и пожевал губами.

– В чём-то ты прав, Страж. Действительно, им уже ничего не нужно, нет в них больше веры в себя, в людей, в своё будущее. Они разучились мечтать, вот что страшно! Этот мир построен как попытка реализовать самую грандиозную мечту человечества о лучшем месте, рае, где сбываются все желания. Мы возводили его долгие годы, десятилетия, дом за домом, строчка за строчкой прописывали каждый алгоритм, каждое движение, мысль, действие. Мы хотели лучшего мира, который не отличался бы от прошлого, был как настоящий, но лишённый недостатков оного. Так что же случилось? Где та жгучая, всеобъемлющая, пылающая страсть в людях? Где то, что заставляло нас двигаться вперёд, идти на подвиги, заставляло сметать все барьеры и следовать дальше? Что стало с нашей мечтой?

Повисла секундная пауза.

– Может, она сбылась? – иронично предположил я.

Шолохов разочарованно вскинул руки и шлёпнул себя по коленям.

– А что, похоже на то, что она сбылась? Нет! Мы сдали свою мечту, разменяли её на полпути, бросили на первом же повороте. Когда-то в людях действительно пылала страсть, тяга к свершениям, они шли сквозь все преграды, пока их вело горящее сердце Данко. Он сжимал его в руке и гордо

нёс перед собой. Люди шли за ним, обуреваемые желанием скорее выйти из тёмного леса, но, оказавшись на опушке, остановились там на отдых. Да так и остались на ней навсегда, забыв о том, к чему стремились, куда шли и за что отдал свою жизнь Данко.

Шолохов улетел в своих мыслях слишком далеко, он замер, сжимая в кулаке незримое сердце, а его взгляд провалился в пустоту.

– Подождите, кто такой Данко? Вы о чём? Что-то я вас совсем не понимаю.

Но только старик открыл рот, чтобы ответить, в дверь негромко постучали. Я вскочил с места, быстро достиг входной двери и не глядя распахнул её. У входа стоял молодой парень, застывший с поднятым в воздух кулаком, и с испугом смотрел на внезапно возникшего из темноты человека. Выглядел паренёк немного неряшливо: бывшие когда-то белыми, а ныне грязно-серые кроссовки, потёртые синие джинсы, светлая рубаша навыпуск, свисающая ниже пояса, а сверху коротенькая куртка из коричневой кожи. Поперёк груди, под курткой, виднелся ремешок, державший у пояса небольшую сумочку. На его голове красовалась жуткого вида причёска в виде прямых жёстких локонов, торчащих в разные стороны, при этом волосы оказались выкрашены в непривычный красный цвет. Весьма экстравагантная внешность, впрочем, под стать его деятельности.

– Макс, входи, чего застыл? – произнёс я.

– Стил, это ты, что ли? Почему тут так темно? В этом доме люди, вообще, живут?

Макс зашёл внутрь, прикрыл за собой дверь, осмотрелся немного, затем заглянул на кухню, где горела одинокая свеча и неподвижно сидел Шолохов.

– Стил, ты с ума сошёл? – прошептал он. – Ты чего удумал? Ты же не собираешься?.. О нет, вижу, что собираешься. Хочешь, чтобы нас обоих закопали?

– Успокойся, делай своё дело, а об остальном я позабочусь. Ты принёс свои инструменты?

– Да принёс, принёс, – Макс постучал рукой по сумочке у пояса. – Они всегда со мной. Ох, Стил, как бы это всё боком не вышло.

– Ты смотри у меня, – шутливо пригрозил я. – Я ведь могу в любой момент сдать тебя с потрохами!

– Угу, и себя тоже. Не бойся, я помню о своём пожизненном рабстве, – язвительно пробормотал парень и отправился на кухню.

Там он остановился, пристально осматривал старика целую минуту, а потом спросил:

– Это вы наш пациент?

– Очевидно, да, – печально ответил Шолохов.

– Стил? – обратился ко мне Макс с хладнокровным спокойствием. – Он не выживет.

– В каком смысле? – удивился я и подошёл ближе.

– В прямом. Он не переживёт операцию, слишком стар. Я

лучше пойду тогда, я не хочу рисковать его жизнью.

Макс уверенно развернулся на месте и хотел уйти с кухни, но нарвался на меня в проходе. Я схватил его за рукав и потащил обратно.

– Делай, что велено, – строго сказал я.

– Но он умрёт! Вероятность успеха... процентов двадцать, может, меньше.

– Это на двадцать процентов больше, чем у него было до этого. Поверь, другому исходу он только обрадуется. Иного выбора у нас нет!

Макс слишком уж демонстративно и резко вырвал руку из моей хватки, посмотрел с глубокой ненавистью в глаза, потом снял с себя сумочку и положил на стол.

– Странные игры ты затеял, – пробормотал он, а затем обратился к Шолохову: – Что у вас со светом?

– Говорит, отключили за неуплату, – ответил я за старика.

– За неуплату? Весь дом, что ли? – недоумевал Макс. – Да и с каких пор за него нужно платить? Секундочку, сейчас мы всё оплатим.

Парень хитро оскалился, достал какой-то маленький шарообразный предмет из сумки, нашёл ближайшую розетку, куда был подключён неработающий холодильник, и выдернул вилку. Затем нажал что-то на круглом предмете, и оттуда выскочили два зубчика стандартной вилки, после чего он вставил их вместо холодильника. Макс немного отошёл, провёл двумя пальцами в воздухе, открывая Консоль, потом

очень быстро и умело начал перебирать по ней пальцами.

– Так, у вас стандартная сеть, ага, – бормотал парень себе под нос. – Тут у вас общедомовой распределитель, через Н-5... нет, похоже, Н-6... ага, точно, Н-6... та-а-к, главный узел, каталог, ага, вот сюда... вы Шолохов, да? – спросил Макс и повернулся к старику.

Тот молча кивнул.

– Отлично, почти всё... вуаля!

Неожиданно всю кухню залил ровный яркий свет и на время ослепил всех присутствующих. После стольких минут в темноте глаза не сразу согласились принять столько света.

– Ну вот и всё, – довольно заключил Макс и выдернул своё устройство. – Долги погашены, электричество оплачено на год вперёд.

Парень, довольный собой, победоносно расплылся в улыбке, пока мы продолжали тереть глаза.

– Да-да, Макс, ты молодец, давай уже приступим к главному, – потребовал я.

– Хорошо, тогда давайте пройдем в комнату.

Старик задул свечу и послушно последовал за нами. Его уже мало интересовало, чем это всё может закончиться, тем более появился хороший шанс не выжить во время операции. Мы прошли в левую часть квартиры, где находилась жилая комната, не очень большая, но довольно уютная. Здесь было много всего: мягкий и широкий диван у одной стены, огромные стеллажи книг у противоположной, большая теле-

визионная панель в углу и лакированный письменный стол у окна, заваленный разнообразными бумажками. Шолохов щёлкнул переключателем на стене, и красивая витиеватая люстра под потолком озарила всё вокруг приятным и тёплым светом.

– Ложитесь на диван, – скомандовал старику Макс. – Ага, вот так, а правую руку свесьте.

– Как вас угораздило связаться со Стражем? – спросил его Шолохов.

– Это долгая и не очень приятная история, – ответил парень, погрузившись в печальные воспоминания.

– Он был Отступником, – ответил я за него и подошёл к окну в комнате, за которым снова сверкнула молния, – Но очень умным. Макс первым из взломщиков догадался, как можно извлечь чип, сохранив при этом виртуальный образ в целости, и не разрушить связь с телом. Естественно, этим поспешили воспользоваться другие Отступники. К нему приходили самые отъявленные головорезы, чтобы извлечь из себя чип и скрыться от правосудия. Можно сказать, Макс лично положил начало движению Призраков.

– Вот оно как? – с интересом протянул Шолохов и внимательно присмотрелся к парню. – Тогда почему он всё ещё жив?

– Стоп, стоп, стоп, хватит, давайте не будем ворошить моё прошлое! – запротестовал Макс.

– Я думаю, наш пациент имеет право знать, кто будет

его истязать, – ответил я. – Так вот, на Макса вышли, когда устроили слежку за одним из Отступников, он и привёл нас прямо к нему. Макс выглядел тогда ещё более молодым и беспечным, совсем мальчишкой, он был сильно напуган, умолял не отключать его. Я уговорил начальство сохранить ему жизнь, поскольку на тот момент он был единственным взломщиком, способным на извлечение, и мы решили оставить его как приманку, под мою личную ответственность. В итоге мы сделали правильный выбор. С тех пор Макс работает на нас, сдаёт всех Отступников, обратившихся к нему, а взамен ему даровали жизнь. По крайней мере, до тех пор пока он продолжает с нами сотрудничать.

– Так это началось ещё раньше? Понятно... – спросил Шолохов.

– Что началось? – уточнил я.

– Твоё отступничество конечно, не первый раз ты нарушаешь приказ.

– Это не отступничество, а рационализм!

– Скорее, эгоизм, – ехидно заключил старик.

Макс довольно хрюкнул на слова Шолохова, но встретил мой уничижающий взгляд и моментально замолчал.

– Как я понял, сейчас есть и другие взломщики, способные на извлечение? – пытаюсь сгладить свои слова, Шолохов стремился сменить тему.

– Да, мы считаем, что их несколько. Кто-то ещё продолжает множить ряды Призраков, и мы пока не знаем кто. В

любом случае, Макс сейчас более полезен живым, чем мёртвым. Правда, Макс? – издевательски подмигнул я парню, желая отомстить за его насмешку.

– Стил, может, хватит рассказывать всем подряд подробности моего рабского закабаления? – обиделся он.

– Закабаления? Чудик, я тебе жизнь спас! Ладно, давай принимайся за работу, время уже позднее.

Макс послушно сходил на кухню, принёс табуретку, поставил её рядом с диваном и начал что-то усиленно искать в своей сумочке. Затем вытащил пару странных приборов, инструментов и небольшой скальпель. У Шолохова округлились глаза.

– Вы меня резать будете? – испуганно спросил он.

– А как вы думали, я буду вытаскивать чип?

– Но кровь...

– Не бойтесь, крови не будет, я временно заблокирую руку. Только, как бы вам это сказать, будут не очень приятные ощущения и немного больно. Если быть точнее, то будет очень больно, а ощущения такие, будто вам оторвало руку. Только не пугайтесь!

– Терпите, Шолохов, так надо, – произнёс я, уставившись в окно.

– Кому? – безысходно пробормотал старик.

– Мне! Вашей жизнью сейчас управляю я, так что терпите.

Под нашу небольшую перепалку Макс размотал пару устройств с небольшими экранчиками, от которых шли

длинные провода с присосками на конце. Он поместил их на запястье старика около чипа, несколько проводов прицепил к контактам на его пальцах и ещё один прибор подключил непосредственно к самому чипу.

– Ну что же, приступим! – сказал он и открыл Консоль. – Для начала отследим вашу капсулу.

Парень увлечённо затарабанил пальцами по полупрозрачному окну, иногда сокрушённо покачивая головой и изредка хмыкая себе под нос.

– Ага! Вот она! Сигнал устойчивый, пробую внедриться.

После пяти минут стремительно меняющихся гримас на лице Макса он довольно и победоносно вскинул руки.

– Получилось! Эх, каждый раз радуюсь, как в первый! А теперь внимание, Шолохов, потерпите, ставлю прерыватель на руку.

Взломщик ткнул пальцем в окно, и старик резко дёрнулся, выгнулся на диване, затем часто и глубоко задышал. Он сдавленно зашипел, с силой сжимая губы, а его виртуальный образ немного потускнел и пошёл мелкой рябью.

– Так должно быть? – испуганно спросил я.

– Да! Не мешай мне, времени мало, – ответил Макс и взял в руки скальпель.

Макс схватил запястье старика, поднёс скальпель и хотел сделать надрез, но Шолохов продолжал беспорядочно извиваться от боли, не давая возможности навести инструмент.

– Стил, держи его! Крепче держи! – крикнул взломщик.

Я подбежал к ним, схватил старика за плечи и с силой прижал его к дивану. Макс вцепился покрепче в его руку, сделал надрез, взял щипцы и с силой выдернул чип из запястья. Виртуальный образ Шолохова моргнул, с неохотой возвращаясь в Систему, потом снова зарыбил и пришёл в норму.

– Отлично! Сигнал схватился! – ликовал Макс. – Сейчас, сейчас, Шолохов, терпите, ещё секундочку.

Взломщик взял длинный овальный предмет, похожий на растолстевшую шариковую ручку, выдавил из неё на рану прозрачную субстанцию и склеил ею разрез.

– Снимаю прерыватель, – сказал он и нажал кнопку в окне Консоли.

Старик сразу успокоился, перестал сопротивляться и позволил себе пустить скупую слезу, которую всё это время отважно сдерживал. После того как руке вернули ощущение реальности, из плохо склеенной раны начала просачиваться кровь. Макс хмыкнул, достал из бездонной сумочки обычный бинт и крепко перемотал запястье.

– Всё, жить будет, – сказал он, отцепляя приборы и убирая предметы обратно в сумочку. – Старикан крепкий попался, я думал, его сердце не выдержит такой шоковой нагрузки.

– Уйдите, прошу... – взмолился Шолохов. – Оставьте меня одного.

Обессиленный, он растянулся на кровати и прикрыл глаза левой рукой.

– Думаю, нам следует дать ему отдохнуть, – прошептал

Макс. – Пусть привыкнет к своему новому состоянию «свободного полёта». И ещё, Стил, просто напоминаю: без чипа, а следовательно, без Консоли, он теперь беспомощен, как котёнок. Он даже еды себе купить не сможет.

– Я завтра принесу ему всё необходимое, – согласился я.

Парень кивнул в ответ, обтёр чип кусочком бинта и передал его мне, затем схватил табуретку и понёс её обратно на кухню. По дороге он чуть не споткнулся о кота, с интересом заглядывающего в комнату. Барсик испуганно отскочил от ругающегося Макса, потом подошёл к дивану, обнюхал перебинтованную руку хозяина, посмотрел на меня вопросительным взглядом и требовательно мяукнул.

– Ничего, Барсик, – успокоил я его. – Всё с твоим хозяином будет хорошо.

Удовлетворённый таким ответом, кот развернулся, подошёл к другой части дивана и стал там что-то усердно вынюхивать. Потом Барсик несколько раз сунул лапу под диван в тщетных попытках достать неизвестную добычу. Я подошёл к нему и присел рядом. Кот снова посмотрел на меня и мяукнул.

– Что ты там нашёл?

Я сунул руку в поисках его добычи, нащупал что-то твёрдое и холодное и потянул наружу. Там оказался маленький металлический кубик чёрного цвета с отчётливой контактной пластиной на одной из граней. Это информационный куб – очень редкая и дорогая вещь, на нём обычно хранят

различные служебные программы, а также используют Техники для добавления в Консоль новых функций и приложений. В обычном магазине такой не купишь и на улице не найдёшь, в связи с очень узкой и специфической областью использования. Такой куб можно встретить только в двух местах: у наших Техников и у...

– Стил? – дрогнувшим голосом позвал меня Макс. – Что это?

Он стоял в проходе и с волнением смотрел на куб в моих руках.

– Я как раз у тебя хотел спросить. Это твой? Похоже, он выпал из твоей сумки, когда ты доставал инструменты. Что на нём?

Макс не стал упираться и врать.

– Да всякие нужные программки. Я же взломщик и всё такое. Разреши, я заберу? – Макс неуверенно сделал пару шагов навстречу и вытянул руку.

Я отшатнулся и отрицательно покачал головой.

– То, что он у тебя, уже преступление.

– Да какое преступление, Стил, говорю же, нужные для работы программы.

Я не послушал Макса и провёл пальцами по контактной пластине на кубе. Прямо над ним появилось небольшое окно с красноречивой надписью:

Программа «Белый шум» v0.58

Внимание, использование данной программы может привести к летальному исходу. Если вы согласны, нажмите «Установить».

Постойте-ка, «Белый шум», где-то я уже это слышал! Меня пронзило неприятными воспоминаниями. Я нажал на кнопку «Отмена», и куб отключился. После чего я сунул его в карман, схватил Макса за плечо и потащил к выходу.

– Я... я... только, – верещал он.

– В машине поговорим, пошли, быстро!

Я вытащил его из квартиры, захлопнул дверь и стащил за собой вниз по лестнице. Макс всё это время испуганно перебирал ногами и боялся что-либо сказать. Я вывел его на улицу, довёл до автомобиля и с силой усадил на пассажирское сидение, а сам занял место водителя. Закрыв дверь машины, я достал из кармана куб и показал его Максу.

– Откуда это у тебя? Отвечай, быстро! – строго спросил я, грозно повышая тон. – Где ты его взял?

– Нигде, – хмуро ответил Макс.

– Что значит «нигде»?

– Это... моя разработка.

– Ты идиот! – завопил я. – Ты знаешь, что ты идиот? Как ты мог? Тебя держат живым до первой провинности. Ты же знаешь, что многим не нравится твой статус штатного взломщика, да половина Стражей только и ждут, когда ты оступиться! А ты что? Ваяешь смертельные программки? В чём

ещё ты замешан? А? Ты хоть представляешь, что ты натворил? Из-за тебя погиб мой друг. Страж! Ты это осознаёшь? По твоей вине погиб Страж!

– Мне очень жаль, правда, Стил, прости! Но... но я не виноват, – сдавленно пропищал Макс и забился в своё сидение. – Я не хотел. Он заставил меня их сделать!

Я почувствовал, будто меня окатили ведром холодной воды.

– Подожди, кто заставлял?

– Стил, меня теперь отключат, да?

– Кто тебя заставлял? – настойчивее повторил я.

– Я не могу, он же меня убьёт, ты должен понимать, – взмолился Макс и совсем поник.

– Что понимать? Нет, ты точно идиот, Макс. Да я тебя сам сейчас убью, если всё не расскажешь!

Макс несколько раз пытался что-то возразить, но неизменно натыкался на мой свирепый взгляд и замолкал. В конечном итоге он сдался.

– Он пришёл ко мне месяц назад, – после небольшой паузы пробормотал он.

– Кто он?

– Я не знаю, честно. Мужчина средних лет, в тёмном плаще и с натянутым на глаза капюшоном, он постоянно прятал под ним своё лицо.

– Хм, Кукольник... – задумчиво произнёс я.

– Что?

– Нет, ничего, продолжай.

– Так вот, своего имени он никогда не называл, сказал только, что я должен написать для него программу, способную многократно увеличить все основные способности человека: силу, ловкость, реакцию. Пригрозил смертью, если я откажусь. Я не хотел причинять никому вреда, поверь мне. Мне пришлось сделать для него несколько версий этой программы, но все они приводили к перегрузке мозга и смерти. Не представляю, на ком он испытывал мою разработку, но у меня не было ни времени, ни возможностей нормально завершить работу. Каждый раз я в спешке собирал новую версию, он её забирал и через несколько дней возвращался с новыми угрозами. Он рассказывал о результатах, о том, сколько продержался очередной испытуемый, и заставлял работать ещё и ещё. Но люди продолжали умирать, а я ничего не мог поделать. Та версия, что у тебя в руках, была последней. После очередного провала этот человек назвал меня неудачником и больше не появлялся. Не видел его уже больше недели. Я не знаю, как такой куб попал в руки твоего друга, Стил, мне очень жаль.

– Боже, Макс, если это правда, то у меня нет слов. Сколько человек погибло по твоей вине!

– А что мне оставалось делать?

– Много чего. Твоя жизнь против многих других, и ты сделал свой выбор. Ты мог сообщить Стражам или рассказать всё мне, в конце концов!

– Я боялся, – обречённо пропищал Макс.

– Нет, ты не боялся, ты был восхищён новой задачей, новыми сложностями, вызовом, тебя прельщали возможности. Я слишком хорошо тебя знаю, ты любишь это – уничтожать все преграды, ты же взломщик. Поэтому ты ничего не сказал, пока тебя не поймали. Эх, Макс...

Парень совестливо склонил голову и ничего не ответил.

– Интересно, почему он бросил попытки создать эту программу и почему не убил тебя после того, как ты стал ему не нужен? – продолжил я задаваться вопросами. – Слишком много «почему» в этой истории, очень странно.

– Меня теперь отключат, да, Стил? – повторил свой вопрос напуганный взломщик.

– Если ты говоришь правду, то пока повременим с этим. Стражам очень нужен этот человек в капюшоне, и ты поможешь мне найти его.

– Как? – возмутился Макс.

– Не знаю, придумай что-нибудь, ты же у нас умный.

– Но он сам приходил ко мне и, похоже, больше не вернётся. Я даже не представляю, как его найти.

– Отыщи способ, сделай так, чтобы он снова к тебе пришёл. Пусть решит, что ты, к примеру, смог доделать свою программу. Мы договорились?

– Договорились. Как будто у меня есть выбор, – буркнул он.

– Вот и отлично, выведешь меня на этого капюшончика,

а я помогу тебе не умереть... опять.

– Я тогда пошёл? – Макс совсем помрачнел и положил руку на дверцу, собираясь уйти.

– Сиди уж, я подвезу тебя, тут не очень далеко.

Я завёл двигатель и поспешил покинуть этот тёмный и уютный двор. Макс выглядел очень напуганным и потерянным, он сидел, дрожал всем телом, перебирая пальцами по ремешку своей сумки, его глаза быстро бегали по приборной доске, отражая тот ураган мыслей, что носился в голове. Парню не очень повезло в этой жизни, он стал гениальным взломщиком, умениям которого позавидовал бы любой Техник, но попал в опалу к Стражам и уже дважды был заочно приговорён к отключению. Он ведь мог пойти в школу Стражей, стать отличным Техником, работать на благо Системы, добиться роскошной и вольготной жизни, но предпочёл направить свои силы на разрушение, а не созидание. Поэтому он сейчас здесь, дрожит от страха, вечно гонимый, вечно в бегах, не только от закона, но и от самого себя.

Мы выехали на прямую дорогу, набрали скорость, и тут я подумал, что Макс такой же представитель нового поколения, оторванных от почвы людей, запутавшийся цветок, который потерялся на пути к солнцу и забыл, для чего он рос.

– Макс, можно вопрос?

– О чём? – осторожно спросил он.

– Скажи мне, почему ты решил стать взломщиком, почему не пошёл в Техники? Мог бы спокойно работать, завести

семью, стать полноценным членом общества. Почему ты выбрал стезю Отступника? Ты же осознавал, к чему это приведёт, но всё равно рискнул.

– Ох, – расстроено выдохнул Макс. – Кто эти ваши Техники? Рабы, не более. Роботы, что день ото дня выполняют одну и ту же механическую работу, повторяют заученную комбинацию действий. Нет, спасибо, мне не льстит быть зомби в этой вашей башне. Мне нужна свобода!

– О какой свободе ты говоришь? Ты же вне закона, – усмехнулся я. – Может быть свобода от правил, людей, общества? От чего ты вообще бежал?

– Ничего ты не понимаешь, Стил. Я говорю о свободе творить, созидать, быть чем-то большим, чем механический болванчик у конвейера ваших услуг. Вы загоняете своих Техников в узкие рамки, даёте им чёткие указания, что делать и как делать. Вы пристально следите за каждым их шагом, чтобы никто не посмел оступиться и не сотворил что-нибудь своё. Свободомыслие наказуемо. Свобода созидать и быть творцом мира под запретом. Быть человеком стало наказуемо!

– Действительно, не понимаю, Макс. Какая тебе разница, где создавать программы?

Парень немного успокоился, устроился поудобнее, развернулся на сидении ко мне и даже выразил глубокое разочарование от моих слов на своём лице.

– Стил, человек не машина, он не способен выполнять ру-

тинную работу всю свою жизнь, это отупляет, превращает в рабочий скот. Человек теряет свою главную особенность и дар от природы – умение мыслить. Наше призвание – это созидать и менять мир вокруг, а вы загоняете всех в новые, придуманные вами законы природы, превращаете в послушных животных. Я родился с большим талантом быть человеком, быть творцом! Да, не делай такие удивлённые глаза. Нынче, чтобы стать Человеком с большой буквы, нужен талант. Во мне бьётся творческая искра и просится наружу. Я не смог бы стать простым Техником, где нужно подчиняться правилам. Эта искра сожжёт меня изнутри, если не дам ей выхода. Поэтому я сознательно пошёл на риск, но эту цену я готов заплатить, чтобы стать свободным для жизни.

– А Дмитрий?

– Какой Дмитрий?

– Тот Страж, погибший по твоей вине, что его подтолкнуло пойти на осознанный смертельный риск и воспользоваться твоей программой?

– Не знаю. Думаю, то же самое. Он не захотел быть таким, как все, ему хотелось выделиться, сделать что-то большое и значимое в своей жизни, он искал одобрения и признания своих заслуг. Я думаю так. Может, он просто надеялся, что выживет, что его не коснётся беда. Я же говорю, вы превращаете людей в зомби, в слепых роботов, готовых на всё, чтобы стать кем-то иным.

– Как интересно... – задумался я, поворачивая во дворы. –

Столько людей, и у всех своё объяснение происходящему.

– Сколько людей, столько и мнений, Стил. – Макс позволил себе натужную улыбку. – Мы приехали, спасибо, что подвёз. Постараюсь помочь, чем смогу. Как что-то выясню, сразу сообщу.

– Хорошо, жду новостей. А теперь выметайся, пока я не вспомнил, что я Страж.

– А куб не отдашь?

– Не наглей, Макс! Куб я конфискую. Отдам нашим зомби-Техникам, пусть изучают твой свободный полёт творчества, – съязвил я.

Парень насупился, посверлил секунду недовольным взглядом, затем выбрался под проливной дождь и побежал к своему дому. Я посмотрел ему вслед и задумался над его словами о разных мнениях людей. Нет, они не разные, всего лишь частички одной мозаики, каждая из которых описывает свой кусочек мира, но вместе они составляют единую картину происходящего. Все люди по-своему правы, но все односторонне слепы и не могут связать из разрозненных нитей единое полотно реальности. Они вынуждены бесконечно плутать в трёх соснах, но я должен найти выход из этого леса!

Тем временем я вырулил на обратную дорогу и отправился домой. Сил уже почти не осталось, но зато впереди брезжили диван, бессонная ночь и моя вечная спутница – Тьма.

Глава 2. Белый шум

А вы что-нибудь знаете о белом шуме? Безусловно, знаете и слышали о нём много раз. Но воображение каждого человека создаёт свою неповторимую картину, когда он слышит эти слова. Сколько смысла, глубины и чувств могут хранить в себе одни и те же понятия. Для учёного-астрофизика воображение рисует далёкие миры, галактики, звёзды, сверкающие мириадами огней в крошечной тьме, и далёкий свет, несущийся сквозь прозрачную вуаль времён. Для него белый шум всего лишь научный термин, сухой, официальный и лишённый всякого эмоционального наполнения, это только признак правильности его теорий, ещё одно доказательство науки, что теряется среди всей совокупности фактов. Учёный закрывает глаза и представляет остатки реликтового излучения, которое сохранилось и донеслось до нас сквозь пространство времён, от самого зарождения нашей Вселенной миллиарды лет назад. Конечно, для него это тоже своя неповторимая романтика, особый смысл жизни. Она несёт в себе незабываемую глубину открытий, неопишущую детскую радость от соприкосновения с вечностью, когда учёный слышит этот однотонный шипящий звук из динамика своего старенького радиоприёмника и представляет протяжённый крик новорождённой Вселенной, который любой астроном готов слушать часами.

Но белый шум не замыкается только в научном, физическом термине, для остальных людей это явление несёт в себе свою, особую энергетику, свою романтику и скрытые смыслы. Воображение обычного человека рисует куда более простые, жизненные и приземлённые образы. Спросите первого встречного, что он знает о белом шуме, и в его памяти оживут старые отголоски давно минувших дней, он вспомнит свои бессонные ночи у телевизора с пультом в одной руке и банкой пива в другой. Он вспомнит, как пил по ночам, чтобы забыть о своём горе, как смотрел пустым и ненавистным взглядом в экран телевизора и думал о смерти, о вечном и смысле всей его никчёмной жизни. А по экрану в это время переливался именно он, грозно шипел, постоянно менялся и смотрел на человека своим неизменно застывшим взором. Да, это был он – белый шум. Человек и Вечность обменивались тихими ненавидящими взглядами и пожирали друг друга глазами. Один грозно шипел, искрясь в бессильной злобе, другой сжимал в руке уже тёплое пиво и искал ответы в этой постоянно меняющейся реальности, но она ему не отвечала. Вечность продолжала шипеть и бурлить бедностью цветов, монотонно перебирала все струнки души и рвала их в клочья. Человек искал там ответы, пытался разглядеть в этой белой мгле хоть какой-то смысл, просил помощи, желая вырваться из плена суицидальных мыслей. Но не бывает ответов в хаосе, он способен лишь породить и усилить боль. Невозможно жить, смотря каждый день в лицо

безумия, в бездумные, мельтешащие перед глазами потоки серости. Хаос способен лишь уничтожать.

Всё это пронесётся перед глазами человека, и он ничего вам не ответит. Только печально улыбнётся, пытаясь скрыть эмоции и всё то, что сейчас нахлынуло на него бурной волной, чтобы снова укрыться в своей обители боли. Вы можете спросить у другого человека, что такое белый шум, но это ничего не изменит. Он вспомнит своё старенькое, перемотанное изолентой радио и странный шум, заполняющий собой всё пространство между радиоканалами, что стремится поскорее пролистать. Может, вы сами вспомните то чувство, с которым приходится раз за разом слышать его глубокий гул, пока вы крутите колесо настройки. Там только боль и одиночество. Вы судорожно ищете волну, ищете знакомые голоса, пытаетесь уловить хоть какие-то признаки присутствия людей: разговоры, музыку, ту самую блаженную мелодию, что развеет приступ меланхолии. Вспомните, как вас накрывает этот поток одиночества, как неумолимо хочется сбежать от него, вы мысленно молитесь, чтобы поскорее нашлась та спасительная волна, любая, пусть совершенно бесполезная, но которая вырвет вас хотя бы на миг из цепких лап опутывающего вас хаоса. Человек не может существовать среди монотонного хаоса, где он непременно будет одинок и потерян, как и все остальные крупинцы этого шума, что так нервно мечутся по экрану в поисках выхода из этого мрака.

Теперь я расскажу вам о другом значении белого шума, который поражает не теле- или радиоприёмники и даже не аппаратуру учёных, я расскажу вам о шуме, что поражает человеческое общество и каждого из нас. Включите телевизор, выдерните антенну и взгляните в экран. Тысячи маленьких, белых и чёрных точек беспорядочно мечутся по нему без остановки, без отдыха, без всякой логики и цели, но в этой изменчивой картине, где каждое мгновение не похоже на предыдущее, всё же есть некая неуловимая и странная однообразность. С одной стороны, у движения точек нет никакой логики, но с другой – поражает небывалая монотонность процесса. Да, это так, они монотонны и безразличны в своей постоянной хаотичности и бессмысленности происходящего. Если хаос не сменяется порядком, то он сам становится им. Скорее деструктивным, самопожирающим и извращённым, но порядком.

Чтобы увидеть это и понять глубину того безумия, которое мы называем белым шумом, необязательно использовать специальную аппаратуру, достаточно выглянуть в окно. Что мы там увидим? Серые, потухшие тени некогда великого общества, мира творцов, созидателей и искренних порывов души. Они мечутся по прогнившей сцене жизни, сверкают и гаснут, падают, роняя в грязь свои души, идут по раскалённым иглам и испытывают нечеловеческое удовольствие от этого безудержного и ритмичного танца. Я называю его упорядоченным хаосом.

Люди перестали быть людьми, превратились в безликие маленькие точки на нашем экране в жизнь, которое мы называем окном. Эти точки не живут... нет, они просто бессмысленно мечутся по полотну жизни, бездумно прожигая своё время и силы. Они не понимают, как давно попали в этот порочный круг, из которого нет выхода. Они как слепые хомячки в железной клетке нащупали колесо и бегут в нём куда-то вдаль, проявляют чудеса ловкости и скорости, они думают, что находятся на гребне волны, успеха, что ещё чуть-чуть – и доберутся до цели, добьются всего в жизни. Но это мнимое чувство, бег на месте и медленное разложение личности, вокруг каждого всё та же клетка, кормушка и любимое колесо, где он может вечно бежать на потеху владельца душ. Пусть хоть кто-нибудь взглянет на свою жизнь, пусть хоть на минуту прозреет, посмотрит по сторонам и увидит свою клетку, это чёртово колесо. Увидит порочный круг жизни, ненавистную работу и домашние дела, ненавистные цели и смыслы или, скорее, их отсутствие. Нет, я не хочу сказать, что ни у кого совсем нет желаний и целей, есть и даже много, но все они ложные, созданы из большой иллюзии развращённого общества, построенного на ненависти ко всему, что нас окружает, с уже полной отчуждённостью даже не отдельных элементов, а самой жизни в целом.

Вы можете спросить: «Но как отличить ложные цели от истинных?» Это очень просто. Воткните заново антенну в свой телевизор и всмотритесь... вслушайтесь... Вы слыши-

те это? Музыка... Вы видите на экране картины далёких стран, завораживающие полотна, которые только способен передать стеклянный экран? Куда же пропал тот вечный хаос? Куда делось мельтешение точек? Никуда... Они остались всё там же, на своём месте, но теперь у каждой точки своя, чётко прописанная роль, своя цель в существовании, великая значимость в общей картине, и все они работают вместе на достижение общей цели. Теперь у них один смысл жизни – созидать что-то новое, величественное и прекрасное. Только слаженное и целенаправленное действие каждой точки способно породить шедевр.

То же самое способно твориться за вашим окном, там тоже могут произрастать величественные картины и литься музыка жизни, приносящая радость от любых дел. Люди способны породить ещё более величественные шедевры, но им тоже нужны общая цель, своя антенна, свои цели и смыслы, способные дать вектор всему обществу в одном направлении, распределить роли и заставить эти бессознательные точки, этот хаос перерасти, наконец, в истинный порядок. Только когда каждый элемент осознано занимается своим делом, когда каждое его действие направлено на создание общей картины, только тогда общество ненависти и отчуждённости способно переродиться во что-то большее – в общество прогресса, созидания и любви.

Сейчас я тоже слышу этот шум: далёкий, пугающий и пробирающий своими монотонными нотками до самой глубины

души. Я спал, если моё привычное состояние можно считать сном. Скорее, все мои потуги отдохнуть ночью называются проще – аудиенция с Тьмой. Сейчас она мягко обволакивала меня, казалась густой, непроницаемой и забиралась внутрь при каждом вздохе. Хм, я дышу? Странно, что я осознаю это. Нет, это всё-таки не сон, скорее бодрствование в чулане из собственных страхов, здесь так же темно, неудобно и тяжело дышать. При каждом вздохе я чувствую, как смолянистая и густая тьма наполняет лёгкие, её хочется побыстрее выдохнуть, выплеснуть наружу. Иногда мне было действительно страшно захлебнуться в ней. Ещё этот шум. Размеренный, шипящий, он похож на отдалённый шум водопада. Откуда он? Всегда были только тишина и безмолвие, поглощающие все мои крики. Вчера я услышал звук, когда надо мной склонилась Кира и капли падали на моё лицо. Может, и в этот раз я блаженно сплю, а напарница выливает на меня третье ведро воды? Безумие! Нет. Но что это? Страх обвивает мои мысли, он карабкается по всему телу, цепляясь острыми когтями. Я боюсь двинуться в этой тьме, да и не знаю куда, этот звук везде, он обступает со всех сторон. Что же мне делать? Хм, похоже, он усиливается или... или приближается, о нет!

Звук делался всё громче и громче, всё ближе и ближе, он обволакивал меня, сливался с Тьмой, становился с ней единым целым. Шипение стало прерывистым, будто что-то пыталось прорваться сквозь него. Откуда я это знаю?! Не знаю, просто чувствую.

– Эй, кто здесь? – выдавил я, захлёбываясь Тьмой и шипением.

– Пр... ш-ш-ш...

– Что? Я вас не понимаю!

Вдруг шипящий звук резко замолк, стало очень тихо и неуютно.

– Э-э-эй? – осторожно окликнул я.

– Проснись!

* * *

Я резко вскочил со своей диван-кровати и замотал головой, пытаясь отогнать наваждение. Да что же это со мной? Руки трясутся, всё тело бьёт озноб, перед глазами плывут круги, а на шее капельками проступил холодный пот. Я вытер его рукой, взглянул на свою мокрую дрожащую ладонь и попытался отдышаться. Глубокий вдох – выдох, ещё один... постепенно наваждение начало отступать, а вместе с ним и гул в голове. Ко мне возвращалась ясность мыслей, а комната приобретала чёткие очертания. Я немного постоял неподвижно, пытаясь понять и осмыслить, что произошло со мной во владениях Тьмы, затем посмотрел на своё ночное ложе. Вся постель оказалась смята, взъерошена, а подушка насквозь промокла. Что это было? Шум, этот голос... я готов поклясться, что слышал чей-то голос, он приказал проснуться, вытолкнул меня из цепких объятий Тьмы. Как странно.

На полу негромко отстукивал секунды будильник, отмеряя размеренный такт жизни и не считая его, в комнате царил умиротворяющая тишина, лишь немного отступая перед далёким шуршанием дождя за окном. Всё ещё было темно, неуютно и немного холодно, а может, меня продолжало трясти от такого резкого пробуждения. Сколько сейчас времени? В этот раз я точно не забыл завести будильник, но он ещё не звенел. Может, я выключил его и забыл? Нет, вряд ли, Тьма не отпускала меня всю ночь, и за окном до сих пор темно. Я поднял будильник с пола, сквозь полумрак взгляделся в циферблат и после небольших усилий понял, что сейчас почти семь утра, хотя я заводил на восемь. Ещё слишком рано, но уснуть я теперь не смогу, к тому же сон окончательно рассеялся. Столько лет я провёл в той темноте, в одиночестве, каждую ночь, сражаясь за право вновь открыть глаза навстречу новому дню. Я привык к такому, к боли, страху и пыткам Тьмы, это сделалось частью моей жизни, ритуалом очищения, после которого я лишь смеялся над трудностями обычных дней. Но этот шум стал последней каплей, он нарушил хрупкое равновесие и вернул ощущение безысходного ужаса. Одна мысль о новой встрече с ним заставляла сердце ускоренно биться и нагоняла тревогу. Как же теперь спать? У меня не было ответа, одна лишь надежда, что к следующему закату загадочный шум уйдёт туда, откуда явился.

Я скрестил руки на груди, поёжился от холода и в одних трусах и босиком подошёл к окну. Тёмное и мрачное полот-

но предстало перед моим взором. Небольшие огоньки около домов с трудом разгоняли тьму, обнажали пустынные улицы, машины, выглядывающие холодными силуэтами у обочин дорог, и строгие серые коробки домов с редкими вкраплениями горящих окон. Улочка внизу выдавала утреннее запустение, и только изредка по ней проносились первые автомобили, ранние пташки, вновь спешащие по своим делам. Гроза к утру совсем утихла, а жуткий ливень из сплошного потока воды превратился в небольшой морозящий дождик. Он печально отстукивал по небольшому карнизу за окном и оставлял крошечные брызги на стекле, которые быстро и бесследно исчезали.

– Брр! – сказал я тишине. – Как холодно!

Я вернулся к дивану, быстро свернул постельное бельё, приподнял спальное место и убрал во внутренний отсек скомканный, весь помятый кулёк из одеяла и подушки. Затем натянул на себя штаны, рубашку, джемпер – и сразу стало намного теплее, а настроение постепенно улучшалось. Вот так встанешь с утра пораньше, вылезешь из-под одеяла своей мягкой крепости, что охраняла тебя всю ночь, и почувствуешь себя ужасно слабым и уязвлённым, кажется, что любое дуновение может причинить вред. Руки сами скорее тянутся к твоей следующей, дневной твердыне. Пара штанин и рукавов, ты замираешь на секунду, чтобы насладиться моментом. Как же приятно снова ощутить тепло, уют и странное чувство защищённости, которое способна дарить самая

обыкновенная одежда, она словно щит от внешнего мира, от всех его забот, страстей и тревог. В ней ты чувствуешь себя в безопасности, скрытым от посторонних глаз, это очередная деталь маскарадного костюма для выхода в свет на сцене будней.

Всё-таки сколько радости могут приносить обычные вещи. Я понежился в ласкающих объятиях мягкого джемпера, потом поспешил в ванную, где смыл с себя последние следы ночного наваждения, гладко выбрился и снова почувствовал себя живым человеком. Ночной шум ослабил хватку, стал казаться каким-то нереальным, потухшим следом в далёкой памяти, тревога прошла, а в голове окончательно прояснилось. До начала моего дежурства оставалось ещё куча времени, поэтому я решил неспешно попить крепкого кофе, чтобы разогнать все оставшиеся мысли о сладкой дрёме. Я разогрел электрический чайник, насыпал в огромную кружку три ложки своего любимого растворимого кофе, залил кипятком и прошёл с ним к столу посреди моей маленькой комнаты. Там я устроился поудобнее, провёл двумя пальцами по воздуху и в раскрывшемся окне Консоли выбрал пункт с красноречивой надписью: «ТВ». Раз у меня выдалось свободное время, нужно узнать, что интересного творится в нашей Системе. С этими мыслями я выбрал из списка новостной канал и в нетерпеливом ожидании начал медленно помешивать ложкой горячий напиток.

Несколько мгновений спустя экран Консоли потемнел, а

затем вспыхнул пёстрой картинкой новостной студии. Перед моими глазами появилась сияющая улыбка молодой и очень красивой девушки с короткими волнистыми волосами и в деловом костюме. Она сидела за специальным закрытым столом, на котором красовалась надпись из четырёх больших букв: «КПСН», что, в свою очередь, расшифровывалось как «Канал Приятных Системных Новостей». Ради шутки некоторые люди любили сокращать последние два слова до «Канал Приятных СНов», что больше соответствовало действительности. Телевидению было запрещено показывать любой негатив, доносить плохие новости или любым способом огорчать жителей Системы. Каждая новость, телефильм или передача должны приносить только позитивные эмоции или в крайнем случае нейтральные. Любые попытки культивировать страх через СМИ жёстко пресекались. Нарушите это правило хоть раз – и к вам приедут Палачи, например я... или «Харон», что гораздо хуже, поверьте. Вот поэтому этот телеканал называли каналом приятных сновидений. Постоянная череда умиротворяющих новостей обычно клонила ко сну. Порой так скучно слышать раз за разом радостные известия. Но именно сейчас мне хотелось именно этого – умиротворения.

Девушка с экрана Консоли повисла в воздухе прямо напротив мрачной картины дождливого утра за моим окном. Она счастливо улыбалась, смотрела прямо на меня своими пустыми стеклянными глазами, источала такую фальши-

вую радость и безмятежность, что становилось невообразимо тошно от подобного лицемерия.

– ...именно поэтому они решили посетить этот праздник, – торжествующе закончила девушка с экрана.

Похоже, я опоздал узнать очередную важную новость про детский утренник.

– А теперь к следующей новости...

В ожидании я сделал маленький глоток из чашки и чуть не обжёг губы, кофе был ещё слишком горячий.

– ...сегодня на съезде совета директоров компании «С-Транс», занимающейся проектированием и производством новых моделей автомобилей, было решено не снижать темпы разработки совершенно нового семейного автомобиля следующего поколения, а следовательно, не лишать рабочих мест своих сотрудников. И это несмотря на резкий спад спроса на автомобили и прочую дорогостоящую технику. Безусловно, такое не может не радовать простых рабочих, которые в последнее время были обеспокоены ситуацией на рынке передвижных средств. Как нам объяснил председатель совета директоров господин Рымский, текущий спад в первую очередь обусловлен сбоем в работе погодного модуля и вследствие этого некоторым ухудшением морального самочувствия наших граждан. Как только модуль будет исправлен, всё снова вернётся в привычное русло, заверил нас господин Рымский.

Я сделал глоток горячего, но уже терпимого кофе и по-

думал о том, кому вообще это может быть интересно. Половина фраз диктора неуловимо ускользали от меня, не оставляя в памяти ни следа, их смысл терялся где-то в информационном шуме монотонного рассказа. Зато в голове целыми слоями заботливо укладывались нужные установки: все проблемы решены, все рады, все счастливы, и нас ждёт успех. Эта формула неизменно прослеживалась во всех новостных сводках, закрепляя в сознании несколько простых усыпляющих мыслей.

– ...кстати, о погоде, – продолжала ведущая с не менее поддельной улыбкой и заинтересованностью. – Елена, что у нас за окном?

Камера повернулась к другой девушке, стоящей рядом на фоне огромной тучки, откуда появлялись схематичные капельки. Девушка была такой же искусственной, не живой: губы натужно вытянуты в улыбку, лицо неестественно блестит, а руки живут своей жизнью.

– Да, Оленька, хорошо, что спросили! – ответила Елена и смешно развела руками. – Вот только порадовать вас пока не могу: за окном всё тот же дождик, пасмурное небо и неприятный пронизывающий ветер. Несмотря на это, вчерашняя гроза сошла на нет, и дождь немного успокоился. Думаю, сейчас отличное время, чтобы выйти на улицу, подышать свежим воздухом и не бояться промокнуть.

Я заметил, как они панически пытаются выжать из любой новости хоть что-то позитивное. Что же, это весьма похваль-

но, вот только выглядит подобное уж слишком притворно.

– Ну что же это такое, Елена? – наигранно поморщилась ведущая. – Когда уже, наконец, мы снова увидим солнце?

– Скоро, Оленька, очень скоро. Наши доблестные Техники сражаются с этой проблемой не покладая рук. Они обещали, что скоро найдут причину неполадок и починят погодный модуль. Осталось потерпеть совсем немного!

– Что же, спасибо вам, Елена, за такие хорошие новости, ждём от вас ещё больше приятных известий.

Интонации последних слов ведущей выдавали плохо скрываемую обеспокоенность, похоже, она сама не очень верила в то, что говорит. Телеведущих можно понять: тяжело изо дня в день врать людям, уверять тех, что всё будет хорошо, стоит лишь немного потерпеть. К их великому сожалению, люди не настолько слепы и сами замечают, что ситуация в Системе выходит из-под контроля, они давно перестали верить новостям.

– ...и напоследок, – снова оживилась ведущая. – Главное управление технической поддержки граждан доносит до вашего сведения, что в последнее время участились случаи обращения граждан за технической помощью с жалобами на хроническую головную боль. Просим вас соблюдать спокойствие, скорее всего, это вызвано недостатком эндорфинов, гормона счастья, и причиной тому – затянувшаяся проблема с погодой, которая сильно влияет на настроение граждан. Если вы почувствовали себя неважно или страдаете от посто-

янных мигреней, просим вас немедленно сообщить об этом нашим Техникам. Мы обещаем вам своевременную и быструю помощь.

Картинка в окне Консоли резко сменилась, заиграла весёлая музыка, а по экрану поплыли изображения цветов всевозможных расцветок и счастливые лица людей.

– ...Компания «Мэй Флауер», ведущий разработчик самых красивых цветов и декоративных растений, представляет вам новую коллекцию! – заверещал противненький голосок за кадром. – Эти прекрасные цветы уже сейчас могут стать вашими, просто коснитесь экрана – и вы сможете выбрать любые из нашей обширной коллекции. Розы, пиастры, георгины всех цветов и оттенков, никогда не завянут, никогда не перестанут радовать и всегда будут под рукой. Закажите прямо сейчас – и тогда вы получите невероятную скидку...

Я невольно поморщился. Никогда не любил рекламу, и это одна из главных причин, почему я перестал смотреть телевидение. Она слишком навязчивая, надоедливая и с явными попытками манипуляции сознанием. От понимания того, что кто-то пытается заигрывать с моим разумом, всегда становилось невыносимо мерзко и разбирала злость. А тем временем картинка снова сменилась, на экране появился пожилой Техник с очень мудрым и умным взглядом, пронзающим до потаённых уголков души, и начал хорошо поставленным голосом и размеренным тактом усыплять мой разум.

– ...Системная компания по обслуживанию чипов предлагает вам незамедлительно явиться в любой из наших офисов и сменить прошивку вашей Консоли на революционно новую! Это небывало увеличит ваши возможности по управлению своей жизнью! Вы только представьте...

На этих словах я резким движением пальцев смахнул окно Консоли. Оно подчинилось моей команде и незамедлительно растворилось в воздухе, унося с собой источник раздражения. Обхватив двумя руками горячую чашку и пронзая взглядом сумрачную тишину, время от времени делал небольшие глотки. Хм, интересно, довольно неожиданно было услышать новость про головную боль. Она явно несёт в себе слишком много негативного посыла. Как бы они ни старались её преподнести, новость всё равно оставляет некоторый тревожный осадок. Или грубо нарушен Основной Закон, или всё действительно настолько серьёзно, что они решились на такой шаг и начали призывать людей к спокойствию через выпуски новостей. Раньше такого себе не позволяли. Эх, сдаёт старушка Система, будем надеяться, наши Техники найдут причину неисправности.

Я допил кофе, размышляя обо всём услышанном, и чуть не уснул с открытыми глазами. Зыбкая почва реальности пошатнулась под моими ногами, я провалился глубоко в пучины собственных мыслей, в перипетии сознания, мир вокруг побледнел и унёсся вдаль. Но я вовремя очнулся, вспомнив о том, что уже пора выезжать за Кирой. Я мысленно взбодрил-

ся, сильно тряхнул головой, ввинчивая пошатнувшийся разум на место. Потом взял с подоконника свой новый, недавно приобретённый меч, закрепил его на поясе, спешно накинул куртку, сунул ноги в ботинки и выскочил из квартиры.

До Киры я добирался достаточно долго. Так как я не очень люблю водить автомобиль, то никогда не развиваю большую скорость, в отличие от моей напарницы-лихача. Сложно сказать, в чём конкретно крылась причина моего поведения, возможно, в привычке контролировать каждый аспект своей жизни, всегда быть в курсе всего на свете, предугадывать и планировать каждый шаг. Когда машина набирает огромную скорость, когда дома, пешеходы, деревья мелькают перед глазами, становится очень неудобно и немного страшно. Кажется, что в любой момент машина выйдет из-под контроля, потеряет управление, и я врежусь в ближайший столб. Всё, что уходит из-под нашего контроля, пугает. Уж лучше буду добираться до места немного дольше, но я должен быть уверен, что ничего не произойдёт без моей воли, что поводок не ускользнёт из моих рук. Я люблю предсказуемость.

Когда я подъезжал к дому Киры, напарница уже стояла у обочины дороги. Она скрестила руки на груди и демонстративно мокла под открытым небом. Пускай вчерашний ливень сменился размеренной непогодой, а дождик превратился в неприятную морось и мелкой мошкаррой бился в лицо, но его было достаточно, чтобы промокнуть. Тем более если находиться под ним достаточно долго. Увидев подъез-

жающий автомобиль, Кира артистично всплеснула руками и двинулась навстречу. Когда я остановился рядом с ней, она костяшками пальцев постучала в окно со стороны водителя. Я послушно опустил стекло и встретился с назидательным, укоряющим взглядом напарницы, с волос которой опять струились весёлые ручейки.

– Не прошло и года! – воскликнула Кира. – Ты что, хочешь, чтобы я заболела?

– Да я опоздал всего на пять минут! – возмущённо ответил я.

– Не на пять, а на семь! Я подумала, что ты опять проспал. Хотела уже опять идти к тебе пешком и в этот раз тихо придушить подушкой.

Кира помолчала немного, а после добавила:

– Ты сам поведёшь или так и будешь держать меня под дождём?

– А, да-да, садись... – опомнился я и пересел на место пассажира.

С очень суровым и осуждающим взглядом Кира забралась внутрь, гневно посмотрела на меня, но потом молча перевела взгляд на дорогу, устало выдохнула и тронулась с места. Я вдруг почувствовал сильный укор вины. Невероятно больно было наблюдать, как капли скатывались с её волос и падали на обивку водительского кресла. Их оглушительный стук раздавался эхом по всей натянутой струне моей совести.

– Кир, ты прости-и, если что, – жалобно протянул я. –

Сегодня я даже проснулся пораньше и выехал вовремя, просто... ты же знаешь, как я не люблю водить этот автомобиль.

– Слушай, давай лучше я буду за тобой заезжать и отвозить вечером, а? – укоризненно спросила она. – Ну правда, зачем ты себя мучаешь и заставляешь других ждать? Пусть будет лишний крюк, зато всегда вовремя на дежурстве.

– Ты что, предлагаешь сдать перед этой машиной? – Я хлопнул ладонями по приборной панели и позволил себе улыбнуться. – Ну уж нет, ни за что! Не волнуйся, я справлюсь, так даже интереснее!

– Вот ты чудной, ей-богу! Тебе бы лучше... – Кира замолкла и внимательно всмотрелась в моё лицо, на время забыв о дороге. – Стил, ты себя хорошо чувствуешь? Ты сегодня какой-то бледный. Опять не спал? Снова ночные мучения?

– Да всё нормально, – отмахнулся я. – Ты же знаешь, мне не привыкать. Я с этим «бессонием» уже подружился, оно как родное стало.

– По тебе не скажешь, ты словно приведение увидел.

– Можно и так сказать...

– Что, правда приведение увидел? – перебила меня Кира, довольно хрюкнув под нос.

– Да подожди ты, – обиделся я. – Вот знаешь, уже и желание рассказывать пропало.

– Давай-давай, выкладывай, чего надулся?

– Ладно. В общем, сегодня ночью мне действительно пло-

хо спалось. Если раньше меня просто мучило это «бессоние», Тьма, о которой я тебе рассказывал, то это можно терпеть, я даже научился с этим жить, но вот сегодня... Сегодня появился какой-то странный шум.

– В каком смысле шум? Шум в ушах, глюки, что ли?

– Скорее шум в голове. Такой, знаешь, далёкий, призрачный, пугающий, как будто нахожусь за стеной от водопада. И он нарастал, нарастал... и бум!

– Бум?

– Я проснулся весь в поту. Не знаю, что это, но раньше никаких звуков не было, вообще, только тишина.

– Да-а-а, дела! Стил, в который раз прошу, послушай моего совета, обратись к Техникам, это же ненормально. Я боюсь, что твой недуг стал прогрессировать. Пусть ещё раз проведут обследование.

– Нет, хватит, не люблю я этих мозгоправов. Само всё починится со временем. В следующий раз я к ним попаду только вперёд ногами.

– Такими темпами ты быстро туда попадёшь...

Наступило минутное молчание. Кира вырулила на шоссе к центру города и прибавила скорости.

– Слушай, Стил, забыла спросить: как у тебя вчера всё прошло? Пенсионер не очень пряткий оказался? Не сопротивлялся?

– Нет, всё нормально.

– А чип извлёк?

– Конечно, извлёк, Кир, что за вопросы?

– Покажешь?

– Чего на него смотреть? Чип как чип. Ты что, мне не доверяешь? Сказал же, всё сделал! Вот, если так хочешь, смотри! – Я гневно посмотрел на Киру, извлёк из кармана джинсов маленький квадратный чип и продемонстрировал его напарнице, а затем снова убрал из виду. – Довольна?

– Стил, ты чего какой злой с утра? При чём тут доверяю или нет? У меня даже в мыслях не было ничего крамольного, я лишь хотела посмотреть его содержимое. Вдруг это очередной Кукловод. У нас ведь задание, помнишь? Что ты так взъелся?

Я промолчал, отвернулся к окну и стал наблюдать за пролетающими мимо столбами. Я знал, что обманывал свою напарницу, всю службу Стражей, Систему и самого себя, это разъедало меня изнутри, принося невыносимые муки совести. Чип неприятно оттягивал карман, выжигал на мне клеймо, каждым мгновением своего существования укоряя меня в предательстве. Я нервничал и не находил себе места всё утро. Возможно, этот шум лишь отзвук из глубины, ужасный треск от ломающихся добродетели и моих принципов. Прости меня, Кира, ты не должна видеть это падение и следовать за мной. Мне ужасно захотелось повернуться и извиниться перед напарницей, но я не смог пересилить себя и молча продолжил разглядывать дорогу сквозь своё отражение на стекле.

К башне Стражей мы прибыли за пятнадцать минут до начала службы. К этому времени я успел остыть, извиниться перед Кирой и даже перекинуться с ней парой полушутливых фраз, чтобы разрядить атмосферу и официально закрепить перемирие. Первое время она всё равно пыталась язвить, подтрунивать и всячески выражала несогласие с моим поведением, но потом тоже остыла и успокоилась. В раскрытые перед нами двери мы снова вошли уже лучшими друзьями и вместе направились к нашей старой знакомой.

– Марина, доброе утро! – отчеканил я, как только подошёл к её столу. – Какие новости? Конец света ещё не наступил?

Девушка в привычной для себя манере строго посмотрела поверх очков, отложила в сторону деловые бумаги и несколько секунд просто буравила меня недовольным взглядом.

– Доброе утро, Стил, – сухо ответила она. – С вчерашнего дня не многое поменялось: паника, аврал, Хранитель устраивает разнос в отделах, мечет громы и молнии на головы неугодных. Для кого-то это, может, действительно конец света... – Последние слова Марина произнесла очень протяжно и медленно, переводя взгляд на горделивую Киру.

А та в свою очередь сделала очень надменное выражение лица и, тихо хмыкнув под нос, отвернулась в сторону.

– Я тебя там подожду, – не оборачиваясь, негромко про-

изнесла Кира и двинулась к лифту.

– Или ты про что-то конкретное спрашивал? – закончила Марина свою мысль, провожая строгим и холодным взглядом мою напарницу.

– Нет, я просто хотел поздороваться. – Я пожал плечами. – Плотников здесь? Мне надо отдать ему чип.

– Да, он у себя в кабинете в отделе Техников... ты про чип Шолохова?

Я с удивлением посмотрел на Марину.

– Он с утра интересовался этим чипом, – уточнила она, поймав мой взгляд.

– Хм, интересно. Ладно, до встречи. – Не дождавшись ответа, я в задумчивости побрёл к лифтам.

Меня не покидало смутное беспокойство. Откуда у всех такой живой интерес именно к этому чипу? Что в нём особенного? Чип вчерашнего бродяги его заинтересовал намного меньше. У меня закралось подозрение, что это непосредственно связано с богатым прошлым Шолохова, но откуда такое оживление? Его чип был полностью очищен, когда его лишали звания Стража. Похоже, что моя авантюра с каждой минутой становилась всё опаснее и ближе к провалу. Если мой обман вскроется, то пострадаю не только я, это тенью ляжет на всю службу Стражей.

– Думаю, что после такого природного душа мне непременно нужно посетить обычный, а то очень неуютно себя чувствую, – сказала Кира, как только двери лифта закрылись

перед нашими лицами и он тронулся с места.

Затем она облегчённо выдохнула и внимательно посмотрела на меня.

– Стил, а ты чего такой напряжённый, случилось чего?

– Что? Да нет, всё нормально, не волнуйся. Ты иди в душевую, а я пока поднимусь к Плотникову, отдам ему чип и вернусь.

– Точно всё нормально? – Кира внимательно и укоризненно прищурилась. – Ты смотри у меня! Всё утро сам не свой. Ты давай не задерживайся там, я быстро. Потом поедем, найдём новую кофейню, я ужас как хочу горячего кофе... я так продрогла, пока тебя ждала. В общем, буду ждать тебя на первом... хм, в машине подожду...

На этих словах лифт остановился на двадцатом этаже, Кира стремглав выскочила из кабины и скрылась за ближайшей дверью. Я посмотрел ей вслед и нажал кнопку с цифрой «25». Двери грозно сомкнулись. Всё же интересно, что там случилось у Киры с Мариной, почему у них земля горит под ногами, когда они находятся в одном помещении? Я усмехнулся. Да уж, женщины...

Начиная с двадцать пятого этажа и выше, располагались самые секретные и важные помещения во всей башне. В основном это были исследовательские отделы, главные блоки управления Системой, банки данных и прочие жизненно важные для существования всего нашего мира этажи. Что конкретно там находилось и как выглядело, мы знали толь-

ко понаслышке из бесчисленного количества сплетен, наполнявших первые этажи этой башни. Доступ в закрытые отделы имели только Техники и Хранители, даже Палачи оказались не так всемогущи, как я считал вначале. Несмотря на то, что Палачи причислялись к высшим Стражам и теоретически обладали доступом на любой этаж, на практике нам разрешалось подниматься выше только по очень важным причинам или с разрешения Стражей более высокого уровня. Даже сейчас, когда нам велели сдавать изъятые чипы напрямую старшему Технику, наше присутствие на двадцать пятом этаже радовало не многих. Там не разрешено находиться слишком долго и шататься по коридорам, для нас открыта всего одна дорога – до кабинета Плотникова и обратно.

При всей сочности запретного плода я никогда не любил бывать на этом этаже, ведь именно здесь я начинал ощущать свою невероятную ничтожность перед более грандиозными шестерёнками, вращающими весь механизм Системы. Там, за стенами башни, или на первых её этажах я был всем: королём, главой, непререкаемым авторитетом и страхом в чужих глазах. Меня почитали, меня боялись, мне позволяли ощущать себя на гребне волны, видеть свою великую ценность для города, главенствующую роль в установлении порядка и достижения нашей общей мечты. А здесь? Кем я был здесь? Никем. Я ощущал себя брошенным ребёнком в огромном зале супермаркета, где каждый взрослый намеревался оттолкнуть, напугать, испепелить презрительным взглядом. Слад-

кий сон, где меня повсеместно окружали подобострастные лизоблюды и услужливые знакомые, сменился отрезвляющей реальностью, где я сам стал придворным лакеем, который вынужден склонять голову и стыдливо уводить глаза перед своим новоявленным господином.

Лифт остановился, приветливо раскрыл двери, и я шагнул в ослепляющий свет, исходящий из проёма. Это был центр исследований и разработок, а если быть точнее, то только первый из множества этажей. Здесь на самом деле не проводили никаких исследований, скорее это был бюрократический этаж, где заседали высокие чины из стана Техников, собирались совещания и случались жаркие дискуссии о будущем устройстве Системы. Он был переполнен людьми, которые бесконечно сновали по коридорам, сверкая своими ярко-белыми хлопковыми халатами, небрежно наброшенными поверх обычной одежды. Тут и там с выпученными от чудовищного напряжения глазами пробегали Техники. Кто-то рядом со мной выронил из рук кипу документов, а неподалёку один пожилой Техник очень громко и яростно отчитывал молодого, пока тот, печально склонив голову, смотрел себе под ноги. Все были заняты своими делами и в своём рабочем гуле очень напоминали огромный муравейник, где у каждого своя, чётко отведённая роль.

Хоть он и походил на технический этаж, где восстанавливают Стражей, но всё равно лишь бледная тень того, что предстало передо мной. Ослепительно белый пол, стены из

каких-то светлых пупырчатых пластин и яркий, безудержно яркий свет, который равномерно разливался по всему потолку, превращаясь в безграничное море света над головой. После полутёмной кабинки лифта местное освещение больно ударило по глазам и заставило отшатнуться. Немного зажмурившись и прикрывая глаза рукой, я двинулся туда, где по памяти должен находиться кабинет Плотникова. Всё это великолепие, проплывающее мимо меня, смахивало на необычайно фантастическую картину, где разом смешались образы далёких миров, космических путешествий и яркая канонада бластерных залпов. Нужно отдать должное дизайнерам этого отдела: как бы я ни любил здесь бывать, всё же каждый поход для меня как экскурсия в музей. Нет, даже не так – как кратковременный визит в иной мир, ослепительный и яркий в своей зачаровывающей необыкновенности.

В это время мимо меня проносились мужчины и женщины в белых халатах, с важными лицами и безразличными взглядами, а также с полной отрешённостью от всего, что происходило вокруг них. В этом местные Техники мало чем отличались от своих коллег с других этажей.

Справа от меня появился большой совещательный зал, отгороженный от центрального прохода прозрачной стеной из толстого и прочного стекла. Сквозь него можно было разглядеть длинные ряды кресел с множеством людей в белых халатах. Они внимательно и с упоением слушали пожилого Техника в огромных роговых очках, ходившего между ряда-

ми и яростно размахивающего руками. К сожалению, стекло, отгораживающее меня от этого помещения, оказалось также звуконепроницаемым, и мне не удалось узнать, что же такого интересного рассказывал опытный Техник, что слушатели сидели раскрыв рты, иногда делая быстрые пометки у себя в блокнотах.

Минув совещательный зал и пару комнат поменьше, я оказался у закрытой двери с красивой большой табличкой: «Старший Техник отдела исследований и разработок», а ниже ещё одной, уже чуть меньше: «Константин Константинович Плотников». Я постоял немного, разглядывая буквы и собираясь с мыслями, затем негромко постучал в дверь и, как полагается, не дождавшись ответа, сразу же вошёл.

– Костя, привет, можно войти? – осторожно спросил я, стоя у порога.

– Да, Стил, конечно, входите, – воодушевлённо отозвался Плотников.

Кабинет старшего Техника был широким, просторным и очень хорошо освещённым, но при этом каким-то необычайно пустым и скучным. Вот одинокий стул у стены, совершенно непонятно для кого и зачем он тут поставлен, вот в углу уютится небольшой металлический шкаф с документами, а на нём небрежно навалены стопки книг. Рядом с ним прямо на полу стояло какое-то необычное растение в огромном горшке. Оно торчало в разные стороны большими лопухами листьев и выглядело среди белоснежной роскоши стен и общей

отделки крайне нелепо. Одна стена кабинета, как и у множества других пограничных помещений нашей башни, была прозрачной и отображала широкую панораму города с великолепием окружающих небоскрёбов. В дальнем углу виднелся красивый офисный стол, заваленный кучей непонятных бумаг, стопок книг и дел с кожаным переплётom обложек. Неподальёку стояла большая доска на длинных тонких ножках, вся исписанная непонятными длинными формулами и различными вычислениями. Несмотря на всё устройство нашего мира, находящегося под всесильной, властной пятой Консоли, призванной облегчить наши жизни, большинство людей и даже сами Техники предпочитали пользоваться старыми методами ведения дел. Бумажные книги, документы, подобные доски, исписанные от руки ярким маркером, можно было встретить повсеместно в нашей башне и за её пределами.

За столом, на высоком представительном кресле из чёрной лощёной кожи восседал мой старый знакомый, старший Техник отдела исследований, а также по совместительству руководитель отдела чипования – Плотников. Ещё вчера выступавший за кафедрой скромный и немного застенчивый юноша, что так усердно перебирал бумажки и рассказывал нам об опасностях, подстерегающих нас в тёмных уголках Системы, куда-то бесследно исчез. Сейчас передо мной предстал строгого вида мужчина, хотя и очень молодой, с небрежно взъерошенными волосами, но с очень серьёзным

и деловым выражением лица. Он сидел за столом, хмурился, неодобрительно качал головой, периодически цокая языком, и смотрел на полупрозрачный экран стационарной Консоли, парящий перед его глазами. Экран освещал всё вокруг тусклым оранжевым светом и походил на летающий прямоугольный кусок полупрозрачного стекла. Разумеется, информация отображалась на нём только с одной стороны, и я не смог понять, что вызвало у старшего Техника такое неодобрение.

– Вы принесли мне Шолохова? – строго спросил Плотников, отрывая на секунду свой взгляд от экрана.

Какой же у него холодный и пронзительный взгляд, очень уверенный, хлёсткий и командирский. Куда подевался тот бедный и потерянный юноша с совещания? Сейчас на меня смотрела настоящая акула, она пожирала меня глазами, надменной и пугающей энергией заставляла моё сердце сжиматься. Это была его епархия, его мир, с его собственными правилами. Я здесь всего лишь гость, я здесь никто... Кого или чего я боюсь? Может, это вовсе не из-за мальчишки, упивающегося властью, а из-за моего вчерашнего поступка? Это же всего-навсего зазнавшийся юнец, рано получивший свой пост, огромную силу повелевать умами людей и менять наш мир. Такая власть налагает большую ответственность, под которой неокрепшие умы и души ломаются, как щепки, превращаясь в огромные рвы с острыми кольями, в которые падают все, кто встаёт на их пути. Он слишком многое о себе возомнил, кто он вообще такой? В такие годы – и уже стар-

ший Техник...

– Стил, ау, вы слышите меня? Вы принесли Шолохова?

Он же просто ребёнок. Эти мысли никогда не давали мне покоя.

– Да-да, Костя, принёс, сейчас... – Я покопался у себя в карманах, вытащил чип и передал его Плотникову.

– Стил, что с вами? Вы сегодня сам не свой.

– Я плохо сплю в последнее время, кошмары... хотя неважно, – отмахнулся я и почувствовал, что начинаю нервничать.

Плотников внимательно посмотрел на меня, а затем повертел в руках чип.

– Старик сопротивлялся?

– Нет, наоборот, сам просил его отключить.

Я решил начать наш диалог с правды, это должно меня немного успокоить и унять лёгкий мандраж. Боже, какой пронизывающий взгляд...

– Сам? Вот как, интересно. – Плотников скривился и в недоумении почесал свою щёку.

– А почему такой повышенный интерес к этому Отступнику, позволь узнать? – осмелился я спросить. – С самого утра только и разговоры, что о Шолохове. Все спрашивают, интересуются. Что в нём такого особенного? Старик и старик...

– А вы разве не знаете? Ах да, откуда...

Плотников встал из-за стола, подошёл к окну, заложил ру-

ки за спину и стал смотреть куда-то вдаль.

– Шолохов Дмитрий Иванович, семьдесят два года, волосы русые, глаза карие, рост сто семьдесят пять сантиметров, вес восемьдесят килограмм... – Старший Техник остановился, оглянулся посмотреть на меня и, убедившись, что я внимательно слушаю, обратно отвернулся к окну. – В двадцать три года с отличием закончил подготовку в школе Стражей. Провёл долгую и плодотворную службу в рядах Стражей: сотни отключений, множество спецопераций, десятки наград, включая звание Героя Системы... трижды! Любимец Верховного Стража, несколько раз выдвигался на пост Хранителя, и каждый раз отказывался лично.

Плотников замолчал, задумчиво посмотрел в окно и, кажется, перестал дышать.

– И что случилось? – осторожно спросил я.

– А что случилось? – Старший Техник повернулся ко мне вполоборота. – Он постарел. Да, Стил, люди стареют, даже здесь... даже здесь... Ушёл на заслуженный отдых. Его чип был очищен, проведена повторная процедура Отречения...

Тут он осёкся и понял, что сболтнул лишнего, но было уже поздно.

– Повторная? – возмутился я.

– А что такого? – начал оправдываться Плотников. – Д-да, повторная! А ты чего хотел? Служба такая, не можем же мы отпускать человека с секретной информацией в голове. Да не бойся ты, в восьмидесяти процентах случаев Палачи всё

равно не доживают до старости, а те, кто доживают, потом не жалуется. Ничего особо страшного мы не делаем. Просим лишь отречься от груза прошлого и подробностей оперативной службы, да и только!

Стоило Плотникову на минуту почувствовать своё уязвленное положение, ощутить себя виноватым и начать оправдываться, как в его глазах снова мелькнула та юношеская неуверенность, всё ещё властвующая в глубине его неокрепшей психики. Заметив это, я сразу осмелел, почувствовал почву под ногами и уверенно расправил грудь, перехватывая инициативу в этой властной игре.

– Да уж, Костя, успокоил, спасибо тебе огромное, – язвительно ответил я. – Мне и одного раза хватило, теперь спать не могу, как нормальные люди. Теперь буду очень надеяться, что меня пристрелят в ближайшей же заварушке. Ты лучше поясни, для чего мне всё это рассказывал? Ну, про Шолохова?

– Ага, Шолохов, так вот, смотри... – У Плотникова так восторженно, по-детски загорелись глаза, он подошёл ко мне и начал размахивать в воздухе руками, придавая большой вес своим словам, и даже не заметил, как окончательно перешёл на ты. – Даже не так, представь себе картину: бывший Страж, идеальная репутация, биография, вся его жизнь – один сплошной геройский поступок. Он был кумиром всех Стражей, все хотели равняться на него. Вот, представь себе героя без единого чёрного пятна в послужном списке! Пред-

ставил?

– Допустим...

– И тут хоп! – Плотников раззадорился и хлопнул одной рукой об другую. – Срывается на старости лет, нарушает Основной закон Системы и приговаривается к отключению. С чего вдруг? Тебе это ничего не напоминает?

– К чему ты клонишь?

– Ну как же, моя теория, помнишь? О Кукловодах?

– Ты считаешь, что в Шолохова вселился этот, как его, Кукловод? – Я даже немного испугался, что вдруг это правда, а я помог ему.

– Не просто считаю, я в этом уверен, Стил! Смотри сам, всё совпадает! Безупречная репутация, никаких причин для отступничества, счастливая размеренная жизнь – и вдруг у-у-у-у-у-у...

Плотников снова развёл руки по сторонам, чтобы произвести хлопок.

– Хоп? – с издевательской ухмылкой спросил я.

– Д-да, хоп... – Старший Техник опустил руки и помрачнел.

Плотников резко сменился в лице и напыщенно сдвинул брови, придавая себе былую серьёзность. Он одёрнул мятый халат, прошёл на своё рабочее место и плюхнулся в кресло.

– В общем, я считаю, что моя теория верна. Кукловоды начинают подбираться к башне и её обитателям. Думаю, это была пробная проверка их сил, они явно замышляют про-

никновение в одного из сотрудников башни. – Плотников вновь заговорил холодным серьёзным тоном, после чего задумался.

– Костя, а что он совершил-то такого?

– А? Кто? Шолохов? Не знаю. Так как в прошлом это Страж высокого уровня, то его дело быстро засекретили... даже от меня. Похоже, что в это дело вмешался сам Верховный Страж. А вот чип, к сожалению, нам уже ничего не скажет. – Плотников покрутил чип в руках и расстроено бросил его обратно на стол.

– Тогда к чему была спешка и суета вокруг этого чипа, если из него всё равно ничего не извлечь?

– А вдруг? Я покопаюсь, посмотрю... надо ещё Хранителю доложить и предупредить о моих догадках.

– Ты бы поосторожнее с догадками, Константин, не стоит раньше времени панику наводить. Так недолго параноиком стать и начать во всех видеть скрытых Кукловодов.

Я нервно усмехнулся, но Плотников не обратил на это внимания, он уже вовсю погрузился в собственные мысли.

– Ладно, пойду я, на службу пора возвращаться. – Только я повернулся к двери и хотел выйти из кабинета, как меня осенило. Я хлопнул рукой по карману куртки, ощутил под ладонью информационный куб, позаимствованный накануне у Макса, и снова повернулся к Плотникову: – Кстати, Костя, я тут...

Я замолчал на полуслове, затаил дыхание, а мысли рас-

крыли мне ужасающие грани будущего.

– Да-да? – заинтересовался Плотников.

Если я расскажу сейчас о «Белом шуме», если отдам этот куб Константину, то буду вынужден писать объяснительную о том, где я взял запретную вещь, у кого и почему. Как же я раньше не догадался, ведь это верная смерть для Макса, я собственными руками чуть не отдал паренька на растерзание другим Палачам. Нужно просто уничтожить куб – и всё. Но он связан с Кукольниковом и может быть единственной ниточкой в этом деле. Что же делать?

– Стил, ты чего?

Нет, пока оставлю куб у себя. Потом решу, как быть.

– А? Нет, ничего. Извини, Костя, обознался.

– Сти-и-ил? – требовательно и протяжно произнёс Плотников.

– Нет-нет, я правда обознался. Что-то в последнее время совсем не сплю, меня в мыслях иногда штормит. Ничего страшного, бывает, – отвертелся я. И поспешил выскочить из кабинета под недоумевающие взгляды старшего Техника.

* * *

Когда я вышел из широких дверей башни Стражей, Кира уже сидела за рулём нашего автомобиля и нервно постукивала пальцами по рулю. Завидев меня, она развела руки в стороны и сделала крайне раздражённое выражение лица. Изда-

ли ощущая жар её негодования, я быстро потрусил к машине, морщась от неприятного морозящего дождика, летящего мне навстречу. Добравшись до цели, я поспешил залезть на своё привычное место рядом с напарницей.

– Что тебя ждать-то вечно приходится? Ты как барышня, ей-богу! – возмущённо вспылила она.

– Ты что-то быстро, – печально посетовал я в ответ.

– Это не я быстро, это ты застрял у Плотникова. Ну что, голубки, намиловались? Чип отдал? Можем, наконец, ехать? Кофе хочу уже, умираю! Похоже, у меня развилась зависимость.

– Что-то ты сегодня особенно грубая.

– Ха, и он мне будет говорить про грубость, а сам на меня наехал с утра пораньше! Ладно, забудь... держись крепче, давай найдём себе новое кафе. В наше привычное, как ты помнишь, теперь путь заказан.

Кира вдавила педаль газа в пол, и машина взвыла, задрожала от нетерпения и резко сорвалась с места, силой прижав меня к спинке сидения.

– Итак, что сказал Плотников, откуда такой интерес к твоему вчерашнему старику?

– Он сказал, что Шолохов был Стражем, – продолжил я утреннюю традицию говорить правду.

– Ого! – Напарница аж подпрыгнула на месте и вильнула машиной на дороге.

– Эй, осторожнее, Кир... ага, говорит, герой, бывший Па-

лач, известная личность.

– Известная? – заинтересовалась Кира. – Хм, а как его звали во время службы, не сказал? Что-то я не припоминаю героев в ближайшем прошлом.

– А как же мы? – усмехнулся я, но, не встретив одобрения, виновато развёл руками. – Нет, не сказал, говорит, секретная информация.

– Тогда за что ты его... за что его приказали отключить?

– Да не знаю я ничего, Кир, всё засекретили, видимо, важной был шишкой.

– Ну дела! Кажется, я понимаю, откуда такой интерес. Наверняка Плотников разглядел тут влияние Кукольника? Кукловод?

– Угу...

– Костя доиграется когда-нибудь. Что-то я не очень верю во все эти штуки. Сплошная мистика, да и только. Стил, так ты хочешь сказать, что бывший знаменитый Палач во всей Системе, матёрый вояка, сдался тебе без боя?

– Более того, он сам умолял его отключить.

Кира хмыкнула и задумалась, глядя на дорогу.

– Нет, что-то в этой истории совсем нечисто. У меня плохое предчувствие, Стил. Такой человек, с таким прошлым – и превратился в Отступника, да ещё эта секретность. Уж не знаю, кто там в него вселился, но мне это явно не нравится. Впрочем, отключил и ладно, спокойнее спать будем, да, Стил?

Я промолчал и отвернулся к окну, размышляя о Шолохове. Что же с ним произошло? Зря я его оставил там одного в таком состоянии. Правильно ли я поступил, сохранив ему жизнь? Слишком уж много шумихи поднялось вокруг его личности. Если вскроется, что он жив, это будет катастрофа. Хотя теперь, без чипа, он не более чем безликий Призрак.

– Стил? Как тебе «Шадэ»?

– Что? – не расслышал я, возвращаясь из шума мыслей.

– «Шадэ», кафе такое, вот здесь, неподалёку. – Кира указала пальцем куда-то немного правее нас. – Я слышала, там кормят хорошо и кофе отличный, айда туда?

– Не знаю, мне всё равно, – отрешённо изрёк я.

Мне действительно было всё равно, на душе стало особенно гадко от самого себя.

– Тогда решено!

Кира прибавила скорости, свернула на ближайшем повороте направо и через несколько секунд остановилась у невысокого неприметного здания, на первом этаже которого располагалось то самое кафе. Оно очень странно и непривычно контрастировало с остальной частью здания, сбивало с толку из-за резкого перехода от серого камня к буйству красок роскошной жизни. Чёткие и прямые линии дома превращались в красивые цветастые и витиеватые узоры, в мраморные стены, отдающие приятным желтоватым оттенком. Весь фасад утопал в тёплых тонах и орнаментах, а по краям виднелись декоративные пилястры, изображающие античные колонны.

Посреди всего этого великолепного воплощения нездоровых идей безымянного художника располагалась широкая железная дверь из сплетённых между собой в симпатичный узор железных прутьев, между которыми светились полупрозрачные желтоватые стёкла всевозможных форм и фактур. Когда мы вышли из машины, я даже присвистнул от удивления и, не страшась дождя, пытался осмотреть такое чудо архитектурной мысли.

– Это кафе? – громко спросил я.

На улице оказалось так людно и шумно, что мне приходилось буквально кричать, хотя Кира находилась всего в метре от меня по другую сторону автомобиля.

– Да, а что? – крикнула в ответ напарница.

– Это ресторан какой-то, а не кафе! Ты поскромнее ничего не могла найти?

Только Кира открыла рот, чтобы что-то возразить, как из открытых дверей нашего автомобиля послышались знакомый писк Консоли и привычный металлический голос.

– Отряд «Феникс», это Башня. Приём.

Кира посмотрела на меня с пронзительной болью в глазах, а потом на большую вывеску над входом в кафе с красивой надписью: «Шадэ».

– Может, ну их к чёрту, а, Стил? Достали, слов нет, всегда не вовремя. Только я собралась расслабиться за чашкой кофе, нервы успокоить...

– Отряд «Феникс», это Башня. Ответьте, приём! – настой-

чиво повторил оператор.

– Долг зовёт, – улыбнулся я.

Странно, но я был рад этому вызову. Чем-то мне не понравилось это кафе: то ли своей вычурностью и излишне кичливым видом, то ли из-за того, что я на дух не переносил подобные заведения и всегда старался обходить их стороной. Это место уже на входе предостерегало незадачливых путников о том, что желает видеть в качестве посетителей особенных жителей Системы, тех, кто не обременён каждодневным подсчётом оставшихся средств, никогда не заглядывает на цены меню и оставляет щедрые чаевые как снисходительный жест перед обречёнными людьми. Почему только Кира выбрала именно это заведение? Мы безгранично далеки от подобных цен и такого общества. Помню, как был непомерно рад тому, что нашёл то старое кафе с уютной обстановкой и приятной хозяйкой, где люди не боялись быть самими собой и не смотрели хищными, пренебрежительными взглядами за соседний столик, оценивая конкурентов на дороге жизни.

– Башня, это «Феникс», что случилось? – отозвался я, как только уселся обратно на своё место.

Кира, наоборот, решила остаться на улице, всем своим видом демонстрируя, что её тянет в другую сторону. Она наклонилась и немного заглянула в салон, чтобы расслышать приказы из башни Стражей, но при этом скорчила такое недовольное лицо, что я чуть не рассмеялся.

– «Феникс», в вашу сторону по улице Светлой дви-

жется автомобиль Отступников класса СА-Спорт, модель «Спорт-2», красного цвета. Отступники вооружены и очень опасны, требуется немедленно их остановить и ликвидировать угрозу. Отряды «Харон» и «Зета» прибудут, как только смогут, они извещены об угрозе. Повторяю, задача особой важности, Отступников нужно остановить немедленно, они несут угрозу Системе первой степени. Отбой!

Первой степени, надо же, давно такого не было. Что же они такого натворили? Я выбрался из автомобиля и устался на напарницу.

– А это какая улица? – спросил я.

– Это как раз начало Светлой, – печально ответила Кира.

– Что будем делать?

– А у нас есть выбор? Ловить будем наших гонщиков. Что же ещё?

– По крайней мере, такую машину мы точно не пропустим, – улыбнулся я и попытался поддержать Киру: – Что там сказали? «Спорт-2»? Не хилая машинка, причём в нашей Системе большая редкость, она очень дорогая. Странно, что Отступники выбрали такой приметный автомобиль.

– Приметный или нет, зато очень быстры-ы-ый... – протяжно закончила фразу Кира, провожая взглядом, пролетающий мимо нас спортивный автомобиль красного цвета.

Я тоже проследил за ним взглядом, потом встретился глазами с Кирой. Пару секунд мы обменивались паническими мыслями и потом, не сговариваясь, молниеносно запрыгну-

ли внутрь машины.

– О чёрт! – закричал я. – Это они! Быстрее за ними! Быстрее!

Машина рванула с места, развернулась на середине дороги и устремилась вслед за красным пятном, которое уже растворялось где-то далеко впереди.

– Гони, гони, упустим же! – кричал я.

– Меньше ворон надо было считать, – бросила в ответ Кира.

– Прибавь газу!

– Куда прибавлять? Мы на пределе, а у них спортивный автомобиль, да ещё высшего класса, нам не догнать!

– Но они же уйдут! – от досады вскрикнул я. – Включай спортивный режим!

– Что?! – возмутилась Кира. – Ты с ума сошёл? Нам запретили лишний раз применять Создание, а ты ещё хочешь воспользоваться трансформацией среди бела дня, перед людьми? Да Хранитель нас живьём съест после такого!

– Он нас съест, если мы их упустим! Что нам терять?

Я сам потянулся к пластине, которая включала Консоль автомобиля, провёл двумя пальцами, и передо мной над приборной панелью сразу же раскрылось небольшое полупрозрачное окно. Я нашёл в предлагаемом меню пункт «Трансформация» и нажал на него. Экран сменился, и теперь на нём отображался всего один вариант выбора – строчка с надписью: «Спортивный режим». Поёрзав на месте и затаив ды-

хание, я активировал строку. Всё-таки к такому сложно привыкнуть.

Консоль слабо пискнула, моргнула экраном, и на нём высветилась надпись: «Внимание! Активирован спортивный режим. Для вашей безопасности рекомендуется покинуть автомобиль, пока процесс трансформации не будет завершён, иначе сохранность жизни пассажиров не гарантируется!» За всё время работы нам всего пару раз приходилось прибегать к подобным мерам, да и то больше для развлечения, чем по служебной необходимости, и каждый раз с глупой самоотверженностью мы надеялись, что подобные предупреждения писаны не для нас.

Спустя несколько секунд внизу экрана появилась ещё одна надпись большими красными буквами: «Трансформация будет запущена через 5... 4... 3... 2... 1». Счётчик замер на единице, потом экран снова моргнул и пропал. На миг нам показалось, что наступила полная тишина, даже шум мотора стал совсем беззвучным, едва различимым. Затем раздался сдавленный приглушённый хлопок, воздух вокруг машины всколыхнулся, пошёл волнами и задрожал от нетерпения. Колебания возмущённого пространства проходили сквозь нас, заставляя все внутренности качаться в такт, вызывая весьма неприятные ощущения.

Тишину нарушил резкий, неприятный скрежет металла, он давил на уши, исходил со всех сторон. Крыша автомобиля просела, подпорки начали ломаться, всё вокруг сжималось,

как под давлением. Складывалось впечатление, что машина попала под пресс и скоро нас окончательно раздавит. Кресла немного опустились, изменили наклон, а крыша над головой продолжала опускаться. Автомобиль жёстко просел над дорогой, уменьшая просвет до предела, а колёса надулись и расширились. Мы с Кирой настороженно переглянулись, как раз в тот момент, когда в её руках руль рассыпался на мелкие частицы, осыпался сквозь пальцы и растворился в воздухе. Вслед ему из воздуха нарисовался новый, чуть меньше размером и с резиновой оплёткой красного цвета по бокам. Невидимое давление прекратилось, на капоте прорезался и выскочил большой воздухозаборник, а на багажнике возникло широкое антикрыло. После чего автомобиль ещё сильнее прижало к дороге. В салоне снова повисла аномальная тишина.

– Никак к этому не привыкну, – пискнул я, когда выдалась секунда, чтобы вздохнуть спокойно.

Внутри приборной панели что-то громко щёлкнуло, машина взревела грозным рыком намного громче прежнего, двигатель набрал максимальные обороты, и автомобиль резко дёрнулся, быстро набирая скорость. Кира вцепилась в руль и отчаянно крутила его, умело лавируя между бурным потоком, но было заметно, что это давалось ей нелегко. Машины пролетали мимо на огромной скорости, сливаясь в один длинный размазанный штрих на картине, безликие пятна, среди которых уже не различить мелких деталей и да-

же модель. Они просто проносились мимо, один за другим, с громким хлопком разрывая встречный поток воздуха. Мы сидели, вжавшись в кресла, и боялись пошевелиться, только Кира по-прежнему молчаливо крутила руль и сосредоточилась на дороге, чтобы не потерять контроль над автомобилем.

– К такому даже я привыкнуть не могу, – наконец сказала она.

– О, тут ещё кнопка «Турбо» появилась... давай нажмём? – пошутил я и потянулся к ней пальцем.

– Я тебе нажму! – закричала напарница и попыталась ударить по моей руке.

– Эх, далеко ушли, не догоним всё равно... – уже с досадой произнёс я и стал озираться по сторонам, пытаюсь понять, где мы и что нам делать. – Слушай, а это ведь Луговая улица?

– Угу, – ответила Кира, не отвлекаясь от дороги.

И тут меня настигла такая очевидная догадка, что я даже подскочил в кресле.

– Сворачивай! – закричал я.

– Что?!

– Я знаю, куда они едут, сворачивай направо, сейчас поворот будет!

– Ты о чём? Какой поворот? Здесь нет поворотов.

– Вот сейчас будет проулок, за тем высоким зданием...

– Стил, ты чего удумал? Упустим же!

– Вот, сейчас, сворачивай! Ну же! – я уже начал хвататься руками за руль.

– Стил! Отпусти руль! Убьёмся же! – в суматохе перекивала меня Кира.

А я продолжал стоять на своём:

– Вот он! Ну!

Кира с раздражением фыркнула, вдавила педаль тормоза, дёрнула ручник и вывернула руль до предела. Машина громко застонала печальным плачем колёс, её развернуло боком, и она ушла в управляемый занос. Выпуская огромные клубы дыма из-под горящих от скольжения покрышек, мы неслись боком поперёк дороги, пытаясь на огромной скорости втиснуться в узкий проём между домами, который я назвал проулком. Кира напряглась до предела. Её руки были натянуты как струны, готовые лопнуть в любой момент, их трясло, она пыталась удержать непослушный руль, затем, выждав момент, снова вдавила до упора педаль газа. Машина взревела грозным рокотом, колёса забуксовали на месте, и наша боевая колесница влетела в этот узкий проход, немного задев боком стоящие у входа металлические баки. Не выдержав такого с собой обращения, баки обиженно отлетели в сторону от сильного удара и перевернулись. Всё-таки Кира – отличный водитель.

– Что это за проулочек? Ты куда меня завёл, здесь не проехать! – возмущалась напарница.

Машину всю трясло, дорога оказалась крайне разбитой

и неухоженной. Это был даже не проулок, а скорее очень длинный пролёт между домами, заставленный всяким разным хламом и мусором. Мы неслись по нему, сшибая всё на своём пути. Какие-то тонкие алюминиевые баки, мешки с мусором, оставленный кем-то трёхколёсный велосипед, к счастью, без седока, – всё это на огромной скорости врезалось в нас, стучало по лобовому стеклу и перелетало через крышу, а железный конь ещё пуще рычал и нёсся вперёд.

– Ты, главное, держи прямо, всё будет хорошо, я знаю это место, – ответил я на возмущение Киры.

Напарница ничего не ответила, лишь бросила быстрый ненавистный взгляд и с видом полной безнадёжности ещё больше прибавила скорости. Вскоре проулок начал заканчиваться, впереди показалась дорога и проезжающие по ней машины. Когда мы уже почти достигли её, перед нами внезапно проскочила та самая спортивная машина, управляемая Отступниками.

– Вот они! – радостно закричал я, указывая вперёд. – Давай, за ними! Я же говорил!

Мы выскочили из проулка на дорогу, Кира снова до предела вывернула руль, развернулась на пятачке, выпуская новые клубы дыма, и поехала вслед за красной машиной. Теперь они были уже совсем близко.

– Откуда ты знал, что они будут здесь? – поразилась Кира.

– Это элементарно! – с самодовольной улыбкой воскликнул я. – Если я не ошибаюсь, а это вряд ли, то они направля-

ются напрямиком к шоссе, ведущему в спальную часть города. Я понял это, когда они заехали на Луговую улицу и проехали мимо всех возможных съездов с неё, а дальше у них только два пути: или поворачивать на Сенную, ведущую в забитый под завязку центр города, или на Цветочную, примыкающую к шоссе. А у них, как мы помним, спортивный автомобиль, во-о-от...

Кира косо на меня глянула.

– И? Заканчивай мысль, Шерлок, – усмехнулась она, обгоняя на огромной скорости очередной автомобиль.

– И у них, соответственно, только одно преимущество – скорость! Соваться на таком автомобиле в центр – чистое самоубийство, поэтому у них один путь, на длинную свободную и прямую дорогу, где они бы смогли на полную использовать своё преимущество. Думаю, план у них именно такой: пробиться на шоссе, оторваться от преследования и затеряться в первых же кварталах с трущобами. Но! Они не знали о привилегиях, что даются Стражам высокого уровня. – Я расплылся в довольной улыбке и похлопал ладонью по приборной панели нашего автомобиля. – Боюсь, что с таким резвым конём мы испортим весь их красивый план. Да, Кир? Давай, поднажми, ещё чуть-чуть.

Напарница не смогла ничего ответить. Встречный поток транспорта усилился, и всё её внимание уходило на то, чтобы избежать столкновения с другими автомобилями, она лишь чуть заметно кивнула головой в знак согласия. Спустя

несколько минут напряжённой погони мы всё-таки смогли настигнуть автомобиль Отступников и приблизились к ним почти вплотную. Это было великолепное произведение инженерной мысли: быстрый, мощный, красивый и невероятно дорогой. Не часто можно было встретить такие модели класса «Спорт-2», их покупали только самые влиятельные люди. Но не думаю, что за рулём этого автомобиля был кто-то из них, скорее всего, его угнали незадолго до совершения преступления, чтобы беспрепятственно уйти от преследования. Кстати, а что они совершили, за что мы их преследуем? Хм, нам так и не сказали.

– Пристройся сбоку, – бросил я напарнице.

Кира снова молча кивнула и немного прибавила скорости. Мотор грозно взревел, и машина начала равняться с автомобилем Отступников, обходя его с левой стороны. Всё-таки это был красивый автомобиль, даже на мой притязательный взгляд. Мои глаза наслаждались округлостью форм, ярким красным корпусом из сияющего металла, большим и широким антикрылом позади автомобиля, широкими колёсами и гладким обтекаемым капотом с выдвигаемыми фарами, запрятанными сейчас внутри него. Машина не ехала по дороге, нет, она неслась, даже летела над поверхностью, мягко, элегантно и очень тихо, как стрела, пущенная в ночи и летящая к своей цели быстро, точно и неумолимо. Сколько мощи и страсти может быть в одном простом куске железа! У данной модели всего две широкие двери по бокам с сильно затем-

нёнными стёклами, сквозь которые разглядеть водителя не представлялось возможным.

– И что теперь будем делать? – спросила Кира, поглядывая то на дорогу, то в моё боковое окно, где был виден автомобиль Отступников.

– Останавливать, – пожал я плечами. – Давай ближе.

Кира начала осторожно приближаться с левого борта, как вдруг красный автомобиль резко дёрнулся в нашу сторону, ударил в правое крыло, и нас на огромной скорости вынесло на встречную полосу. Кира громко и нецензурно выругалась, быстро вращая рулём и пытаясь одновременно не врезаться в лоб идущих на нас машин и удержать наш автомобиль, который бросало из стороны в сторону по всей дороге. Я съёжился, схватился руками за приборную панель и всеми силами пытался сохранить твёрдость духа, хотя это было необычайно сложно в данной ситуации, когда мимо нас, громко сигналив, пронеслись многотонные куски железа. Я даже закрыл глаза и старался абстрагироваться от всего происходящего за бортом, но беспокойный страх уже поглотил мои мысли. Шум в голове нарастал, я до боли вцепился пальцами в приборную панель, грозясь вырвать её с корнем. Но тут машина всё-таки выровнялась, раздражённые и истеричные переливы автомобильных сигналов затихли, и снова всё вокруг залил ровный, но громкий рык из-под капота нашего зверя. С невероятным трудом я открыл глаза и осмотрелся вокруг.

Сквозь пелену адреналина, застилавшего глаза и отдаю-

щего звоном в ушах, донёлся раздражённый, но очень уверенный голос напарницы.

– «Ближе, ближе», – ворчливо передразнила меня Кира. – Дурацкая была идея! И что я вечно тебя слушаю? Сами чуть не убились и полгорода чуть с собой не прихватили.

– Мы живы? – непонятно зачем спросил я.

– Угу, всё благодаря мне! Вот только вопрос остался открытым: что делать-то будем? Очевидно, что в городе к ним приближаться опасно, давай попробуем остановить на шоссе.

– Давай, – успокаивая себя, выдохнул я.

– Чего ты так перепугался? Ты же Страж, каждый день рискуешь жизнью, а тут вцепился, как девица!

– Сам не знаю, – тихо ответил я и поник головой. – Скорее не знаю, как объяснить. Понимаешь, тут я... Нет, даже не так. Там на спецзаданиях, во время операций, на улицах, в перестрелках, драках, я предоставлен сам себе, там я свободен, волен делать, что захочу. Там я встречаю смерть лицом к лицу, и всё зависит только от меня самого: от моей смелости, ловкости, остроты ума, находчивости и боевой выучки, наконец. В такие моменты я сам решаю, когда и как мне идти на смерть, и я готов к ней. У меня всегда есть шанс победить её, обхитрить. А тут?

– Что? – хмыкнув себе под нос, спросила Кира.

– Тут я закрыт в консервной банке. – Я ударил ладонями по приборной панели перед собой. – Заперт в собствен-

ной безысходности. Тут я вынужден сидеть, смотреть, как на огромной скорости ко мне навстречу несётся погибель, и не быть способным что-либо сделать, это ужасно. Не знаю, понимаешь ли ты меня. Я никогда не страдал клаустрофобией, или как там это называется? Тут всё иначе. Здесь я в ловушке, мои движения скованы, мне не хватает свободы, здесь от меня ничего не зависит, а я ненавижу терять контроль над ситуацией. Я начинаю задыхаться, на меня начинают давить стены, охватывает безудержная паника, и мне хочется вырваться, сломать всё на своём пути, но только бы получить обратно контроль над своей жизнью.

– Хм, интересно, – покачала головой Кира. – За собой такого не замечала. По мне, так смерть всегда одинакова, не всё ли равно, как она приходит? Итог всё равно один.

– Не согласен, есть огромная разница между тем, чтобы сидеть и смиренно ждать, смотреть, как тебя убивают, и осознавать, что ничего нельзя сделать, и между тем, чтобы бороться до конца и погибнуть. Это совершенно разные вещи, по крайней мере, для меня. Я не боюсь смерти и готов броситься хоть в жерло вулкана ради общего дела, но только этот выбор я должен сделать сам, а не чтобы меня спихнули... Кстати, вот и шоссе!

Я нашёл удачную причину сменить тему, которая мне почему-то совсем не нравилась. Возможно, ещё не выветрился осадок от той страшной поездки по встречной полосе, где я впервые посмотрел в глаза смерти по-настоящему. То, что

я рассказывал Кире о самопожертвовании, о боевом духе и смелости на заданиях, ведь это не одно и то же. Там я не думаю о смерти и вижу её лишь в отражении глаз моих врагов. Я уверен в себе, в своих силах и в победе, у меня не остаётся времени задуматься о том, что может случиться. Я действительно в первый раз увидел смерть, ощутил её присутствие, свой близкий конец, почувствовал её холодное дыхание за спиной и то чувство опустошения, что она оставляет за собой. Мне впервые захотелось просто жить, оказаться где-нибудь далеко-далеко от этой машины, погони, проблем и собственной жизни. Внезапно я возжелал элементарного человеческого спокойствия, большой и любящей семьи, уверенности в завтрашнем дне, засыпать с полной уверенностью, что наутро вновь увижу рассвет, милый дом и очаровательные глаза любимой на соседней подушке. Я уже не уверен, что не боюсь смерти.

Я потряс головой, пытаюсь прийти в себя и прогнать прочь назойливые и такие неправильные мысли.

– Что будем делать? – внезапно спросила Кира.

Мы уже вовсю неслись по гладкому и прямому шоссе. Где-то вдалеке маячили серенькие пятнышки трущоб спальных районов, за окном пролетали единой серой полосой столбы освещения, а в лобовое стекло моросью стучались мстительные и печальные слёзы далёкого неба. Впереди нас, совсем рядом, мчался красивый и изящный спортивный автомобиль красного цвета и совсем не думал останавливаться. А с чего

ему это делать?

– Так что, у тебя идей, кроме «ближе», никаких нет? – громче повторила Кира.

– У нас мало времени, нужно остановить их до того, как они доедут до спальной части, иначе могут быть потери среди населения. Может, Павла попросим помочь? Он как раз где-то здесь на шоссе обитает.

– Угу, попросим под колёса прыгнуть.

– Хорошо, а у тебя есть идеи?

– Только одна...

Кира вдавила педаль газа, машина зарычала, и мы снова приблизились к автомобилю Отступников с левой стороны.

– Опустит стекло! – скомандовала напарница, указывая на мою боковую дверь, когда мы поравнялись с красной машиной.

Я нажал кнопку на дверце, и стекло быстро поползло вниз, а мне в лицо ударил сильный, неприятный и сырой ветер.

– А что... – Я хотел задать несколько интересующих меня вопросов, но прервался, увидев у себя перед носом вытянутую руку с автоматом.

Я даже не заметил, когда Кира успела открыть Консоль и создать свой любимый пистолет-пулемёт. Раздался оглушительный и протяжный вой, длинная струя пламени вырвалась из дула миниатюрного оружия, выпуская десятки маленьких пуль. Я истошно закричал, прижимая руки к ушам. В моей голове зазвенел колокол, отдаваясь резкой колющей

болью, а в глазах поплыли круги.

– А-а-а, ты с ума сошла?! – кричал я. – Я же оглохну!

– Извини, – хлётко бросила напарница.

Я держался ладонями за уши, сильно прижимая их к голове, и пытался прийти в себя. Постепенно гул в голове начал спадать. Я посмотрел на соседний автомобиль и понял, что большая часть пуль пролетела мимо, водитель Отступников успел среагировать и ловким движением увести автомобиль вправо, из-за чего некоторые снаряды задели его лишь по касательной. Но всё-таки успели оставить несколько дыр в корпусе. К сожалению, это не возымело должного успеха.

– Извини? Это всё что ты можешь сказать? – возмутился я. – Да у меня сейчас кровь из ушей пойдёт! К тому же промазала, а значит, я пострадал зря.

– А ты сам попробуй одной рукой вести автомобиль на такой скорости, а другой стрелять.

– Тебя никто не просил этого делать!

– Ты же сам спросил меня об идеях! Вот. Дай, я по ним ещё раз жахну!

Только Кира вновь хотела вскинуть оружие, как оно неожиданно померкло в её руках, потеряло цвет и рассыпалось на кусочки. Напарница с большим удивлением уставилась на свою ладонь, на время даже позабыв о дороге.

– Что-то я не поняла юмора... – громко возмутилась она.

Кира снова открыла Консоль, зашла в пункт доступной амуниции, но на единственной позиции в списке оказалась

надпись: «Заблокировано». Напарница впала в иступление, быстро посмотрела на меня, потом снова на экран Консоли.

– Что за дела! Сти-и-ил?

Я провёл двумя пальцами по воздуху, открыл свою Консоль, зашёл в соответствующий пункт и сокрушённо покачал головой.

– У меня то же самое, написано: «Заблокировано».

Кира грозно посмотрела на меня, будто именно я был виновен в этом, затем прикоснулась к металлической пластине на передней панели. Внутри что-то негромко пискнуло, и открылось окно Консоли автомобиля. Напарница выбрала пункт «Связь с диспетчером». Экран чуть заметно дрогнул, и на нём появился всё тот же логотип нашей службы, который явно желал нам удачи одним своим присутствием.

– Башня, это «Феникс». Приём, – чеканно и грубо выпалила Кира.

– Башня на связи, – раздался жутковато неестественный, но уже такой привычный голос диспетчера.

– Башня, у нас заблокировали оружие, что за дела? У нас идёт спецоперация повышенной важности, первая степень угрозы как-никак. Что происходит?

Окно Консоли мерцало приятным оранжевым светом и почему-то долго молчало. Кто-то на той стороне явно не спешил с ответом или боялся его.

– Башня! – рывкнула Кира.

– Простите, «Феникс», – очень виновато отозвался голос,

это было заметно даже через несколько фильтров искажения звука. – Приказ Хранителя. Только что пришло распоряжение. Отступников нужно брать живыми, всё оружие было заблокировано.

– Башня, вы издеваетесь? Живыми? Зачем? – Кире очень хотелось выругаться, она сдерживалась из последних сил. – Как их остановить без оружия? Ласковыми и нежными угрозами? Вы спятели?

Я прикоснулся к плечу напарницы, успокаивая её, и ответил диспетчеру:

– Башня, передайте Хранителю, что это невозможно. У нас слишком мало времени, скоро они будут в спальной части города, где им будет легче скрыться, тем более может пострадать много народа, в том числе психологически. Мы не сможем их остановить без отключения. Приём!

Снова повисла неприятная пауза.

– «Феникс», приказ тот же: Отступников взять живыми... Действуйте по обстоятельствам.

Экран моргнул и растворился, даже не дождавшись ответа.

– Давай их просто собьём с дороги? – без всяких эмоций предложила Кира, глядя куда-то вперёд.

– На такой скорости? И себя, и их погубим.

– Так, а что делать? Времени мало... вон уже и город показался.

Впереди нас стали появляться и вырастать из серой взве-

си пасмурного дня невысокие очертания домов и первых кварталов спальной части города. Я осмотрел салон автомобиля, заглянул в каждое окно в попытках найти решение, придумать хоть что-то. Тем временем внутри меня начала зреть безумная идея. Сначала она казалась мимолётным наваждением, случайной мыслью, способной вызвать лишь недоумённую улыбку. Но чем меньше времени у нас оставалось, тем более осмысленные очертания она приобретала. Посаженное зерно упорно пробивалось сквозь мёртвую почву безысходности, и очень быстро дикая мысль из случайного всполоха дурных идей превратилась в единственную надежду. Я дёрнулся, как от резкого толчка, отстегнул ремень, повернулся и стал перебираться на заднее сиденье автомобиля, а это оказалось совсем непросто из-за сильно опустившейся для лучшей обтекаемости форм крыши.

– Стил, ты куда? – недоумевающе спросила Кира.

Ведомый одной лишь идеей, я плюхнулся на заднее сиденье, приподнялся и стал открывать люк в крыше автомобиля. Кнопка для его открытия оказалась рядом с ним, а не на приборной панели, как у других автомобилей.

– Ты что удумал? – ещё более испуганно спросила напарница.

– Я действую по обстоятельствам, – улыбнулся я. – Подъездь как можно ближе к их автомобилю.

– Ты... ты что, дурак? Убьёшься!

– Некогда спорить, у нас мало времени, давай ближе к

ним, – бросил я. И стал выбираться через верхний люк на крышу мчавшейся машины.

Кира продолжала причитать, но я уже не мог разобрать её слов. В лицо бил сильный встречный ветер, сносил меня назад, а руки скользили по мокрой покато́й крыше. Дождик из небольшой морозящей неприятности превратился в шквальный град маленьких острых игл, которые на бешеной скорости бомбардировали меня, врезались в кожу, обжигали. Встречный поток воздуха был пугающе невыносим, его огромная скорость не давала раскрыть рот и лишала возможности дышать. Я полностью вылез на крышу, цепляясь за края открытого люка, попытался хоть как-то сгруппироваться, но скорость оказалась слишком большой, удержаться было невозможно, меня постоянно сносило назад. Я плюхнулся животом на скользкую сырую крышу и упёрся ногами в антикрыло на багажнике. Я уже мало понимал, что делаю, сильный всплеск адреналина гнал меня вперёд, заставляя вытворять немислимые вещи в некоем подобии боевого транса. Сейчас передо мной маячила только одна цель – остановить Отступников, спасти людей, оградить их от психологической травмы любой ценой. Ведь это наша основная задача, для этого я стал Стражем!

Цепляясь за края открытого люка, я заглянул в салон и крикнул напарнице:

– Ещё ближе! Давай!

– Это и есть твой знаменитый контроль над ситуацией? –

раздражённо бросила она.

– Да, он самый, – на секунду задумавшись, ответил я и вернулся на крышу.

Кира что-то прорычала себе под нос, но выполнила просьбу и вновь стала обходить упрямых гонщиков с левой стороны. Как только мы поравнялись друг с другом, красная машина резко дёрнулась в нашу сторону и снова ударила в правое крыло. Нас с силой отбросило в сторону и вынесло на встречную полосу, где, к счастью, никого не оказалось. От внезапного удара меня отшвырнуло с крыши, но в полёте мне удалось схватиться кончиками пальцев за открытый люк, и, сильно ударившись боком, я повис с правой стороны нашего автомобиля. Одна нога всё ещё цеплялась за антикрыло, а другая уже болталась над землёй, где несколько раз ударилась по несущемуся под нами шоссе и отскочила вверх, отзываясь жгучей болью.

– Сти-и-ил! – послышался из машины приглушённый, но надрывистый и испуганный крик моей напарницы.

Собравшись с силами, я подтянулся и с большим трудом смог забраться обратно на крышу. Немного отдышавшись, насколько это было возможно при таком удушающем встречном потоке ветра, я опять заглянул в проём люка.

– Я жив, давай снова!

Кира начала истошно ругать меня за гениальные идеи.

– Хватит! – грозно крикнул я. – Приближайся!

«Снова отбросят нас» – всё, что я смог расслышать от Ки-

ры.

– Подходи настолько близко, насколько сможешь, это наш последний шанс! – велел я.

Затем зажмурился и посмотрел вперёд, дома были уже совсем близко. Всё тело ныло, болело, требовало отдыха, я насквозь промок под обжигающим градом дождя, но продолжал держаться. Я должен это сделать! Сейчас всё зависит только от меня! Я покрепче ухватился одной рукой за проём люка, а другую положил на пояс, туда, где висела рукоять от моего меча.

– Всё оружие вы отнять не в силах, – пробормотал я себе под нос.

Кире удалось подойти почти вплотную к машине Отступников, но до неё оставалось ещё около метра. Я снова заглянул в люк.

– Давай ещё ближе!

– Я не могу, – взмолилась Кира. – Они опять нас оттолкнут, и ты слетишь!

К сожалению, выбора у меня не осталось, я собрал всю волю в кулак, напряг все мышцы и прыгнул...

...Сколько времени прошло с тех пор, как я прыгнул, оторвался от крыши своего автомобиля? Я уже не помню. Похоже, что целая вечность. За это время я успел вспомнить всё: и строгий голос Икарова, встречающего новичков, и оценивающий взгляд Киры, когда нас представили друг другу, её ворчливое выражение лица, наши задания, да много чего.

Казалось, я уже и забыл тот момент, когда мы начали погоню, он предстал перед моей памятью таким далёким, невесомым, незначимым, как любое другое событие, которое было давным-давно. Так давно я покинул крышу нашего автомобиля, столько успел вспомнить, о стольких вещах подумать... Ох, сколько мыслей, воспоминаний, сладких грёз! Тогда я считал, что это безвременье никогда не закончится. Это был полёт: безудержный, страстный, отчаянный, но до того прекрасный и насыщенный! Сердце остановилось на это мгновение, ставшее мимолётным для других и целой вечностью для меня. Только пустой взгляд сверлил пролетающее подо мной полотно дороги, два автомобиля, несущиеся рядом друг с другом навстречу судьбе, а также её... смерть... Да, я снова чувствовал её незримое присутствие, но в этот раз я не боялся, не было никакой паники или страха. В этот раз я сам сделал свой выбор, он мой и ничей больше, и я упивался этим моментом. Со мной были лишь мой меч, воспоминания, полёт и капли дождя.

Плавное, но быстрое движение руки в полной отрешённости и доведённое до автоматизма, чёткое скольжение пальцев по металлической пластине, невольное возмущение пространства и взмах двух рук над головой. Меч сверкнул острым клинком, с яростью разрывая пространство, руки напряглись, а моё сознание решительно вернулось в наш мир, сливаясь с привычным потоком времени. Я упал на крышу красного автомобиля, с силой вонзая туда меч, прямо посе-

редине между сидящими в салоне людьми. Я распластался по всей поверхности, крепко держась за рукоять меча, но законы физики были неумолимы, и после приземления меня с силой потащило назад, к задней части автомобиля. Клинок с громким скрежетом прорезал крышу, вскрывая её, как консервную банку, и оставляя за собой длинную борозду. Меня снесло далеко назад, а меч проделал себе колею почти до конца крыши. Мои ноги уже свисали позади автомобиля, и я из последних сил пытался удержаться, схватившись за рукоять. Сквозь рычание автомобилей, задыхаясь от сырого потока воздуха, я слышал, как Кира зачем-то отчаянно сигналила. Я повернул голову и из-под левой руки посмотрел на наш автомобиль. Напарница что-то истошно кричала и махала руками, но мой разум отказывался чётко воспринимать реальность, он всё ещё находился в боевом трансе и питался чистым адреналином.

Стоило мне только подумать, что хуже уже не может быть, как водитель Отступников снова начал кидать свой автомобиль из стороны в сторону, всячески пытаясь сбросить меня с крыши. Я закрыл глаза, сжал руки до боли вокруг рукояти, стиснул зубы и напряг до предела мускулы, чтобы не ослабить хватку. Меня бросало туда-сюда, я бился о борта автомобиля, меч со скрежетом ходил в разорванной крыше, громко визжал, разрывая тонкий металл, стонал под невероятной нагрузкой, но продолжал держать меня. Вскоре после безуспешных попыток машина Отступников успокоилась и

дала мне необходимую передышку. От сильного встречного потока воздуха у меня окончательно заложило уши, но даже так я вновь услышал отчаянный звук сигналящей Киры. Сначала я даже не понял, откуда он исходит, посмотрел налево, но там её не оказалось. Затем немного выгнулся и из неудобной позиции оглянулся назад. Кира мчалась позади нас, неистово продолжая сигналить, и почти вплотную приблизилась ко мне.

Я пошарил за собой в поисках опоры, нащупал бампер нашей машины и смог встать на него обеими ногами. Потом немного перевёл дух, поставил правую ногу чуть выше на радиаторную решётку и что есть силы оттолкнулся от неё. Совершив рывок, я ухватился левой рукой за прорезь в крыше, чтобы подтянуться к своему мечу. Огромный разрез, оставленный в тонком металле моим чудо-мечом, оказался невероятно острым, по его краям торчали небольшие заусенцы, рваные грани, которые бритвой впились мне в ладонь, разрывали кожу, связки. Руку пронзило жаром, она умоляла разжать пальцы, прекратить страдания. Я вскрикнул, насколько это было возможно, но воздух быстро набил лёгкие, и из моего рта донёсся лишь сильный хрип задыхающегося человека. Из ладони хлынула кровь, она быстро растекалась от ветра по всей поверхности крыши и попадала внутрь салона. Но мне удалось главное – забраться на антикрыло красной машины и крепко упереться в него ногами.

Несмотря на все наши старания, мы всё-таки не успели

вовремя. Машины чёрно-красными молниями влетели на окраину спального района и уже неслись по главной улице на удивление малочисленных прохожих. Но выбора у нас не осталось, это был последний шанс. Если не остановить Отступников сейчас, то потери среди населения могут возрасти многократно.

Мгновение вновь замерло. Я больше не чувствовал боли. Сердце остановило свой бег, капли дождя неторопливо стучали по лицу, и мир вокруг меня застыл, потерял своё значение и краски жизни, превратился в статичную картинку, красивую декорацию на сцене, где я играл главную роль в самом важном спектакле в своей жизни. Быстрым скольжением пальцев я деактивировал свой меч, чтобы иметь возможность вытащить его из сильно искорёженной крыши, и одновременно с этим посильнее оттолкнулся от антикрыла. Я снова прыгнул вперёд против могучего встречного потока, против всех обстоятельств, занося свои руки над головой. Чуть заметное движение пальцев, блеск обновлённой стали в моих руках – и клинок летит вперёд, разрывая тягучий воздух. С огромной энергией, с моей злостью, усталостью от погони и от всего на свете, преисполненный яростью, меч снова вонзился в крышу, но уже в том месте, где должен сидеть водитель. Я не видел этого, я знал, ощущал каждым мускулом на руке. Чувствовал, как клинок сначала разрывает лист красного металла, потом чужую плоть, разламывает кости, испаривает все вены и артерии, окрашивая лобовое стекло

бурыми пятнами от брызнувшей внутри салона крови. Машина дёрнулась в сторону, потом в другую, а затем её резко развернуло на девяносто градусов, и буквально боком она заскользила по дороге, выпуская из-под себя клубы дыма.

Адреналин пульсировал в висках. Я лежал на крыше с воткнутым в неё мечом, пока машину на огромной скорости несло юзом, угрожая перевернуться в любую секунду. Сквозь всю одержимость нахлынувшей ярости и сквозь пелену, укутавшую разум, я услышал крик, женский крик. Нет, это была не Кира. Кричали где-то совсем рядом, громко, отчётливо, это был голос страха и отчаяния, и он доносился из салона автомобиля Отступников. Я вдруг пришёл в себя, встрепенулся, этот крик словно пробудил что-то под слоем ненависти. Мне захотелось что-то делать, куда-то бежать и помочь кричащему. Но я не мог... Я сгруппировался, привстал, отключая свой меч, а затем оттолкнулся от крыши и прыгнул на капот нашей машины, всё это время следующей позади и продолжающей отчаянно сигналить. К счастью, я успел сделать это вовремя. Красный автомобиль резко подскочил вверх, словно подброшенный на трамплине, сделал несколько кувырков и с сильным грохотом приземлился на дорогу. Он продолжил свой путь, постоянно подпрыгивая и переворачиваясь, каждый раз с сильным лязгом ударяясь об асфальт, громяхая и теряя по пути целые куски и детали. Хотя мне повезло не намного больше, чем Отступникам. Не знаю, на что я рассчитывал, когда прыгнул на такой скорости

на капот следом идущей машины, но удержаться на нём я не смог. С огромной силой меня ударило о лобовое стекло, из-за чего оно треснуло, закрипело и покрылось паутиной разломов. Я перелетел через крышу и... дальше лишь обрывки реальности, яркие вспышки человека, на краткий миг приходящего в сознание. Помню, как пытался уцепиться за открытый люк, за антикрыло, а потом только удар о землю, дикая, ужасная боль и весь мир, кружащийся перед моими глазами, а потом только Тьма...

...Тьма и только она передо мной. Мой главный попутчик, главный друг и враг в одном ужасающем лице. Тьма внутри меня и снаружи – это всё, что окружает меня в течение жизни. Только сейчас я подумал, что всё это время я не был укутан Тьмой, не плыл в ней, не витал и не дышал ею. Я сам был её неотъемлемой частью, её основной частью. Она не окружала меня и не обволакивала, я сам породил её, выпускал с каждым выдохом и творил каждой попыткой сдвинуться с места, каждым движением, словом, действием. Закрывая глаза, я не падал в вечность, я лишь оставался наедине с самим собой, я купался в собственной тьме, я видел всю её пустоту и непроглядность, я ощущал весь тот страх и безнадёжность, что она несла. Как же я не понимал этого раньше, почему я не видел этого? Мне страшно. Я боюсь себя, своих действий, я боюсь того, кем я стал. Я излучаю лишь тьму, топлю в ней людей, душу их, уничтожаю, а сам боюсь остаться наедине со своим творением. Что же я?

Нет, в этот раз Тьма другая, она не моя, поэтому я осознал всё это. Эта Тьма была иной, она пугала ещё сильнее, была чужой и в этот раз пришла не одна. С ней был её вечный попутчик – боль. Невероятно сильная, жгучая, прожигающая и выжигающее всё изнутри, она окружала меня, впивалась в кожу миллионами острых иголок. Каждое движение, каждый вздох были чреватые невыносимой болью, которая отзывалась в каждом уголке тела. Мне захотелось убежать от неё, что-то сделать, но одно только желание вызывало новый приступ кошмарных страданий. Да, в этот раз Тьма была иной, незнакомой. Не такой я привык её видеть и ощущать каждую ночь, сейчас её структура поменялась. Казалось, что всё пространство сшито тончайшим узором из колючей проволоки, и она сжималась вокруг меня, обвивала кольцом, вгрызаясь жадными зубами в моё истерзанное тело и не давая пошевелиться. Больно было даже плакать.

Что это? Я умер? А после смерти разве бывает боль? Или смерть – это и есть одна сплошная тьма и боль, растянутая на вечность? За что я так проклят? Что я делал не так? Я хотел, как лучше, но... Нет, я не умер, этого не может быть, я ошибаюсь, это просто сон. А такое возможно? Может, я действительно сплю и мне всё приснилось? Кира, Плотников, красный автомобиль, авария... Может, и не было ничего, а я сейчас лежу на своём диване, сплю и только готовлюсь к новому рабочему дню? Но вот боль, откуда такая жгучая... это невыносимо!

Но постойте, что это? Я что-то слышу, какой-то шум, отдалённое эхо, это... это голос. Да, определённо, голос.

Я прислушался, пытаюсь не обращать внимания на разрываемую шипастым пространством плоть. Кажется, я знаю этот голос, он очень знакомый и зовёт меня.

– Стил... – раздалось повсюду в темноте.

Голос становился всё громче. Я прыгнул ему навстречу... и открыл глаза.

Все кости ломило, а в груди разверзся настоящий вулкан, и каждый стук сердца отзывался сильной болью. Голова гудела чугунным колоколом, а перед глазами плыли мутные круги, сквозь которые я разглядел знакомый силуэт, склонившийся надо мной. Причитая, он тряс меня за плечо.

– Стил! Стил, чёрт бы тебя побрал! Ты живой? – напугано и громко кричал силуэт, ужасно напоминающий Киру. Её спортивную фигуру и свисающие волосы было сложно не узнать. – Ответь мне, сейчас же!

– Не тряси меня... – прошептал я пересохшими и разбитыми губами.

– Что? – переспросила она. – Ты идиот? Ты чего наделал? Героем захотелось стать? Себя угробить?

Сознание понемногу возвращалось ко мне, и очертания моей озлобленной напарницы становились всё отчётливее.

– Как больно-то, будто по мне каток проехался. Дышать тяжело.

– Я удивлена, что ты вообще жив остался. Ты кубарем ка-

тился по дороге на огромной скорости, нужно немедленно показаться Техникам!

– К чёрту Техников! Что там с Отступниками? Помоги мне подняться! – выдавил я и кряхтя схватился за руку напарницы.

Кира недовольно покачала головой, обхватила меня крепче и сильным рывком поставила на ноги. Но колени и рёбра пронзило острой болью, от чего я покачнулся и чуть обратно не свалился на дорогу. Кира успела подхватить меня и выругалась.

– Знаешь что, Стил, давай-ка я всё же вызову Техников! – Её слова прозвучали в угрожающе приказном порядке.

– Нет, сначала нужно закончить дело. Не для того я совершал акробатические этюды! Где эти гонщики?

Я согнулся под собственной тяжестью, попытался отдышаться, а потом взглянул дальше по дороге и увидел страшную картину. Дорога оказалась разбита в нескольких местах, асфальт выкорчеван и кусками разбросан по округе. От нас тянулся длинный шлейф из отвалившихся, покорёженных деталей автомобиля и кусков железа, а неподалёку, в ста метрах, может меньше, остановился раскуроченный красный автомобиль, некогда слепивший своим великолепием. Он мощным катком прокатился по дороге, кувырком снося всё на своём пути. В конце своих кульбитов он ударился об один из столбов и снова встал на колёса.

– Подъедем к ним поближе! – требовательно попросил я

и кивком головы указал на место аварии.

Кира была в корне не согласна с моими решениями в это утро, но поняла, что спорить бесполезно, и потащила меня к нашему автомобилю, ожидающему вблизи с раскрытыми дверьми.

– Кир, в следующий раз, когда меня посетит гениальная идея, дай мне, пожалуйста, по голове, – угадывая желания напарницы, прошипел я, держась за большую грудь.

– С удовольствием! – язвительно воскликнула она в ответ и усадила меня в кресло пассажира.

– Меч? – выдавил я.

– Что? – не поняла Кира.

– Меч. Я его выронил...

Напарница понимающе кивнула и куда-то убежала, но очень скоро вернулась и торжественно вручила эфес моего меча.

– На, держи! На дороге валялся. Вроде бы не слишком пострадал.

Я её поблагодарил, осмотрел рукоять и повесил обратно на пояс. Кира тем временем уселась за руль, проехала немного вперёд и остановилась рядом с развороченным куском красного железа, в котором уже трудно угадывался тот прекрасный и быстрый автомобиль. Я самостоятельно выбрался из нашей машины и, слегка покачиваясь, поковылял к долгожданной цели преследования, точнее к тому, что от неё осталось.

– Пожалуй, надо выключить спортивный режим, пока другие Стражи не появились, – бросила мне вслед Кира. – Не хочу лишних вопросов и укоров.

Я не ответил, но продолжил медленно приближаться к красному автомобилю. Каждый мой шаг отдавался гулкой болью по всему телу, напоминая о последствиях принятых решений, но я настойчиво шёл вперёд. Позади меня послышался тяжёлый вздох возмущённого пространства, а затем лязгающий металлический звук от поднимающейся крыши и раздувающегося салона нашего автомобиля. Он возвращался в свой привычный, немного пузатый, округлый вид.

Наконец спустя столько времени и проехав половину Системы, я настиг автомобиль Отступников и внимательно осмотрел его. Он производил поистине пугающее впечатление, скорость его совсем не пощадила. Его части разметало по дороге, краска облезла, боковые крылья отвалились, капот сорвало, и он валялся далеко на обочине, а из двигателя или из того, что от него осталось в этой каше железа и проводов, валил густой и едкий дым. Да и мой внешний вид был под стать автомобилю – весь побитый, грязный, мокрый, с разорванной в нескольких местах курткой, с ранами на оголённых участках тела, заляпанный сгустками своей же крови и с разбитым лицом. Я стоял рядом с машиной, обнимая себя левой рукой в районе груди, прижимал ладонь к больному боку и с глубоким пониманием смотрел на некогда великолепное произведение инженерной мысли.

Подошёл ближе, попытался открыть дверь со стороны водителя, но она не поддавалась, оказалась слишком покорёженной и, похоже, намертво застряла. Вновь осмотрелся. Повсюду выглядывали испуганные люди, они стояли за углами домов, смотрели из окон, и в их глазах читался подлинный страх. Они прожили всю жизнь в привычном и тёплом доме-инкубаторе, они не ведали страха, не смотрели в лицо смерти, их ограждали от ненависти, злобы и порока. Для них каждый выход в эту страшную, неизведанную часть жизни был на грани безумия и вызывал настоящий животный, первобытный ужас. Обычная уличная драка могла стать сильным шоком для любого, кто ни разу не видел эту часть человеческой сущности, его тёмную, страшную сторону, пожирающую всё вокруг и его самого. Она как вирус способна передаваться от одного к другому, ведь человек, хоть раз увидевший насилие, никогда не будет прежним. Поэтому мы и призваны охранять мир и покой наших граждан, жителей нашей Системы. Но то, что они увидели сейчас, выходит далеко за рамки обычной драки – настоящее безумие, что станет смертельным ударом по психике этих людей. Но мы уже ничего не могли поделать. Я надолго запомню эти глаза... глаза глубоко испуганной женщины, смотрящей прямо на меня из окна соседнего дома. Боже, сколько в них было терзаний и растерянности, сколько порушено и порвано наивных струн в её душе. Это можно назвать убийством, мы погубили её. Нет, не в физическом смысле, мы убили в ней человека, того

доброто и милого человека, кем она была, мы разрушили в ней всё: веру в людей, в мир, её жизнь и душу, а это намного хуже смерти. Иногда лучше умереть, чем жить монстром.

– Тебе помочь? – неожиданно раздался голос Киры позади меня.

– Нет, лучше проверь другую дверь, эту заклинило.

Кира стала обходить автомобиль, а я схватился за край застрявшей дверцы и начал отчаянно дёргать её на себя, не обращая внимания на приступы боли, вызванные такими усилиями. После нескольких сильных рывков дверь всё же поддалась, открывая передо мной крайне неприятное зрелище. Кровь блестела повсюду: на двери, руле и лобовом стекле, ею равномерно был забрызган весь салон автомобиля, где неизвестный жестокий художник делал размашистые мазки, оставляя целые пятна и разводы брызг. Водителем оказался молодой юноша, чуть моложе меня самого, пристёгнутый к креслу ремнём безопасности, с запрокинутой назад головой и обильно покрытый своей же багряной кровью. Он сидел ровно на том месте, куда вонзился мой меч. Удар пришёлся не напрямую в голову, а немного сбоку, клинок прорезал глубокую рану у виска, а затем проткнул водителю шею и грудь, задев при этом самые важные артерии. Поэтому здесь так много крови. Через порванные в горле связки продолжала сочиться буроватая жидкость, уже потерявшая былой напор и текучесть. Я поморщился. Даже для меня, повидавшего в своей жизни всякого, это было чересчур.

В это время послышался шум отдираемой двери с другой стороны автомобиля, и только тогда в этой бурой противной мешанине я заметил пассажира. Это была женщина средних лет в простой и непримечательной одежде, больше подходившей мужчине, очень грязной и заляпанной кровью то ли её самой, то ли невезучего водителя, её волосы неаккуратно собраны в пучок на голове, а глаза закрыты. Несмотря на пристёгнутый ремень и сработавшую подушку безопасности, нос и лоб оказались разбиты, и, похоже, что она была без сознания. Ну или мертва.

Кира заглянула в салон, скривилась в брезгливой гримасе и вопросительно посмотрела на меня через салон автомобиля.

– Этот мёртв, – констатировал я.

Кира ещё раз окинула взглядом салон и ответила:

– Да я уж поняла.

– А что у тебя? – Я кивнул на женщину.

Напарница взялась двумя пальцами за подбородок пассажирки, покрутила её голову, изучила, потрогала пульс, что-то пробубнила себе под нос, а затем схватила её за правое запястье, и глаза Киры округлились.

– Стил! Взгляни! – позвала она меня и показала запястье женщины. – Если она здесь, значит, точно ещё жива.

Я понял, что так заинтересовало Киру: на запястье правой руки у женщины виднелся аккуратно выполненный шрам, ровно в том месте, где должен быть чип. Без сомнения, это

был Призрак.

– А это, надо полагать, Кукловод? – протянул я, переводя взгляд на водителя.

Я схватил его руку, посмотрел на запястье и убедился в своей правоте – чип всё ещё на месте. Затем нащупал закреплённую на поясе рукоять, снял её, быстро активировал меч и рубанул по руке Отступника. Отрезанное предплечье замерцало в моих руках, раскололось и осыпалось сквозь пальцы, навсегда сливаясь с потоком. Вскоре на моей ладони остался лишь небольшой квадратный чип несчастного молодого водителя. В это же время всё остальное тело поспешило покинуть наш новый мир вслед за потерянной частью и устремилось в бесконечность. Оно треснуло и разбилось, словно хрупкое зеркало, рассыпалось и растаяло, прихватив за собой всю кровь, что успело расплескаться по всему салону.

В этом и заключается главная прелесть этого механизма – он не оставляет физических следов. Никаких. Иронично, не правда ли? Отступники, стремящиеся возвыситься, заявить о себе, посеять страх в умах людей, исчезают бесследно, их просто вычёркивают со страниц жизни одним размашистым росчерком острого лезвия. Человек и всё, что с ним связано, не только его кровь, но и вся жизнь, личные вещи и всё, что принадлежало только ему одному, в одночасье испаряются из этого мира и растворяются в потоке времён. Тихо, бесславно, бесследно... Что бы могло задержать его в вечности? Воспоминания родных? Но какими они будут? Много ли он

сделал для того, чтобы о нём вспоминали? Да, к сожалению, память о человеке нельзя так быстро вычеркнуть из нашего мира. Так что же это значит, он всё-таки не ушёл бесследно? Нет, это не поможет остаться в вечности, память слишком скоротечна, изменчива и уходит вместе с её носителями. Каждое поколение будет размывать следы, оставленные на песке, и вскоре их окончательно развеет потоком времени. Когда сотрутся все фотографии, растают последние воспоминания, человек исчезнет навсегда. Но должно же быть что-то, чего нельзя уничтожить клинком, что может сделать человека бессмертным? Но вот что? Что оставил этот юноша после себя, кроме пары страниц информации на маленьком чёрненьком квадратике у меня в руках?

Рядом с нами раздался громкий свист тормозов, потом хлопки от закрывающихся дверей и нарастающий гул голов.

– Подмога, как всегда, вовремя, – небрежно бросила Кира и фыркнула.

На место аварии съехалось огромное количество машин Стражей, казалось, что прибыл весь отдел Ищеек. Они гудели, косо поглядывая в нашу сторону, растекались по дороге, окружали нас, а часть направилась к испуганным людям, чтобы попытаться хоть как-то объяснить этот ужас и успокоить. Следом подъехал большой чёрный фургон скорой технической помощи. Оттуда выскочили несколько человек в халатах, с неприятием посматривающих в дождливое небо,

и спешно подошли к нам.

– Что с вами? Вас надо срочно на обследование! – обратился ко мне один из Техников.

– Для начала лучше обследуйте её, – указал я на сидящую в машине без сознания женщину. – Отвезите её в башню, подлатайте немного и сообщите Хранителю как можно скорее. Похоже, у нас тут Призрак.

Техник перегнулся через моё плечо и заглянул в салон автомобиля.

– Хорошо, Страж. А где второй пострадавший? Она ведь была не одна?

– Второй... – Я немного замялся. – В общем, второй вас не дождался, вот.

Я вытянул вперёд ладонь с извлечённым чипом. Техник посмотрел на него и почесал в затылке.

– Понятно. Ладно, сами доложите об этом Хранителю, садитесь в машину. – Техник указал на свой фургон. – Мы заберём пассажирку – и поехали.

– Спасибо, я своим ходом.

– Так, тут без вариантов, вы ранены, быстро в машину!

Кира подошла сзади и подтолкнула меня в спину.

– Поезжай с ними, такого грязного я тебя в машину больше не пущу, – прошептала она рядом со мной.

Я состроил обиженное выражение лица, громко и демонстративно выдохнул, но с согласием покачал головой. С поддержкой Техников меня повели к широкому фургону, кото-

рый уже приветливо раскрыл задние двери.

* * *

– Знаете, Страж, вам невероятно повезло. На такой скорости удариться об асфальт, пролететь по нему с десятков метров и при этом мало того не убиться, так ещё и не заработать ни единого перелома или сколько-нибудь тяжёлых увечий, – очень загадочно и задумчиво произнёс Техник Васильев, – это удивительно! Вы словно в рубашке родились! Растяжения, рваные раны, вывихи, даже трещины в рёбрах – это всё сущая ерунда. Право дело, я поражён. В чём ваш секрет? Вас и этому обучают?

– Чему? – усмехнулся я. – Сумасбродству? Да, этому, возможно, обучают, а вот как правильно падать с крыши мчащегося автомобиля – такого я не припоминаю. Поверьте, я сам удивлён не меньше вашего.

– Хм. – Техник схватил себя пальцами за подбородок, прищурил глаза и внимательно оценил моё состояние. – С вами точно всё в порядке? Видимых повреждений больше нет, а те, что были, я починил.

– Да, всё хорошо, честно!

– Всё равно, я бы советовал вам немного отдохнуть, восстановить силы. Я заблокировал сильные болевые сигналы, но фантомная боль в теле может сохраняться ещё некоторое время.

– Нет, никакого отдыха, только не сейчас.

– Это не шутки, юноша! Повреждения виртуальной оболочки восстановить несложно, а вот психосоматические травмы – это уже намного серьёзнее, – возразил Техник назидательным тоном.

– Не нужно увещеваний, Васильев, я знаю об этом, – резко прервал я его.

– Знаете... но понимаете ли? Ваш разум повреждается намного сильнее виртуального тела, его нельзя вылечить парой строк кода или простой заменой. Если не дать ему возможность восстановиться от нанесённой травмы, то следующий удар может стать смертельным.

– Это вы не понимаете! Когда вы в последний раз выходили из башни? Вы видели, что творится снаружи? Система больна, вы и сами это прекрасно знаете. Отступники всех мастей пожирают наш город, Призраки, Кукловоды, они уже повсюду. Мы проигрываем эту войну, Васильев! Если те немногие, кто готов вести этот бой, будут отдыхать после каждой царапины, то Система погибнет. Вы этого добиваетесь? Так что нет, спасибо за заботу, но не время для отдыха. Можно мне, наконец, идти?

Техник хмыкнул и несколько секунд молча смотрел на меня прежде, чем что-то ответить.

– Пламенная речь, Страж, искренняя. Но знаете, мы в техническом отделе тоже не сидим сложа руки. Хорошо, дело ваше, подождите секундочку, я сейчас вернусь.

Васильев неторопливо повернулся и залез в небольшой шкафчик у дальней стены, а я послушно остался сидеть на длинной и жёсткой кушетке, где совсем недавно проводили диагностику моих повреждений. После нашей операции и аварии два широкоплечих Техника привели меня в тот же самый кабинет на десятом этаже, куда мы день назад принесли Дмитрия, а потом усадили на стол, на котором он скончался. Но в этот раз помещение выглядело иначе. Нет, на самом деле кабинет совсем не изменился, всё осталось на своих местах, но тогда мы ютились с Кирой в стороне, были напуганы, взволнованы, и у меня не было времени и желания детально рассматривать всё вокруг. Сейчас я оказался на месте потерпевшего и смог взглянуть на обстановку с другой стороны. Это не первый кабинет на техническом этаже, где я оказываюсь с различными повреждениями и травмами, но раньше это были маленькие и тесные комнатки рядовых Техников, проводивших первичный анализ и мелкий ремонт, а в последнее время старший Техник Васильев предпочитал сам обследовать раненых Стражей. Его кабинет был гораздо шире всех прочих, забитый шкафчиками, стеллажами, целым рядом различной исследовательской аппаратуры. Все эти хитроумные приборы безостановочно подмигивали мне всеми цветами радуги и рисовали на своих маленьких экранчиках разноцветные графики и непонятные цифры. На краткий миг во мне проснулся маленький мальчик, впервые увидевший пульт управления звездолётом. Во мне вспыхну-

ло жуткое любопытство, захотелось всё нажать, покрутить, изучить, я даже хмыкнул себе под нос.

– Так, ещё одну секундочку... – старый Техник почесал в затылке и вышел из кабинета.

Я недовольно поёрзал на кушетке и продолжил замороженно рассматривать мерцающие и подмигивающие мне огоньки. Спустя минуту я почувствовал, что начинаю замерзать, всё-таки сидеть на одном месте почти голышом было не очень уютно. По прибытии в кабинет для обследования мою повреждённую одежду изъяли, оставив лишь самое малое.

Только я успел помечтать о тепле и уюте, как в кабинет вернулся Васильев. В одной руке он нёс плотно сложенный кулёк с моей одеждой, а в другой – ботинки, которые ещё из двери сверкнули новой превосходной кожей.

– Ваша одежда оказалась сильно повреждена, мы её почистили и восстановили, – отрапортовал Васильев, вручая мне дары Техников.

– Что вы с ней сделали? – буркнул я в ответ, с недоверием натягивая штаны, отдалённо напоминающие мои. – Всё теперь выглядит как новое, непривычное... я похож на пижона какого-то.

– Не благодарите. Хотя с вашей работой, Страж, это ненадолго, – ехидно заметил Техник.

Васильев дождался, когда я полностью оденусь, заговорщически огляделся и подошёл поближе. Затем извлёк из кармана небольшую потёртую фотокарточку и показал её мне.

– Это мы нашли в вашем кармане, – сказал он тихо, но как-то очень строго. – Кто это? Хранитель знает о том, что вы носите у сердца фотографию маленькой девочки?

– Верните! – Я попытался выхватить фотографию из рук Васильева. Но он вовремя увёл её в сторону.

– Поймите, наконец: я хочу вам помочь! Если вы вспомнили и разыскали свою семью из другой жизни, или вас гложут воспоминания, от которых вы когда-то отrekliсь, то я снова могу избавить вас от боли.

– Васильев! – грозно прокричал я, потом соскочил стола, выхватил фотографию и убрал её обратно во внутренний карман куртки. – Не лезьте не в своё дело! Никакая это не семья, это дочь моего... друга, и я пообещал помочь её найти.

– Найти? Она потерялась? И с каких пор Палачи занимаются поисками людей? Давайте я передам это дело Ищейкам?

– Нет! Я дал обещание. На этом всё. Извините, но я пойду, спасибо за восстановление меня и моей одежды.

– Постойте, Страж, вы ничего больше не забыли?

Я похлопал себя по карманам и внезапно побледнел. Информационный куб с «Белым шумом», как же я мог забыть?! Я начал мысленно проклинать себя за то, что не спрятал его и всё это время таскал с собой. В смятении пытаюсь придумать отговорки, я настороженно повернулся к Васильеву, но тот сделал таинственную паузу и очень плавно достал из-за пазухи маленький чёрный куб.

– Я так полагаю, это тоже «друг» попросил помочь подержать у себя?

– Это не то, что вы...

Я пытался оправдаться, но Васильев прервал меня и протянул опасное устройство.

– Я очень надеюсь, Страж, что вы держали его у себя только с одной целью: чтобы уничтожить или передать нам? Или, может, вам захотелось повторить судьбу вашего друга Дмитрия и снова попасть ко мне в кабинет, но уже в другом качестве?

Я нахмурился, быстро подошёл к Васильеву и резким движением руки схватил с его ладони куб. Но в этот раз старший Техник даже не думал играть со мной и убирать руку, он лишь улыбнулся в ответ на мои действия.

– Это нужно для расследования. Меня назначили вести дело Кукловодов, а больше вам знать не нужно, – объяснил я. – Пожалуйста, не лезьте в мою работу, у каждого свои обязанности.

– Безусловно, – коротко ответил Техник, сменяя улыбку на серьёзный нахмуренный взгляд.

Я повернулся и зашагал к двери.

– Опасные игры вы затеяли, Страж, будьте осторожны, – крикнул мне вслед Васильев. – И да, забыл сказать: вас ждёт у себя Хранитель, он просил немедленно направить вас к нему, как только...

Остаток фразы проглотили безучастные стены, когда дверь

кабинета захлопнулась за моей спиной. В коридоре я смог вздохнуть с облегчением после не самого простого разговора, а затем быстрым шагом направился к лифту. Я знал, что меня ждёт Хранитель с докладом об операции и без напоминания старшего Техника, а также прекрасно понимал, что мне грозит за подобный итог. Но выбора не было, я собрал всю волю в кулак, приготовился к худшему и вышел на седьмом этаже, где располагались кабинеты Ищеек, а также бывший кабинет Икарова.

Сергей Геннадьевич не любил отдаляться от своих сотрудников и подчинённых, всегда стремился быть рядом, в гуще событий, ему нравилось ощущать себя неотъемлемой частью всего происходящего в подотчётном отделе. В одно время Икарову предлагали выделить собственный этаж и обставить по его усмотрению, но он всегда отказывался. Он так и не смог изменить своей привычной роли назидательного родителя, поэтому выбрал один из дальних неприметных кабинетов на седьмом этаже и поставил туда только самое необходимое для работы. Я хорошо запомнил это место, поскольку бывал в нём бессчётное множество раз. Даже сейчас, закрывая глаза, я могу с лёгкостью вспомнить все очертания и мельчайшие детали его рабочего места, воспроизвести в памяти каждую пылинку на столе и с любовью разложенные стопки бумаг.

Я стоял перед входом в кабинет, уже варварски занятый Хранителем, и с лёгкой нерешимостью и оторопью разгля-

дывал ручку на двери. Я не стал дожидаться, когда вернётся Кира с места аварии, и решил единолично отчитаться перед Вергилием за всё, что мы натворили в это утро. Как-никак именно я принял решение сумасбродно броситься в бой и остановить машину ценой многочисленных разрушений и поломанных судеб. Кира будет очень недовольна моим выбором, но я рад, что мне удалось улизнуть из кабинета Васильева до прихода напарницы и ей не придётся отвечать за мои ошибки.

Я осторожно постучал по двери, теща робкую надежду, что Хранителя не окажется на месте, но в ответ мне раздалось громогласное: «Войдите!» Сделав шаг внутрь, я был приятно удивлён – всё осталось на своих местах. Всё тот же знакомый застоялый запах потёртой кожи, старые деревянные шкафы, доверху набитые не менее старыми делами и наработками, а также странный небольшой столик без стульев посередине кабинета. Заходя к бывшему начальнику на очередное совещание, я каждый раз смотрел на эту неуклюжую деталь интерьера в самом центре комнаты, пытался придумать ей оправдание, но так и не решился спросить напрямую. Ведь всё в этом месте обретало для Икарова какой-то особый смысл, символизм, у всего было чёткое предназначение. Он никогда не держал ничего лишнего, но этот стол, похоже, был дорог как память и навевал ему об очень давних, но приятных воспоминаниях. Неотъемлемой частью комнаты, как и множества других помещений во владении высоко-

поставленных слугителей Системы, была стена из прозрачного с внутренней стороны зеркального стекла. Она хорошо освещала всё пространство и открывала прекрасный вид на центр города. В стороне от неё, в правом углу, уютился бывший рабочий стол Икарова с маленькой настольной лампой нежно-салатового цвета и стопками дел, которые он передал Вергилию. Всё было так же, как и месяц, и даже год назад, новый владелец ничего не изменил, хотя мне казалось, что такой надменный тип должен был сразу переделать всё под себя. Хранитель мирно восседал за столом на высоком и представительном кресле, сливаясь с окружающей его обстановкой. Сложив перед собой руки, он внимательно наблюдал за моими движениями.

Я немного помялся у входа.

– Вы хотели меня видеть?

– Да-да, проходи, присаживайся. – Вергилий привстал с места и указал на одно из двух глубоких кожаных кресел, стоящих перед его столом. – А где твоя напарница?

– Она ещё не вернулась с места... аварии, – с усилием произнёс я и заметил, что Вергилий нахмурился после моих слов.

– Ладно, ты всё равно присаживайся, я хотел с тобой поговорить.

Я слегка замешкался, но под настойчивым взглядом Хранителя повиновался и плюхнулся в глубоко посаженное кресло. Оно специально имело такую конструкцию, чтобы

все зашедшие в кабинет располагались ниже уровня начальства и с подобострашием взирали на него снизу вверх. По крайней мере, именно такую теорию я для себя выстроил за всё это время. Вергилий ни на секунду не сводил с меня глаз. Когда я закончил возиться в неудобном кресле, он поставил локти на стол, сложил перед собой руки, словно в молитве, и опёрся подбородком на пальцы, приняв напряжённую и задумчивую позу. Хранитель глубоко дышал, будто пытался успокоиться, и спустя несколько неприятных молчаливых секунд прикрыл глаза и заговорил очень чётким, командным тоном:

– Что случилось на шоссе?

– А разве вам не донесли? – как-то растерянно спросил я.

Хранитель открыл глаза и пробуровил меня крайне суровым взглядом.

– Отвечай на вопрос, я хочу услышать твою версию!

– Кхм... ну, мы были в патруле, когда поступил вызов, – издалека начал я. – Было приказано остановить Отступников на красном спортивном автомобиле.

– Было приказано задержать! – Вергилий немного повысил голос. – Живыми! Вам запретили отключать Отступников, это был мой прямой приказ, до вас ведь его донесли?

– Донесли...

– Тогда в чём проблема, Страж? Это была, возможно, наша единственная ниточка, шанс схватить Кукловода живым и отследить перехватывающий сигнал, идущий от его тела,

а вы его казнили! Единственную зацепку в этом деле! Вашу единственную зацепку, ведь, если мне не изменяет память, именно вас назначили на это направление.

Хранитель привстал из-за стола, опёрся на него руками и наклонился в мою сторону, чтобы выглядеть ещё внушительнее, и это ему удалось. Я невольно вжался ещё глубже в кресло.

– Зачем вы его убили, Страж? Ответьте! Тут возникает резонный вопрос. На кого вы работаете? На нас или на них?

– Как на кого? На вас... – испуганно пробубнил я, пока мой взгляд растерянно метался по комнате.

– Тогда какого чёрта?!

Вергилий ударил кулаком по столу, от чего я подпрыгнул на месте.

– Нам велели остановить Отступников любой ценой... точнее, нет, не любой. Нам дали задание – остановить машину, отобрали оружие и велели действовать по обстоятельствам, что мне оставалось делать?

– Да что угодно, только не убивать! Слишком многое поставлено на карту.

– Но они направлялись в спальную часть, промедление было ещё хуже, чем то, что я сделал. Ещё немного – и они бы затерялись на узких улочках города, и вы бы ничего не получили. Вообще ничего, никаких сведений! Я действовал по интуиции, рефлекторно, и обеспечил вас хоть какими-то данными, к тому же привёл вам Призрака! Живым! – Я не

заметил, как сам повысил громкость голоса. – Я выполнял свою работу, господин Хранитель, защищал людей. Если бы Отступники ушли, то жертв могло быть больше, я должен был их становить, уж извините, что случайно отключил одного из них.

Я встал с кресла, чтобы оказаться наравне с Хранителем, после чего он немного смутился и отступил.

– Защищал людей, говоришь? – ухмыльнулся Вергилий. – Так ты это называешь? Устроили гонки по оживлённым улицам, нанесли ущерб системной собственности, использовали трансформацию, когда это было запрещено, о чём вы думали? Система работает на последнем издыхании, пока мы судорожно ищем причины, а в спину нам дышат эти проклятые Кукловоды, Призраки и ещё чёрт знает кто. Они только спят и видят, как бы уничтожить нас. Если их не остановить в ближайшее время – вот где будут жертвы. А теперь ещё вы добавляете. Я уж молчу о том, что вы натворили в том спальном районе, какой психоэмоциональный урон нанесли людям, нам теперь с месяц всё это разгребать. Ты хочешь, чтобы тебя отстранили от дела? Выгнали с позором из Стражей?

– Я выполнял свою работу, и мне жаль, что подвёл вас, – сказал я поникшим голосом. – Что мне ещё оставалось делать?

– Быть умнее, чёрт возьми, и осмотрительнее! – На секунду Вергилий вспыхнул как спичка, но потом тоже успокоил-

ся и с горестью махнул рукой. – Вот что мне теперь докладывать Верховному Стражу? Что Палач, которому я доверился, подвёл меня?

Я решил промолчать и сел обратно в кресло. Хранитель в расстройстве покачал головой, потом открыл один из верхних ящичков своего стола, извлёк оттуда эфес меча Хранителя и положил передо мной на стол. С испугом я ощупал свой пояс, поняв, что совершенно позабыл о своём оружии, и вопросительно уставился на Вергилия, украдкой поглядывая на рукоять меча. Тот снова взял её в руки и покрутил перед собой.

– Васильев принёс по моей просьбе, – прокомментировал Хранитель. – Скажу честно, я хотел забрать меч и даже начал жалеть, что отдал его тебе. Из-за него мы потеряли связующую нить в деле о Кукловодах, но... – Вергилий долго подбирал слова в своей голове, но не смог выразить муки совести и просто передал его мне. – Пожалуйста, будь осторожнее.

– А что с тем вторым, с Призраком?

– Женщина жива, мы привели её в чувство, сейчас она ожидает приезда «Харона» в комнате для допросов.

– Разрешите мне с ней переговорить?

– Нет, Стил, ты своего подозреваемого уже допросил... по-своему. Дело о Призраках ведёт «Харон».

– Прошу вас! Дайте мне всего пять минут. После того, что я пережил, я заслужил хотя бы это, всё-таки я схватил её.

Хранитель насупился, явно не ожидая от меня подобной просьбы, и почесал в затылке.

– Тебя только что чуть не отстранили от службы, а ты ещё имеешь наглость о чём-то просить? Ты вообще мало что заслужил за свой поступок, разве что хорошего наказания.

– Вы сами говорили о важности нашей миссии и о том, что стоит на кону. Мы сейчас все в одной лодке, и я действительно хочу помочь, исправить свои ошибки. Я был там, на месте аварии, это я убил её водителя и, возможно, смогу найти к ней подход. К тому же о методах работы «Харона» наслышаны многие, и при всём уважении...

– Да-да, я уже заметил вашу нелюбовь друг к другу. – Вергилий махнул рукой, прерывая меня, а потом мечтательно добавил: – Мне тяжело ругать тебя, поскольку прекрасно понимаю. Я помню себя во время службы Палачом: такое же стремление сделать мир лучше, доходящее до навязчивой идеи, до одержимости... – Хранитель вновь прикрыл глаза, но на этот раз, чтобы погрустить. – У тебя будет пять минут, не больше, «Харон» скоро будет здесь.

– Спасибо...

– Рано благодарить, пойдём со мной, – сказал Вергилий и быстро направился к выходу.

Уже через несколько минут лифт со мной и Хранителем остановился на двадцать четвёртом этаже. Мы торопливо покинули кабину и проследовали прямо по коридору. Это этаж был специфическим, без прямой принадлежности ка-

кому-либо отделу, скорее общий для всех с кучей подсобных помещений, но которые крайне редко использовали. Большую часть времени он пустовал, захламлялся и зарастал очередным слоем грязи и пыли. То тут, то там у стен стояли непонятные коробки, предметы, покрытые плёнкой, а в коридорах было темно, безлюдно, царили зловещий полумрак и неприятный горький запах.

– Нам вон в ту дверь, Стил. – Хранитель указал на дверь слева чуть дальше по коридору, а потом проводил взглядом кучу мусора рядом с нами. – Не обращай внимания на обстановку, этот этаж мало кто посещает. Мы всё чаще пренебрегаем таким элементом расследования, как допрос, хотя, учитывая текущие события, ты и сам это прекрасно понимаешь. Отступники всё меньше хотят с нами общаться и всё больше палят во все стороны. В последнее время они стали особо злыми и нелюдимыми. Простые люди, наоборот, рады содействовать Стражам и всё рассказывают без особых расспросов, остальные живыми обычно не даются. До недавнего времени это и не требовалось...

Вергилий остановился у искомой двери, на которой не нашлось никаких опознавательных знаков.

– Нам сюда, – сказал он и вошёл внутрь.

Там оказался очередной короткий и узенький коридорчик, упирающийся в металлическую дверь. Рядом с ней, по левой стороне, находилась ещё одна и почти полностью сливалась со стеной. В этот скрытый проход и последовал Хра-

нитель. Мы вошли в небольшую тёмную комнату, где не было ничего, кроме десятка деревянных и пыльных стульев, а также прозрачной стены, ведущей в соседнее помещение, служившее комнатой для допросов. На одном из местных стульев скучал молодой Техник, но как только он увидел Хранителя, моментально вскочил по стойке смирно.

– Как она? – обратился к нему Вергилий.

– Всё хорошо, господин Хранитель! По крайней мере, до допроса доживёт! – бойко отчеканил Техник.

– А нам больше и не надо. Хорошо, можете быть свободны, дальше мы сами. Только принесите, пожалуйста, её дело. Вы ведь узнали, кто она такая?

Парень молча кивнул в ответ и пулей выскочил из комнаты. Я посмотрел ему вслед и подошёл к прозрачной стене. За ней виднелась такая же небольшая комната с когда-то светлыми стенами, превратившимися в грязное подобие былых цветов, хорошо освещённая, с одним единственным столом посередине и двумя деревянными стульями напротив друг друга. На одном из них сидела та самая женщина из красной спортивной машины в своей старой и потёртой одежде. В отличие от меня, ей не озаботились сделать обновление вещей. Её руки немощно лежали на столе, скованные наручниками с длинной цепью и закреплённые на его поверхности. Женщина сидела тихо и неподвижно, траурно склонив голову.

– Мы заметили их около склада с ноль-чипами, – раздался позади меня голос Хранителя, постепенно переходящий в

шёпот. – Они следили за ним и нашими конвоями, но были замечены одним из Наблюдателей. Крайне глупо и неразумно с их стороны использовать столь заметный и выдающийся автомобиль. До странного глупо. Если они хотели привлечь наше внимание, то у них это получилось.

– Или отвлечь, – предположил я в ответ и испугался собственных мыслей. – Но наверняка их выбор автомобиля был продиктован элементарным желанием выжить и уйти от погони. Возможно, они всеми силами пытались доставить какую-то информацию.

– У тебя пять минут, не больше, – почти беззвучно произнёс за спиной Хранитель.

Я повернулся, благодарно кивнул в ответ и направился в другую комнату за прозрачной стеной. Железная дверь с жутким скрежетом неохотно отворилась, и после тёмной комнаты мне в глаза ударил непривычно яркий белый свет. Прозрачная стена с этой стороны оказалась одним огромным зеркалом, что ещё больше освещало комнату и заставляло зажмуриться. Женщина за столом даже не подумала реагировать на моё появление, она продолжила тихо сидеть, сопеть, уставившись на свои руки в наручниках, и сначала я даже испугался, что она потеряла сознание. Я обошёл кругом, сел на второй стул и внимательно заглянул в её лицо. Оно выглядело измученным, неестественно постаревшим, с опухшими от слёз глазами. Никто так и не удосужился подлатать её оболочку. Что бы ни говорил нам Техник, похоже,

что ей вообще никто не занимался. На лбу всё так же зияла огромная ссадина, нижняя губа была сильно рассечена и вздулась, а нос разбит. Всё-таки люди очень жестоки к тем, кого считают врагами, и не способны даже на малейшее проявление человечности даже тогда, когда это не требует от них особых усилий.

– Вам больно? – спросил я зачем-то.

Женщина оторвала свой пустой взгляд от стола и посмотрела на меня.

– Какая вам разница? – гортанно прошептала она пересохшими губами.

– Не нужно считать меня монстром, – обиженно ответил я.

– А разве это не так? – женщина издевательски усмехнулась и отвернулась в сторону. – Это ведь вы убили Николая? Я помню вас в том автомобиле, который нас преследовал. Вы безжалостно убили невинного человека, на моих глазах размозжили ему голову и чуть не убили меня. И после этого вы не считаете себя монстром?

– У меня не было выбора, я выполнял свою работу, это мой долг!

– Не было выбора? Что вы вообще можете знать про выбор, Палач? А? – женщина пристально смотрела на меня, внимательно и с нескрываемой лавиной осуждения в глазах. – Я скажу вам обыденную банальность, но выбор есть всегда, и вы его сделали и делаете каждый день. Кровь невин-

ного человека теперь на ваших руках... и уверена, что не первого.

– Всегда? А у вас он был? Вы поэтому нарушили закон, стали Отступницей, бежали и превратились в бесправный отброс общества? Скажите, зачем вы бежали от правосудия? Чтобы потом оказаться здесь? Это тоже ваш выбор? – Я не заметил, как повысил голос и приподнялся на стуле, вглядываясь в её испуганные глаза.

Женщина пыталась сохранить хладнокровие, выглядеть смелой, непоколебимой и решительной, но у неё это плохо получалось, страх не удавалось скрыть, а голос её неестественно дрожал. Под моим напором она снова потупила взгляд, потом приподняла свои прикованные к столу руки, потрогала большой нос и невольно вздрогнула.

– Скажите, Палач, у вас есть дети? – она пронзительно посмотрела мне в глаза. – Хотя что я спрашиваю. Конечно, нет. Вам запрещено жить, вы можете лишь существовать и лишать жизни других. Так вот, а у меня есть... сын. И тогда ему был всего год, когда ваши коллеги пришли за мной. Что мне оставалось делать? Оставить грудного ребёнка одного? Бросить его? Отдать на ваше попечение, чтобы он вырос таким же монстром и забыл свою мать? Да, Палач, у меня был выбор, и я его сделала!

Женщина опустила голову и замолчала. Я бросил мимолётный взгляд на зеркало, посылая немой вопрос зрителям на той стороне, и немного задумался. Плохой из меня выхо-

дит допросчик.

– Эх, не с того мы начали, давайте попробуем ещё раз, – предложил я. – Как вас зовут?

Женщина проигнорировала мой вопрос.

– Послушайте, вам лучше начать со мной сотрудничать и всё мне рассказать. Сейчас сюда придут люди, которые будут гораздо хуже меня. Я не смогу вас защитить или чем-то помочь, если вы будете молчать. Это в ваших интересах, поверьте.

В ответ была лишь тишина. Я с прискорбием вздохнул и снова вопросительно посмотрел в огромное зеркало, ощущая незримый укор Хранителя. Спустя всего пару секунд металлическая дверь громко скрипнула, и в комнату ввалился тот самый молодой Техник, которого мы встретили в зазеркальном помещении. Он мгновенно подскочил ко мне, бросил на стол тоненькую папку жёлтого цвета и шепнул на ухо:

– Здесь сведения о ней и выписка с чипа её спутника.

А затем он также быстро выскочил обратно. Я посмотрел ему вслед, затем кивнул своему отражению в зеркале, поблагодарив Хранителя, и открыл папку.

– Так-так-так, Екатерина Волкова значит. Это ведь вы?

– Меня зовут Рина, – прошипела женщина и зло посмотрела на меня исподлобья.

– А тут написано Екатерина?

– Екатерина давно умерла, для вас умерла, теперь меня

зовут иначе...

– Так всё-таки это вы? Прекрасно! Посмотрим, что тут ещё. Ага, а вы, оказывается, давно от нас бегаете, уже почти десять лет... Ого! Да вы обвиняетесь в убийстве собственного мужа. Вот это да! Екатерина, вам лучше рассказать мне всё, что я хочу знать, тогда я обещаю вам помочь.

– Помочь? – Женщина усмехнулась и покачала головой. – Знаю я вашу помощь, Палач. Для начала попробуйте помочь самому себе.

Тем временем я пробежался по выписке её спутника, но как я и подозревал, его биография оказалась идеально чистой.

– Катя, прошу вас, не отягощайте груз своей вины, расскажите, кто такой этот... – Я глянул в бумаги. – Николай Шевцов? Как вы с ним связаны? Почему Призраки всё чаще появляются в компании Кукловодов? Что вы замышляете? Что вы делали рядом с нашим складом? Ну же!

– Как много вопросов, Палач. Что вы хотите от меня услышать?

– Правду!

– Правду? – Женщина скривилась в печальной ухмылке. – Она вам не нужна, вы не хотите её слышать и давно для себя всё решили. Или вы предлагаете выдать вам секреты, рассказать о нашем убежище? Даже не пытайтесь. Есть вещи, которые я ценю выше собственной жизни.

– Может, тогда расскажете мне о вашем спутнике? Кто

такие Кукловоды, и как они связаны с вами?

– «Кукловоды», – процедила Екатерина и сокрушённо покачала головой. – Кто тут кукловод, это ещё нужно посмотреть. Они ни в чём не виноваты.

– Не виноваты?! Пусть они в прошлом примерные граждане, но сейчас они убийцы, отпетые Отступники. Что вы из них лепите невинных овец? Мы не настолько слепы и глупы, как вам кажется! Быть может, и вы ни в чём не виноваты? Зачем тогда убили своего мужа? – вспылил я.

– Да не убивала я своего мужа! – Женщина сорвалась в ответ, и из её глаз хлынули слёзы, она наклонилась над столом, заплакала и уткнулась лицом в ладони. – Не убивала я... я любила его.

– Пожалуйста, успокойтесь. Давайте на минутку поверим вашим словам. Если вы не убивали, тогда где он? Здесь написано, что он пропал. Это так?

– Вы всё равно не поверите.

– Это так? – настойчиво повторил я.

– Так...

– Екатерина, что случилось с вашим мужем?

– Просто пропал, – выдавила она, утирая слёзы. – Я обратилась к Стражам, рассказала всё, а меня обвинили в убийстве.

– Подождите... – Её слова немного обескуражили меня. – Я всё равно не понимаю, как это «пропал»? Просто вот взял и пропал? Испарился, что ли?

– Нет, он поехал к Марии и пропал вместе с ней. Больше я его не видела.

И тут меня словно окатили холодной водой, я даже подскочил на месте.

– К Марии?! Что вы знаете о Марии? Кто она такая? Екатерина, прошу, ответьте! Кто такая Мария?

Женщина в изумлении посмотрела на меня и открыла рот, чтобы что-то ответить, как дверь снова громко скрипнула, и в комнату ввалились Харви с Роном, злобно уставившись на меня.

– Эй ты, какого чёрта ты тут делаешь? Ты своего свидетеля угробил, не лезь к нашему и, вообще, не лезь в наши дела! – взревел на всю комнату Харви.

Потом парой огромных шагов он настиг меня, схватил за шкуру и вытащил из-за стола.

– Допрос окончен, – крикнул он мне в ухо. – Пошёл вон отсюда, я не позволю тебе отбивать у нас дело!

– Ещё раз сунешься – и мы добьёмся твоего отстранения, – поддакнул из угла Рон. – Занимайся своими куклами, деточка.

– Постойте, подождите, всего один вопрос! – Я пытался выскользнуть, пока меня выпроваживали к двери, но делал это без особого усердия, иначе это действительно могло плохо для меня закончиться. – Всего один вопрос, прошу! Екатерина! Катя! Кто такая Мария? Кто она?

Я уже перешёл на крик, но женщина молчала и лишь с

удивлением наблюдала за действием. В итоге меня грубо вытолкнули за дверь и захлопнули её перед самым моим носом. Ещё никогда я не был так расстроен и разочарован за всю свою жизнь. Казалось, что разгадка века так близка, осталось лишь протянуть руку и почувствовать миг триумфа, как меня прервали в самый ответственный момент. От досады захотелось со всей силы пнуть по двери, но в последнюю секунду сдержался, потом схватился за голову, удерживая эмоции в глубине разума, и зашёл в соседнюю комнату к Хранителю. Первым делом я посмотрел через прозрачную стену, со страхом предвосхищая дальнейшие события. Пока всё казалось вполне обычным. Рон сидел за столом и внимательно изучал раскрытую папку с делом Екатерины, а Харви в это время голодным ястребом кружил вокруг стула Призрака и хищно поглядывал на женщину.

– Ещё бы пару минут, – в отчаянии прошипел я, чуть не вырывая волосы на своей голове.

– Это всё, что я мог для тебя сделать, – долетел голос Хранителя из темноты. – Пять минут, как и обещал.

Мои глаза всё ещё не привыкли к темноте после ослепительно яркой комнаты, и я смог различить лишь слабые очертания Хранителя, сидящего на одном из стульев.

– Я не успел узнать самого важного, – печально, но с раздражением ответил я.

Силуэт в темноте виновато развёл руками, по крайней мере, мне так показалось.

– А чего ты ожидал, Стил? Думал, она тебе всё расскажет? Я не питаю на этот счёт особых иллюзий. Это не простые Отступники, а отчаявшиеся, обречённые люди.

– Она готова была рассказать, – возразил я. – Всего минута, ещё одна – и я бы узнал, кто это самая Мария.

– Извини, Стил, я не могу демонстрировать предпочтения среди своих подопечных. Только не сейчас. Каждый должен заниматься своим делом. Я и так многое себе позволил, разрешив этот разговор. Твоё время истекло, теперь «Харон» ей займётся. Да и зачем тебе эта Мария? Про кого ты?

– В городе пропадают люди, – с вызовом ответил я, – и каждый раз в этом замешана какая-то Мария. Они все о ней говорят, пишут требование вернуть её на стенах домов. Для них это очень важно, а значит, и для нас тоже.

– Ах, вот ты про что. Да, я наслышан. Брось, Стил, это меньше, что тебя должно беспокоить. Отступники – это отбросы, отщепенцы, умалишённые, посвятившие свои жизни разрушению. Ведь кто в здравом уме будет вредить Системе? Воздвигли себе идол в честь какой-нибудь Отступницы или просто нашли оправдание своим злодеяниям. Уверен, это не стоит твоих переживаний. Если хочешь, присаживайся, наблюдай за допросом, может, она ещё расскажет про твою Марию.

Я послушно придвинул один из стульев, смахнул с него слой пыли и сел перед прозрачной стеной неподалёку от Вергилия. В это время Рон уже вовсю давил на Екатерину, что-

то кричал и махал руками, а Харви склонился над столом и со злой ухмылкой сверкал звериным оскалом.

– Волкова, я знаю, что у вас есть ребёнок. Сын, так ведь? – слышался жёсткий голос Рона из-за стены и удар кулака по столу.

– Не вмешивайте сюда моего сына! – плакала она. – Оставьте нас в покое!

– Волкова, вы хотите увидеть своего сына? Скажите, где он?

– Вы никогда его не получите! Вы слышите? Никогда!

– Не испытывайте наше терпение. Если вам дорог сын, вы должны сказать, где находится ваше убежище, где другие Призраки? – не унимался Рон.

– Отвечай! – взревел Харви и с громким шлепком ударил своей увесистой рукой по её лицу.

В ответ женщина зло посмотрела на него и выдавила сквозь зубы:

– Скоро вы все сдохните!

На что Харви рассвирепел, замахнулся рукой и ещё сильнее ударил её. Рон схватил его за плечо и отрицательно покачал головой, а женщина снова громко заплакала и уткнулась лицом в ладони.

Мощный всплеск энергии из глубины моей души ударил по разуму, и неожиданно для себя я вскочил со стула, побежал к стене и крикнул:

– Что вы делаете?! Прекратите!

– Страж! – суровым голосом окликнул меня Вергилий. – Что ты делаешь, чёрт побери? Совсем с ума сошёл? Это что, жалость к Отступнику, убийце? Ты забыл, кто перед тобой? Неужели нужно опять напоминать главный принцип Стража?

– Но так они ничего не добьются!

– Сядь на место, поговорим с тобой после.

Я склонил голову и покорно вернулся на своё место. Такое со мной случилось впервые. Непонятное гнетущее чувство захватило всё внутри, сковало мысли, подчиняя все действия одним лишь эмоциям, чувствам, всполохам глубинных позывов. Что со мной? Мне страшно. Что-то шептало мне со дна глубокой бездны, далёкий шум, эхо ночных кошмаров, кричащее, что Отступница невиновна. Может, это всего лишь эгоистичный интерес заставлял так думать, стремился узнать всю правду, сокрытые тайны, что мучили меня. Я подавил эти чувства и со страхом посмотрел на Хранителя, но тот был спокоен, неподвижно наблюдая за происходящим в соседней комнате. Внезапно я осознал тот ужас, что совершил на глазах у высокопоставленного Стража. Я дал волю эмоциям, нашим главным врагам, от которых нас стремились избавить, ведь для Стража недопустимы жалость, сострадание и любовь. Мы должны послушно исполнять приказы, убивать Отступников, стойко смотреть в глаза смерти как своей, так и чужой. Это наше призвание, смысл жизни, именно для этого мы пришли в этот мир, чтобы за-

щищать Систему, мечты людей, и в этом заключается наша единственная страсть. Я не должен жалеть эту женщину, она Отступник. Такой же негодяй и преступник, каких я убивал сотнями и никогда не задумывался об их жизнях, участи, о том, что привело их на этот путь и виновны ли они на самом деле. Я лишь исполняю приказ. Так чем же она лучше остальных? Ничем. Это значит, что я не должен жалеть её, проявлять сострадание, или... мне придётся проявлять его ко всем, любить каждого. Но это же невозможно?

Я содрогнулся от этих мыслей и прогнал их прочь. Всё это время Рон продолжал выпытывать информацию из Екатерины, но она упрямо стояла на своём. Харви каждый раз порывался её ударить, но напарник его останавливал. В итоге Рон сам от безысходности склонил голову над столом, схватился за неё руками, и в комнате допросов повисла напряжённая тишина, прерываемая лишь всхлипами задержанной.

– Ладно. – Рон вскочил, хлопнув ладонью по столу. – Хватит, пора заканчивать с ней.

Он подошёл к зеркалу со своей стороны и сказал, обращаясь к Хранителю:

– Это бесполезно, она ничего не расскажет, как и другие Призраки. Мы с ней закончили.

Хранитель одобрительно кивнул в темноте. Несмотря на то, что Рон не мог нас видеть, он будто почувствовал это и с довольной улыбкой отошёл от зеркала.

– Вы обвиняетесь в нарушении основного закона Систе-

мы и подлежите отключению, – официальным тоном зачитал приговор Рон, а затем кивнул Харви: – Заканчивай.

Тот хитро оскалился, встал напротив женщины, достал из-за пазухи огромный пистолет Стража и направил его в лицо Екатерины. Отступница подняла свой заплаканный взгляд, увидела перед собой дуло пистолета и вскрикнула, дёрнувшись назад.

– Нет! Что вы делаете? – закричала она. – Пожалуйста, нет, отпустите меня!

Подавленный и пульсирующий внутри меня комок энергии взорвался острыми осколками, впиваясь в каждую частичку тела. Я не заметил, как оказался на ногах, отбросил в сторону стул и подскочил к прозрачной стене.

– Что они творят?! Мы потеряем всё! – громко возмутился я. Но преграда поглотила мой голос.

Хранитель позади меня зло отчитывал мои поступки, но я уже не слышал ничего, что происходит вокруг, всё моё внимание поглотила небольшая комната за прозрачной стеной. Женщина истошно кричала, дёргалась, пыталась оторвать от стола крепление, удерживающее её наручники, плакала и молила её отпустить. Похоже, это доставляло Харви огромное удовольствие. Он демонстративно стоял напротив неё, покачивая стволом перед её глазами, самодовольно улыбался и ждал, наблюдал, как женщина истекает слезами, впадая в совершенно неудержимую истерику.

– Нет, прошу вас, не надо! – продолжала умолять его жен-

щина. – У меня же сын, он останется совсем один!

– Ты же говорила, что не боишься смерти? Да и о сыне стоило подумать перед тем, как решила убить своего мужа, – процедил сквозь зубы Харви и кляцнул пистолетом.

Отступница ещё раз дёрнулась на месте.

– Харви! Хватит! – осудительно и строго окликнул его Рон, моментально стерев с лица напарника довольную ухмылку. – Заканчивай.

Харви медленно положил палец на спусковой крючок.

– Нет! – навзрыд вскрикнула Екатерина. – Алёшенька, милый, мама любит тебя, прости меня... прости! – кричала она в пустоту.

– Нет! – кричал я в унисон и стучал кулаком по стене.

Затем я дёрнулся в сторону в отчаянной попытке ворваться в соседнюю комнату и остановить произвол, но почувствовал, как сильная рука схватила меня за шиворот и повалила на землю.

– Прости... – одними губами прошептала женщина и закрыла глаза.

Длинная струя пламени и оглушительный звук выстрела вырвались из дула пистолета Харви. Зеркальная стена между комнатами на мгновение дрогнула. Екатерина откинулась назад, её образ треснул от встречи с пулей, разбился на множество мельчайших частиц и рассыпался в воздухе. Лишь наручники звонко ударились о поверхность стола, спадая с её тонких исчезающих рук, а опустевший стул опрокинулся

и упал на спинку.

Харви молча убрал пистолет обратно за пазуху и посмотрел в нашу сторону безжизненным взглядом. Спустя пару секунд они с Роном, не говоря ни слова, вышли из комнаты и удалились прочь, даже не заглянув к нам. Я же сидел на полу не в силах пошевелиться. Ярость бурлила во мне, просилась наружу, звала вперёд на необдуманные действия, а разум был затуманен налётом безрассудства. Ещё никогда до этого момента со мной не случалось ничего подобного, по крайней мере, с тех пор, как я прошёл процедуру Отречения. Я не мог понять, что случилось с моим сознанием, что творилось в моей голове, но мне хотелось кричать, сделать хоть что-то, чтобы выпустить накопившийся пар. Я боялся этого, боялся себя и того, во что превращаюсь, но больше всего боялся, что меня снова заставят пройти эту ужасную процедуру.

Я продолжал сидеть на бетонном полу, смотрел пустыми глазами через прозрачную стену, на опрокинутый стул и чувствовал, как скупая, одинокая слеза стучится с той стороны сознания, просится, умоляет выпустить её наружу и дать волю чему-то большему. Тому, что давно живёт внутри меня, укромно уютится в самом далёком уголке души и ждёт своей очереди, набирает силу, впитывает всю несправедливость, негативную энергию и агонию этого мира. Во мне всколыхнулось то, что было под запретом в нашем мире, а тем более для отречённого Стража.

Хранитель стоял на коленях за моей спиной, обхватив меня железной хваткой. Сильными руками он обвил мою шею, прижал к себе и не давал лишний раз вздохнуть и пошевелиться. Каждый раз, когда я пытался дёрнуться, вырваться из цепких, но смертельных объятий, его руки ещё сильнее впивались в горло, и я начинал задыхаться, беззвучно ловить ртом частицы воздуха, ослабевшими руками хватаясь за его запястья.

– Успокойся, Страж! – очень ядовито и сдавленно процедил мне в правое ухо Хранитель. – Или я задушу тебя.

Нехватка воздуха сделала своё дело, я ослаб, перестал сопротивляться и немного успокоился. Хранитель почувствовал, что я вот-вот потеряю сознание, и отпустил хватку, встал и отошёл в сторону. Не в силах больше держаться, я упал на правую руку, захрипел, тяжело хватая воздух, и попытался прийти в себя. Вергилий стряхнул пыль и грязь со своих коленей, снова подошёл ко мне и протянул руку, чтобы помочь подняться.

– Очень печально. Похоже, эта авария всё-таки повредила твоё сознание, Стил, – как-то слишком спокойно заключил он, поднимая меня на ноги. – Этого я и боялся.

С помощью Хранителя я встал, откашлялся и немного отряхнулся.

– Простите, я не знаю, что на меня нашло, – виновато прохрипел я. – Они... не должны... зря они так. Они ведь тоже уничтожили единственную зацепку, как вы говорили.

– «Харон» сделал, что мог, Отступница никогда бы не раскрыла своих секретов, ты сам это прекрасно видел, а она понесла заслуженное наказание. Ты до сих пор не понял, Стил? Призраки – это обычный сброд, гной, который сочится через открытые раны Системы, мелкие нарушители и отбросы общества, они лишь разменная монета в игре между нами и Кукловодами. Вот, кто главная угроза и наша цель, это самая важная задача, и я доверил её вам, а не «Харону» или Зету. Призраки не стоят твоих забот, я надеялся, что ты сам это поймёшь после разговора с Отступницей, но твой мозг повреждён, ты сдался на волю эмоций. Прости, Стил, но ты запутался и не можешь выполнять задачи Палача, я вынужден отстранить тебя от дела. Временно Кукловодов будет вести одна Кира. Я поручу Техникам досконально проверить твой разум, а они решат, что с тобой делать.

– Отстраняете? – Я пребывал в растерянности, ещё никогда мне не приходилось сталкиваться с подобным. – Но, но...

– Скажи спасибо мне, а точнее своим Призракам, за их угрозу, за тот Дамоклов меч, который висит над нашей Системой. Если бы не он, если бы сейчас не решалась судьба всего нашего народа в этой жуткой войне, где каждый солдат на счету, тем более такого уровня, то тебя непременно постигла бы судьба этого Призрака.

– Простите... – Я совсем поник.

– После того, как всё это закончится, тебе придётся ещё раз пройти процедуру Отречения, если хочешь получить

шанс остаться в рядах Стражей. А сейчас тебе нужно остыть и скрыться с моих глаз, пока я не привёл приговор в исполнение. Бери напарницу, и отправляйтесь к тому складу, где были обнаружены эти Отступники, установите там наблюдение. На сегодня это твоя работа, пока мы решаем, что делать дальше. Всё, пошёл вон!

Последнюю фразу Хранитель произнёс особенно громко и хлётко, взмахнув при этом рукой и указав пальцем на дверь. Больше я не посмел что-либо сказать, только молча развернулся на месте и пошёл к выходу.

– Но я предупреждаю, – крикнул мне вслед Вергилий, – ещё одна такая выходка – и я лично приду за тобой!

Я вышел за дверь, мягко её прикрыл, потрогал покрасневшую и нывшую от боли шею и словно во сне направился к лифту.

* * *

Пребывая в состоянии шока, я спустился на первый этаж. Меня трясло, мысли путались, а голова гудела тяжёлым набатом. Я никогда не считал себя хорошим Стражем и сдержанным человеком, но подобный взрыв эмоций был непозволителен даже для меня, тем более на глазах Хранителя. Мне было страшно и стыдно за то, что последует, если мой разум действительно повреждён. Когда я вышел на улицу, Кира уже ждала меня в машине у самого входа, но при этом от-

решённо смотрела куда-то вперёд и не замечала меня или не хотела замечать. Мне стало не по себе: всё-таки я подставил её, бросил одну в этом расследовании. Как я смогу теперь смотреть в её глаза? Может, она ещё не знает? Нет... знает, я почувствовал, как сгущается незримый туман, когда я подошёл к автомобилю. Стало тяжело дышать. Я открыл дверцу, забрался на переднее пассажирское сидение и захлопнул её за собой. Потом молча уставился вперёд и виновато сложил руки на коленях. Кира молчала и продолжала сидеть неподвижно, а затем нарочито громко выдохнула, завела автомобиль и тронулась с места.

– Ты что натворил? – довольно спокойно спросила она, не сводя глаз с дороги.

– Это вопрос или возмущение?

Напарница посмотрела на меня вполоборота и подняла вверх правую бровь.

– Вопрос, конечно. Мне что-то пытались объяснить, но я не очень поняла, что случилось. Какие-то пространные ответы про утрату доверия, квалификации и прочая ахинея. Это всё из-за того, что мы натворили на шоссе? Хранитель тебя прессовал? Что случилось, Стил? Почему тебя отстранили, а меня нет? Я что теперь одна должна гоняться за Кукловодами?

– Ты здесь не при чём...

– А кто при чём?

– Сложно объяснить.

Кира от негодования всплеснула руками и хлопнула себя по коленям.

– А ты попробуй!

– Если кратко, то я вспылел перед Хранителем, когда «Харон» отключили, пойманную нами Отступницу, ту де-вушку-призрака из спортивного автомобиля.

– Ты что сделал?! – воскликнула Кира. – Ты что, совсем дурак?

– Вот и Хранитель задал тот же вопрос, – печально изрёк я.

– Не понимаю, тебе на «головомойку» захотелось?! Они ведь это мигом, или вообще из Стражей выкинут, а то и чего похуже. Нет, это надо же, устроить сцену прямо перед Хранителем! Зачем ты вообще полез к этому Призраку?

– Я не знаю, Кир, со мной что-то неладное творится, может, я, правда, голову повредил при аварии или раньше. В последнее время меня посещают странные навязчивые идеи, бушуют эмоции, постоянные проблемы со сном. Я был уверен, что этот Призрак скрывает что-то очень важное, – про-бормотал я куда-то в сторону.

– Какие такие идеи? – с подозрением поинтересовалась напарница.

– Да всякие... – выкрутился я.

– Всякие? Хм, Стил, а ты рассказывал об этом Техникам? Я ведь просила тебя обследоваться, а ты упёрся как баран. Надо было всё им рассказать, глядишь, и казуса такого не

случилось бы.

– Нет, только не к Техникам. Кир, мне теперь грозит повторное Отречение. Рано или поздно это произойдёт. Ты помнишь, что случилось после прошлого раза, я до сих пор не могу спать. Мне страшно. Так что пусть лучше поздно.

– Отречение? Это точно? Тебе Хранитель сказал? – Кира повернулась ко мне, посмотрела на моё поникшее выражение лица и ещё раз ударила по рулю. – Прекрасно! А мне что прикажешь делать? Оставил меня одну, и мне теперь самой возиться с Кукловодами? Ну спасибо, Стил, угрожил!

– Я же не специально, Кир, я рад не больше твоего. Может, ещё всё обойдётся, Хранитель дал понять, что не заинтересован в радикальных мерах.

– «У меня всё схвачено, я контролирую ситуацию», – тихо передразнила меня Кира, припоминая мою самоуверенность.

Я сделал вид, что не услышал её едкие комментарии, и даже попытался пошутить, преодолевая огромный комок нервов, застрявший в горле:

– Зет тоже остался один, может, он составит тебе компанию, пока меня не починят?

– Что?! – возмутилась Кира и явно не поняла моей грустной иронии. – Зет? Ты издеваешься? Я никогда не буду связываться с этим бородатым маньяком-психопатом, от него сроду не знаешь, что ожидать в следующую минуту. Нет, спасибо, я одна справлюсь как-нибудь.

– Кстати, ты в курсе, что нас направили наблюдать за каким-то складом, рядом с которым заметили тех Отступников? – Я поспешил сменить тему и не нагнетать обстановку.

– Давно в курсе, известили ещё до твоего прихода. Из-за тебя вот, придурка, нам теперь выполнять работу Наблюдателей, унижение хуже некуда. Но сейчас тебе лучше быть тише воды, ниже травы, поэтому переждём бурю подальше от башни.

– Извини. – Я совсем поник. – А ты знаешь, где этот склад?

– Да, знаю, сообщили вместе с заданием. Это один из главных складов на севере центральной части города. Находится где-то на Технической улице. Довольно пустынный уголок, жителей там немного, а вместе с ними любопытных глаз. Как раз туда сейчас направляемся.

– А что хранится на этом складе, что их привлекло?

– Как я слышала, это склад ноль-чипов, и это не первый, к которому они проявляют повышенный интерес. Нам про это рассказывали вчера, помнишь? Новый удар был ожидаем, поэтому их подстерегли Наблюдатели и спугнули.

– Думаешь, именно ноль-чипы их интересовали?

– Да кто их знает, Стил? На складе много что хранится, в том числе дорогостоящее техническое оборудование для башни Стражей, информационные кубы с различными данными, да много чего. Весьма лакомый кусочек для Призраков и их подельников, поэтому неудивительно, что они ле-

зут как пчёлы на мёд. Вероятность повторного нападения всё ещё большая, вот нас и направили следить за ним. Хотя это не наша обязанность. – Последнюю фразу она процедила с особым негодованием и ядовитым вкусом, направленным в мою сторону.

Я предпочёл проигнорировать очередной выпад в свой адрес, отвернулся к окну и закрыл на секунду глаза...

– Приехали! – громко возвестила Кира.

Её голос прозвучал словно выстрел, вырывающий меня из цепких лап пустоты. Я резко очнулся, пытаюсь понять, где нахожусь, пока сознание полностью не вернулось в свои душевные владения. Что произошло? Я только успел закрыть глаза, как потерялся в небытии, будто меня на время стёрли из этого мира. Я не спал, вовсе нет, даже не витал во Тьме, меня просто не существовало. Похоже, стресс разрушает остатки моего измождённого разума.

– Куда приехали? – глупо переспросил я, хотя уже пришёл в себя и знал ответ.

– Как куда? К складу, конечно, вот он! – Кира указала пальцем на здание через дорогу.

Большое строение из серого и грязного кирпича высотой с трёхэтажный дом и с редкими вкраплениями вытянутых окон возвышалось над внушительным бетонным забором с колючей проволокой, который охватывал широкую территорию вокруг склада и смыкался перед нами массивными железными воротами. Грязные и пыльные стёкла заверша-

ли удручённую картину безалаберности местных Техников, а забор надёжно скрывал всё, что происходит на территории перед складом. Кира припарковала наш автомобиль на обочине прямо напротив ворот, но по другую сторону широкой дороги. До входа оставалось около двадцати метров, но мы легко терялись на фоне других неприметных машин и заняли удобную позицию для наблюдения. Когда я полностью оценил всё строение, то даже присвистнул.

– Ого, вот это да, мощная конструкция, а где охрана? Почему никого не видно?

– Какая охрана, ты что, – усмехнулась Кира. – Кто же будет открыто светиться перед людьми? Техники должны быть внутри, а мы с тобой наблюдаем снаружи, следим за всеми, кто въезжает и выезжает, чтобы никакой злодей не проник. А также следы в оба, вдруг кто-то ещё на спортивной тачке пристроится рядом.

– Что-то звучит не особо весело.

– Намного веселее, чем проходить Отречение. – Кира улыбнулась и откинулась на спинку кресла.

Потом она отвернулась к боковому окну и стала неподвижно наблюдать за серым и обшарпанным входом на территорию склада. Наступили долгожданные минуты безмятежности и спокойствия. День постепенно клонился к вечеру. Пустынные улицы подёрнулись слабой дождливой дымкой, а отдельные облачка окрашивались из своего обычного светло-серого состояния в сплошное тёмное клубящееся

одеяло, предвещавшее грядущее наступление темноты. Со-
всем скоро свет окончательно померкнет, а тьма станет пол-
ноправной хозяйкой на улицах нашего города. Но пока ещё
светло, я мог наслаждаться последними мгновениями ухо-
дящего дня. Хотя это тяжёлое свинцовое небо, скрывающее
солнце уже который месяц, превращало каждый наш день в
один длинный, бесконечный полумрак и постоянные сумер-
ки.

Капли дождя продолжали отстукивать неторопливый
ритм у нас над головами, разыгрывали свою очередную пе-
чальную мелодию, сливались в единый протяжный гул и ше-
лест, успокаивали и гипнотическим образом заставляли гла-
за закрываться. Мирное сопение напарницы, шум дождя,
снова ровное и тихое дыхание, шелест начинает затихать, те-
ряться в темноте, отдаляться...

– Так! – вскрикнула Кира.

Я подпрыгнул от неожиданности, вырываясь из гипноти-
ческого плена сумрака и дождя, и чуть не ударился головой
об крышу.

– Я сейчас усну, если буду так сидеть. Пойду-ка я сбегаю в
ближайшую кафешку и куплю нам кофе и чего-нибудь пере-
кусить. Я чувствую, нас заставят торчать тут о-о-очень дол-
го. Как бы в ночь не пустили.

– А где здесь кафешка? – спросил я и закрутил головой.

– Там, неподалёку, через два или три дома, не помню.
Проезжали мимо... я быстро. Не засыпай! Следи за входом!

Если что, кричи.

Кира толкнула меня в плечо, решив меня взбодрить таким способом, а затем выскочила под разгулявшийся дождь и потрусила куда-то назад вдоль дороги. Я проводил её взглядом, поёжился от одной только мысли выбираться на улицу в такую погоду и удобнее уселся на месте. Покосился наивно в сторону склада, надеясь там что-нибудь приметить, потом ещё раз обернулся, чтобы посмотреть вслед убегающей напарницы, но она уже скрылась в сырой дымке над дорогой. Дождь продолжал выбивать свою серенаду на крыше. Так приятно слушать её, осознавать, что ты здесь, в тепле, в защите, что всё плохое где-то там, за стеной, за неведомой границей, и ты находишься именно по эту сторону, и возникает необыкновенное чувство уюта и спокойствия. Какой умиротворяющий звук... так! Сейчас я тоже усну! Надо себя срочно чем-то занять.

Я начал осматривать всё вокруг: невысокие грязные здания с потускневшими окнами и заваленные мусором подворотни, побитые временем и хулиганами стены, всё это казалось таким безжизненно печальным и одиноким. Окна источали атмосферу пустоты, заброшенности и безвременья, кажется, что сама жизнь покинула этот участок города, а ведь это его центральная часть. Стоит только пройти двести метров вдоль дороги, повернуть за угол – и ты окажешься в самой гуще кипящей жизни, пёстрой, суетливой и неудержимой, но всё это резко оборвётся, если завернуть на улицу

Техническую, будто злой рок витал над старыми домами этого района.

Хотя вот, впереди меня, на другой стороне улицы прогуливалась семейная пара, а может, брат с сестрой или отец и дочь, а может, вовсе страстные любовники, сегодня мало в чём можно быть уверенным. Всё смешалось в нашей жизни: устои, нравы, понятия о чести, любви и семейных ценностях – всё было выкорчевано с корнями, брошено на землю и растоптано под весёлое улюлюканье одурманенной молодёжи. Раньше всё было просто и понятно, смыслы всегда носили свой истинный первоначальный характер. Но теперь, когда люди окунулись в наркотический хаос бездумной жизни, они начали забывать, кто они, для чего построили этот мир, с какими грёзами их далёкие предки возводили дом за домом, с какой огромной любовью и с верой в великую Мечту они прописывали одну строчку кода за другой. Когда теряется этот смысл, великая цель, то сама жизнь теряет своё главное отличие от смерти, своё направленное движение, существование. Ибо нельзя назвать движением бездумное мельтешение безликих и бесцветных пятен на полотне жизни. В лучшем случае они стоят на месте, но обычно просто безвольно падают в пучину забвения и растворяются вместе с эпохой и всем светом, что их окружал. Вместо того чтобы дарить что-то этому миру, оставить частичку себя, внести общий вклад в его развитие, поддержание и сохранение для своих потомков, они просто пожирают его, поглощая всё, что было по-

строено другими людьми, хранившими высший смысл, цель, идею, но которые не смогли её передать другим. Теперь они резвятся на диком и саморазрушительном пире, празднике жизни, где, однажды упав, они не захотели подниматься.

Пара неспешно прогуливалась под зонтами по тротуару, они держали друг друга за руки и что-то негромко обсуждали, не замечая ничего вокруг. А вообще, способны ли они увидеть хоть что-нибудь дальше своего носа? Способны ли покинуть хоть на миг своё Я, оторваться от любования собственным эго, оглянуться вокруг, увидеть себя со стороны, других людей, жизнь во всём её многообразии? Могут ли люди оценить всё, что происходит вокруг них или за окнами их уютных квартирок, этих убежищ от неприятного и серого мира, этих пещер, где можно спрятаться, зарыв голову в песок? Они паразитируют на обществе и боятся заглянуть правде в глаза, осознать, что они чудовища. Они боятся всего этого, своего истинного Я в отражении реального мира, они боятся правды. Нет, они не живут более и никогда не жили, они давно мертвы, с самого рождения. Они потеряли ту тонкую грань между жизнью и существованием, что для нашего хрупкого мира равнозначно смерти. Жизнь – это созидание, это построение мира вокруг себя, а не его разрушение. Но самое страшное не это...

Пара весело прошла мимо склада, женщина над чем-то очень задорно и громко хихикала, мило прижимаясь к мужу, отцу, брату... затем они завернули в подворотню и скрылись

из виду. Я повернул голову направо и увидел, как рядом с нашим автомобилем проходят два маленьких мальчика, на вид обоим не больше десяти лет. Они шли вместе, в лёгкой одежде, промокшей насквозь, в хлюпающих тоненьких ботиночках, громко смеялись и вообще не испытывали никакого дискомфорта от бушующего дождя, который снова набирал силу. Они были счастливы, по-настоящему счастливы, совершенно искренне и по-детски. Дети прошли мимо меня, восторженно что-то обсуждая, какой-то футбольный матч между местными мальчишками, а под мышкой один из них придерживал небольшой футбольный мяч красного цвета. Он был грязный, побитый, но мальчишка с таким наслаждением и любовью прижимал его к себе, что улыбка не спадала с его конопатого лица. Это такое счастье – радоваться простым житейским мелочам: грязному футбольному мячу, что гонял целый день, летнему дождю, маленькой пернатой птичке на твоём подоконнике, да всему. Такое доступно только детям. Вырастая, люди перестают замечать радость вокруг себя, они задумываются о смыслах жизни, о чём-то большем и теряют способность ценить малое. Так обычно бывает, и в этом нет ничего плохого, простые радости от каждодневных мелочей перерастают в счастье от новых свершений и подвигов во взрослой жизни, но только не у этих мальчишек. Настоящим детям не суждено никогда повзрослеть, им не дадут этого сделать, они так и останутся навечно детьми...

...и это самое страшное. Люди не только потеряли смыс-

лы, но и перестали их передавать детям, рассказывать о жизни, показывать её во всём многообразии, рассказывать, где добро, а где зло, они запретили им взростеть. Эти два мальчика, я уверен, даже не задумываются о том, где находятся, что вокруг них и как это работает. Они не знают, что существует мир где-то вне виртуальных границ, где всё по-другому, где иные законы и живут другие люди. Многие в наше время отказываются объяснять детям, что всё, что они видят вокруг себя, лишь иллюзия, красиво нарисованный мир, созданный их далёкими предками. Родители выбрали для них жизнь в счастливом неведении, в придуманной ими сказке, скрывая за ней суровую правду жизни. Дети вырастают и окончательно теряют связь с реальностью, они воспринимают этот мир как единственный из существующих, что здесь их настоящая жизнь, что именно так она выглядит и такой должна быть. Покидая царство грёз и детских фантазий, они попадают в царство кошмаров, но оказываются не готовы ко встрече с реальностью, покоряются ей и ищут прибежище среди таких же мелких радостей взрослой жизни, будто украшая лепестками роз горящий остов собственного дома. Родители добровольно превращают своих детей в тот белый шум, покорный планктон, который может лишь следовать заранее выложенному маршруту и не способен оглянуться, осознать, кто он и где находится. Эти люди больше не умеют самостоятельно принимать решения и изменять мир, они призваны лишь существовать.

Всё началось как обычная шутка, нелепое стремление забыть ужасы прошлого, ту жизнь, от которой мы бежали в Систему. Поэтому мы сделали наш мир максимально похожим на настоящий, вернулись в счастливое прошлое, в детство человечества, постарались забыть, стереть из памяти и оставить в кошмарах реальный мир, бежали от любых напоминаний наших прежних ошибок. Мы создали иллюзию, заперлись в ней и панически боимся, что она растает. С огромной любовью и усердием творцы Системы воссоздавали прежнюю жизнь, все её тяготы и невзгоды, обычный быт и заботы, будто хотели забыть, что существуют иной мир, погибший по нашей вине.

Дети тем временем остыли от жаркого поединка на футбольном поле, опомнились, что на улице льёт как из ведра и бросились наутёк. Я проследил за ними взглядом, погрузился и печально шмыгнул носом. Что-то от моих мыслей стало совсем тоскливо. Дети забежали за угол, а мой взгляд скользнул по стене дома и по надписи на ней, выполненной от руки чёрной краской: «Верните Марию!». Внезапно мне ярко вспомнилась Екатерина, её слёзы, выстрел...

Я заёрзал на месте, потянулся к Консоли нашего автомобиля и провёл двумя пальцами по пластине. Оранжевое полупрозрачное окно поспешило незамедлительно возникнуть в воздухе перед приборной панелью. На экране сначала проявился символ нашей службы в виде четырёх букв С, соединённых между собой острыми концами и образующих знак,

очень напоминающий символ четырёхлистного клевера. «На удачу!» – подумал я. Затем символ растворился, и передо мной появилось обширное меню, вмещавшее намного больше различных опций, чем моя личная Консоль. Меня интересовал пункт «База знаний». Я нажал на кнопку с изображением книги и символом Стражей. Системная база знаний вмещала в себя всё, что когда-либо происходило в Системе, любую информацию, даже самый малозначительный факт, а также любые термины, все виды наук, при желании можно изучить, понять и осмыслить весь мир вокруг, не выходя из квартиры. Эти база доступна всем желающим в любое время и в любом месте, но её содержимое в распоряжении Стражей несколько отличалось. Наша Консоль содержала свою особенную, закрытую и подчас секретную информацию, она подключалась к источникам данных в самой башне Стражей. Здесь можно просмотреть дела всех Отступников, отчёты об операциях, техническую информацию по Системе, да много чего. Безусловно, Палачи имели высокий уровень доступа, но даже для нас доступна не вся информация, часть неё предназначена только для служебного пользования высшими чинами.

«Идентифицируйте себя» – предложила мне база знаний при входе и указала стрелочкой на небольшой квадратик внизу экрана. Я приложил к нему два пальца с контактами моей личной Консоли, экран быстро моргнул, тихо пискнул и надпись сменилась: «Спасибо! Страж *Стил*, ваш уровень

допуска – *третий*. Добро пожаловать!». А ниже появился небольшой угрожающий текст: «Внимание! Доводим до вашего сведения, что ваш визит будет внесён в общий протокол запросов к нашей базе знаний. Это делается с целью повышения безопасности и сохранности закрытой информации. Спасибо за понимание!». Экран снова сменился, и появилось новое меню.

– Так, «Общие сведения», «Карта города», «Научная справка»... – бубнил я себе под нос, перечисляя пункты. – Ага, вот, «Архив Стражей», то, что нужно!

Рядом с этим пунктом находился символ нашей службы, а также раздел несколько выделялся на фоне остальных, поскольку был доступен только для Стражей третьего уровня и выше, даже Ищейки не имели доступа к архиву. Им часто приходилось писать запросы в технический отдел на выдачу любой справки, что зачастую становилось причиной множества конфликтов.

Я выбрал этот пункт, на экране появилась строка поиска и виртуальная клавиатура. Немного поразмыслив, я ввёл туда всего одно слово: «Мария» – и нажал на кнопку «Поиск». Консоль задумалась на мгновение и выдала всего два результата из всех наших отчётов, что хранились в базе за всё время. Первый результат был найден в деле столетней давности, о какой-то Отступнице Марии Польской, осуждённой за кражу в особо крупном размере. Что именно она украла, не указано, но в итоге она была отключена. Это явно не то, что

я ищу. Вторая – Мария Рихтер, была свидетелем по одному делу двадцать пять лет назад... хм, и тут ничего интересного. Всё не то, про какую же Марию они все говорят? По крайней мере, через нас она точно не проходила.

Я откинулся на спинку кресла, посмотрел в потолок, от которого исходил приятный шелестящий звук дождя, задумался и достал из внутреннего кармана старую помятую фотографию юной девушки в том самом розовом платье. Кто же ты, где тебя искать? С какой Марией ты связалась? Я вздохнул, убрал фото обратно в карман, а в строке поиска набрал другое имя: «Алиса». На этот раз поиск выдал гораздо больше результатов, это имя оказалось намного популярнее среди Отступниц. Я пробежался по всем записям, тут были и убийцы, и воры, и просто расплывчатые вердикты: «Нарушение Основного закона Системы». Среди всех имён нашлось только одно, которое подходило под мой искомый запрос: Алиса Макарова, двенадцать лет, заявка о пропаже... так, заявление написано отцом Александром Макаровым четырнадцатого сентября...

Я не мог отвести взгляда от даты на экране. Заявление было подано почти десять лет назад. Десять лет, ого! Так сколько же времени он искал свою дочь? Тогда кто такая Мария? Я пробежался глазами по тексту заявления, в нём не упоминалось ни о какой Марии, только сказано, что Алиса Макарова ушла из дома и больше не вернулась. Или старик врал, или заявление кто-то старательно изменил. Во второй вари-

ант мой разум всячески отказывался верить. Девочку так и не нашли, дело закрыто шестнадцатого сен... шестнадцатого сентября?! Да вы издеваетесь! Они искали её неполные два дня и закрыли дело? Что-то тут нечисто. Пойдите-ка, а когда там пропал муж убитой Екатерины?

Я снова воспользовался поиском, нашёл дело нашего сегодняшнего Призрака, и мои опасения оправдались. Заявление о пропаже мужа подано почти в одно время с заявлением Макарова. Всё это складывалось в одну очень неприятную картину. Я решил проверить ещё кое-что и сделал запрос о выводе всех заявлений о пропажах людей за сентябрь того года – и ужаснулся. Оказалось, что в тот же период обнаружилось ещё около полусотни подобных происшествий. Причём многие заявители впоследствии обвинялись в убийствах, были отключены или бежали от наказания, пополнив ряды Призраков. Что же получается? Десять лет назад происходит массовое исчезновение людей, и в этом замешана какая-то Мария. Кто она? С каждой минутой всё больше вопросов, тревоги и подозрений о том, что сама служба Стражей что-то скрывает. Но самое ужасное, что в моём положении нельзя даже заикаться об этом случае. Если они так активно избавлялись от всех заявителей, то опальным Стражем тем более не побрезгают.

От этих мыслей меня внезапно захлестнуло горячей волной из жара и страха. Кто-нибудь может проверить протокол моих запросов и увидеть, что я искал. Я поспешил закрыть

Консоль, хотя и понимал, что уже поздно и ничего не изменить. Только оранжевое окно успело вернуться в недра приборной панели, как дверь автомобиля распахнулась и внутри появилась взволнованная Кира. Я посмотрел на взъерошенную и насквозь промокшую напарницу, поискал взглядом то, за чем она ходила, и не обнаружил никаких признаков горячего кофе.

– Эй, а где... – хотел я задать закономерный вопрос.

Но Кира зашикала в ответ.

– Тсс! Смотри! – сказала она и повернула голову назад.

– Куда? И что случилось? – подхватив её игру, шёпотом спросил я.

– Туда! – Кира снова кивнула куда-то назад. – Два чёрных фургона, видишь?

Я проследил за её взглядом, пригляделся и заметил в серой дымке на дороге силуэт тёмного автомобиля. Он приближался к нам очень медленно и осторожно.

– И всё же где кофе, что случилось? – спросил я, мельком посмотрев на напарницу.

– Да что ты пристал со своим кофе! Не дошла я до него, заметила в подворотне эти два фургона, водители сидели на месте и чего-то выжидали. Мне это показалось крайне подозрительным, и я решила проследить за ними.

В это время мимо нас, вальяжно и тихо шурша шинами по мокрой дороге, проехали два автофургона среднего размера и глубокого чёрного цвета. Мы инстинктивно вжались

в кресла и затаили дыхание, но машины не думали останавливаться и продолжили свой путь дальше по улице.

– Или там самые осторожные водители в мире, или они оценивают обстановку, – тихо предположил я. – Хотя они уезжают, может, ты ошиблась?

– Нет-нет, смотри! – перебила меня Кира и схватилась за рукав моей куртки. – Они разворачиваются.

Фургоны достигли конца улицы, развернулись и поехали в обратную сторону. Мы молча переглянулись.

– Сообщить в башню? – спросил я, не сводя глаз с автомобилей.

– Подожди, посмотрим, что они затеяли.

Оба фургона подъехали к входу на склад и остановились. Из первой машины выскочил мужчина в чёрной кожаной куртке, таинственно огляделся и направился к воротам. Он подошёл к небольшой малозаметной дверце, врезанной в створку врат, и осторожно постучал по ней. На самой дверце виднелось прямоугольное окно или скорее прорезь для глаз, чтобы охранник мог узнать, кто находится снаружи. Спустя всего пару секунд это окно отворилось, мужчина о чём-то поговорил с охранником, и затем оно снова закрылось. Неизвестный помялся на месте, посмотрел в небо и направился обратно в автомобиль. Мы с Кирой успели облегчённо выдохнуть, но тут затвор на главных воротах громко щёлкнул, и они очень медленно, натужно, со скрипом отворились, пропуская незваных гостей. Обе машины поспешили заехать на

территорию склада, после чего ворота так же неуклюже сомкнулись за ними. Мы снова переглянулись, и Кира сморщила лицо, предвкушая неладное. Несколько минут мы сидели в напряжении, с тревогой наблюдая за входом, прислушивались, боялись даже дышать. Острое чутьё внутри меня кричало, рвалось из клетки, созданной моим разумом, вопило об опасности. Я чувствовал внутренний укор за собственное бездействие, но до последнего отказывался верить в худшее. Похоже, что Кира разделяла мои чувства, она была напряжена и готова сорваться в любой момент.

Вдруг резкий, громкий раскат от выстрела сотряс воздух. За забором склада что-то сверкнуло, а потом последовало ещё несколько выстрелов. Кира подскочила на месте и повернулась ко мне.

– Что за!.. – только и смогла произнести напарница.

Лёгким прикосновением пальцев она открыла Консоль автомобиля и вызвала диспетчера.

– Башня! Это «Феникс», как слышите? Приём! – закричала Кира. – Башня?!

– Отряд «Феникс», Башня на связи, слушаем вас, – раздался привычный металлический голос.

– Башня, это «Феникс» с точки наблюдения у нашего склада на Технической. На склад совершено нападение, слышны выстрелы, прошу прислать всех, кого сможете. Срочно!

Возникла небольшая пауза. Похоже, диспетчер пытался с

кем-то связаться и что-то выяснить.

– «Феникс», какое число напавших?

– Я... я не знаю, много, наверное. Мы видели два фургона среднего размера, они въехали на территорию склада незадолго до нападения. Два десятка, возможно, больше.

– Вас понял, «Феникс». Отряды «Зета» и «Харон» уже направлены к вам. Ждите! Вам запрещено предпринимать какие-либо действия до их прибытия. Как поняли?

– Принято, – процедила сквозь зубы Кира и выключила Консоль.

– Что будем делать? – спросил я.

– Как что? Ты же слышал, будем ждать и не рыпаться, – с раздражением изрекла Кира.

Прошла пара минут томительного ожидания. Всё это время мы наблюдали за входом, но на складе стало подозрительно тихо. В какой-то момент меня посетила мысль, что мы ошиблись и хлопки были иной природы, как снова отчётливо раздались звуки выстрелов. В этот раз они шли издалека, были немного приглушёнными и исходили из самого здания склада.

– Ну всё, хватит, – отрезал я. – Пока мы ждём подмогу, они всех перебьют и смоются! В конце концов, мы Стражи или нет?

Я решительно открыл дверцу автомобиля и выскочил навстречу ненастью.

– Стил! Стил! – кричала мне вдогонку Кира. – Стой!

Но я уже бежал через дорогу к входу на склад, не замечая ничего вокруг. Кира позади меня чертыхалась, посылала мне вслед отборную ругань про мою мальчишескую натуру, но вылетела из машины следом и бросилась за мной. Подбежав к небольшой дверце на воротах, я остановился, обвёл взглядом вход, осмотрел забор и обернулся навстречу догоняющим меня проклятиям.

– Ты совсем с ума сошёл? – злобно прошипела Кира, настигнув меня у двери, и несильно толкнула в плечо. – Ты что творишь? Хочешь, чтобы нас отключили за неповиновение или даже хуже – выкинули из Стражей? Ты под колпаком Хранителя, забыл? Сейчас не время и не место, чтобы нарушать приказы. Стил, ты слышишь меня? Пошли, вернёмся в машину и подождём подмогу, а там пусть сами решают. Ты же знаешь, сейчас мы не более чем Наблюдатели.

Напарнице давались с трудом слова уговоров, она находилась в смятении от моих действий, к тому же ей приходилось перекрикивать шум дождя по асфальту, который с каждой минутой становился всё сильнее и сильнее, а тучи на небе постепенно меняли свой окрас на пугающий чёрный цвет. Сквозь эти звуки Кира даже не боялась быть услышанной и говорила очень громко, находясь у самого входа.

– Кир, послушай... – Я взял напарницу за плечо, наклонился к ней, чтобы не кричать, но быть услышанным. – Мы Стражи и всегда ими останемся. Мой долг – защищать Систему, защищать людей, а не сидеть вот так безучастно, зная,

что там гибнут совершенно невинные люди, и плевать я хотел на их приказы. Я так не могу. Моя гордость, моя совесть и честь и не позволят мне остаться в стороне. Я знаю о последствиях и готов к ним. В этом мире есть нечто большее, чем игры нескольких зазнавшихся выскочек. Я пойду туда и переблю всех до единого, и мне не нужна никакая помощь, тем более от этих мерзавцев из «Харона». Я понимаю твои опасения и не осуждаю. Если будет нужно, то пойду туда один.

– Не слишком ли ты самонадеян? Несмотря на то, что ты Страж, их гораздо больше, они все вооружены, да и позиция у них заведомо выигрышная. Ты хочешь умереть, Стил? – строго спросила Кира.

– Я предпочту умереть в борьбе за лучший мир, чем спокойно наблюдать, как гибнет этот.

Я отпустил её плечо, посмотрел в глаза и снял с пояса рукоять меча.

– Иди в машину, Кир, это моя война, я докажу Хранителю, чего я стою.

Кира насупилась, сурово посмотрела на меня, а её взгляд становился всё более внимательным и напряжённым. Мне было трудно разобрать, что он выражал в данный момент: то ли злость, то ли разочарование, а может, и то, и другое, но через минуту она отвела взгляд в сторону, отступила на шаг и открыла перед собой Консоль. Мгновение – и в руках Кире оказался её любимый пистолет-пулемёт. Она осмотрела его, передёрнула затвор и потом указала кивком на дверь:

– Давай попробуем! Если меня там убьют, то я скажу, что это ты меня заставил.

Кира скривилась в натужной улыбке, а затем приникла к воротам слева от двери. Я кивнул ей в ответ, подошёл к железной дверце с прорезью для наблюдения и постучал кулаком изо всех сил. А потом ещё и ещё раз, я продолжал барабанить в дверь в надежде, что они немного опешат от такой наглости, и это сработало. Через несколько минут засов наблюдательного окна открылся, и на меня уставилась пара удивлённых глаз. По всей видимости, это был охранник, оставленный у ворот на случай прибытия Стражей, но он не ожидал подобного развития события и не выдержал наплыва любопытства.

– Мы слышали какие-то хлопки, у вас всё хорошо? – невинно спросил я.

– Всё замечательно! Пошли вон! – рявкнул охранник с той стороны.

– Ай-яй-яй, кто же так разговаривает со Стражем?

Глаза у человека за дверью медленно округлились от осознания и испуга. Он хотел закрыть засов в смотровом окне, но не успел. Мимолётным движением пальцев я активировал меч, затем быстрый взмах, точный удар – и клинок с хрустом пронзил череп охранника, пройдя точно по центру прорези на двери. Краткий миг – и глаза по обеим сторонам воткнутого клинка потускнели, теряя остатки жизни, провалились, и Отступник рассыпался на множество мелких частиц, мо-

ментально растворяясь в воздухе.

– Призрак... – коротко отрезал я, деактивируя меч и вешая его на пояс.

– Стражи! Здесь Стражи! – завопил чей-то голос по ту сторону забора и начал удаляться от ворот вглубь территории склада.

– Всё, теперь они знают, что мы здесь, – констатировала Кира.

– Теперь мы знаем, что «они» здесь, – поправил я.

Я открыл Консоль, создал свой пистолет, и спустя мгновение он снова занял своё законное место в моих руках. Затем я прикоснулся к маленькой пластине на дверце, около которой появилось небольшое полупрозрачное окно с предложением открыть замок. Это было одним из главных преимуществ Стражей третьего уровня: мы имели ключи от всех дверей, любой замок могли открыть простым прикосновением. Некоторых граждан раньше пугала такая вседозволенность, и даже встречались те, кто противились этому: они протестовали, писали жалобы, но вскоре и они смирились, приняли как должное, а потом и вовсе стали воспринимать как необходимое благо.

Я нажал на кнопку, замок послушно щёлкнул, и дверца, освободившись от пут, немного приоткрылась во внутренний двор. Мы с Кирой переглянулись, я мысленно сосчитал до трёх и сильным пинком отворил дверь, после чего мы уверенно вбежали в открытый проход, держа оружие наготове.

Перед нами открылось обширное пространство внутренней территории склада. Высокие серые стены ошетинились маленькими железными и колючими зубками по всему периметру. Вся территория напоминала скорее загон для скота или внутренний двор тюрьмы, любой режимный объект древности, чем безобидное место для хранения вещей. Высокие стены создавали крайне гнетущую и тяжёлую атмосферу безысходности, всем своим видом они внушали любому вошедшему человеку, что обратной дороги нет. В чём-то они, безусловно, правы. Когда мы с решимостью врывались в эту каменную ловушку, то ещё не знали, что нас ждёт впереди. Нас переполняли безудержная смелость, отчаянность и, возможно, толика безрассудства, а меня ещё собственная самонадеянная глупость.

Преодолев ворота, мы замерли почти у самого входа. Через открытое пространство перед нами протянулась длинная и узкая асфальтированная дорожка. Она начиналась от самых ворот и вела до широкого входа в здание склада. По обеим сторонам дороги бурлило сплошное грязное месиво из песка и глины с примесью разбросанного тут и там мелкого мусора. По всей территории в совершенно хаотичном порядке были раскиданы какие-то коробки, горы контейнеров, перевязанных пломбирочной лентой, а также целая грибница разномастных тюков и коробок, перемотанных целлофановой плёнкой. Часть вещей дополнительно накрывалась плотным брезентом. Вероятно, всё, что не помести-

лось внутри здания склада, оставили гнить под дождём.

Но сейчас нас заботило совершенно иное. Около входа на склад мы увидели порядка десяти человек: все хорошо сложенные и крепкие мужчины в тёмной, неприметной одежде. Они прятались за различными ящиками, и при этом в нашу сторону выглядывал целый ворох стволов различного калибра: от простейших пистолетов, до дробовиков и даже штурмовых винтовок. Мы стояли на месте и боялись пошевелиться, пока на нас молчаливо и угрюмо смотрела небольшая армия, тихо побрякивая оружием. Несмотря на то, что они находились достаточно далеко от нас, им хватило бы единственного залпа из всех орудий, чтобы мы никогда не покинули это место. Но они медлили, и их замешательство сыграло нам на руку. Я быстро осмотрелся, попытался найти укрытие и заметил неподалёку от нас два железных контейнера высотой где-то в половину моего роста, они располагались аккуратно напротив друг друга по обе стороны от дороги. Осмотрев контейнеры, я решил, что они вполне выдержат попадание пули, и очень медленно, осторожно, не выпуская оружия, поднял руки вверх.

– Не стреляйте, мы сдаёмся! – крикнул я вооружённым людям, попытавшись пробиться сквозь шум дождя.

Кира повернулась и с удивлением уставилась на меня.

– Ты чего?!

– Делай, как я, – цыкнул я в ответ. – Подними руки.

Кира смотрела на меня с подозрением ещё некоторое вре-

мя, но всё-таки подняла руки вверх.

– Да, мы сдаёмся! – крикнула она и потом тихо добавила: – Надеюсь, ты знаешь, что делаешь...

Послышался оживлённый гул из стана Отступников. Похоже, они всерьёз обсуждали и спорили, что с нами делать.

– А теперь смотри вон туда, – ответил я тихо, но чтобы Кира услышала. – Видишь два контейнера в трёх метрах от нас?

Я медленно повернул голову и невзначай указал на укрытие.

– Вижу, – пробормотала напарница.

– Так вот, на счёт «три» ты прыгаешь в правую сторону и прячешься за него, а я в левую за другим, поняла?

Кира выразительно посмотрела на меня, и множество несказанных слов разом отразились в её глазах.

– Ну уж нет, Страж! Умри! – прозвучал громогласный рык с той стороны, а вслед за ним блеснуло множество стволов.

– Чёрт! Кира... Три! – крикнул я. И мы бросились врассыпную.

Я со всех сил рванул налево, и в это же мгновение в равномерный шум дождя ворвались оглушительные звуки выстрелов из всех видов оружия, они разрывали саму ткань пространства, подгоняли вперёд и оглушали. Пули пролетали мимо, ударялись о стену позади меня, выгрызали куски бетона, рикошетили в грязь под ногами и звонко отдавались предсмертным стоном, попадая по железным воротам. До

укрытия было всего три метра, но они показались вечностью. Я мог думать в тот момент только о Кире, о том, как подвёл её, о том, что зря согласился взять с собой на эту бойню, ведь я знал, на что иду, понимал, чем это может закончиться, но всё равно позволил окупаться в этот ад вместе со мной.

Вдруг в левое плечо что-то сильно ударило, меня окатило волной жара, боли... нестерпимой агонии. Пуля большого калибра вонзилась в моё плечо, раздробила кость и застряла внутри. Я вскрикнул от боли, на лету повалился наземь, ударился головой о глиняное месиво под ногами, и на одной только инерции от бега меня протащило дальше по земле и вколотило спиной в железный контейнер, к которому я так стремился и куда не успел добежать. Падая, я выронил пистолет из рук, но пропитанный моим стремлением он пролетел немного дальше и упал в грязь в метре от меня. Первые несколько секунд я просто лежал за укрытием на правом боку, сжимал зубы от боли и пытался собраться с мыслями. Правую сторону лица облепила липкая и мерзкая субстанция из глины, которая попала в глаза, на время ослепляя и вызывая нестерпимое жжение. Я попытался собраться, упёрся локтем в землю, приподнялся и сел за укрытие, приклоняясь к нему спиной. Затем схватился за простреленное плечо и вновь сжал зубы так сильно, что случайно прокусил губу. Я оторвал руку от плеча, посмотрел на залитую кровью ладонь вперемешку с грязью, зашипел от отчаяния и снова прижал рану, пытаясь остановить сильное кровотечение. За-

тем закрыл глаза, прислонился затылком к холодному борту контейнера и задрал лицо кверху, чтобы потоки дождя смыли с него всю грязь. Впервые я был рад надоедливому гостю с небес.

– Сти-и-ил!

До меня донёсся крик напарницы. Я открыл глаза и повернул голову налево. Кира расположилась за вторым контейнером через дорогу, крепко сжимала в руках своё оружие и всё пыталась рвануть ко мне, но плотный и неутихающий поток пуль мешал покинуть укрытие. Боль медленно отпускала мой разум, возвращая под его контроль суматошную реальность, где смертельный свинцовый дождь, ранивший меня, не умолкал ни на секунду. Пули ударялись о контейнер, отскакивали, звенели и уходили рядом со мной в землю.

– Стил, что с тобой?! – надрывалась Кира.

– Нет! Сиди там! – крикнул я в ответ. – Я справлюсь сам, небольшая царапина.

– Сдаёмся, значит, да? – злобно бросила напарница. – Очередная твоя гениальная идея, а я всё продолжаю поддаваться на них.

Часть слов я не разобрал из-за сильного грохота и звона вокруг меня, к тому же рана сильно болела и не давала пошевелиться, отдавая сильными импульсами в голову.

– Всё будет хорошо! – прохрипел я и потом повторил уже тихо, самому себе: – Всё будет хорошо...

Только я успел произнести эти слова, как рядом с моим

лицом просвистела пуля. Она с грохотом пробила насквозь контейнер и устремилась дальше, разрушая мои иллюзии о надёжности укрытия. К сожалению, тонкий металл не смог стать серьёзной преградой для мощных штурмовых винтовок, и с каждым выстрелом наше положение становилось всё опаснее. Я сжал зубы, перестал поддерживать раненую руку и потянулся за своим пистолетом, который лежал совсем рядом. Изнемогая от боли, я всё-таки смог ухватиться за него, вернулся на своё место и осмотрел оружие. Оно всё оказалось покрыто грязью, угрожая в любой момент заклинить при выстреле. Я мог бы воспользоваться Консолью и создать себе новый пистолет, но, вспоминая блокировку оружия на прошлом задании, я не стал рисковать. Поэтому обтёр его об штаны, ещё раз осмотрел и повернулся к Кире. Напарница уже сидела на изготовке с оружием в руках и, получив мой одобряющий кивок, одновременно со мной высунулась из укрытия, и мы открыли огонь на подавление.

Эффективнее всего в данной ситуации оказался именно пистолет-пулемёт Киры. Он громко взвизгнул, выплёвывая длинный столб пламени, и послал в сторону склада целый шквал пуль, чем сильно подбивал моральный дух стрелков. Отступники попытались защититься от свинцового шторма и временно попрятались за укрытиями. Я тоже спускал курок раз за разом, пытаюсь попасть хоть в кого-то, но боль застилала глаза, выматывала ослабший после недавней аварии организм, я начал стремительно терять силы, а ноги подка-

шивались под моим собственным весом. Выпустив весь магазин, мы с Кирой снова спрятались за укрытиями. Напарница быстро открыла Консоль, и ей удалось создать ещё пару магазинов для своего автомата, потом перезарядила его и вопросительно посмотрела на меня. Но я уже не замечал её и ничего вокруг, мир вдруг потускнел, потерял былые краски, созвучие, он стал каким-то далёким, безмолвным и неживым. Всё тело налилось свинцом, становилось тяжело дышать, каждый вздох давался с большим трудом. Я услышал, как сердце громко и отчётливо выбивает такт, а в глазах окончательно помутилось. Из последних сил я приподнял пистолет и посмотрел на него. Затвор был отведён назад, а значит, все патроны кончились, но у меня уже не осталось сил, чтобы перезарядить его или даже открыть Консоль. Всё что мне оставалось, – это выпустить его из рук. Я разжал пальцы, тяжёлое оружие упало на мои ноги и скатилось в пенящуюся от дождя грязь.

Где же подмога, когда она так нужна? Почему так долго? Я постоянно задавал себе эти вопросы, но не находил ответа. Часть меня даже радовалась тому факту, что никто не увидит мои страдания и наше положение. Меньше всего мне хотелось доставлять «Харону» удовольствие лицезреть своё поражение, свой позор, тем более там, за границами этой тюрьмы, меня не ждало ничего хорошего: отстранение от службы, а скорее всего, отключение. Лучше умереть в бою, чем с клеймом предателя. Но я не хотел подставлять Киру, утаски-

вать её дальше на дно собственной пропасти. Это не её вина в случившемся, она должна жить, она обязана выжить...

Я поднял тяжёлую, почти онемевшую руку и снова зажал рану на плече, одновременно надеясь, что боль хоть немного поможет прийти в себя.

– Сти-и-ил!

Голос Киры звучал уже где-то вдалеке, а слова были невесомы, пусты и неразборчивы.

– Убейте их, наконец! – взревел кто-то из Отступников.

Одновременно с этим раздался звук перезарядки множества оружия, а затем вновь ударил целый град пуль, выпущенный из десятка стволов. Пули снова звенели, отскакивали, рикошетили, а некоторые особо мощные пробивали укрытие рядом со мной. Но это уже было неважно, всё, чего я сейчас хотел, – умереть и сделать это достойно.

Вдруг среди грохота выстрелов послышался сдавленный крик Киры, очень громкий и отчаянный, это голос нестерпимой агонии, его я узнаю всегда. Я повернул голову в сторону её укрытия и увидел, как напарница двумя руками зажимает рану в правом боку, а может, в животе, мне уже сложно было разобрать. Перед глазами всё плыло, но я смог разглядеть кровь на её одежде, пятно быстро распространялось, росло, растекаясь по всему животу. Кира выронила автомат и прижалась к контейнеру. Одна из пуль всё-таки смогла пробить её укрытие и попала в неё.

Вот и всё. Похоже, это конец. Теперь им осталось только

подойти и добить нас. Прости меня... прости, Кира, я не хотел, чтобы всё так закончилось. Не следовало тащить тебя за собой. Что же я натворил? Всё должно быть не так! Ты не должна платить за мои ошибки, ты должна жить...

Кира сидела, прислонившись спиной к укрытию, и смотрела на меня с плохо скрываемой болью и невероятной обречённостью в глазах. Нет, я этого не видел и не хотел видеть, я это чувствовал каждой стрункой души. Мне было больно от одного только осознания того, что я натворил, но я всё исправлю! Я всё исправлю, слышишь меня, Кира?! Исправлю.

– Ты должна жить... – беззвучно прошептал я.

Я оторвал окровавленную руку от плеча, нащупал во внутреннем кармане куртки небольшой чёрный кубик и извлёк его. Посмотрел на него, покрутил в пальцах и провёл ими по небольшой пластине сбоку. Над кубом открылось небольшое окно со знакомой мне уже надписью:

Программа «Белый шум» v0.58.

Внимание, использование данной программы может привести к летальному исходу. Если вы согласны, нажмите «Установить».

Полупрозрачное окошко чуть заметно дрожало передо мной, отсвечивая приятным оранжевым светом, а капельки дождя безразлично пролетали сквозь него, ударялись о землю и исчезали, чтобы вновь возродиться где-то там, наверно

ху, в пушистых перинах серых и грустных облаков. Я поднял лицо кверху, в последний раз поприветствовал небо, поймал лицом приятные прохладные капли, подумал о том, что я успел сделать в своей жизни, и о том, чего не смог и никогда уже не сделаю. Я так и не дожил до того прекрасного будущего, в котором всё-таки сбудется наша великая Мечта. Дышать стало невыносимо тяжело, сил у организма почти не осталось, я захрипел, хватая ртом воздух, и, проваливаясь в беспамятство, нажал на кнопку «Установить», буквально роняя руку сквозь окно. Куб выпал из моих рук, упал в грязь, но окошко продолжало гореть. Надпись на нём сменилась, кнопки пропали, и по экрану побежал непонятный текст:

Установка связи с Консолью пользователя... Готово.

Загрузка и установка ядра программы... Готово.

Запуск программы... Готово.

Определение точки входа в Систему... Готово.

Установка и калибровка контура перенаправления сигнала Системы... Готово.

Установка моста между пользователем и потоком Системы... Готово.

Все операции успешно завершены!

Запуск программы «Белый шум» через:

3...

2...

1...

Запуск!

Экран моргнул и погас. Последними мыслями перед тем, как тусклый огонёк разума окончательно потухнет, стали бессмысленные вопросы в пустоту: «Что же произошло, что изменилось? Неужели Макс меня обманул, и программа не работает?» Похоже, это конец, и мне уже никогда...

Вспышка! Яркая вспышка перед глазами ослепила меня на минуту, в голову вступило так сильно, будто по ней ударили огромным молотом, а лоб пронзила сильнейшая боль. Затем она перетекла в виски и растеклась ровным слоем по всей голове. В ушах звенело, тонкий пронзительный визг, высокочастотный скрип засел глубоко внутри черепной коробки и разрывал барабанные перепонки изнутри. Боже, что со мной? Казалось, я сейчас умру, моя голова готова взорваться и разлететься на множество ошмётков. Такое чувство, что рядом со мной с оглушительным взрывом сработала огромная бомба. Что происходит? Я обхватил голову, с силой надавил ладонями на виски, пытаюсь приглушить этот пронзительный и невыносимый свист в ушах. Поначалу я даже не осознал, что спокойно поднял руки и совершенно не чувствую боли, не сразу заметил, как ко мне вернулись силы. Сейчас я мог думать только о том, чтобы этот кошмар поскорее закончился. Свист неожиданно подчинился моим мыслям, начал постепенно затихать, перетекая и превращаясь в равномерный, монотонный гул, в обычный шум в ушах,

который подменил собой всё вокруг. Я не слышал себя, звуки выстрелов, кричащую из последних сил Киру, сейчас был только я и нескончаемый шум в голове. Я был уже не здесь, а где-то очень далеко от этого места, от склада, от всей этой бесконечной бойни за простейшее право жить и мечтать, за право строить свой дом таким, каким хотят его видеть все люди. Мой разум лишь сторонний наблюдатель за порочным миром. Я открыл глаза, посмотрел на свои грязные, окровавленные руки, но не смог понять, чьи они. Они словно чужие. Что это? Я будто находился внутри чужеродной мне оболочки и хотел вырваться из неё, улететь на край света вместе с потоком, что пронизывает меня, наполняет миллионами частиц элементарной информации. Они безостановочно кружились около меня, жалили и впивались в мысли. Я как чёрная дыра беспощадно поглощал весь информационный поток, заполняющий всё пространство вокруг этого склада. Он передавал всю картину боя, мысли всех участников, их потаённые страхи и желания. Весь их мир, их цели и стремления были как на ладони, я знал, где они находятся и что собираются делать. Но... её слишком много! Боже, как много информации, остановите это! Она убьёт меня, разорвёт на части! Нет, слишком... много...

Я снова посмотрел на свои руки. Все вены сильно вздулись, мне начало казаться, что ещё чуть-чуть – и они лопнут. Они налились кровью, посинели, вздыбились над кожей, побежали запутанной паутинкой по всему телу, они рисо-

вали затейливые узоры и уходили под одежду. Постепенно зрение снова начало ухудшаться, руки превратились в размытые, едва различимые линии, а потом и вовсе мир скрылся за непроницаемой молочной пеленой, которой полностью подёрнулись глаза. Теперь был только он – «Белый шум». В густом молочном тумане вместо глубоких красок мира и в бесконечном заунывном шипении он теперь заменял весь мир. Я хотел запаниковать, очень хотел, я хотел закричать и, возможно, кричал, но не мог этого услышать или осознать. Меня теперь не существует. Я всего лишь ещё одна частичка, никому ненужная капелька в общем потоке жизни, и я умираю, растворяясь в нём.

Сквозь шум я услышал своё сердце, оно билось отчётливо громко, гулким эхом отдаваясь в голову, оно просило о помощи, оно не справлялось с давлением внутри меня. С каждым вздохом оно билось всё быстрее и быстрее, пытаюсь выскочить из груди, сбежать из губительного плена моего неразумного тела, пока его биение не слилось в один длинный и протяжный звук, переплетаясь с белым шумом в моих ушах, и я окунулся во тьму...

Тьма. Тишина, которую разбавляет лишь далёкий монотонный гул. Невесомость всего: тела, разума, мира вокруг. Медленный, продолжительный и протяжный звук сердца, оно билось очень неспешно, вяло, как будто после такой тяжёлой встряски решило остановиться и немного отдохнуть. Я открыл глаза. Пелена пропала, я отчётливо видел свои ру-

ки, грязь, на которой сидел, каждую капельку дождя, падающую в неё. Это было так отчётливо и ясно, так понятно и так безумно красиво. Капли очень медленно летели к земле, зависая в воздухе на долгое время; казалось, что каждую можно потрогать пальцами. Всё плыло, как в сладком дурмане.

Я повернулся в левую сторону, туда, где за небольшим контейнером пряталась Кира, поймал её испуганный взгляд, где отразился весь страх этого мира. Она медленно открывала рот, хотела что-то сказать, но тут я увидел, как к её укрытию приблизилась белая тень и выстрелила ей в лицо. Не успев понять, что произошло, я заметил следом, как к её контейнеру подбирается Отступник с дробовиком наперевес, в точности повторяя движения белой тени за мгновение до него. Только вооружённый мужчина двигался очень медленно, словно в киселе. Не раздумывая, я вскочил, метнулся к напарнице и оказался около неё за сотую долю секунды. Молниеносное скольжение руки к поясу – и удар настолько быстрый, что я сам не успел проследить за движением своей руки, как мой меч уже проткнул насквозь голову Отступника, пронзая её снизу, прямо под подбородком. Мужчина опустил руки, выронил оружие и осел, повиснув на клинке. Я деактивировал меч и прикрепил его к поясу, а труп с застывшей маской удивления продолжил своё неспешное падение к моим ногам.

Толпа вооружённых людей стояла за укрытиями, с изумлением наблюдая за происходящим. Они были абсолютно

убеждены в том, что Стражи повержены и им самим ничего не угрожает. Когда один из них храбро и самонадеянно пошёл добить раненых противников, то внезапно ему навстречу из-за изрешечённого пулями укрытия выскочил чуть заметный силуэт, размытая тень, скользящая между каплями дождя. Она молниеносно убила их сотоварища и обратила свой взор на них. Отступники перепугались, перезарядили оружие и ринулись за укрытия.

Я смотрел вперёд, на входные двери склада, и видел всё. Видел Отступников насквозь, слышал их мысли ещё до того, как они успели родиться в их головах, мог уловить мельчайшие чувства и переживания. Я ничего не слышал вокруг себя, кроме монотонного шума, но я чувствовал звук, каждое их слово вспыхивало в моей в голове ещё до того, как оно произносилось. Эта программа помогла мне слиться с Системой, стать с ней единым целым. Теперь все потоки информации, поступающие от мозга Отступника, сначала проходят сквозь меня, через мой разум, и только потом попадают в центр обработки Системы. Я видел каждое их движение наперёд, стоило им только подумать об этом. От каждого человека отделялась полупрозрачная белая тень, лёгкий невесомый образ, и сейчас он стремился к укрытию, перезаряжал автомат и начинал стрелять. Это то, что случится через секунду, но до этого момента у меня есть целая вечность. Я видел будущее до того, как оно наступит, и мог его изменить.

Я не заметил, как в моих руках оказался пистолет и отку-

да-то взялся запасной магазин, не помню, чтобы открывал Консоль, но меня мало заботили такие вопросы. Я вставил магазин в положенное ему место, задвинул пальцем откинутый затвор, и пошёл навстречу целой армии. Во весь рост, без страха, без сомнений, без боли. Единственное, что я чувствовал, – это непреодолимую волю уничтожить их всех до единого. Я уже забыл, как минуту назад изнывал от боли, не помнил про раздробленное плечо и что должен был умереть. Система спасла меня, поддержала, стала опорой и гнала вперёд, она хотела их смерти...

Дождинки медленно падали передо мной, почти зависая в воздухе. Я шёл сквозь них, и они дружелюбно садились на моё лицо, отлетали в сторону и продолжали своё цикличное падение. Отступники неспешно бежали по давно заготовленной траектории, нарисованной их собственным белым силуэтом, и даже не подозревали о том, что я знаю о каждом их шаге. Капельки кружились вокруг меня, приветствовали, они понимали, кто я, они знали, что сейчас я наполовину такое же порождение Системы, как они сами... они улыбались мне.

Я поднял ствол своего пистолета и наставил его на плывущих к своей смерти Отступников, но они увидели лишь, как дёрнулась чёрная тень, идущая на них. Дождь смотрел на меня с восхищением, он радовался, что теперь не одинок. Он шептал мне о чём-то, хотел рассказать, но я был глух к следам неба, мои уши застелил белый шум, и я не мог слышать

его мольбу. Я никогда не услышу его плач, не увижу горькие слёзы через свои подёрнутые молочной пеленой глаза... Выстрел! Рука дёрнулась от сильной отдачи, и пистолет выплюнул кусок свинцовой смерти, который сразу устремился к своей цели. Жертва не подозревала, что всё предрешено, что я вижу её судьбу, знаю, где она будет находиться в следующий миг и куда нужно стрелять. Мужчина с автоматом вскинул руки и рассыпался на кучу бесполезных кусочков. Новая цель, новый выстрел – и она также упала, не добежав до заветного укрытия. Я продолжал нажимать на спусковой крючок снова и снова, пистолет изрыгал новые порции смертельного огня, и с каждым выстрелом одно обречённое тело падало в грязь или рассыпалось, не долетая до земли.

Когда после очередного выстрела затвор пистолета в последний раз отбросило назад, я уже подошёл вплотную к укрытиям Отступников. В этот же момент из-за старого металлического ящика передо мной выскочил прозрачный силуэт с двумя пистолетами в руках и выстрелил в меня. Пока истинный хозяин белой тени медленно появлялся из-за укрытия, чтобы повторить задуманное, я отбросил пустое оружие в сторону, достал рукоять меча и активировал его. Отступник поднял две руки вперёд, выставил перед собой пистолеты и приготовился стрелять. Но быстрый взмах меча снизу прервал его планы. Его правая рука, крепко сжимающая пистолет, отделилась от тела в районе плеча, испустила потоки крови, смешивая её с дождём, и устремилась прочь

от своего бывшего хозяина. Меч сделал в воздухе разворот, снова вертикальный рассекающий удар – и вторая рука навсегда покинула Отступника, не успевшего осознать, что с ним произошло. В довершении я сделал оборот вокруг своей оси и одним ударом срубил его голову с плеч. Пока обезглавленное тело распадалось и исчезало из этого мира, я успел скользнуть в сторону и проткнуть ещё двух оставшихся в живых Отступников. Когда со всеми врагами снаружи было покончено и последний пал в безуспешных попытках зажать руками смертельную рану на животе, я обратил внимание на склад, где бесчинствовали остальные.

Я осмотрелся. Хотя бы на минуту в воздухе повисла благодатная тишина, заполняемая лишь равномерным шумом дождя и весело хлюпающей под ногами грязью. Нет, я не слышал этого, я знал. Теперь Кира в безопасности, но дело ещё не закончено. Я продолжал чувствовать и слышать их мысли, они там, внутри здания, и собираются бежать. Я не мог этого допустить. Я подошёл к ржавым дверям склада, положил на них руки и изо всех сил толкнул. Створки закрипели и отворились. Я сделал уверенный шаг, кровожадно сжимая зубы, но в этот момент меня настигла новая ослепительная вспышка света. Я зажмурился, попятился, пошатнулся и чуть не упал на землю, но смог устоять на ногах. Не в силах понять, что происходит, я встряхнул головой, пытаюсь прогнать гнетущее чувство, и снова направился к входу. Что со мной? Успев сделать ещё несколько шагов, я почувство-

вал, как невидимый тяжёлый молот ударил по моей голове. Я схватился за виски, невероятная боль пронзила всё тело, голова грозила взорваться от распирающего изнутри давления. Я закричал, насколько хватило сил, ввалился внутрь склада и прежде, чем мои ноги подкосились, успел заметить дюжину внимательных глаз, смотрящих на меня с толикой страха и удивления. Я мог их всех отключить, мне оставалось совсем чуть-чуть, мне бы хватило сил, но, увы, моё тело, разум, Система предала меня. Я повалился перед ними на колени, ощущая, как силы, ставшие для меня союзником, теперь стремятся разорвать меня на части. В груди сильно закололо, мышцы свело судорогой, а плечо снова отозвалось адской болью. Меня бросило в жар. Я выронил перед собой меч, не в силах его больше держать. Он немного прокатился по серому бетонному полу, клинок растворился, оставляя лежать одну рукоять. Время вернулось в своё обычное русло, я вновь услышал, как бешено колотится сердце в груди, а тело стало ватным и непослушным. Я склонился над бетонным полом, упёрся в него правой рукой и стиснул от боли зубы. Мне не хватило всего минуты, чтобы закончить начатое, но мой мозг больше не мог справляться с таким потоком информации, её было слишком много. Он начал умирать, сдаваться, нейроны в мозгу горели, как спички, и в своём предсмертном крике отдавались волной ужасной боли по всему телу. Я закашлялся, и изо рта закапала небольшая струйка крови, вычерчивая на бетонном полу предсмертный силу-

эт. Поток Системы разрывал меня на части, он беспощадно мстил за моё наглое вмешательство. В глазах снова помутилось, и теперь всё, что я мог различить, – это слабые очертания предметов на складе, горы разных коробок, деревянных ящиков, контейнеров вроде тех, за которыми мы прятались, а ещё неясные силуэты Отступников с оружием в руках, которые прятались за укрытиями. Слух частично вернулся ко мне, и, несмотря на остатки пронзительного шума в ушах, я уже мог различить голоса и звуки шагов. Они медлили, обсуждали меня и держались в стороне. Один из Отступников отделился от остальных и быстро подошёл ко мне. Он покружился, как коршун вокруг добычи, изучил меня, а потом вскинул пистолет и направил мне в лицо. Похоже, что это конец. Я смирился с тем, что мне уготовлено, и прекрасно знал, понимал, на что иду, это был мой личный выбор. Жалею только о том, что из-за моих необдуманных и экспрессивных действий пострадала Кира, меньше всего на свете я желал такого исхода. Я молил всех, кого можно, все известных и неизвестных мне богов, старых и новых, я молил судьбу, удачу, всю Вселенную прислать нам помощь быстрее, чем иссякнет последняя капля жизни у моей напарницы. А потом я просто закрыл глаза и отдался на волю судьбы.

– Нет! – рявкнул кто-то рядом со мной. – Я сам с ним разберусь!

Я открыл глаза. К тому Отступнику подошла ещё одна тень и опустила его оружие.

– Я должен его убить! Он положил столько наших... ты... ты видел, что он там натворил? Как ты можешь останавливать меня? Мне всё равно, что ты там говорил, этот Страж должен подохнуть! – возмутился мой несостоявшийся убийца.

Второй силуэт подошёл к нему вплотную и схватил за лацкан верхней одежды.

– Я сказал, что сам разберусь, ты меня понял?! – повелительно сказал мой временный спаситель и отшвырнул незадачливого подчинённого.

Мой несостоявшийся палач отправился вглубь склада, что-то сердито бурча себе под нос. Размазанный тёмный силуэт главаря этой шайки подошёл ко мне ближе, рассмотрел меня внимательно и поцокал языком.

– К тому же он и так уже мёртв, – сказал незнакомец своим подельникам и покачал головой. – Непомерные амбиции, тщеславие, излишняя самоуверенность – всё это приведёт службу Стражей к своей гибели. Один из них уже стоит перед нами на коленях и ждёт своей участи. Довольно иронично, не находите?

Мне не удавалось разглядеть его лица, но я смог понять, что на Отступнике был надет длинный тёмный плащ с накинутым на глаза капюшоном. Это был он – Кукольник, таинственный человек в капюшоне. Я понял это сразу, почувствовал всеми фибрами души, как только его силуэт замаячил перед моими глазами, но до последнего отказывался ве-

ритель. Может, это шестое чувство, а может, связь с Системой через мой сгорающий мозг пропала не до конца, но я точно знал, чья тень мелькала передо мной.

Силуэт нагнулся, поднял мой деактивированный меч и покрутил в руках.

– Какая красивая и смертоносная игрушка, – мечтательно сказал он, а потом снова со звоном бросил его на пол. – Но такая бесполезная для человечества.

Потом он немного задумался и снова посмотрел на меня.

– Какой же ты дурак, Страж, – очень спокойно и уверенно продолжил Кукольник. – Зачем ты использовал «Белый шум», к чему это самопожертвование? Чего ты добился своей смертью? Ты же знал, на что идёшь, знал, что эта программа спалит твой мозг. – Тень ткнула меня пальцем в лоб и назидательно толкнула голову. – И всё равно ты сделал это!

Я не мог ничего ответить, даже если бы захотел. Хотя у меня всё равно не было ответа на его вопрос. Я сделал это потому, что не мог поступить иначе, есть нечто больше и важнее, чем моя жизнь, ему не понять. Я издал только сдавленный кашель, выплёвывая сгустки крови. От лишних телодвижений снова стрельнуло в левом плече, и я рефлекторно схватился за него здоровой рукой.

– Хотя в чём-то я тебя понимаю. Самопожертвование – это так красиво, но так глупо, – продолжил он свою назидательную тираду. – Вот чего ты добился, скажи мне? И свою милую напарницу не спас, и себя загубил. Жертвенность ра-

ди высших идеалов – это великое счастье, Страж, но вся твоя страсть должна исходить не только отсюда, – он ткнул мне пальцем в грудь, а затем снова в лоб, – но и отсюда, и желательнее, чтобы второе главенствовало. Понимаешь... Палач, жизнь людей – это особая ценность, это дар, и его нужно беречь. Каждая жизнь бесконечно ценна. Представь себе, даже твоя.

Я поднял на Кукольника свои мутные, скрытые за молочной завесой глаза и посмотрел в его лицо, по крайней мере, в ту размытую кашу из оттенков, где оно должно находиться.

– Да-да, Страж, не удивляйся, ты тоже по-своему ценен и должен сыграть куда большую и более важную роль в этом театре абсурда. – Он развёл руки в стороны, показывая всё вокруг себя. – Запомни, никому не станет лучше от твоей смерти. Ты мог жить, мог сделать ещё кучу полезных и правильных дел, быть полезным обществу, но ты поступил иначе. Ты почему-то решил, что твоя жизнь принадлежит только тебе одному, ты распоряжаешься ею как своей личной собственностью ради каких-то мимолётных целей. Для чего ты убил себя? Ради кого? Ты думал, что это жертва была ради других? Нет, нет и ещё раз нет, Палач. Ты обычный эгоист, и эта жертва была только для себя любимого. Если бы ты истинно хотел служить Системе, народу, стремился сделать всё для их благополучия, то ты бы жил, берёг и ценил свою жизнь, чтобы как можно больше успеть сделать за отведённый тебе срок. Мёртвым ты никому не поможешь. Если и

стоит идти на подобный шаг, то только в совершенно безвыходной ситуации, но таких я пока не встречал.

Кукольник походил из стороны в сторону, потом присел напротив меня на корточки и посмотрел размытым взглядом в мои заплывшие предсмертной пеленой глаза.

– Скажу больше, когда есть это, – он снова ткнул пальцем в лоб, – то всегда можно найти решение любых проблем, не тратя человеческие жизни, в том числе и свою.

– Помоги мне... – почти беззвучно прошептал я.

Я не понимал, зачем произношу эти слова, зачем молю злейшего врага о помощи. Почему я вообще решил, что он может помочь? Возможно, мой разум повредился настолько, что я уже не контролировал себя, не понимал, что происходит вокруг, и был готов в любой момент потерять сознание и уйти в бессловесность.

– Что-что? Ты что-то хочешь мне сказать? – с интересом спросил Кукольник и придвинулся поближе.

– П-помоги... – прохрипел я, затем упал на правый локоть, склонился к полу и снова зашёлся в кашле.

– Помочь? Тебе? – искренне удивился Кукольник. – Посмотрите, кто-то тут передумал умирать? А как же самопожертвование?

– Нам пора, уходим! Мы взяли то, за чем пришли, – крикнул кто-то из глубины склада. – Скорее! Они уже здесь!

Кукольник нагнулся к моему уху и прошептал:

– Мы ещё встретимся...

Он положил руку мне на голову, сдавил с огромной силой, и я почувствовал, как шум в ушах начал быстро спадать, зрение обретало былые цвета и чёткость бытия, а тяжесть и давление внутри головы рассеивались, выпуская из своей смертельной хватки. Она уходила, Система покидала меня, оставляя наедине с Тьмой. Кукольник довольно хмыкнул, вскочил и убежал куда-то вслед за своими поделщиками. А я рухнул на пол не в силах больше держаться, перекатился на спину и устался в потолок. Лампочки, свисающие высокого потолка, мирно раскачивались, прощались со мной, дарили последние частички света, провожая в вечную Тьму. Я умирал, был уверен в этом и не знал, что сделал со мной Кукольник. Уже простился со светом, улыбнулся ему сквозь ускользающее в темноту сознание, и прежде, чем Тьма обхватила меня и увлекла за собой, я успел увидеть Зета. Он склонился надо мной со своим привычным угрюмым и бородатым выражением лица, обхватил руками, поднял с холодного бетонного пола и побежал к выходу, унося меня прочь.

* * *

Теперь я понимаю, почему людей тянет во Тьму, зачем они стремятся укрыться в ней, сбежать от жизни, почему большинство предпочитает жить во тьме невежества, в окружении сладких иллюзий и самообмана. Потому что это просто. Да, это невероятно легко – сдать Тьме, отдать ей на

откуп все свои идеалы и страхи, передать на попечение всю свою жизнь, оставив себе только иллюзорную, извращённую свободу. И быть свободным от всего: от мира вокруг, людей, любимых, даже от самого себя. Тьма заменяет собой всё, она вытесняет все смыслы и цели, саму тягу к жизни, а в обмен дарит необременительное и примитивное существование, избавление от физической боли и душевных терзаний.

Я тоже поддался этой Тьме и впервые был безгранично рад её присутствию. Я обнял её, наслаждался, лелеял и был счастлив, что вырвался из бесконечной череды забот и страданий. Я просто устал. Устал от вечной борьбы за жизнь, за своё будущее... нет, за наше будущее, устал от этой неутомимой и всепожирающей боли. Но она не только в израненном плече или побитой за длинный день виртуальной оболочке, она глубоко внутри, терзает меня, душит, я разрываюсь от противоречий. Это схватка с собственной совестью, петля, из которой невозможно выбраться. Я тот, кто я есть, со своими идеалами, принципами служения обществу и заботы о людях, любовь и беспощадность, наполняющие единый сосуд. Но что если они меняются местами, ненависть обращается сочувствием, а неприязнь пониманием? Что станет со мной как олицетворением этого идеала, когда он начнёт рушиться, явится в ином свете? Я вижу, как на глубине этого сосуда ещё теплится слабый огонёк сомнений, его не видно в крошечной Тьме, но я знаю, что он там, ждёт своего часа, чтобы из чуть тлеющего уголька в одночасье разгореться

в страшный пожар, который одним махом выжжет всю мою прежнюю сущность.

И вот я молю, кричу во Тьму, чтобы прекратить эту боль. Я не могу больше терпеть и день за днём медленно сгорать, умирать от кровоточащей раны внутри себя. Я знаю, из этой петли есть только два выхода, и каждый человек делает свой выбор. Можно сделать шаг вперёд, разжечь в себе этот огонь, выпустить его на волю и пусть он спалит вас, огненным вихрем пронесётся по всем уголкам души, уничтожит всё то, что приносит боль. Потом на этом пепелище вы постройте новый мир, возродитесь как новый человек и своей внутренней гармонией заразите всех вокруг, разжигая такой же огонь внутри каждого встречного. Но есть и второй путь – сделать шаг назад, обратно в свою иллюзорную пещеру, в свой мир кри-вых зеркал, отдаться Тьме, не думать больше об этих противоречиях. И она уймет ваши страдания, снимет все тяжёлые думы, она окунёт вас в безмолвие. Вы проживёте эту жизнь в своём собственном выдуманном мире, где нет места сомнениям, но зато всё станет наконец таким простым и ясным. Но, увы, подобный путь не для меня: это удел слабых духом, тех, кто привык сдаваться под напором любых обстоятельств. Нет, я не такой! Я решительно отринул лоно Тьмы, скинул невидимые оковы, уже успевшие обвить меня. Нет, не друг ты мне, а враг, и всегда им останешься! Я хочу видеть сны, жить полной жизнью, хочу очнуться, снова увидеть лицо Киры, её саркастическую улыбку, услышать её голос,

зовущий меня, я хочу на свет...

Шум вокруг меня нарастал. Я висел во Тьме, неспособный пошевелиться, я пытался вырваться из неё, но она проникала в каждую частичку моего тела, отравляла его своим жгучим ядом. Мне захотелось истошно закричать, но не получалось даже вздохнуть. И тут я увидел свет, белый крошечный огонёк вдали. Он горел так ярко, маняще и прекрасно, что я не мог отвести глаз. Потом я услышал шёпот и среди бесконечного шума в ушах начал различал человеческие голоса. Я не мог разобрать слов, но они плыли вокруг меня, а шёпот заполнял собой всё пространство, он рос, надвигаясь со всех сторон. Вместе с ним приближался и огонёк, становился всё ярче, ослепительнее и больше. Я попытался зажмуриться, но глаза не слушались меня, они смотрели на свет, болели, я не смог отвести взгляд. Шёпот звучал всё отчётливее, сквозь него прорезались звонкие голоса и задорный девичий смех, очень знакомый и родной, я слышал его уже столько раз. Это же...

– Кира?! – прокричал я, задыхаясь от Тьмы. – Кира!

Огромный шар света протянул ко мне острые лучи, обвил меня, словно щупальцами, а затем бросился в лицо, поглощая всю тьму вокруг. Свет был невероятно ярким, плотным, он окружал меня со всех сторон и больно обжигал глаза. Шёпот тем временем становился всё ближе, отчётливее, постепенно проступали всё новые голоса: громкий юношеский смех, разговоры, какие-то жаркие споры – вскоре это

всё превратилось в настоящий гул задорной толпы. Я чувствовал себя в центре большой и забавной компании, люди с радостью делились эмоциями, свежими сплетнями и просто веселились, как могли.

Постепенно яркий свет начал угасать, рассеиваться, из белого и плотного покрывала стали вырисовываться размытые контуры окружающей обстановки. Сначала я заметил перед собой стол: небольшой, гладкий, из коричневого лакированного дерева, а сверху чистый лист бумаги и обычная шариковая ручка. Ох, как давно я не видел этот древний и ныне позабытый инструмент. Несмотря на дотошное воспроизведение человеческого быта и повсеместное использование бумажных носителей, жители Системы оказались не готовы отказаться от удобств информационного века и виртуальных клавиатур, окончательно разучившись писать от руки. Даже у обычной человеческой лени оказались свои принципиальные границы. Если я правильно помню, в последний раз нас заставляли вручную записывать информацию в школе Стражей... да, точно, там всегда перед нами лежали лист бумаги и точно такая же ручка. Нам объясняли, что это помогает тренировать тонкую моторику пальцев, а вместе с ней чёткую работу мозга. Ох, весёлые это были времена, я помню этот стол, лист бумаги... Поймите, что происходит?!

Не успев испугаться своего вопроса, я внезапно почувствовал под собой жёсткий деревянный стул и вес собственного тела, всё вокруг начало обретать чёткие линии и ося-

заемую форму. Свет окончательно отступил, свернулся в несколько ярких шаров и уполз обратно на потолок, превратившись в яркие лампы над нашими головами. Подождите, но где я? Передо мной предстала просторная светлая комната с шероховатыми бледно-зелёными стенами, немного потёртыми и избитыми временем, в чьём матовом блеске отразилась вся давняя и благородная история данного места. С одной стороны зала находилась небольшая возвышенность, похожая на невысокую сцену в любительском театре, и длинная, во всю стену, белая пластиковая доска, исписанная чёрным маркером. С краю импровизированной сцены стояли старый потёртый деревянный стол, небольшой стульчик, а прямо по центру – кафедра для выступлений. Чем-то это разительно напоминало наш совещательный зал в башне Стражей, где я был совсем недавно, только здесь всё было как-то иначе: другой дух, другие люди и цели, а также смысл существования всего этого. Наш зал был призван создать рабочую атмосферу, породить собранность и определённый настрой у всех присутствующих, а эта комната вызывала совсем иные чувства, немного странные, давно забытые. Что-то очень радостное связывает меня с этим местом, чувство причастности к чему-то великому, счастье быть значимым, полезным, здесь я ощущал себя как дома. Необыкновенные эмоции переполняли меня, я вернулся туда, где всё началось, где я стал самим собой и моя мечта исполнилась. Я никогда не смогу его забыть.

Я попытался осмотреться, но не смог. Хотел повернуть голову, развернуться на месте, поднять хотя бы руку, но тело меня не слушалось, не подчинялось моим желаниям, оно жило своей жизнью. Я всё видел, слышал, ощущал, но не мог контролировать свои движения, я оказался безучастным наблюдателем, запертым внутри собственного тела. Я, или скорее моя оболочка, сидела прямо, строго смотря вперёд, никуда не поворачивалась, ни с кем не разговаривала, а только смотрела застывшим взглядом на сцену и как будто чего-то ждала. Я чувствовал, с каким нетерпением и предвкушением она ожидала какое-то очень важное для неё событие, то, чего она... я ждал уже долгое время, о чём мечтал бессонными ночами – и вот, наконец, оно должно свершиться.

Несмотря на тюремное заключение внутри собственного тела, мне удалось рассмотреть небольшую часть зала, окружавшего меня. От сцены передо мной начинались и уходили вглубь помещения три длинных ряда деревянных столов, они шли очень близко друг за другом, и каждый был занят одним человеком. На стенах часто встречались незатейливые бра, которые дополнительно освещали помещение и задавали более уютную обстановку для всех присутствующих. Тем более льняные зеленоватые плафоны, накинутае поверх торчащих из стены светильников, придавали этому месту особый, чарующий оттенок. Народу вокруг оказалось очень много: парни, девушки, все очень молоды, подвижны, с бурлящей в крови жизнью, они свободно раскинулись за своими

столами и что-то живо обсуждали, смеялись, жарко спорили и даже ругались. Я сидел почти в самом начале среднего ряда столов, за вторым по счёту от сцены, и ни с кем не разговаривал, ни на кого не обращал внимания. В тот момент я был уверен, что ни для кого в этом зале не существую. Я старался быть максимально неприметным, сосредоточенным и тихим, тогда меня заботило лишь одно – исполнить свою мечту.

Позади меня послышался тонкий девичий смех, совсем ещё молодой, чистый и невинный, он так задорно звучал, как, наверное, больше никогда. После Отречения он изменился навсегда. Несомненно, я узнал его: это была Кира, но здесь она ещё совсем юная, не такая чёрствая. Мы столько времени провели вместе, что её голос я узнаю из миллиона других. Её смех снова прозвучал где-то в глубине зала, но я не мог повернуться, чтобы посмотреть на неё, моё альтер эго ещё не подозревало об её существовании и что его ждёт в будущем. Боже, только сейчас я понял, что не могу разглядеть людей в этом зале: я напрягал глаза, пытался сфокусироваться на одной точке, но стоило мне посмотреть в чьё-то лицо, как оно расплывалось, искажалось, а взгляд сам собой уходил в сторону, будто подчиняясь чей-то злой воле. Почему у них размыты лица? Что это значит?

Но я вспомнил это место и никогда бы не смог забыть. Столько приятных воспоминаний и надежд было связано с ним, столько событий, навсегда изменивших мою жизнь. Безусловно, это была она – школа Стражей. Я хорошо помню

тот день, как будто это было вчера. Я пришёл в этот зал на свою первую лекцию, с нестерпимым желанием стать Стражем, и помню, с каким невероятным вожделением и трепетом ждал начала обучения. Тогда я больше ни о чём другом не мог думать. Меня выбрали из многих претендентов, признали способным, и я хотел стать самым лучшим, стать Палачом, ведь это элита Стражей, почётная должность, на которой можно сполна ощутить свою причастность к великим делам, стать защитником для всего народа Системы. Без сомнений, это был лучший день в моей жизни, и именно таким я его запомнил.

Но что я здесь делаю? Это сон? Или я умер и нахожусь в предсмертном бреде? Я слышал, когда человек умирает, перед его глазами проносится вся жизнь. Но почему моя жизнь началась отсюда, с первого дня в школе Стражей, а как же моё детство, взросление, мои родители? А-а-а, как же больно! Что со мной? Как только я пытаюсь вспомнить что-то о своём прошлом, о семье или о том, как попал в школу Стражей, мою голову сразу же пронзает раскалённой иглой, приходит адская, нестерпимая боль. Я хотел схватиться за голову, но не мог, моё тело продолжало жить своей жизнью, оно исполняло программу давно ушедших дней, продвигаясь по следам далёкого прошлого, и никогда не позволит свернуть с этой дороги. Моё прошлое оказалось под запретом, закрыто на тысячу замков. Моя семья, детские воспоминания и жизнь до школы были похоронены в угоду долгу,

стёрты после процедуры Отречения, и любая попытка что-то вспомнить приводила к жгучей и невыносимой головной боли. Именно поэтому я не вижу лиц других учеников, они стёрты из моей памяти, забыты, выкинуты на обочину истории. Они неудачники, что не смогли пройти серьёзные испытания школы Стражей и оказались недостойны даже того, чтобы о них помнили. Хотя в этом мало удивительного по тому, что я увидел в тот день: их безалаберное и несерьёзное отношение к этому месту, неуважение к миссии, что на них возложена, – всё это закономерно привело к печальному результату. Ищейками становятся лучшие из лучших, считанные единицы, а Палачами – только избранные ученики, кем я и вознамерился тогда стать.

Неприметная деревянная дверь слева от сцены протяжно закрипела, осторожно отворилась, и в зал вошёл коренастый старик в толстом симпатичном свитере из белой комковатой шерсти и в плотных грязно-коричневых брюках. Несмотря на свой почтенный возраст, он прытко забрался на сцену и в целом производил приятное впечатление. Он выглядел очень статно, представительно, а выправка выдавала в нём бывшего Стража. В нём ярко ощущались большой опыт служения Системе, участие в куче операций, и наверняка он прошёл столько испытаний и лишений в своей жизни, о которых нам ещё только предстояло узнать. Его лицо, как ни странно, мне удалось разглядеть и вспомнить. Так же, как и Шолохов, он происходил из Стражей старой закал-

ки, был одним из первых, кто обязался защищать нашу Систему, и уже много повидал на своём веку. После отстранения от службы по состоянию здоровья ему, вероятно, предложили должность в школе Стражей, не слишком пыльную работу, где ему пришлось учить молодняк всем премудростям служения обществу на своём личном примере. Его лицо уже давно покрыли морщины, щёки опустились, а на голове почти не осталось волос. Только по бокам сияли прилежно прилизанные остатки былой шевелюры, которые лишь подчёркивали огромную блестящую плешь на макушке. Старичок гордо прошагал до кафедры, где несколько раз громко и наигранно покашлял. Его хрипы громогласно пронеслись по всему залу, отскочив от стен. Вероятно, здесь применялась та же система усиления голоса выступающего, как и в нашей совещательной комнате. Молодёжь вокруг меня мгновенно замолчала, расселась по своим местам и с восторженными взглядами прилипла к сцене. Престарелый Страж внимательно посмотрел на всех присутствующих, разочарованно покачал головой и что-то пробубнил себе под нос.

– Приветствую всех собравшихся! Можете звать меня просто Наставник! – грозным и хорошо поставленным командирским тоном начал он. – Это первое, что вы должны усвоить, зайдя в эти двери, и первое, от чего отказаться. Ваше имя. Сделав шаг за порог школы Стражей, вы отреклись от самих себя и от своего прошлого. Вас больше не существует для мира, в котором вы выросли, а ваше имя – это

первый шаг отказа от собственного Я в пользу служения обществу и нашей общей цели. Вам выпала великая честь находиться в этом зале, сидеть за этими столами и вдыхать славную историю этих стен. Больше века выходцы нашей школы стоят на службе Системы, оберегают спокойствие и жизнь каждого гражданина нашего великого города. Мы стражи пути, ведущего всех нас в счастливое будущее. Мы – гаранты того, что это будущее когда-нибудь наступит, что свершится наша заветная мечта о лучшем мире. Стражи обязались нести это бремя на своих плечах, и поэтому в наши ряды попадают только самые лучшие, самые смелые и отчаянные люди, все те, кто готовы отдать жизнь во благо всего общества. Вы думаете, что это всё детская игра? Нет, служба в наших рядах – это не привилегия и не даёт никаких прав или преимуществ, это работа, тяжёлый каждодневный труд, это обязанность и долг каждого из вас. Но чаще всего это невыносимая ноша и ответственность.

Наставник снова оценил всех взглядом, сделал грозный прищур и затем указал на присутствующих пальцем.

– Поэтому, никто из вас не станет Стражем, и меня это сильно огорчает. Я видел, как вы себя ведёте, о чём говорите и что из себя представляете. Вы слишком слабохарактерны, глупы и нерешительны, чтобы служить Системе. Для вас это какая-то несерьёзная и глупая игра. Вы здесь только потому, что это круто, престижно, здорово. Ведь именно так вы считаете? Неразумные дети. В вас полно пустого и ложного

романтизма, вы ищете себя, своё место в этом мире и не готовы стать Стражами, не готовы нести это бремя до конца жизни. Ведь в ваших руках будет судьба всего человеческого рода, наше будущее... наша мечта. Такие, как вы, способны только уничтожать, берётесь за сто дел сразу и так же быстро теряете ко всему интерес. Одного желания мало, поверьте мне. Вот смотрю в ваши глаза – и что я вижу? Наивное, детское, слепое желание показать себя, возвыситься в глазах других, добиться чего-то в жизни, но вы пришли не по адресу. Ищите себя в другом месте, в ином призвании. Здесь нужны люди, кто несёт в сердце идею, свою личную мечту, те, для кого быть Стражем – это не цель, не стремление получить какие-то блага или выгоду, не эгоистичные притязания на должность, здесь должен гореть огонь. Вы этого не поймёте. Чтобы нести свет и освещать путь людям, нужно для начала разжечь его внутри себя, и он должен гореть не только в сердце, как у многих из вас под порывами юношеского максимализма, но и в голове, в вашем разуме. Вы должны осознавать себя в этом мире, свою цель, великое предназначение, стремиться разжечь в себе этот огонь – и только тогда вы способны стать настоящим стражем человеческой мечты. Пока я ни у кого не вижу хотя бы искорки в глазах. – Престарелый Страж поймал мой взгляд и запнулся: – Может, у пары человек, не более, но даже так это пока ещё тускло горящий уголёк, который можно попытаться разжечь в очищающее пламя. К моему превеликому сожалению, осталь-

ные не более чем шум, бестолковый и бесполезный, он только мешает выискивать настоящих Стражей. Чем дальше, тем больше я вижу этого шума перед моими глазами, всё тяжелее найти подлинный огонь в умах и сердцах людей, и это меня очень печалит. Люди забыли, зачем они здесь...

Наставник замолчал, опустил голову и на время затих. В это время в зале раздался очень тихий, осторожный, но всё-таки возмущённый ропот. Я же продолжал смирно сидеть и почти неотрывно следить за сценой. Я помню, как меня глубоко тронули слова Наставника, именно тогда я окончательно понял, что это моя судьба.

– И всё же... – прервал молчание мужчина в забавном свитере и посмотрел в зал уже более спокойным взглядом. – Я здесь не для того, чтобы запугивать новых учеников, я должен прочитать вводную лекцию, познакомить с нашей историей и дать краткую справку по всему, с чем вам придётся столкнуться. Обидно, что почти всех вас скоро отчислят и сотрут вам память. Вы забудете всё, о чём я буду рассказывать, но такова моя обязанность – начнём!

Мужчина покряхтел, освобождая заложившее от продолжительной речи горло, набрал полную грудь воздуха и продолжил:

– Сегодня мы с вами должны ответить на три вопроса: где мы находимся, кто мы такие и зачем мы здесь? Сначала я расскажу вам о Системе, как она образовалась и краткую историю её становления. Некоторые из вас, возможно, услы-

шат это впервые. Сейчас уже не принято касаться вопросов истории, вспоминать мир, из которого мы пришли. Мы так яростно и без оглядки бежим от своего прошлого, что сама история оказалась в обществе под запретом. Но мы с вами всегда должны помнить, откуда пришли и куда стремимся. . .

– Мужчина сделал небольшую паузу, захватывая внимание слушателей. – Люди издавна мечтали о лучшем мире. О мире без войн, террора и насилия, чтобы их дети никогда бы не поняли смысла слов: «жестокость», «убийство», «предательство». Неимоверное стремление ломало традиции прошлого, и люди уходили, шли туда, где, возможно, ещё теплится надежда на новую жизнь, жизнь без страха, полную смыслов и мечтаний, наполненную простым человеческим счастьем и теплом, так приятно согревающим душу. Люди освободились от греховных пут прошлого и шли вперёд, освещая себе дорогу в будущее. Человечество снова и снова повторяло бесплодные попытки хоть немного приблизиться к своей мечте. Люди уходили с насиженных мест, основывали новые города, новые страны, начинали новую жизнь. Так приятно было начинать жить заново – исследовать, познавать, учиться. Вся судьба лежала на ладони, вот она, как чистый тетрадный лист, и ты можешь написать всё заново, как тебе того хочется. Но из самых дальних, тёмных и страшных уголков души человека со временем прорывалось всё самое ужасное, что есть в людях: эгоизм, пренебрежение и безразличие, всё то, что таится в душе каждого из нас. Но не все

способны сдерживать своих внутренних монстров. Ужас и страх постепенно наполняли воздух, и тьма вгрызалась в этот чистый, девственный и незапятнанный преступностью мирок, причиняя его обитателям невероятные страдания. Со временем люди вживались в этот новый пугающий мир, теряли последние остатки человечности, что у них оставались. Но приходит время, и они понимают, что дальше так жить нельзя, нужно снова собирать остатки людей, в ком ещё сохранилось что-то светлое и доброе, и идти, начинать всё сначала, переосмыслить и, возможно, создать новый, более лучший мир, который продержится гораздо дольше, чем предыдущий. XX и XXI века выдались особенно тяжёлыми для человечества. Один кровавый конфликт за другим очень быстро и методично уносили жизни миллионов, разрушая людей физически и разлагая морально. Люди постепенно превращались в эгоистичных, безнравственных и безразличных к другим и их судьбам существ, разрушая и подтачивая любое общество. Именно эти причины вбивают последние гвозди в крышку гроба целых народов и цивилизаций. К концу XXI века большинство народонаселения Земли превратилось в убийц, террористов и просто психопатов. Ни армия, ни полиция уже не могли справиться с ситуацией, им оставалось только спасать остатки ещё не одичавших людей и скрываться в убежищах и специально отгороженных зонах. А затем смиренно наблюдать, как обезумевшее стадо, когда-то называющее себя людьми, истребляет друг друга, разрушает города

и ведёт свой мир к гибели. С тыла тем временем подбирался новый враг, не ведающий ни страха, ни жалости, без эмоций и сожалений. Мстительное создание, созданное самим человеком, его пренебрежением не только к себе, но и окружающей среде. Тысячелетиями человечество издевалось над природой – отравляло, душило, насилывало и терзало, оставляя после себя выжженную землю, мёртвую зону без растений и животных, огромную кровоточащую рану на теле матери, которая взрастила и обеспечила всем необходимым всё живое на нашей планете. Природа оказалась предана и истерзана своим любимым созданием – человеком, тем, кого она любила больше всех, растила самым сильным и умным, кому прощала все ошибки и позволяла многое, что не доступно другим живым существам. Но теперь уничтожено всё, что она любила, всё, что было создано за миллиарды лет, и человек должен заплатить за это Природные катаклизмы, ураганы, цунами и землетрясения окончательно обескровили и без того быстро вымирающее человечество. Оно искало выход из этой ситуации, стремилось убежать от реальности, скрыться от бесконечной боли и страданий, оно мечтало создать новый мир, построить его с нуля, начать всё заново и попытаться вновь без стыда носить своё гордое звание Человека. И тогда родилась великая Мечта! Мечта о новом мире без насилия и войн, где нет места преступности, а все люди будут жить в равенстве и гармонии друг с другом, где они воплотят, наконец, мечту всего человечества.

Тогда появилась идея Системы, как замкнутой макросоциальной среды, где будут строгие законы, беспрекословность их исполнения и суровое наказание всем отступившим от того негласного социального договора, заключённого между счастливыми строителями нашего с вами общей мечты. Был собран консилиум умнейших людей планеты из всех, кто остался, сохранил разум и не подвергся тлетворному влиянию нового преступного порядка. Три года они разрабатывали проект нового мира, спорили, предлагали варианты, выдвигали различные идеи от простых до совсем безумных. В это время среди людей всё больше набирало популярность такое явление, как блоки виртуальной реальности, их ещё называли саркофагами, по вполне объяснимым причинам. Первые блоки были совсем простые по своей конструкции и действительно оказались похожи на саркофаги. В народе их ещё в шутку прозвали гробами, но самое страшное, что зачастую эта шутка превращалась в трагическую действительность. Такой блок представлял собой горизонтальную капсулу с прозрачной крышкой, куда ложился человек, и через специально вживлённые хирургическим методом каналы она подключалась напрямую к мозгу пользователя. Блок виртуальной реальности полностью подчинял себе центральную нервную систему, управлял ею, перехватывал сигналы, идущие к мозгу, а также мог направлять свои, что открыло для программистов безграничные возможности. Создавались целые миры: фантастические, экзотические, идеаль-

ные вселенные для каждого. Там люди были счастливы, они становились кузнецами своих судеб и ковали мир по своим правилам. Там они скрывались от всех ужасов реальной действительности, погружались в сладкий сон в окружении собственноручно созданных иллюзий. Только так они могли забыть о том, что творилось за границами их фантазий и за стенами саркофага. Люди всё чаще пропадали в фальшивом мире, заменяли все тяготы настоящей жизни, лишая себя сна и отдыха, забывая вовремя есть и пить. Они проводили всё время там, подключённые к машине, лишь бы не возвращаться обратно в жестокую реальность. К сожалению, первые модели таких блоков оказались не способны воспроизвести и обработать все сигналы человеческого мозга. За бортом технологических способностей этой машины оказались такие важные функции, как оповещение человека о необходимости приёма пищи и воды. Сами блоки были непригодны для длительного пребывания, остались лишь игрушками, опиумом для истерзанного разума. Подсаживаясь на них, люди теряли не только остатки разума, но и собственные жизни. Попав в плен иллюзий, человек переставал испытывать любые потребности, а некоторые настолько сильно сливались с машинами и привыкали к новому способу существования, что теряли чувство времени и вскоре погибали от обезвоживания.

Наставник печально развёл руками, откашлялся и снова осмотрел всех присутствующих, внимательно наблюдая

за реакцией слушателей. В зале царило гробовое молчание, все сидели неподвижно, не издавая ни единого звука. Его речь, интонации исходили от самого сердца, они гипнотически воздействовали на людей, заставляя их внимать каждому слову. Некоторые сидели широко раскрыв рты и боялись даже дышать, настолько его искренний рассказ пленял и очаровывал их открытые умы. Наставник оказался прирождённым оратором.

– Но блоки виртуальной реальности продолжили развиваться и совершенствоваться, – с удвоенным энтузиазмом продолжил Наставник. – Всё более широкий спектр сигналов от центральной нервной системы удавалось перехватить, обработать и правильно синтезировать, всё сильнее приближая иллюзорный мир к настоящему. Со временем люди начали теряться, забывать, где реальность, а где вымысел, красивый, но фальшивый мир. Развитие самих блоков, позже названных капсулами, также не стояло на месте. После того как остро встала проблема с продолжительностью пребывания человека в виртуальной реальности, в капсулы было внедрено множество нововведений. Так появились: автоматическая система подачи питательной смеси и отвода отходов жизнедеятельности, контроль состояния организма, его показателей, контроль над активностью мозга, принудительный ввод организма в состояние сна и многое другое. Это неполный список усовершенствований, которым подверглись капсулы виртуальной реальности за короткий про-

межуток времени. Впоследствии это привело к полному отречению части человечества от реального мира. Теперь не было нужды покидать свой счастливый придуманный мир и возвращаться в ту выжженную пустыню, в которую превратилась Земля за тысячи лет бесконечных издевательств и паразитирования на её поверхности. В итоге всё человечество поделилось на две части. Одни больше не желали жить среди этого кошмара, а другие приспособились к такой жизни, одичали и превратились, по сути, в обезумевших животных, понимающих и подчиняющихся только закону грубой силы. Такой расклад грозил полному вымиранию остатков человечества и бесследному, я бы даже сказал бесславному, растворению его в потоке времён.

Наставник на минуту замолчал и о чём-то задумался.

– И тогда появилась наша Система? – спросил какой-то любопытный парень позади меня, не выдержавший томительного ожидания конца этой истории.

– Да, именно так, – с грустью в голосе ответил Наставник и как-то очень тяжело вздохнул. – Именно так появилась идея Системы в том виде, в котором мы с вами живём по сей день. После долгих раздумий совет умнейших людей планеты пришёл к решению, что новый мир без боли и страданий, без преступности и страха, где люди смогут начать всё сначала и попытаются вновь построить рай на Земле, будет воздвигнут не в этом мире, истощённом войнами, катаклизмами и умирающем на наших глазах, он будет построен здесь... –

Мужчина сделал небольшую театральную паузу и приложил указательный палец к виску. – В голове, в нашем собственном сознании. То, что не удавалось веками сделать в реальности, мы решили воплотить в мире своих мыслей и фантазий, там, где мы и так любим постоянно прятаться от всех ужасов реального мира. Так родилась в умах людей мечта о лучшем мире, справедливом, счастливом, свободном, о лучшем месте для наших детей и будущих поколений. Тогда в нас впервые загорелся огонь, истинное и жгучее пламя великих свершений. Люди, ведомые одной лишь страстью, возвели огромный подземный комплекс далеко от очагов цивилизации, посреди бесплодной пустыни. Это было огромное сооружение, построенное в расчёте на несколько миллионов человек, которые укроются под землёй и спасут всё человечество, свой род, пронесут его сквозь тягостные времена и оградят от полного забвения. Глубоко в недрах этого комплекса построили самый большой из всех известных блоков виртуальной реальности. Огромная самообучающаяся машина, призванная соединить в себе всех подключённых к ней людей, миллионы индивидуальных информационных потоков человеческого сознания, которые слились в одну обширную нейронную сеть. Были затрачены колоссальные материальные средства и умственные силы, чтобы создать самую передовую из всех существующих капсул поддержания жизни, где человек мог бы прожить целую жизнь, ни разу не покидая её пределов. Этот автономный модуль поддержания

жизни следил за состоянием организма, поддерживал его в надлежащей форме и обеспечивал бесперебойную связь тела с центральным блоком виртуальной реальности. И вот, когда комплекс начал работу, было отобрано больше миллиона человек, самых лучших, умных и честных, тех, кто искренне мечтал покончить с ужасом существующей действительности, в чьих сердцах и умах горел истинный огонь, кто готов был отдать целую жизнь на построение нового, совершенного общества. Эти люди отринули своё прошлое, чтобы воссиять новой зарёй на склоне человечества. Они спустились под землю, оградилась от всего остального мира и легли в капсулы с великой надеждой, преисполняющей их сердца.

Наставник понизил голос, широко развёл руки в стороны и очень таинственно прошептал:

– Они построили Систему! Всё, что вы видите вокруг себя, чувствуете, каждое движение, все ощущения и весь мир перед вашими глазами построены знаменитыми предками, которые хотели всего лишь жить и дать жизнь своим детям. Каждый день, ежечасно они трудились над тем, чтобы построить наш город, строчка за строчкой они прописывали законы этого мира, разрабатывали модели нового общества. Они стали богами нового мира и строили его по образу и подобию настоящего, они стремились создать максимально подробную и неотличимую копию реальности, оставшуюся за границами нашего сознания, но откуда искоренено всё самое плохое, что создало человечество. Его возводили по ле-

калам погибшей природы, ведь для будущих поколений он должен стать вторым домом. Место, где, наконец, сбываются все надежды и мечты.

Наставник неожиданно замолчал и взгляделся в зал. Молодёжь вокруг притихла и боялась вставить хоть слово. Но вскоре всё тот же паренёк позади меня не выдержал:

– Так, а что стало с теми, кого не подключили к Системе?

– Они умерли, – кратко и безразлично отрезал Наставник.

– Все?! – ошеломлённо переспросил парень.

– Кто не погиб физически, тот умер как человек, если вам так угодно. Что будет, если одичавшего и голодного зверя оставить без присмотра? Правильно, он перегрызёт всех вокруг. Мы ушли и сняли последние цепи с умирающего человечества, последние сдерживающие факторы, не позволяющие этому зверю окончательно вырваться из клетки и начать бесчинствовать на улицах городов. Люди бесповоротно одичали, устроили кровавую междоусобную войну, перерезали друг другу глотки в борьбе за добычу, впадая в бесконечный мародёрский раж. Остатки сбились в банды и окончили свой путь в развитии человеческого общества на обочине истории, катастрофическими темпами падая обратно в первобытность и потихоньку уничтожая друг друга.

Отпечаток всеобщей грусти отразился на лицах всех присутствующих в зале, кто-то даже громко и тяжело охнул от досады. Наставник посмотрел по сторонам, убедился, что вопросов больше не последует, откашлялся как следует и про-

должил:

– К вопросу архитектуры нашей Системы мы ещё вернёмся. Повторюсь, это всего лишь общая, обзорная лекция, поэтому мы пробежимся по всему очень поверхностно и коротко. Теперь перейдём ко второму вопросу нашей повестки, а именно: «Кто мы?». На этот вопрос мне ответить гораздо легче, чем перечислять все ужасы прошлого, приведшие нас сюда. Как я уже сказал ранее, этот мир, наша Система задумывалась и построена как самое справедливое и безопасное место во всей истории человечества, здесь каждый гражданин станет по-настоящему счастливым и довольным своей жизнью. Но вы, должно быть, спрашиваете себя: «Как такого добиться? Как создать общество, где не будет места преступности и человеческой жестокости? Как вообще решить данную дилемму, если ответ на неё не смогли найти за всю историю нашего существования?» Мы уверены, что нашли ответы на данные вопросы. Давайте для начала спросим себя, что толкает человека на преступление, что движет им в этот момент, зачем он использует насилие как аргумент во взаимоотношениях с другими людьми? Откуда вообще в нём жажда насилия? Ответ на этот вопрос кроется в одном простом слове – «страх»! Да, он самый, обычный человеческий страх. Но откуда он возник, какова его природа, суть? Страх бывает разный, это свойство по природе присуще человеческой натуре, оно помогает ему выжить, избегать опасностей, сохранить себя как можно дольше, будь то страх вы-

соты, воды, тесных помещений или острых предметов. Всё это является частью одного-единственного и главного страха человека, из которого проистекают все остальные, – страха смерти. Человек пойдёт на всё, на любые поступки, лишь бы избежать близкой смерти, он как зверь, загнанный в угол, начнёт кусаться, независимо от того, насколько был тихим и мирным на протяжении всей своей жизни. Но нас интересует только одна производная основного страха, которая не даёт обществу обрести покой и стабильность, – мы говорим о страхе перед обществом, перед каждым отдельным человеком. Когда любой индивид, кто повстречается на вашем пути, будь то сосед, знакомый или даже друг, может в одночасье стать врагом или предателем, способным в любой момент воткнуть нож в спину, вот тогда и рождается страх. Именно из бесконечного недоверия к близким, к самому роду человеческому, из постоянного страха предательства, обмана, угрозы жизни проистекает вся эта разлагающая напряжённость внутри каждого из нас, из-за чего мы становимся нервознее, злее и подозрительнее. Когда каждый шаг навстречу кажется выпадом в ваш адрес, когда пружина внутри сжимается всё сильнее с каждым чужим словом и готова выстрелить в любой момент, чтобы ответить «обидчику», то рано или поздно любой человек срывается и катится по наклонной. «Но как же этого избежать?» – спросите вы. Для этого нам придётся заглянуть в истоки этого страха, найти его корень, понять, в какой момент времени он появляется и когда это зерно про-

растает внутри человека, отравляя всю последующую жизнь. Эта социофобия культивируется и взращивается в течение всей жизни, с самого детства. Когда ребёнок наблюдает за тем, как ругаются его родители или выплёскивают весь негатив на него, или даже бьют, то каждое, даже самое маленькое проявление насилия, откладывается в сознании человека и накапливается там годами. Оно выступает катализатором для возникновения собственной негативной энергии, страха за свою жизнь, здоровье, будущее и в конечном итоге выливается в такое же насилие по отношению к другим. Этот круг замыкается, образуя бесконечный цикл социального ужаса, от которого мы бежим всю историю, но каждый раз лишь натываемся на новый виток. Негативная энергия пожирает человека и всех вокруг, отравляет его, уничтожает в нём всё разумное, доброе, вечное и не остановится, пока не останутся только озлобленные, бездуховные и морально пустые оболочки, новый вид озверевших животных, который в результате уничтожит сам себя. Поймите главное: каждое проявление насилия, что видит человек в течение всей жизни, даже самое малое, пустяковое, непременно отложится в его сознании. Он запомнит на всю жизнь, что ближайший человек может сделать больно, он потенциальная угроза здоровью и его хоть немного, но нужно остерегаться, быть начеку. Капля за каплей, этот яд способен отравить весь сосуд, превращая его в мину замедленного действия, которая может рвануть в любой момент и обернуться для всех настоящим кошмаром.

Наставник запнулся, пожевал губами и немного призадумался, посмотрел на яркие лампы над головой и прищурился от напорающего потока света. Я заметил, что эта история невероятно близка ему, он с таким вдохновением рассказывал о событиях прошлого, смотрел в зал ярко горящими глазами, ловил чужие восхищённые взгляды, но потом в его интонациях обнаруживались нотки явного разочарования и сожаления. Но тогда мне так не казалось. Я слушал с упоением, жадно впитывал каждое слово и не обращал внимания на подобные детали.

– Теперь мы подошли к нашему основному вопросу. – Наставник оставил созерцание ламп, свои думы и снова обратился в зал. – Я даже скажу больше, я одновременно отвечаю на оба оставшихся вопроса нашей встречи: «Кто мы и зачем мы здесь?». Когда мы отбирали людей, тех, кто будет строить новый мир, мы не питали никаких иллюзий, что все они будут кристально честными и безгрешными. Такого не бывает, ведь все мы люди. Тем более следует учитывать среду, долгие годы психоэмоционального ада, в котором мы жили, – это сломало многих, если не всех. Тогда мы были бесконечно далеки от совершенства и не обладали ничем, кроме жгучего желания что-то изменить, сломать старые смердящие устои. Но самое главное – это наличие желания и чистых порывов души, не так ли? Мы понимали, что нам не дожить до счастливого будущего и не суждено увидеть нашу Мечту, но это неважно. Всё, чего мы хотели, чтобы наши дети, внуки

и правнуки застали время, когда они смогут жить в гармонии с самими собой и окружающими. Но для этого их нужно оградить от главного страха, всеми силами препятствовать прорастанию этого зерна недоверия, злобы, что неизбежно толкает людей на преступления. Наша служба явилась лучшим ответом на новый вызов времени. Главной целью Стражей стала защита спокойствия людей. Всеми силами мы пытаемся оградить их от любого негатива, и тогда с каждым новым поколением в людях будет накапливаться всё меньше и меньше негативной энергии, пока в один прекрасный момент она окончательно не исчезнет. Тогда служба Стражей окажется больше не нужна, а наш долг будет исполнен. Но это перспектива далёкого будущего, а пока наша с вами задача это будущее как можно скорее приблизить. Вы должны понимать и осознавать, какая ответственность ляжет на ваши плечи, и сквозь талую вуаль времён на вас с надеждой будут смотреть все наши предки. Хотя их уже нет с нами, и они никогда не увидят воплощение тех счастливых дней, но этот мир – их великий дар и наследие, а эта служба... – Наставник развернулся и указал пальцем на нарисованный на доске символ Стражей. – Это всё, что у нас есть, единственная преграда на пути нашего полного забвения и последний шанс для человечества.

– Простите, – позвал всё тот же любопытный паренёк позади меня. – Но что значит этот символ?

– Это символ Стражей, четыре буквы С, соединённые и

сплочённые в единое целое, чем-то напоминает листок четырёхлистного клевера, по приданиям приносящего удачу. Чем же мы похожи? Не все уверены, что он существует на самом деле, но все верят в него как символ чего-то хорошего. Вот и с нами так же. К сожалению, мы вынуждены скрываться от народа, не афишировать широко нашу деятельность, поскольку, по иронии, сами являемся источником насилия. Но мы осознанно выбрали этот путь и готовы принести себя в жертву ради будущего всего человечества.

– И всё же, господин Наставник, что означают эти буквы?

– Это просто аббревиатура, означающая «Скрытая Служба Стражей Системы», но для вас, молодой человек, она должна означать только одно: «Смелость, Стойкость, Скорость, Сила» и прочие замечательные достоинства будущего Стража, которые вы непременно должны проявить, чтобы окончить обучение.

Тут моё альтер эго из прошлого не выдержало и в запале небывалой радости от всего происходящего громко воскликнуло:

– Я бы лучше назвал нас Стражами Мечты, ведь именно её мы призваны защищать?

Наставник резко повернулся и уставился на меня с восхищением. В зале раздался сдержанный смех.

– Зря смеётесь, – подметил он. – Весьма тонкое и точное замечание, вот только Система и наша мечта неразрывно связаны и не существуют друг без друга. Молодой человек,

не подскажите, как вас зовут? Ну же, не стесняйтесь, ваше имя?

Я попытался вспомнить своё имя, но в голову снова вступила сильная боль, а в глазах помутилось. Свет из ламп над головой становился всё ярче и ярче, он стремительно заполнял всё пространство вокруг, обволакивая меня плотной молочной пеленой. Голос Наставника становился всё тише и быстро отдалялся, пока окончательно не растворился в прошлом, а свет с радостью снова поглотил меня.

* * *

Первое, что я почувствовал, – это невыносимая и ноющая ломота. Она волнами проходила по всему телу, пульсировала, заглядывала в каждый укромный уголок и отдавалась судорогами в мышцах. Потом я ощутил более ясную и сильную боль в левом плече, она краткими приступами стучалась изнутри и рвалась наружу. Очень яркий свет продолжал обжигать глаза, но теперь он свернулся и уполз в одиночную лампу, склонившуюся в метре надо мной. Я зажмурился, невольно поднял правую руку и попытался закрыться от него, но свет казался всепроникающим. Тело по-прежнему ощущалось тяжёлым, ватным и непослушным, с большим трудом мне удалось закрыть ладонью глаза. Через миг я ощутил обжигающий холод под спиной, уже ставший таким знакомым. Я был здесь совсем недавно и помню эту кушет-

ку с неприятной металлической поверхностью, прогорклый технический запах и тихий шелест незнакомых механизмов. Как же холодно, похоже, эти изверги из технического отдела снова раздели меня до трусов, чтобы препарировать. Вскоре ощущение собственного тела снова вернулось ко мне, а сознание обрело ясность и чёткость восприятия окружающей действительности.

Техник, в это время дежуривший неподалёку, заметил мои шевеления и подошёл к кушетке.

– Вам не кажется, что мы слишком часто стали видеться? – с осуждением в голосе спросил старший Техник Васильев. – Второй раз за день, подумать только! Вы не всесильны, Страж, впрочем, как и я, вы должны это помнить. Я вас предупреждал, что следующая рана может стать смертельной, но вы меня не послушали. Стоит только вам выйти за дверь, как вы снова лезете на рожон.

– Свет... – пробормотал я пересохшими губами. – Выключите свет...

– Да-да, конечно. – Васильев дотронулся до виртуальной клавиатуры, висящей в воздухе около кушетки, и свет отключился.

Я с облегчением уронил тяжёлую руку на стол, повернул голову к Технику, поймал его недовольный взгляд и сразу же отвернулся обратно.

– Васильев, сейчас мне меньше всего нужно ваше осуждение, лучше помогите подняться, – попросил я и протянул

здоровую руку.

– Вам желательно поменьше двигаться, а то рана снова начнёт кровоточить, – ответил он очень спокойным и назидательным тоном.

Васильев проигнорировал моё замечание, но всё же схватил меня за руку, приподнял и усадил на кушетке. Пока я прилагал все эти невероятные усилия, левое плечо снова прострелило острой болью. Я скривился, зашипел и схватился за рану, аккуратно прикрытую белоснежной марлевой повязкой. Потом отнял руку от раны и посмотрел на ладонь. Сквозь марлю просочились и теперь поблёскивали на свету несколько капелек крови. Я вопросительно посмотрел на Васильева.

– Мы сделали, что смогли, – с огорчением покачал он головой. – Вы получили серьёзную рану, Страж, очень серьёзную. Потеряли много крови, кость оказалась раздроблена, нам еле удалось вытащить пулю, чтобы не раскрошить вам всё плечо. Я пытался закрыть рану несколько раз, накладывал различные блокировки на ваше сознание, хотел унять боль и перехватить сигналы в мозг об этом ранении, но увы. Ваше сознание ещё не оправилось от прошлого потрясения, оно продолжает раз за разом создавать эту рану. Поэтому терпите, мы сделали всё, что смогли. Удивительно, что вы вообще ещё живы. Если доживёте до завтрашнего утра, то вам должно значительно полегчать. Сон – лучшее лекарство для больного разума, поэтому сейчас же поезжайте домой и

хорошенько отоспитесь.

Васильев прищурился, посмотрел на меня странным пытливым взглядом, будто что-то хотел спросить, но почему-то не решался.

– А Кира? Что с ней? Она жива? – с тревогой спросил я.

– Ваша напарница выжила, не волнуйтесь. Как ни странно, но её рана оказалась не такой серьёзной, хотя и поразила область живота. Мы уже починили её и отправили домой. С ней всё в порядке, не переживайте. Но сегодня её лучше не беспокоить, она тоже достаточно натерпелась за целый день, пусть отдохнёт. Впрочем, как и вы, Страж. Тяжёлый выдался денёк, столько событий. – Васильев снова испытующе просверлил меня взглядом. – Я до сих пор поражаюсь, как вы смогли выжить там?

– Это я виноват... – пробубнил я в ответ. – Она пострадала из-за меня.

– Так, а вот про вину подробнее, – с оживлением отозвался Васильев. – Вы ведь воспользовались тем кубом, да? Я прав? Сначала не хотел в это верить после слов другого Палача, но ваша мозговая активность, она... другая. А я ведь предупреждал: не совершайте глупостей. Ну зачем? Зачем, скажите на милость?!

– У меня не оставалось иного выбора, если бы не рискнул, то мы оба бы погибли.

– Вы оба были бы целы, если бы научились выполнять приказы, а не лезть под пули при первом удобном случае.

Эх, ладно, не мне решать, кто тут прав, а кто виноват. Разбирайтесь сами. – Васильев сокрушённо покачал головой. – Но всё же вам удалось выжить после использования «Белого шума», это ещё ни у кого не получалось. Более того, перегрузка мозга, наоборот, помогла вам выжить при ранении и дождаться помощи, она отсрочила отключение. Вот это меня интересует прежде всего. Вы первый, кто выжил, и можете оказать всей Системе неоценимую услугу, если поделитесь с нами информацией. Расскажите об ощущениях, воспоминаниях, мыслях, обо всём, что приходило вам в голову в тот момент, как вы себя чувствовали и что изменилось. Но самое важное, как вам удалось избавиться от этой программы? Насколько нам известно, она глубоко проникает в код Консоли, но у вас не осталось и следа присутствия «Белого шума». Кроме некоторых остаточных проявлений в энцефалограмме вашего мозга. Вам повезло вовремя избавиться от программы, иначе повреждения носили бы необратимый характер. И всё же как вам это удалось?

– Я не помню... – буркнул я в ответ и отвернулся.

– Что значит не помните? – раздосадовано возмутился старший Техник, явно не ожидавший подобного ответа. – Вы хоть понимаете, насколько это важно?!

– Васильев, что вам ещё от меня нужно? Да, не помню, сейчас я ничего не помню, я чуть не умер час назад. Ощущение такое, будто меня каток переехал... второй раз за день. Отстаньте вы со своими вопросами!

Васильев опять прищурился и очень вкрадчиво заглянул в мои глаза.

– Хорошо, Страж, не нужно нервничать, езжайте домой, отдыхайте, но потом я жду подробного отчёта. – Техник строго посмотрел на меня, а затем добавил: – Ваша одежда снова обработана, восстановлена и почищена. Вон там, на столике возьмёте. Ваша фотокарточка на месте, можете не волноваться, только, увы, она была немного испорчена, вы залили её своей кровью. Найдёте снимок там же, во внутреннем кармане. И ещё, если вы...

Тут дверь в кабинет Васильева резко отворилась, оборвав Техника на полуслове, и внутрь влетел Хранитель, преисполненный такой решимостью, что на секунду я поверил, что он мне врежет.

– Васильев! – рявкнул он.

– Понял-понял, ухожу, – затараторил старший Техник и скрылся за дверью.

Хранитель подошёл к кушетке, пристально посмотрел на меня и застыл в тяжёлых раздумьях.

– Я знаю, что виноват, – печально и тихо сказал я, боясь вызвать бурю.

– Знает он! – всплеснул руками Вергилий. – Послушай, Стил, от тебя одни проблемы. Я послал тебя в наблюдение, чтобы ты не мешался под ногами, сидел тихо как мышка, пока выносятся решение по твоей дальнейшей судьбе. Вся твоя жизнь висит на волоске! Я рассчитывал на понимание,

а ты пошёл и устроил бойню на складе, настоящую кровавую баню. Ты с ума сошёл?!

– Но что я должен был делать? Я выполнял свой долг!

– Что делать?! Для начала выполнять приказы! Я велел сидеть вам смирно и дожидаться подмоги! Что неясного?

– Если бы мы дожидались подмоги, то Отступники давно бы ушли...

– Они и так ушли!

– Да, но в гораздо меньшем количестве, тем более я встретил там Кукольника, ведь это же моя основная задача. Правда, он тоже сбежал.

– Я тебя отстранил от этого задания и... и не нужно мне говорить про долг, ты был отстранён, это не оправдание неподчинению.

– Господин Хранитель, при всём уважении, но от долга нельзя отстранить, я думал, вы это понимаете. Я чуть не погиб и смертельно устал, но прошу, выслушайте. Мой долг и ваш тоже – защищать Систему и людей, он не зависит от чьих-то приказов. Я не могу спокойно сидеть и смотреть, как творится беззаконие, когда весь наш мир катится в пропасть. Я могу и хочу помочь, но меня заставляют бездействовать, подвергая многих людей опасности. Простите, но такой приказ я выполнить не могу. Если хотите, то отстраняйте, исключайте, даже отключайте, но я буду выполнять свой долг до последнего вздоха, до последней капли крови. Да, к сожалению, я бываю несдержанным, излишне эмоциональным и

порывистым, знаю, что я неидеальный Страж и эмоции недопустимы в нашей работе. Но это не те эмоции, которые вы выжигали Отречением, это несколько иное, поймите... Этот огонь нельзя потушить затиранием памяти, он горит у каждого, кто любит Систему, народ и всё то, что предки построили и так заботливо передали нам на сохранение. Поэтому я не могу спокойно смотреть, как банда подонков уничтожает наш город, на строительство которого наши отцы и деды положили целые жизни, умирали за него, страдали, всё ради того, чтобы мы смогли жить в лучшем мире. Я не позволю им разрушить всё, что я люблю и ради чего живу. Весь смысл моей жизни, вашей, каждого Стража заключается именно в этом, в защите Системы, и я спасу её любой ценой.

Хранитель заметно растерялся и не знал, что ответить.

– Даже ценой жизни своей напарницы? Ты готов всех отправить на убой из-за своего маленького бунта? – неуверенно спросил он.

– Нет, разрешить Кире следовать за мной было большой ошибкой, я готов ответить за свои проступки, но... Я готов пойти на смерть ради исполнения своего долга. Прошу, дайте мне закончить начатое, разрешите найти этого ублюдка и заставить его заплатить за всё, что он сделал, за смерти невинных, за весь урон, нанесённый Системе, за Киру... Я обещаю, что найду его, а потом понесу заслуженное наказание.

Вергилий замолчал, всё глубже погружаясь в свои разду-

мья. Никогда прежде я не видел Хранителя таким растерянным. Он сурово буравил меня взглядом из-под свисающей белоснежной чёлки и отчаянно выискивал в моих глазах хотя бы намёк на фальшь или неискренность слов. В тот момент меня пугал больше не исход его долгих раздумий, а собственная внезапная решимость, с которой я выпалил всё, что думал, и то, с каким бесстрашием я смотрел в лицо Хранителя. Через минуту Вергилий всё же прервал свой гипнотический транс, помялся, а затем достал из-за пазухи эфес моего меча, который я оставил на складе, и положил рядом со мной на стол.

– Только вот не нужно горячиться, Кукольник нужен нам живым. Жизненно необходимо выяснить, как они перехватывают сигналы людей, – отрешённо произнёс Вергилий.

Он ещё потоптался на месте, но потом медленно направился к выходу. У самой двери он остановился, обернулся и добавил в несвойственной ему манере:

– Поезжай домой, отдохни. Зет отвезёт тебя, он ждёт внизу, в машине, поторопись. Завтра, как обычно, жду тебя на службе. Твой долг не будет ждать, когда ты полностью поправишься. Так ведь? – спросил Хранитель. И, не дождавсь ответа, вышел за дверь.

Вергилий казался потерянным, последние его слова намеревались стать первой в его жизни шуткой или простой издёвкой, но они утонули в хаосе его собственных мыслей. Но не успел остыть след Хранителя, как внутри очутился Васи-

льев и сразу же помог мне спуститься с кушетки, а после одеться. За всё время, пока я натягивал штаны, джемпер, куртку и морщился от боли в плече, мы не проронили ни слова. Почему-то я уверен, что Васильев подслушал наш жаркий спор с Хранителем и больше не хотел подливать масла в огонь.

Спустя пару минут мучений и нелепого пыхтения я натянул на себя последние элементы одежды, повесил на пояс рукоять меча, и с поддержкой старшего Техника мы медленно поковыляли к выходу из кабинета. Только в лифте я решил нарушить тягостное молчание и развеять тишину.

– Васильев? – окликнул я Техника, поддерживающего меня под руку.

– Да-а? – с некоторой ноткой заинтересованности протянул он.

– А вам снятся сны?

– Что? – Васильев непонимающе уставился на меня.

– Сны, вы же видите их по ночам?

– Вижу... наверное.

– Какие они? Что собой представляют?

– Да откуда же я помню? Никогда не обращал на них особого внимания. Наверняка что-то снится, но я сразу забываю.

– Эх, вот так всегда. Одни о чём-то сильно мечтают, ждут, но так никогда и не получают желаемого, а у других это в достатке, но оно им не нужно, и его даже не замечают. Никогда

наш мир не будет по-настоящему справедливым.

– Страж, вы вообще о чём? У вас так и не прошли проблемы со сном? Вам нужно обязательно пройти у нас обследование.

– Вот и Кира так говорит... – пробормотал я себе под нос и потом добавил: – Понимаете, иногда мне кажется, что никто их не видит, но только я один это замечаю потому, что очень желаю обратного.

Васильев усмехнулся и продолжил настаивать на обследовании. Вероятно, его мало интересовало моё здоровье, он всего лишь искал любые поводы заставить меня прийти и рассказать про «Белый шум», но он не подозревал, насколько сложно это сделать, не подставив себя и других людей. Под его настойчивые уговоры мы покинули лифт и на выходе попрощались с Мариной. Она заметила моё измождённое состояние, посетовала на жизнь и её жестокие причуды, но мы проигнорировали её слова и вышли на улицу.

На город уже опустилась глубокая ночь, тьма плотным одеялом укутала улочки, а дома озарились целыми гирляндами светящихся окон. Всё небо над головой сияло мириадами огней от нескончаемых вывесок и рекламы центра города, возвещаая о начале нового этапа в жизни Системы – более праздного, весёлого и слепого к окружающей действительности. Васильев дотащил меня до автомобиля Зета, припаркованного неподалёку от входа в башню Стражей, усадил на заднее сидение и пожелал скорейшего выздоровления. Всё

это время смурной и молчаливый Зет сидел за рулём и смотрел строго вперёд. Когда я оказался в машине, он, не говоря ни слова, завёл автомобиль и тронулся с места. Впрочем, всю дорогу до дома мы провели в полной тишине, только шины убаюкивали своим равномерным шуршанием по мокрому асфальту. Тихий и спокойный ропот двигателя, а также капельки дождя, который к ночи вновь превратился в ливень, клонили ко сну и заставляли тратить последние силы, чтобы удержать глаза открытыми. Это был невероятно длинный и самый сумасшедший день в моей жизни. Я так устал, мышцы налились свинцом, а гудящее плечо заставляло постоянно ёрзать на месте и выбирать более удобную позу, где оно не будет так сильно напоминать об ошибках минувших суток. Я даже рад такой тихой дороге домой. Безусловно, мне о многом хотелось спросить Зета, хотя бы просто поговорить, пока выдался удобный момент, но общая усталость от людей и событий диктовала иные желания. Глаза тем временем всё больше закрывались и тяжелели...

– Приехали, – грубым и очень низким голосом разбудил меня Зет.

К этому времени я уже успел отключиться и выпасть из течения мира, поэтому резкий голос, прозвучавший сквозь темноту, немного напугал меня и заставил встрепенуться. На секунду мне даже почудилось, что я в машине с Кирой и мы опять сидим в засаде у того же склада.

Зет посмотрел на моё отражение в зеркало заднего вида

и спросил:

– Тебе помочь дойти до дома?

– Нет, спасибо, я сам.

Удерживая раненое плечо, я с усилием выбрался из автомобиля и сразу же очутился под болезненными ударами холодных капель дождя. Нужно было скорее прятаться в подъезде, но я замешкался и снова заглянул в салон.

– И это, Зет, спасибо тебе... за всё!

Водитель, всё так же не оборачиваясь, смотрел на меня сквозь зеркало заднего вида и после секундного промедления взаимно кивнул головой. Довольствуясь его скудным выражением эмоций, я захлопнул заднюю дверцу, и машина, резво тронувшись с места, скрылась за сплошной стеной дождя. Возможно, холодный душ с небес немного привёл меня в чувство и взбодрил, но мне стало лучше, и я даже смог самостоятельно держаться на ногах. Несмотря на это, поход домой обернулся настоящим подвигом. На дрожащих и непослушных ногах, шатаясь из стороны в сторону, я дошёл до подъезда, долго и мучительно преодолел все бесконечные ступеньки до своей квартиры и, ощущая себя триумфатором, ввалился к себе домой. В глазах уже пышно расцвели мыльные круги, голова ужасно болела и не могла простить то насилие, что я учинил над ней сегодня. Я захлопнул дверь неловким движением руки, в полной темноте добрёл до окна и уткнулся лбом в холодное стекло, надеясь хоть немного унять боль.

Я стоял и смотрел куда-то сквозь окно, Систему и сквозь всю жизнь. Множество мыслей сейчас крутилось в моей голове. Пихаясь и расталкивая друг друга, они стремились донести до меня что-то важное, то, что они нашли в потоке Системы, когда я слился с ней в единое целое, что-то невероятно ценное, но я не мог разобрать их крики. Дождь методично отстукивал по карнизу старую мелодию пасмурного дня и ещё дальше уносил в полёте мыслей. Перед глазами пробегали маленькие капельки, рисуя причудливые узоры, которые почему-то напомнили мне кадры обычной жизни, простых людей, их судьбы и цели. Вот маленькая капелька, только родившись на стекле, начала свой путь: она быстро и резво устремилась вниз, к цели, к концу своего существования. Она быстро промчалась среди других капель, никого не замечая вокруг, бездумно пронеслась вперёд и бесследно исчезла в луже таких же, как она. Зачем она появилась, куда так торопилась и что оставила после себя? Мы не получим ответа, ведь её больше нет, она растворилась среди других, отживших свой бег, а вскоре даже я, пристально наблюдавший за её стремительным полётом, забуду о ней, о том, как она выглядела, чего хотела и зачем существовала. Остался лишь краткий бесполезный миг, пронёсшийся перед моими глазами, блеклая вспышка на задворках памяти и немой вопрос, мучающий меня долгое время. Что изменилось бы в мире, если эта капелька вовсе не появилась бы передо мной, кто бы узнал об её существовании, если бы я не

рассказал о ней? Она сделала свой выбор и пробежала свой жизненный путь по гладкой поверхности стекла очень быстро, красиво, изящно, но так одиноко. Вот другие капельки возникли перед моим носом. Они летели вниз, скользили, при этом соединялись вместе, потом дробились на отдельные линии, а затем снова сливались в единое целое. При этом они становились всё больше, тяжелее, их падение замедлялось, а за ними оставался уже более заметный след из разводов на стекле. Но всё же и они промчались вниз на огромной скорости и погибли, не сумев задержаться на этом свете. След, оставленный на стекле, ещё будет некоторое время напоминать об их существовании, но даже он скоро исчезнет, потеряет свою форму и навсегда покинет страницы этой истории. К сожалению, не мы пишем законы жизни и не в силах их изменить, так и дождь действует по заранее прописанным правилам и зажат в узкие рамки очерченной парадигмы. Родившись на моём стекле, капельки вынуждены мчаться по поверхности к своей гибели, иного им не предоставляет мир, в котором они появились. У них есть только один выход – сливаться вместе, становиться единым целым, тормозить своё скольжение и как можно дольше сопротивляться падению в неизвестность. При этом необходимо оставлять за собой размашистый след, рисовать замысловатые картины на стекле жизни, чтобы они сохранились, как можно дольше. И когда упадут с неба новые капли и проявятся на моём окне, они увидят этот след и последуют по нему, повто-

ря рисунок предков и дополняя его своим. Только так, однажды родившись, нужно пройти эту жизнь, оставляя всему миру как можно больше следов, великих полотен, шедевров вашей жизни, которые ваши потомки пронесут и сохранят в веках. Именно так можно добиться истинного бессмертия, и так должна поступать каждая родившаяся капля. Только объединившись с другими и устремляя коллективный взор в одну сторону, можно набрать необходимую массу и попытаться сломать стекло, чтобы изменить законы этого мира. Иначе, все будут рождаться только для того, чтобы бесследно исчезнуть, погибнуть пустой оболочкой, по которой не будут скорбеть и о которой не вспомнят на следующий день. Нет, это не жизнь, это медленная, мучительная смерть от самой колыбели.

Я отлип от окна, скривился от сильной головной боли, затмившей даже раздробленное плечо, и пошатываясь побрёл к своему любимому дивану. Остановился рядом с ним, повернулся назад и подумал, что у каждого человека должно быть своё окно в дождливую ночь, чтобы, глядя в него, он мог осознать свою жизнь, увидеть и понять картины неизбежного будущего. Иначе он просто белый шум с бесконечным хаосом в уме, сердце и душе.

Не в силах больше стоять, я прямо в одежде рухнул на диван и моментально провалился во Тьму.

Глава 3. Призраки прошлого, настоящего и будущего

А вы видите призраков? Нет, я не сошёл с ума и не страдаю от галлюцинаций. Я говорю не о бесплотных духах давно умерших людей, не об ужасных монстрах из детских страшилок или порождениях нашего больного разума – вовсе нет. Я прошу вас подумать немного шире, подняться над своим обычным иллюзорным представлением о мире, над тем, к чему мы так все привыкли. Нам каждый день навязывают сверхъестественную картину мира, пичкают бесконечными фантастическими историями о грозных привидениях, порождениях тьмы и существ из параллельных вселенных. Всеми силами пытаются напугать и убедить в существовании неведомых существ, экстраординарных событий и способностей человека. Эти люди стремятся запутать и разрушить наш разум, уничтожить его изнутри, покорёжить и извратить объективное понимание Вселенной, её устройства и законов. Кто-то очень не хочет, чтобы мы увидели всё в истинном свете, учились отличать объекты реального мира от выдумки – бесплотных призраков враждебной идеологии. В нас убивают критичность мировосприятия, отключают логику и здравый смысл, ведь там, где возможно всё, нет причин искать истину и добиваться правды, нет причин разбираться

в подлинной составляющей этого мира, важно лишь то, что вы думаете о нём, а не то, что он из себя представляет на самом деле. Вот и сейчас я спрашиваю вас: «Видите ли вы призраков?» Но единственное, что рисует ваш разум, – это бесконечные ряды чудовищ из детских сказок и образы давно погибших людей. Вы можете возразить, что не верите в призраков, и только усмехнётесь мне в ответ, но где-то там, на границе бессознательного, вы непременно вздрогнете от собственных мыслей. Парадокс – вы не верите в призраков, но продолжаете их бояться. Страх перед неизведанным, общая непознаваемость мира и фатализм перед его непостижимыми силами воспитывается в нас с самого детства. Вы больше не способны отличить настоящий мир от красиво придуманной сказки, потому что уже давно утонули в бесконечном информационном хаосе, белом шуме из непрекращающегося бурного потока лжи, завёрнутой в красивую оболочку из громких слов и воззваний к эмоциям. Всё это порождено только с одной целью – сокрыть от вас истину, не дать увидеть за кучей фальшивых проблем подлинных призраков вашего мира, что вопиют о спасении.

Давайте смело отринем все предрассудки, всё наше догматическое сознание, отречёмся от своего заплутавшего Я, сожжём мосты в прошлое и попробуем построить новую дорогу в сознательное будущее. Давайте широко и открыто смотреть на мир, попытаемся понять всю суть и законы его существования. Для этого и существуют призраки – далёкие

маяки великих свершений и горечи поражений, память наших предков, пронзённая сквозь века и помогающая нам понять, откуда мы пришли, кто мы такие и куда должны идти. Это разум нашего мира, его тень и душа. Он кричит, надрывается и пытается прорваться наружу через огромную стену безразличия, выстроенную всем человечеством. Он молит о спасении, показывает нам призраков нашего прошлого, настоящего и возможного будущего, предостерегает, скребётся в эту стену, пытаюсь предупредить нас о чём-то. Но люди слишком слепы и глупы, чтобы понять это.

Призраки прошлого призваны показать нашу историю, кем мы были и стали. Они проносят сквозь века все наши заблуждения и ужасные трагедии, они предупреждают нас, пытаются уберечь от повторения этих ошибок. Но в то же время они могут отразить великое прошлое, светлые стороны нашей истории, где грандиозные свершения, подвиги и достижения, раскрывают наш истинный путь, с которого мы, возможно, свернули и куда должны вернуться, пока ещё не стало слишком поздно. Вы спросите: «А как понять наш истинный путь?» Именно для этого нужны призраки настоящего. Они служат зеркалом нас самих, отражением почерневших душ, покалеченных судеб, они выворачивают всё нутро современного устройства мира, его несправедливость и бессмысленность существования. Все бесчисленные разбитые и уничтоженные судьбы сказываются на обществе в целом, оставляя на его теле рубцы, открытые и рваные раны, ис-

текающие жизнями. Нужно научиться видеть их, понимать причины появления, слышать зов призрака настоящего, порождённого больным человечеством. Люди привыкли ничего не замечать вокруг себя, они слепы и видят лишь то, что им предлагают бесконечные потоки разношёрстной, но лживой информации. Всё это создаёт иллюзию красивой жизни, счастливого и безмятежного существования, наполненного ложными целями и извращёнными ценностями. Каждый день мы ходим по сотням трупов загубленных судеб и не слышим, как внутри нас бьются в истерике призраки настоящего.

Тогда где-то там, на горизонте, начинают маячить призраки будущего, как продолжение избранного пути. Это тревожные знаки, что шлёт нам судьба, последний, отчаянный крик в шаге от обрыва. Они явственно показывают нам будущее, всё то, что ждёт нас впереди, если мы не свернём с этой дороги, если не осознаем и не изучим весь путь, пока не научимся видеть всех призраков вместе и каждого по отдельности. Внемлите каждому их слову, учитесь, меняйте мир вокруг, иначе нас ждёт забвение и долгое падение в пропасть, в вечную тьму...

Тьма вокруг меня всколыхнулась, сжалась и застонала от этих мыслей. Я спал или пытался уснуть под гнётом монотонных ударов парового молота у себя в голове. Сознание звенело и билось в истерике. После такого долгого и трудного дня мозг не смог простить мне всех издевательств, что вы-

пали на его долю. Он чуть не сгорел в пламени «Белого шума» и почти сдался, потеряв большое количество здоровых клеток. Эта программа что-то выжгла в нём, оставила неизгладимый след на его поверхности и в моём сознании, но она принесла с собой что-то несравненно больше и важнее того, что я потерял за минувший день. И это нечто сильно пугало Тьму. Она продолжала меняться с каждым вздохом и приступом боли, дрожала, пульсировала вокруг меня, стучала в висках и билась в страшной истерике о границы бесконечности моего сознания. Тьма ходила волнами и грозно шипела, впивалась хором из острых когтей. Она мстила, но в то же время была напугана своим бессилием что-то изменить. Она увидела, на что способен её носитель, и боялась... Боже, как же болит голова! Даже здесь, застряв в темноте между сном и цифровой реальностью, я чувствовал это и боялся проснуться. Что ждёт меня там, в моей квартире? Слишком многое случилось за последние дни, что-то надломилось внутри меня, и я уже не понимал, кто я и куда должен идти. Прямую и ясную дорогу внезапно засыпало пеплом от моего сгоревшего разума.

Тьма продолжала монотонно шипеть. Она ненадолго отпускала меня из игольчатых тисков, давая небольшую передышку, но только для того, чтобы вновь собраться с силами и потуже обнять своими ежовыми рукавицами. Я беззвучно глотал ртом маслянистую Тьму, вдыхал её полной грудью, задыхался и не мог кричать, лишь покорно открывал рот пе-

ред её натиском и молил о смерти... молил о вечном покое. В минуты одиночества, боли и отчаяния всегда велик риск сдаться и отступить. Сегодня ночью такой момент для меня почти настал.

Когда я почти сдался, то почувствовал, как смертельная хватка озлобленной Тьмы ослабла, порвалась, раздираемая громким приближающимся криком. Он нёсся сквозь сознание от неизвестного отправителя и спасительным лучом со всей силы ударил мне в больной висок.

– Проснись!

Громогласное эхо прокатилось по всей Тьме, и она испугалась, отступила и ослабила хватку.

– Проснись, Стил!

Голос знал моё имя...

* * *

Я с трудом открыл глаза, разодрал слипшиеся за ночь веки, и первым приветствием нового дня стала привычная боль в висках. Она продолжала с обидой напоминать мне о вчерашнем насилии, но я не мог винить её в этом, в конце концов, я это заслужил. Ей не докажешь, что у меня не было иного выбора. Самое главное, что Кира осталась жива.

– Не прошло и года, Стил, – раздался в комнате знакомый женский голос.

Вслед за ним я услышал, как кто-то нарочито громко при-

хлёбывает из кружки тягучий и, судя по знакомому горьковатому запаху, очень вкусный напиток. Я лежал на спине, разглядывал свой побелённый потолок, пытаюсь помириться с головной болью и сбросить последние оковы Тьмы, затем повернул голову набок и увидел Киру, мирно сидящую за моим столом. Она крепко сжимала в руках большую кружку с горячим кофе и иногда прикладывалась губами к ещё дымящемуся напитку. В моих глазах всё немного плыло от тревожной ночи, но иронично предвкушающий взгляд Киры я заметил сразу. Неожиданно она зашипела от боли, с грохотом поставила кружку на стол, немного расплескав по поверхности бурю жидкость, и схватилась за бок.

– Всё ещё болит? – Всё, что я смог из себя выдавить, хрипя от сухости во рту.

Я закашлялся, поднялся с дивана и уселся на его край, сдавливая руками голову с обеих сторон. В висках продолжали распирает и неугомно пульсировать обжигающие волны. Кира подняла на меня немного обиженный взгляд и прищурилась.

– А ты как думаешь? – с каплей яда процедила она. – Меня насквозь пробили меньше суток назад!

Но тут Кира резко сменилась в лице, усмехнулась и развязно махнула рукой, не обращая внимания на боль.

– Да ничего, мелочи, лучше расскажи, как у тебя дела? А я уж как-нибудь переживу.

– Голова сильно болит...

– Ещё бы! – перебила меня Кира, взмахнув руками. – Как ты вообще жив остался после этой... как её? После той дряни, что Диме мозги поджарила. Новости по башне быстро расходятся, тебя уже успели заочно похоронить. – Напарница смущённо улыбнулась, разглядывая мой помятый утренний вид. – Ты и правда дурачок...

Последние слова прозвучали с плохо скрываемым теплом, но на меня всё равно навеяло грустью, и лицо само поползло вниз.

– Кир, прости меня, не нужно было тащить тебя в эту мясорубку, я знал, чем всё может закончиться. Но в тот момент, когда мы сидели в машине и наблюдали за бесчинствами, меня такая обида обуяла, стремление что-то исправить, доказать... – От досады я махнул рукой и шлёпнул себя по коленке.

– Да ладно тебе, Стил, ведь это наша работа. Я рада, что ты остался жив... мы оба. Я прекрасно знала, на что иду и чем это грозит, но не позволять же тебе одному покончить жизнь самоубийством, правда ведь? А это... – Она указала себе на простреленный бок. – Это каждодневные издержки, быстро заживёт, не проблема. Васильев уверяет, что мы скоро поправимся, надо лишь дать разуму привыкнуть. Твоё плечо тоже ещё болит? Слышала, тебя сильно потрепало.

– Болит, – констатировал я и добавил: – Но уже меньше, чем вчера. Меня больше беспокоит голова, она будто хочет расколоться надвое.

Тут я окончательно пришёл в себя, опомнился и испуганно завертел головой.

– Так, подожди, Кир, а сколько я спал? Какой сегодня день? Ты давно здесь?

– Что значит «какой день»? – Моя напарница усмехнулась, снова взяла в руки кружку и сделала глоток. – Сегодня – завтра, как обычно, то есть сегодня – сегодня, но после вчерашнего – завтра... тьфу, надеюсь, ты понял. Кто бы тебе позволил дрыхать больше? Вергилий совсем не в духе последние дни, он бы лично притащил тебя за шкуру в башню. Да и я бы согнала пинками, не одной же мне работать?

– Ты именно для этого здесь? – зло пошутил я.

– Конечно! Могу прямо сейчас отвесить парочку за такие слова.

Я прищурился, попытался разглядеть время на валяющемся на полу будильнике, но остатки ночных истязаний всё ещё не давали сфокусироваться на достаточно мелких объектах.

– Половина двенадцатого уже, ты полдня проспал, – пробубнила в кружку Кира. – Я тут битый час сижу, смотрю, как ты пузыри пускаешь по подушке, но будить не решилась. Ты заслужил немного отдыха. От скуки вот нашла у тебя в шкафчике кофе и какие-то булочки, но они это... теперь ими только орехи колоть, выкинула я их.

– Подожди, какие орехи? Ты чего, мы же, получается, на службу опоздали? Хранитель велел мне быть сегодня как

штык.

– Если велел, значит, будем? А вообще, наш дозор вчера закончился, сегодня очередь придурков из «Харона». Нам позволительно немного расслабиться, – проямлила Кира, делая очередной глоток.

– Кира! – возмутился я и резко вскочил со своей диван-кровати, но пошатнулся и упал обратно. – Какой ещё дозор? Ты забыла, что творится за окном? – Я указал пальцем на своё единственное немного запотевшее окно, за которым моросил неприятный дождик. – Сейчас уже не до дозорного графика, полная мобилизация.

Кира нахмурилась, посмотрела поверх кружки серьёзным непонимающим взглядом, потом быстро допила остаток кофе и с грохотом поставила кружку на стол.

– Да ничего не забыла, пошутила я. Помню я всё прекрасно. Хотела тебя поддержать... ладно, забудь. – Кира махнула рукой.

После напарница быстро вскочила из-за стола, сунула руки в карманы и уставилась прямо на меня.

– Раз тебе так не терпится вернуться к службе, тогда быстрее собирайся и пошли, – сурово прочеканила она. – Хотя, как я погляжу, ты опять спал в одежде. Так что жду тебя в машине.

Напарница быстрым шагом устремила к двери.

– Кир, подожди... – крикнул я вслед обиженной напарнице.

Она остановилась у выхода, затем повернулась ко мне и бросила напоследок:

– И купи себе что-нибудь поесть, в доме хоть шаром покати... как ты вообще живёшь?! – риторически спросила она и вышла за дверь.

– Так и живу... – пробубнил я себе под нос, передразнивая справедливый упрёк напарницы.

Удерживая гудящую голову руками, я неуклюже встал с дивана и попытался сделать пару шагов. Каждое движение давалось мне с большим трудом, я почти не чувствовал ног и будто плыл над полом, передвигая под собой хрупкие опоры. Меня пошатывало из стороны в сторону, а по телу пробежали табунами огромные мурашки. Может, это остаточный эффект от «Белого шума» так подействовал на мой организм или частичное поражение мозга, а может, просто огромные дозы блокаторов боли всё ещё несли свою вахту на страже моей цифровой оболочки. Не обращая внимания на приступы ноющей боли в плече, я старался быстрее привести себя в норму, разминал заиндевевшие мышцы и наматывал круги вокруг стола, осторожно размахивая руками. К счастью, полный контроль над моей оболочкой и весь спектр искусственной сенсорики вернулись ко мне очень быстро. Не прошло и пяти минут, как я уже уверенно шлёпал ногами по деревянному полу, радовался вновь прилившим силам и почти забыл о головной боли.

Я остановился там, где сидела Кира, потоптался на месте,

разглядывая большое бурое пятно от пролитого напитка, и ворчливо цокнул языком. Оно уже успело частично впитаться в потрескавшуюся лакированную поверхность стола и отмыть его теперь будет совсем непросто.

– Купи поесть... – повторил я слова Киры и сам не понял зачем, почему-то эта фраза отчаянно не давала мне покоя.

Меня обуяло дикое чувство тревоги, нахлынули странные, навязчивые мысли, они прогрызались изнутри и наполняли разум, заставляя повторять эту фразу снова и снова. Может, это из-за того, что мой желудок уже начал подавать первые утренние крики о помощи? Он требовательно урчал, иногда выдавая жалобную свирель, приказывая мне повиноваться и наполнить его. Нет, здесь что-то другое. Я о чём-то забыл в насыщенном течении вчерашнего дня, что-то очень важное.

Мой взгляд упал на холодильник, смотревший на меня с неммым укором. Шолохов! Ну, конечно! Как же я мог забыть? Я обещал зайти к нему вчера, проведать и купить съестных припасов. Он же остался без Консоли и не сможет больше пользоваться любимым магазином.

От досады я ударил себя по лбу, шустро забежал кругами, окончательно забыв о своём самочувствии, проклиная и ругая себя последними словами. Потом остановился, отдышался и попытался собраться с мыслями. Спокойствие! В любом случае сейчас я не смогу к нему поехать, но что же делать? Нужно позвонить Максиму!

Открыв перед собой окно Консоли, я в два нажатия выбрал из списка контакт Макса и нажал «Позвонить», даже не утруждая себя созданием личной беседы. Пока звучали короткие прерывистые гудки, я метался из одного угла комнаты в другой. Сначала искал свой меч, но не смог найти, потом подскочил к зеркалу у двери и неуклюже пригладил взъерошенные за ночь волосы.

– Д-да? Стил, чего опять? – На экране появился молодой парень с красными волосами и ужасно заспанным лицом, он с трудом держал веки.

Голос из плавающего передо мной окошка звучал довольно громко, отдаваясь слабым эхом в небольшой, но пустующей квартире.

– И тебе доброе утро, Макс!

– Доброе, да... а сколько сейчас времени?

– Обед уже на дворе, – скривился я в однобокой ухмылке. – Порядочные люди уже давно и исправно несут службу обществу, занимаются полезными делами, а ты всё дрыхнешь!

– Угу, кто бы говорил, – пробубнил сонный парень. – Так чего тебе?

В этот момент я заметил эфес своего меча, который немного выглядывал из-под дивана, и метнулся за ним.

– Так, Макс, мне сейчас некогда, ты помнишь про наше вчерашнее дело?

– Вчерашнее? – удивился парень.

– Ой, позавчерашнее... в этом и проблема. Так помнишь?

– Ну?

– Так вот, я должен был вчера его закончить, но из-за непредвиденных обстоятельств не смог приехать на место. Ты помнишь адрес, по которому ты приезжал?

– Ну, примерно... – Макс скорчил недовольное лицо, предчувствуя, что день будет окончательно испорчен.

– Так вот, срочно дуй туда и покорми... животное. В общем, сам разберёшься. А я вечером подъеду. В этот раз точно. – На этих словах я прикрепил эфес меча к поясу и стал натягивать ботинки и куртку.

– Эй, эй, Стил, подожди, ты чего? Какое животное? Что ты несёшь?

– Всё, Макс, мне пора, я убежал, а ты срочно выручай!

Макс пытался что-то возмущённо возразить, но я оборвал его на полуслове, закрыл Консоль и как ошпаренный выско-чил из квартиры.

* * *

Кира была права: время нашего дозора завершилось ещё вчера, и сегодня должен быть свободный день, когда можно немного расслабиться и отдохнуть. Простому обывателю, вынужденному пять дней в неделю ходить на работу и живущему по строгому общественному графику, должно быть, тяжело понять всю нашу систему занятости и отдыха. Из-

за специфики нашей службы мы вынуждены круглые сутки, семь дней в неделю быть на страже Системы и готовы в любой момент исполнить свой священный долг. Если так посмотреть, то отдых нам вообще не положен. Стражей слишком мало, а количество Отступников постоянно растёт, порой не проходит ни одного дня без очередного отключения. Поэтому у Палачей существует строгий порядок чередования загруженных дней, когда они несут усиленную вахту, так называемое время дозора, и дней относительной свободы. При таком распорядке каждая группа Палачей была вынуждена три дня подряд проводить в усиленном режиме несения службы, вести патрулирование и реагировать на все вызовы. Остальных могут вызвать в особых случаях или при крупных столкновениях, как это случилось совсем недавно. Только сейчас всё это уже не имеет смысла. Последние события, происходящие в Системе, весь тот ужас, граничащий с катастрофой, который повис над всем городом и каждым обитателем, вынудил Хранителя отменить дозорный график и привлечь всех без исключения Стражей к круглосуточному дежурству.

Когда я подбежал к нашей служебной машине и с размаху уселся на своё привычное место пассажира подле напарницы, она молча закатила глаза, возмущённая моими долгими сборами, потом завела автомобиль и тронулась с места. Эти суматошные и тяжёлые дни вымотали нас обоих. Несмотря на позитивный настрой с утра, Кира выглядела очень устав-

шей, её лицо приобрело бледноватый оттенок, а мешки под глазами наполнились грустью. Иногда я замечал, как она ёрзает на месте, поправляя куртку с правого бока. Рана живота давно была убрана с её цифровой оболочки умелыми руками Техников, но упрямый разум продолжал истязать Киру, напоминая о страшных событиях вчерашнего дня. Она всячески старалась скрыть свою боль за весёлыми разговорами и стойким характером, но непослушное тело выдавало всю глубину её страданий. Большинство людей не умеет врать и прятать эмоции. Пока с их губ срываются потоки самообмана, их тело живёт своей жизнью, полной бесчисленных импульсов, рефлексов и неосмысленных реакций. Хорошему психологу или проницательному человеку не нужны слова, они бесполезны и пусты, гораздо важнее то, что лежит за границей сознания и наших мыслей, то, что мы не в силах контролировать.

Кира заметила периферийным зрением, что я следил за её шевелениями, и только открыл рот, чтобы что-то сказать, как она поспешила перебить меня:

– Не надо, Стил, – сказала она довольно спокойно, но с небольшим придыханием.

– Что? – недоумевающе спросил я.

– Я знаю, что ты хочешь сказать. Не нужно больше извинений, прошу, и перестань корить себя. А то ударю!

– Но...

– Ударю! Я же сказала, всё хорошо. Мы каждый день ле-

зем под пули, почему только сейчас у тебя проснулась совесть? Не нужно меня опекать, я сама пошла за тобой и сделала бы это ещё и ещё раз. Всё-таки это мой долг – прикрывать тебя. Уверена, ты поступил бы так же.

Кира выехала на шоссе до центральной части города и начала ускоряться. Мне почему-то стало невероятно стыдно после её слов, захотелось провалиться под землю прямо здесь, в машине, пройти сквозь пол и утонуть в асфальте. Я отвернулся к окну, прячась от её хитрого взгляда. Но тут почувствовал, как Кира несильно ударила по больному плечу, что отозвалось волной по всему телу.

– Ай, за что, я же ничего не сказал? – вскрикнул я, хватаясь за плечо.

– Просто так, для профилактики. Знаю я тебя, наверняка надумал уже всякого. – Кира отвлеклась от дороги и с улыбкой посмотрела в мою сторону, а затем с теплом добавила: – Чучело...

– А знаешь что, Кир? Мне очень захотелось сделать что-нибудь доброе. Вдруг вот захотелось – и всё. Представляешь? Во! Видишь Пашку у дороги? Опять стоит, мокнет под дождём как верный пёс, остановись-ка около него.

Кира вопросительно посмотрела на меня, встретила с моим по-дурацки воодушевлённым выражением лица и решила всё-таки притормозить. Она доехала до Павла, переминающегося с ноги на ногу на своём привычном месте, у самой кромки дороги, потом остановилась около него и с ин-

тересом начала наблюдать за моими действиями. Я поспешно выскочил из машины под морозящий дождик и направился к Наблюдателю. Павел с головы до ног укутался в свой длинный брезентовый плащ с накинутым на глаза капюшоном и делал вид, что не замечает нас. Он скрестил руки на груди и время от времени пританцовывал на месте, пытаясь хоть немного согреться. Когда я подошёл ближе, он немного отшатнулся и отошёл на пару шагов, но ничего не сказал.

– Паша, подожди, постой, – сказал я громко, чтобы перекрыть шум дождя, шуршащего по мокрому асфальту, и в унисон поющих ему шин от проезжающих мимо автомобилей.

– Чего вам? – буркнул Павел и потом добавил сквозь зубы: – Господин Страж... у меня всё спокойно, нарушителей спокойствия и Отступников не выявлено.

Я подошёл ближе, почему-то мне не хотелось, чтобы меня услышала Кира. Сегодня я особенно остро ощущал потребность перед кем-нибудь извиниться.

– Давай сегодня обойдёмся без обид и официального тона, хорошо?

Павел смотрел на меня круглыми глазами и ничего не понимал, но ради приличия кивнул в ответ и попытался спрятаться за воротником.

– Я просто хотел извиниться перед тобой за все издёвки и глупые шутки, это непозволительно для нас. Мы должны ценить твою целеустремлённость, идеалы служения об-

ществу, твою решимость, наконец. Не всем повезло так, как нам, сразу попасть в Палачи. Некоторым юношам, таким, как ты, приходится много стараться и работать, чтобы добиться чего-нибудь в жизни, чтобы пробиться на Олимп. Да какой там Олимп – чтобы вообще хоть куда-нибудь выбраться из того дерьма, из той жизненной трясины, куда нынче всё глубже затягивает наших юношей и девушек. Они проводят время в клубах, курят, пьют, насилюют свои организмы и душу, они все поражены неизвестным мне доселе вирусом, который превращает их... наше будущее не в целый, слаженный механизм, а в атомизированные, разобщённые ячейки, в информационный хлам, мусор. Понимаешь?

Наблюдатель от страха всё глубже погружался в свой плащ, но продолжал быстро кивать в знак согласия.

– А ты не такой, в тебе есть что-то, искра жизни, желание бороться и быть чем-то большим. Ради этого ты готов переживать неудобства, невзгоды, даже двух зазнавшихся дураков, что достают тебя каждое утро. Ты неутомимо идёшь к своей цели, не взирая ни на что. А что делаем мы? Что делает целое общество таких, как мы? Вместо того чтобы помочь найти место в жизни, мы вставляем палки в колёса, разбиваем мечты и топчем страстные порывы таких юношей и девушек, наших детей, которые вопреки большинству хотят возвыситься над малым. Вот за это я прошу прощения, Павел. – Я с облегчением выдохнул после долгой тирады, а потом потянулся к его правой руке: – Дай, пожалуйста, свою руку?

Павел испуганно одёрнул её и отступил ещё на шаг.

– Зачем? – испуганно пропищал он.

– Не бойся, отрубать не буду, – неуместно пошутил я и схватил его правое запястье.

Павел уже не сопротивлялся. Я провёл пальцами по его чипу с одинокой полоской на коже, и передо мной открылось окно Консоли с информацией о Наблюдателе. Там была вся его жизнь, график службы, заслуги и целая куча почётных грамот за отличное наблюдение. Странно, что с таким послушным списком он до сих пор не в школе Стражей и не проходит обучение на Ищейку, заветную мечту для этих мальчишек. Кто знает, может, в нём усмотрели бы даже настоящего Палача.

Я провёл несколько манипуляций с его Консолью, после чего смахнул окно и отпустил руку. Павел с испугом посмотрел на своё запястье.

– Я помогу тебе, сделаю то, что должен был сделать давным-давно. Я помогу исполнить твою мечту. Здесь, – я указал пальцем на его запястье, – теперь хранится рекомендация Стража третьего уровня о зачислении тебя в школу Стражей. С ней тебя должны принять без промедления и лишних вопросов. Более того, эта рекомендация уже отправлена в башню.

Я широко улыбнулся, заглянул в его полные непонимания глаза, таинственно поблёскивающие от капель дождя, потрепал за плечо, а потом повернулся на месте и зашагал обрат-

но к нашему автомобилю. На полпути я обернулся. Мальчик с детским наивным взглядом продолжал стоять на месте и молча смотрел мне вслед. Сколько бессвязных мыслей сейчас роится в его мечтательном сознании? Неизвестно, но я почувствовал, что сделал что-то невероятно важное в своей жизни, что-то очень ценное... впервые за долгое время.

– Удачи! – бросил я ему напоследок.

И мне показалось, что его губы беззвучно прошептали: «Спасибо».

Довольный собой, я вернулся к машине и уселся обратно на своё место. Яркий цветок воодушевления на минуту расцвёл в моей душе, мне снова захотелось жить и радоваться жизни. Но Кира уже встречала меня ехидной улыбкой и подозрительным прищуром.

– Ну что, поехали? Нас уже заждались в башне, – задорно воскликнул я и махнул вперёд рукой, указывая на центр города.

– Что... это... было?! – произнесла Кира, выделяя каждое слово, и указала пальцем на силуэт Павла за окном.

– Ничего, – пожал я плечами. – Просто дал мальчишке путёвку в жизнь, помог ему.

– Ты... что сделал? – удивилась Кира.

– Говорю же, помог, направил свои рекомендации в школу Стражей. Может, толк из него выйдет вместо того, чтобы тут стоять и мокнуть под дождём. Ой, в общем, не спрашивай, захотелось, и всё тут. – Я смущённо отмахнулся рукой.

Кира поджала губы, расплываясь в ироничной улыбке, и укоризненно помотала головой.

– Чучело ты... – снова повторила она и тронулась с места.

Ещё долго я смотрел на ускользающий в зеркале заднего вида силуэт Наблюдателя. Он стоял на месте и провожал нас взглядом, пока полностью не растворился в серой дымке над дорогой. Всё шоссе мы пересекли довольно быстро, и когда мимо окон поплыли первые очертания серых домов центра города, от недавнего воодушевления не осталось и следа. Моё сердце вновь сковало грустью, а в груди разрастался огромный комок сомнений, который продолжал расти от любых моих действий и мыслей. Я стал сомневаться в правильности своего поступка: может, я не прав, что дал шанс этому парню встать на ноги? Почему попытка сделать что-то хорошее зачастую воспринимается другими с упрёком и косыми неодобрительными взглядами? Когда мы успели переступить эту грань, когда взаимопомощь из естественной для людей вдруг превратилась в нечто ненормальное и редкое, вызывающее вопросы психического состояния? Вот так все попытки стать человеком разбиваются о стену непонимания.

В раздумьях я рассматривал проплывающие мимо очертания домов, пока не заметил большую группу людей впереди нас. Они столпились вокруг чего-то неизвестного на обочине дороги и перекрыли собой весь тротуар.

– Ки-и-ир... – позвал я напарницу, указывая на толпу.

– Вижу.

– Остановись, надо проверить, а Хранитель подождёт. Что-то не нравится мне всё это.

Кира припарковалась у края дороги, неподалёку от огромной, тревожно гудящей толпы. Народу было неестественно много, казалось, что весь квартал собрался в одном-единственном месте, словно огромное маковое поле приманило к себе рой голодных пчёл. Они слетелись со всей округи, слепо повинаясь своим инстинктам, и облепили весь тротуар, образуя огромный кипящий и дышащий улей. Он тревожно жужжал, сжимался, а потом расходился волнами, выпуская огромные сгустки негативной энергии и чудовищного волнения. Напряжение распространялось от этого улья невидимыми лучами, пронзая нас липким потоком людского страха, который пробивался даже сквозь толстую обшивку нашего автомобиля и заставлял сердце биться всё быстрее с каждой минутой.

Что там происходит, почему они все собрались? Я осторожно покинул машину и сжался от колючего потока холодных капель, так нещадно обжигающих моё лицо. Казалось, даже они повиновались странным волнам незримой энергии, исходившей от толпы, изменяли траекторию своего падения, отражались и летели ко мне навстречу, чтобы затем холодными струйками спрятаться за шиворот. Я поморщился, приподнял повыше воротник куртки и оглядел длинный строй людей, стоявших ко мне спинами. Здесь сгрудились примерно одна или даже две сотни человек, они образовали огром-

ный круг, края которого выходили на проезжую часть. Кажется, они были чем-то увлечены или напуганы. Люди обратили свой взор в центр искусственно образованного ими кольца, при этом с оживлением что-то обсуждали и постоянно озирались по сторонам. Кольцо иногда сжималось, а потом резко отступало назад, тем самым напоминая громадное, бьющееся в истерике сердце, и ему было очень страшно. Внезапно, за всем этим жужжащим ульем я услышал длинный, протяжный стон, а затем отчаянный крик человека. Он надрывно вопил из самого центра толпы, захлёбывался от собственного крика и хрипел от заполняющей до краёв его глотки ненависти. Я ринулся в центр, расталкивая людей и как можно быстрее прорываясь на крик. В центре кольца оцепления оказался мужчина преклонных лет, весь укатанный в старый промокший брезентовый плащ, повидавший не один год верной службы. Этот человек лежал на спине, прямо на брусчатой мостовой, вцепившись обеими руками в свои поседевшие волосы, и истошно кричал. Со всей злобой, отчаянием и ненавистью он вопил в безутешное дождливое небо Системы, но оно не отвечало, только продолжало поливать его нескончаемыми потоками безразличных слёз.

С каждой секундой он кричал всё громче, захлёбываясь от собственной злобы, хрипел и катался по мостовой, всё сильнее сжимая голову руками. Он молил о помощи.

Я встал в первых рядах испуганного кольца людей и не нашёл силы подойти ближе. Я впервые увидел такой ужас в

глазах другого человека и не смог сделать ни шага навстречу тому, кто просил помощи... впервые в жизни не смог. Со следующим пронзительным криком я немного пришёл в себя и рванул к лежащему старику. Увидев над собой моё лицо, он замолчал, сцепил губы, прикусил их и умоляюще посмотрел мне в глаза. Я заметил, что его взгляд опустел, а зрачки расширились до такой степени, что весь мир вокруг утонул в тёмном провале его глаз. В них не было больше ничего, кроме боли.

– Мужчина, что с вами? Вы можете говорить? – спросил я громко и отчётливо, наклоняясь над ним.

Ответом мне было только грозное сопение, которое сдерживало адскую боль в его голове, она стремилась вырваться наружу с новой порцией ненависти ко всему миру и грозным криком отчаяния. Мой вопрос просто утонул в его бездне его почерневших глаз. Я повернулся и осмотрел кольцо вокруг нас. Люди жались друг к другу, боялись подойти ближе и перешёптывались на все голоса, бросая мимолётные взгляды.

– Что вы стоите?! – в отчаянии крикнул я им.

Улей на миг замолчал.

– Почему никто до сих пор не вызвал Техников? Вам что, всё равно?

Люди, как пустое отражение погибшего общества, продолжали молчать и безучастно смотрели на меня испуганными глазами, теперь они боялись даже пошевелиться. Улей затих в ожидании дальнейших событий. На мой крик из тол-

пы пробилась Кира и озадаченно уставилась на лежащего на тротуаре мужчину, затем перевела взгляд на меня и так же резво, не проронив ни слова, бросилась обратно через людей к нашему автомобилю.

В этот момент чьи-то сильные руки вцепились в мой воротник и обхватили его мёртвой хваткой. Мужчина приподнялся над землёй, оттягивая мне края куртки, и с сильным хрипом выдавил:

– Убей меня... прошу... – С надеждой он заглянул в мои глаза, надеясь прочесть там спасительный для себя ответ.

– Ч-что? Вы с ума сошли? – возмутился я. – Не говорите глупостей, сейчас приедут Техники и помогут вам.

Мужчина сжал от ненависти губы, искусанные до крови, его лицо перекосило от нового приступа жгучей боли, разрывающей его голову.

– Убей меня! – мужчина закричал на всю улицу, пытаясь как можно ближе притянуть меня к себе.

От страшного, нечеловеческого крика люди содрогнулись, и кольцо немного разжалось, отступило. Я же схватил его запястья и попытался оторвать от себя его руки, но старик вцепился очень крепко и не хотел меня отпускать.

– Успокойтесь! – завопил я в ответ. – Что с вами?! Хватит этих глупых мыслей! Потерпите ещё немного.

Мужчина оскалился, с ненавистью посмотрел в мои глаза, тяжело задышал, а потом снова страшно и громко закричал, надрывая связки. После этого он отпустил мой ворот-

ник, снова сдал свою голову руками и повалился на землю. Всё, что мне оставалось, – это стоять и смотреть, как у моих ног изнывает от боли несчастный человек, которому я не в силах помочь. В школе Стражей меня учили только убивать, а не спасать жизни. В полной растерянности я обхватил затылок и огляделся по сторонам, с надеждой найти среди безликих истуканов свою верную напарницу, затем громко позвал её, не желая больше оставаться наедине с собственным кошмаром. В тот же момент Кира появилась из толпы и подбежала к нам.

– Я здесь, Стил. Техники будут через пару минут, они где-то рядом, в паре кварталов отсюда. – Кира задержала свой взгляд на мужчине, который продолжал стонать и тихо молить о смерти. – Проклятье, что тут вообще происходит?

Людской улей продолжал пребывать в оцепенении, отдавая тишину на откуп потокам дождя. Кира бросила в его сторону презрительный взгляд, осуждающе покачала головой и присела рядом с лежащим стариком. Она прищурилась, внимательно всматриваясь в его пустые от агонии глаза, в его огромные чёрные зрачки, которые жадно поглощали отражения печальных облаков и не желали больше ничего замечать вокруг.

– Осторожней, Кир, похоже, он обезумел от боли и не может контролировать себя, – тихо прошептал я напарнице.

– Потерпите, сейчас прибудет помощь, – как-то отрешённо произнесла она и поднялась на ноги.

За толпой раздался тонкий визг колёс, шины протяжно завывали, скользя по мокрому асфальту, и на дороге показался большой чёрный фургон без каких-либо опознавательных знаков. Он со свистом затормозил около людей, и те, испугавшись неожиданного появления огромной машины, отпрыгнули в разные стороны. Из широкой кабины выскочили два человека в длинных белых халатах и нелепо брошенных поверх синих дождевиков. Техники довольно грубо растолкали остатки толпы, приблизились к нам и услужливо протянули руки.

– Отряд «Феникс»? – спросил один из них, стоя с протянутой рукой и одаривая нас испытующим взглядом.

– Так точно, – подтвердил я и пожал любезно предоставленную ладонь, расплываясь при этом в нелепой приветственной улыбке.

В это время второй Техник присел у лежащего мужчины и внимательно заглянул в его измученное лицо.

– Спасибо, что вызвали нас. Прибыли так быстро, как смогли, – отчеканил первый, отпуская мою руку и оглядываясь по сторонам.

Он сурово оценил каждого свидетеля вокруг, от чего невольные зрители этой трагедии прижались друг к другу ещё сильнее и стали отступать всё дальше и дальше.

– Это нехорошо... очень нехорошо, – пробубнил он себе под нос. – Вась, что там?

Второй поднялся, отряхнулся и печально развёл руками.

– Опять то же самое, Игорь Евгеньевич, надо забирать... срочно!

– Насколько всё серьёзно? – сухо в ответ спросил первый.

– Я бы сказал... – Второй бросил быстрый взгляд на старика. – Что уже всё...

– Извините? – перебил я их небольшой таинственный диалог и продолжил серьёзным тоном: – Что с ним? Может, вы его уже заберёте и поможете, сколько он ещё будет пугать людей?! Обсудите всё потом.

Первый Техник прищурился и как-то неуверенно спросил:

– Страж, можно увидеть вашу метку?

Меня немного удивила данная просьба, но я всё же без пререканий закатал рукав куртки и показал своё запястье. Техник только довольно хмыкнул.

– Извините, Палач, время такое, сами понимаете, а это... – Он ткнул пальцем в изнывающего человека. – Секрет! Вась, открывай фургон.

Второй человек сорвался с места и помчался к задним дверям чёрного фургона.

– В каком смысле «секрет»? – не понял я.

– А вы, Палач, помогайте, – увильнул от моего вопроса первый Техник и кивнул на пациента. – Схватили и понесли.

Техник поправил свой халат, намокший даже под дождевиком, подхватил несчастного под руки и немного приподнял над землёй. Тот даже не сопротивлялся, только продол-

жал тихо и жалобно скулить. Я немного замешкался от такого отношения к человеку, поскольку не был хорошо осведомлён о принципах работы Техников и никогда не попадал в подобную ситуацию. Я даже не предполагал, что они совершенно не оснащены для какой-либо работы с людьми. У них не оказалось даже элементарных носилок для пострадавших оболочек. Кира всё это время тихо стояла позади меня, замороженно наблюдала за этим действием и не пыталась вмешиваться.

– Ну же! – рявкнул покрасневший Техник.

Я схватил пожилого мужчину за ноги, и мы с трудом смогли оторвать от земли его тяжёлое тело в насквозь промокшей одежде, а затем потащили его к фургону, где второй Техник уже любезно раскрыл для нас задние двери. Мы втащили его в просторный кузов, который оказался ещё более пустым, чем сосуд человечности у службы Техников. Высокая крыша фургона позволяла стоять там в полный рост и даже не бояться удариться головой при небольшой качке в дороге. В дальнем конце я заметил железную дверцу с небольшим круглым окошком, которая вела в широкую кабину. Если вначале я поразился отсутствию средств переноса пациентов, то теперь у меня не осталось никаких иллюзий насчёт пригодности этой службы для лечения людей. Фургон был пуст, абсолютно. Ни приборов для слежения за здоровьем пациента, ни элементарных блокираторов боли – здесь не было ничего, кроме двух длинных кушеток по обеим сто-

ронам фургона, больше напоминающих лавки с прикреплёнными к ним ремнями для фиксации туш.

– Что за?! – выдавил я, когда мы втопили мужчину внутрь.

Техник с удивлением уставился на меня, искренне не понимая моё недоумение, и вновь проигнорировал мои слова.

– Кладём на эту кушетку, – скомандовал он и потащил пациента к левой стене.

Тут старик снова закричал, задёргался, пытаясь высвободиться из наших рук.

– Держите его! – прорычал в ответ Техник, грубо бросая его на кушетку.

Техник начал быстро стал натягивать на него ремни и плотно пристёгивать к кушетке.

– Помогите ему! – грозно и громко вспылил я. – Дайте обезболивающее, установите блокираторы, делайте хоть что-нибудь, чёрт бы вас побрал! Вы же Техник! Что это вообще за катафалк, где всё ваше оборудование, хитроумные устройства, что вообще происходит?

– Успокойтесь, Страж, вы будто вчера родились, – сурово отрезал Техник, отстраняя меня в сторону. – Ему уже ничем не помочь, мы отвезём его в башню.

– Как? Почему? – возмутился я, переводя взгляд с пациента на Техника и обратно.

– Послушайте, у нас своя работа, у вас своя. Не вмешивайтесь в дела, в которых ничего не понимаете, и не задавай-

те глупых вопросов, – примиряюще ответил Техник, а затем крикнул своему напарнику на улице: – Вась, заводи, поехали!

– Но...

– Если так рвётесь ему помочь, – он положил свою широкую ладонь на моё плечо, – тогда поедете с нами. Нужно за ним присмотреть, пока я буду связываться с техническим отделом. Позже я к вам присоединюсь.

Он несильно, но требовательно надавил своей рукой, повелительно усаживая меня на другую кушетку.

Этот мир – настоящая карусель несуразностей, где все должны повиноваться палачам, а они другим, таким же, прячущим свою сущность за маской умных профессий, белых халатов или дорогих костюмов. Впервые я ощутил себя не на вершине мира, не карающим мечом в руках общества, не его защитником или тайным покровителем высших идеалов, а ещё одной бесполезной пешкой в руках тех, кто на самом деле стоит за пультом управления Системы и вершит наши судьбы, указывает, как нам жить и как умирать. Я хотел помогать людям, но не смог помочь даже единственному страждущему, которого встретил этим утром. Для чего я вообще существую?

Техник подошёл к задним дверям фургона, выглянул и заметил Киру, скромно ожидающую под дождём уже несколько минут:

– Ваш напарник поедет с нами в башню, чтобы присмот-

реть за пациентом, а вы следуйте за нашей машиной, – совсем недружелюбно бросил он.

Не дождавшись ответа, Техник захлопнул двери и направился в другой конец фургона, где сразу скрылся за дверцей в кабину. Автомобиль тяжело зарычал, мелко затрясся и дёрнулся, набирая скорость. Так мы ехали некоторое время, в течение которых я сидел неподвижно и пристально наблюдал за потерпевшим. Тот ёрзал под ремнями, стонал, и время от времени бормотал себе что-то под нос. Потом неожиданно его пронзила новая вспышка сильной боли, он закричал, захрипел, выгнул спину и приподнялся над кушеткой, насколько хватило натяжения ремней.

– Убейте меня, умоляю вас... – начал повторять он безостановочно.

Я вскочил с места и подошёл к нему.

– Прошу, потерпите, мы уже почти приехали.

Мужчина зло посмотрел в ответ чернотой своих глаз, оскалил сжатые зубы, засопел, и завопил во весь голос, переходя на хрип:

– Убейте меня!

Его лицо побагровело, налилось кровью, он выгнулся, со всей силы напрягся и зарычал, словно разъярённое животное. Ремни натянулись, затрещали, сливаясь с его криком. Он сильно дёрнулся, и один из ремней лопнул, отлетая в сторону. Старик зарычал вновь и резким движением вырвал второй ремень из крепления. Я ничего не успел понять, как

вдруг он оказался на ногах. Мужчина уже мало походил на человека, он сопел, лицо стало красным, а взгляд излучал лишь животную ненависть ко всему на свете, но главное, к тем, кто так и не смог помочь. Несчастный подскочил ко мне так быстро, что я не успел сообразить, что происходит, и опешил от его крика и молниеносных движений. Он схватил меня за шею, сжал с силой пальцы, впиваясь ногтями в моё горло, приподнял меня над полом как беспомощного котёнка и ударил головой о потолок. В затылке отозвалось сильной болью, припоминая мне обо всех мучениях последних дней. Монстр, окончательно потерявший всякую человечность, заглядывал в мою душу, питался ею, насыщался каждым мигом моих страданий, сопел, оскалив зубы, и со всей яростью и гневом сильнее сжимал хватку на шее. От неожиданности и удара о металлическую крышу я на время потерял ориентацию и чуть не лишился сознания. Я заметил, как в бездонных, тёмных провалах его зрачков родился белый цветок. Он расцвёл, распуская свои широкие лепестки, его лозы полностью опутывали глаза обезумевшего старика, покрывая их молочной пеленой. Может, мне это показалось из-за сильного удара и удушения, к тому моменту перед взором всё плыло, а я смиренно повис, подчиняясь железной хватке.

Мужчина поднёс меня ближе к своему лицу и процедил неестественным голосом:

– Я просил всего лишь убить меня, неужели это так слож-

но?!

Затем он со всей силы швырнул меня о борт фургона. От удара я оставил глубокую вмятину в металлическом кузове, повреждённая обшивка закрипела, машину понесло в сторону, и она наклонилась на правый бок, угрожая перевернуться. Я услышал, как закричали в кабине Техники, но автомобиль удалось удержать в равновесии. Он снова плюхнулся на все четыре колеса, а я повалился на кушетку, где до этого сидел. Дверца в кабину отворилась, и к нам влетел Техник, бешено сверкая глазами. В руках он крепко сжимал неизвестно откуда взявшийся дробовик и грозился пустить его в ход.

– Что здесь происходит? – рявкнул он с обескураженным видом.

Его взгляд встретился с животными, хищными глазами бывшего пациента, который, чуть наклонившись и растопырив пальцы, стоял рядом со мной.

– Убейте меня! – громко повторил он и ринулся навстречу Технику.

Тот застыл в оцепенении, направив в нашу сторону дуло дробовика. Мужчина в плаще в одно мгновение оказался около Техника и выхватил у него дробовик. На что некогда грозный повелитель Системы никак не отреагировал, только послушно разжал пальцы и выпустил из рук оружие.

– Нет! – крикнул я, немного оклемавшись от удара, и бросился к ним. – Не смей!

Но тем временем мужчина уже засунул дуло себе в рот и с глубоким благословением и благодарностью закрыл глаза. Он ждал этого целую вечность, это всё, о чём он мечтал и молил, о чём грезил последними ночами – об избавлении.

– Стой! – крикнул я ещё раз и попытался обхватить мужчину сзади и схватить его руки.

Его пальцы скользнули по оружию и нащупали спусковой крючок. Он в последний раз выдохнул, прощаясь с миром, и в первый раз за долгое время слеза счастья скатилась по его покрасневшей щеке.

Невероятно громкий хлопок оглушил всех, кто был в фургоне в то время, он отразился от металлических стен и больно ударил по перепонкам. В лицо брызнуло что-то неприятно тягучее и жгучее, от чего я закрыл глаза и выпустил ослабшее тело из своих объятий. Труп мужчины беззвучно свалился между нами, растекаясь по полу последними остатками своей больной головы. Машина резко затормозила и остановилась. Позади нас в унисон слышались громкий визг тормозов и гудки автомобилей. Дрожащими руками я стёр ещё тёплую кровь со своих глаз и увидел, как Техник растерянно сидит на полу и безучастно смотрит на своего бывшего пациента.

Дверь в фургон с грохотом отворилась. Я повернулся и узнал в ореоле дневного света фигуру своей напарницы, направившую в нас дуло пистолета-пулемёта. Она быстро всё осмотрела, увидела труп на полу, потом меня с приподняты-

ми руками и покрытого кровью и неуверенно опустила ствол своего оружия. Всё, что Кира смогла из себя выдавить в тот момент:

– Какого?!

* * *

Хранитель восседал за своим большим и массивным деревянным столом в бывшем кабинете Икарова. Облокотившись одной рукой на стол, он задумчиво почёсывал свой гладко выбритый подбородок, а другой нервно постукивал кончиками пальцев по полированной поверхности. Он внимательно рассматривал мой понурый вид, слегка нахмутив брови, выискивал в моём образе неизвестные мне ответы и иногда чуть слышно хмыкал себе под нос, словно удивляясь собственным мыслям. Вергилий размышлял о чём-то серьёзном, представлял в своей голове сотни вариантов действий, принимал сложные решения, и, возможно, это было множество невероятных комбинаций моей будущей изощрённой казни. Может быть, но не в этот раз. При всей его глубокой задумчивости в этом пронизывающем до костей взоре из-под свисающих белых локонов всё же читалась некая снисходительность, менторское разочарование, но в то же время острое желание поддержать своего нерадивого ученика. Безусловно, он осуждал меня с самого первого дня нашего знакомства, ругал, может, даже посылал в мой адрес бес-

конечное количество проклятий, когда оставался один и закрывался в своём кабинете. Но всё же он делал это только с одной целью, чтобы защитить меня, направить по верному пути. Подобное отношение к человеку иногда не так просто увидеть, но всегда можно почувствовать в каждом взгляде, слове или поступке. Во всём этом угадывалась частица той заботы, какую щедро дарил Икаров всему отделу Стражей, только чувства Вергилия оказались более скрытными, холодными, но от того не менее приятными. Не такие уж они и страшные, эти Хранители...

В тягучем, натянутом до предела молчании, повисшем в кабинете этим днём, Вергилий глубоко вдохнул и с тяжёлым сердцем медленно выдохнул, переводя взгляд с меня на стоящего рядом Плотникова. Старший Техник приютился за моей спиной, виновато потупил взор и рассматривал пустоту под своими ногами. Для чего вызвали Костю, для меня оставалось загадкой, а Вергилий не спешил развеять мои сомнения. На входе в башню меня встретила обеспокоенная Марина и предупредила, что Хранитель в ярости и готов крушить направо и налево, но сейчас в нём не осталось и следа от ярких эмоций. Хотя, прекрасно зная Марину и её благоговейный трепет перед Хранителем, понимаю, что она могла слегка преувеличивать. Но в тот момент мне было всё равно, что скажет Вергилий, если опять начнёт упрекать, обвинять, грозиться отключением... я был опустошён. Я не смог помочь тому человеку, не спас его от роковой ошибки, то-

гда какой прок от моей быстрой реакции и гордого звания Стража Системы? Меня до сих пор не покидало гадкое чувство, что я весь покрыт кровью этого бедолаги, несмотря на то, что она моментально испарилась, стоило только Кире извлечь чип самоубийцы. Мне всё время хотелось стереть с лица следы позора, пойти скорее в душ и смыть с себя эту гадость, глубокое чувство вины... если это вообще возможно. Больше всего я сейчас завидую только одному человеку – своей любимой напарнице. Ей постоянно удаётся оставаться в стороне от всего этого безумия и выслушивания нотаций Хранителя, а все шишки падают исключительно на мою голову. Почему именно мне оказана такая великая честь? Вот и сегодня нас привезли в башню, где у входа нас встретил хмурого вида Плотников, забрал у Киры чип погибшего пациента и попросил меня пройти с ним к Хранителю. Вот так мы оказались перед лицом страшного суда, где уже несколько минут пребывали в полной тишине и смирно ждали, когда Хранитель подберёт в своей голове подходящие цензурные выражения, чтобы выразить всю глубину своих эмоций. При этом мы остались стоять в нерешительности в центре комнаты, так и не дождавшись от Вергилия приглашения сесть в кресла для посетителей.

– Как ты себя чувствуешь, Стил? – внезапно, но спокойно спросил Хранитель, затем откинулся на спинку кресла и скрестил перед собой руки. – Как твоё плечо? Голова?

Я неуверенно почесал в затылке.

– Жить буду, скорее всего, ведь это главное? В целом, довольно неплохо. Учитывая мою работу, мне не дают задумываться о боли.

Потом я пожалел, что ненароком надавил Вергилию на больное место, упомянув «свою работу», но было уже поздно. Его лицо скривилось от негодования, затем он склонился над столом в красноречивом жесте и помассировал пальцами свой лоб.

– Ох, Стил... – начал Хранитель. – Ох уж эта твоя работа! Как ты умудряешься каждый день влипнуть в неприятности? Ты всегда таким был? Ты даже до работы не можешь доехать без приключений!

Вергилий не повышал голоса и не показывал свою злость, скорее обречённо констатировал факты, с которыми он ничего не может поделать. Как строгий отец буднично отчитывает сына за очередную двойку, при этом прекрасно понимая, что его сын – неисправимый олух.

– Ты зачем Техникам-то досаждать начал? Пусть каждый выполняет свою часть работы: ты свою, они свою. Ну, увидел больного, сообщи куда следует и езжай дальше. Без тебя разберутся. Что ты как затычка в каждой... а-а-а, ладно. – Вергилий махнул рукой. – Но в машину-то к ним зачем полез?

– Так Техник сам велел! – возмутился я.

– Это, скорее, риторический вопрос...

– Но тот мужчина кричал от боли! На всю улицу! Собрал целую кучу народа, запугал их до смерти, я должен был что-

то сделать. Оградить их как-то, помочь. Тем более он оказался буйным и чуть не убил меня. Костя, скажи ему! – возмущённо обратился я к Плотникову, который спрятался позади меня и изредка выглядывал из-за плеча.

– А чего я-то?! – испуганно буркнул в ответ Костя и опять юркнул мне за спину.

Всё-таки никакая он не акула – пугливый юнец, поспешивший стать взрослым. Наедине со мной Костя мог сколько угодно распускать хвост, разговаривать напыщенным, повелительным тоном, ясно ощущая своё служебное превосходство, невидимые силы субординации, дававшие ему иллюзорные силы. Но здесь, в присутствии более влиятельного и властного человека, он мгновенно превращался в маленького, зашуганного щенка, он боялся Хранителя, испытывал трепет и страх перед всеми, кто выше его. Он моментально становился тем, кем являлся на самом деле: растерянным молодым пареньком, внезапно получившим высокую должность, – как бы ему не хотелось казаться иначе.

– Кстати, Плотников? – позвал его Вергилий, игнорируя мою тираду. – Что там насчёт нашего самоубийцы?

Плотников вынырнул из-за моей спины, бросил на меня косой неодобрительный взгляд, потом вытянулся по стойке смирно и сбивчиво отчеканил:

– Н-ничего нового, господин Хранитель...

Он немного замешкался, но потом добавил:

– Пусто. Увы. Ничего примечательного в его чипе обна-

ружить не удалось. Похоже, ещё один смертельный случай головной боли.

– Хм, интересно... – Вергилий задумчиво посмотрел куда-то в потолок. – Но всё же, почему он столько терпел, почему не покончил с собой раньше? Он ведь мог сделать это в любое время, почему он решился только тогда, когда увидел оружие в руках у Техника?

– Я не знаю, господин Хранитель. – Плотников виновато потупил взор. – Их поведение в стадии обострения боли ещё слабо изучено, и мотивации поступков не до конца понятны. Возможно, он просто дошёл до предела своей выносливости, или боль стала настолько сильной, что перекрыла все остальные чувства и он превратился в обезумевшего зверя. Боль... она... она забирает всё, даже всё человеческое...

Но тут внезапно Плотников испуганно и растерянно посмотрел в мою сторону. Похоже, ему показалось, что он взболтнул лишнего и не ему одному. Я даже дёрнулся от его слов, меня словно окатили из холодного душа.

– В каком смысле ещё один?! – опомнился я и бросил на них удивлённый взгляд. – Смертельная головная боль? Что здесь, чёрт возьми, происходит?!

– Мы тоже хотим это узнать, Стил, – с грустью в голосе ответил Хранитель.

– Что вы скрываете от меня... от нас? Почему я уже до башни не могу доехать, чтобы на меня не свалился очередной обломок Системы?

Вергилий почесал переносицу, не зная, что мне ответить, а Костя неуверенно отошёл в сторону и со страхом наблюдал за происходящим. Как же ему хотелось выбежать из кабинета и скрыться в своей белоснежной обители власти... его власти. Кажется, я начинал понимать, почему после всех последних событий я не понёс никакого наказания, а сегодня даже серьёзного словесного порицания.

– Ответьте мне, наконец, что там происходит? – я повысил голос и указал пальцем в сторону огромного витражного окна в дождливый день. – Я вижу, как этот дождь день за днём поглощает, разъедает нас, все эти обезумевшие Отступники, смерти невинных... Костя!

– Да что «Костя»?! Что?

Старший Техник не выдержал и выплеснул весь скопившейся страх на меня, но Хранитель в этот раз предпочёл не вмешиваться.

– Хочешь знать, что происходит с Системой? С людьми? Хочешь знать правду? Мы ни черта не знаем! Вообще! В-вот тебе правда!

– Но...

Я пытался встрять в его горячий монолог, но Костя не унимался.

– Этот треклятый дождь без конца и края, и мы не знаем, как его прекратить. Весь технический отдел уже с ног сбился, пытаюсь докопаться до причины. Мы перепробовали все возможные способы, модуль рабочий, полностью, мы пере-

брали его с нуля по несколько раз, но он всё равно не хочет отключать этот чёртов дождь. Ты когда-нибудь попадал в ситуацию, когда выдираешь вилку из розетки, а телевизионная панель продолжает работать? Нет? А я сталкиваюсь с таким каждый день: даже отключённый модуль погоды продолжает раз за разом создавать новые потоки дождя. Ты хоть представляешь, каково это – каждый день врать людям, говорить, что всё будет хорошо, видеть в их глазах надежду и знать, что она обречена? Мы не можем починить Систему... мы не можем...

Старший Техник схватил себя за волосы, подошёл к окну и затаил. Вергилий внимательно следил за моей реакцией, но я застыл с открытым ртом, с трудом пытаюсь переварить услышанное. Спустя некоторое время Костя отпустил свои всклокоченные волосы, повернулся к нам с сильно измождённым выражением лица и сказал уже более спокойно:

– Система умирает, Стил, а вместе с ней и люди. В-вот, что происходит. Ты это хотел услышать? Мы не можем понять, что случилось с погодным модулем, не можем выяснить природу страшных головных болей и не знаем, почему именно сейчас и откуда взялись эти Кукловоды. Только в одном мы уверены – всё это как-то взаимосвязано.

– Поэтому ты здесь, Стил, – добавил Вергилий. – Я решил ввести тебя в курс дела потому, что ты глубже всех увяз во всём этом. По непонятным причинам на твою голову сыпятся все обломки умирающей Системы, как ты верно выразил-

ся. Я уже достаточно изучил тебя за это время и знаю, что ты никогда не остановишься и не успокоишься, пока не перевероришь все осиные улья по обе стороны центрального шоссе. Я не забыл о твоём состоянии и повреждённом разуме, но по стечению обстоятельств именно ты видел Кукольника, говорил с ним, прошёл через все круги ада, и, похоже, именно тебе предстоит разобраться с этим. Что бы я ни думал о твоём поведении или болезни, но судьба Системы сейчас важнее всего, и она находится в том числе в твоих руках, понимаешь? Вот почему так важно найти Кукольника как можно скорее и почему ты нужен здесь и сейчас.

С каждым его словом я всё отчётливее осознавал масштабы ужаса, нависшего над нашей Системой и над всеми нами. Я вдруг представил, как она может рухнуть в любой момент, и невольно вздрогнул от такой мысли.

– А что с этими людьми? – потухшим голосом спросил я. – О которых говорили по новостям, с головной болью, много таких?

– Много... – буркнул Костя, бросая мимолётный взгляд в мою сторону.

– Достаточно, Стил, чтобы начать действовать незамедлительно, – подтвердил Хранитель.

– Их можно вылечить или как-то помочь? – заранее зная ответ, спросил я.

Костя печально помотал головой.

– Всё, что мы можем, – это лишь избавить их от боли...

навсегда.

– Но как же так? – запротестовал я. – Вы хотите сказать, что я вёз этого человека в башню только ради того, чтобы он умер здесь? Но почему? Почему нельзя просто вывести его из Системы, позволить ему проснуться?

– С такой зашкаливающей нейроактивностью? Это невозможно, – ответил старший Техник. – Прости, Стил, но попытка освободить сознание в таком состоянии тоже погубит его, только умрёт он в ещё более страшных муках.

– Но, но... – Я отказывался верить в то, что услышал.

– Прости. – Константин развёл руками.

Вергилий решил поддержать Техника и добавил:

– Те, у кого достаточно средств, оплачивают убойную дозу блокираторов и выбирают для себя жизнь растений, медленное увядание, с постепенным отмиранием клеток мозга. Было у нас пару таких. Так отчаянно умоляли сохранить им жизни, что расставались со всеми своими богатствами ради медленной, зато безболезненной кончины. Кстати, Плотников, у нас такие ещё остались в живых?

Техник в это время о чём-то призадумался, сильно нахмурившись и склонив голову.

– Плотников!

– А, да, что? – очнулся Костя.

– Я попросил узнать, остались ли у нас ещё люди на блокираторах синаптических связей?

– Да-да, сейчас. – Плотников послушно открыл Консоль,

забежал пальцами по воздуху и через минуту выдал ответ: – Да, господин Хранитель, остался один, последний, и сидит на них уже очень давно, но его средств хватит ещё надолго.

Вергилий посмотрел на Техника, поморщил лоб, о чём-то размышляя, машинально почесал подбородок и повернулся ко мне.

– Стил, я знаю, что вы ещё не восстановились после вчерашнего ранения, поэтому хочу поручить вам с напарницей небольшое задание. Поезжайте к этому человеку и избавьте его, наконец, от страданий, – сказал Вергилий и повернулся в сторону Техника: – Костя? Передай «Фениксу» его адрес.

– Вы хотите, чтобы я отключил больного, неподвижного человека? – нахмурился я. – Похоже, вы все издеваетесь надо мной.

– Я хочу, чтобы ты своими глазами увидел это, ощутил всю тяжесть нашего положения.

– Но разве он не заплатил за такую жизнь?

– Заплатил, – без тени сомнений ответил Хранитель. – Но после сегодняшнего инцидента мы не можем больше рисковать

Я ничего не ответил. Я не хотел, да и не мог больше говорить. Мне только вспомнились недавние слова Кости, и как же он оказался прав – боль забирает всё. Мне ли этого не знать. Она забирает всё, высасывает тебя, опустошает, подчиняет себе и ничего не оставляет взамен. Хотя нет, она оставляет звенящую пустоту внутри, которую сама же

пытается заполнить собой. Бурным потоком боль оmyвает всё внутри, бьётся истерикой в висках, она уничтожает тебя. Истязает... С каждым приступом, с каждым незримым уколom что-то внутри тебя ломается, всё человеческое начинает трещать по швам, нежные струнки доброты рвутся и хлещут тебя своими тонкими оборванными концами. Сначала уходит любовь к людям, к родным, к самому себе, а потом и к самой жизни. Затем твою одинокую обитель покидают последние стремления и мечты, а следом приходит оно – желание покончить со всем этим раз и навсегда. Сначала оно слабое, чуть заметное, словно едва уловимый аромат холодного бриза в знойный тень, но оно уже там, начинает подтачивать тебя, подчинять, заставляет думать лишь о нём, о далёком морском берегу, где ты бы мог избавиться от этой пытки и найти покой. Потом приходит страх. Ты боишься жить, умереть, да всего на свете, но больше всего ты боишься, что эта боль никогда не уйдёт, не выпустит тебя из своих мучительных объятий. Ты начинаешь страшиться своих мыслей и желаний, что в один прекрасный день не устоишь перед соблазном избавиться от вездесущей боли. Но ещё больше ты боишься остаться один, наедине со своими страхами, желаниями и нестерпимой болью. В конце концов, она забирает и эти мысли, не оставляя ничего, кроме единственного желания – покончить со всем. Любым способом. Однажды ты проснёшься и поймёшь, что у тебя не осталось другого выхода, и тогда ты начнёшь молить о смерти, истязать себя и кри-

чать на весь мир, чтобы хоть кто-нибудь услышал и помог. Костя был прав: в этот момент ты ещё не готов покончить с собой, с тобой остаются низменные инстинкты, тяга к жизни перевешивает любые мысли. Ты можешь молить о смерти, думать, мечтать, ты можешь говорить только о ней, но ты ещё не готов это сделать сам, ты ещё не дошёл до той животной черты. Но когда-нибудь боль доберётся и сюда. Она заберёт с собой последние остатки человечности, превратит тебя в одержимого монстра, гонимого лишь своим безумием и страхом, вот тогда ты будешь готов... готов освободиться.

* * *

Из кабинета Хранителя я вышел в глубоком расстройстве. События и новости последних дней тяжело сказались на моём моральном здоровье. Все эти проблемы, смерти, устрашающие рассказы Плотникова и укорительный фатализм Вергилия... Мне начинает казаться, что только я один отвечаю за Систему, что на моих плечах зиждется весь мир, всё равновесие. И я один должен нести эту непосильную ношу, вечно вытягивать всех из болота, спасать их жизни и миллиона других людей. Почему всегда я? Неужели весь мир вращается вокруг меня одного? Я постоянно попадаю во все подряд передраги, лезу в каждую драку и всегда во всём виноват. Чем я лучше других или своей напарницы? Пусть всё свалится на неё, хотя бы на время, пусть она одна ищет это-

го проклятого Кукольника. Я стою на грани и оглядываюсь назад, я устал вечно бежать на месте и забыл, когда у меня в последний раз ничего не болело. Мне хочется немного отдохнуть, чтобы кто-нибудь позаботился обо мне и взял на себя частицу ответственности, но так нельзя...

Я гнал порочные мысли прочь, пытался взять себя в руки, но они гудели как стая диких пчёл. Голова стала тяжёлой от нахлынувшей на меня информации, откровения Плотникова не давали мне покоя, но я хотел вовсе не этого. Я страстно желал чуточку радостных вестей, событий, услышать о шансе на спасение, увидеть добродушную улыбку Вергилия и узнать, что всё будет хорошо. Я искал ответы, но получил только новые вопросы, неустанно разъедающие мой разум. Не хочу... не хочу думать, действовать... сейчас мечтаю только о том, чтобы скорее оказаться под душем и смыть с себя последние остатки утренней мерзости. Ещё одно ужасное утро, ещё один длинный и тяжёлый день в моей бесконечной череде неудач.

Я поднялся на лифте к душевым, сбросил с себя всю одежду в раздевалке, закрылся в одной из уютных кабинок и выкрутил кран. Спасительный тёплый и ласкающий поток воды окутал меня ровным шуршанием, он обволакивал и погружал в привычный режим душевой медитации. Только здесь я мог расслабиться и предаться глубоким мыслям. Я закрывал глаза, слушал равномерный шум падающих струй воды, которые звонко бились о кафельный пол. Ясные картинки

мыслей начинали танцевать перед моими глазами, вспыхивая яркими звёздами из темноты. Это состояние похоже на сон или некий транс, куда я погружался так глубоко, что мог потерять счёт времени под тёплыми потоками ласкающих брызг. Именно так я мог остаться наедине с собой, отрешиться от всего остального мира с его бесконечными проблемами и страстями, мог подумать о вечном. Здесь меня посещали самые светлые мысли, странные, но в то же время лучшие идеи, здесь я почти видел сны...

Но не сегодня. Сейчас даже здесь, в своей уютной, тёплой и кафельной колыбели, мне совсем не хотелось думать. Я неподвижно стоял, медленно погружаясь куда-то вглубь своего сознания, и только глухая, ноющая боль в плече от бьющихся по нему потоков воды не давала мне окончательно отрешиться от довлеющей действительности. Плечо было как новое, на нём не осталось ни следа вчерашних боевых подвигов, кости срослись, а раны затянулись. Жаль только, сознание нельзя так же быстро вылечить, как тело, оно куда как более сложное по своей природе, и его не так просто обмануть. Можно скрыть любые повреждения и дефекты, затянуть порезы, собрать заново раздробленные кости, но вот сознание... Мозг трудно обмануть, он отказывается верить в то, что рана может вот так быстро исчезнуть. Игры с разумом не так просты, как кажутся, поэтому боль продолжает некоторое время досаждать нам.

Не знаю, сколько времени я провёл в душе, но оттуда вы-

шел с некоторым облегчением. Внутреннее оцепенение и самоотрицание прошло, растворилось, я сбросил с себя неприятные воспоминания и с воодушевлением направился к выходу, где меня должна ждать Кира. Я спустился на первый этаж, но ещё до того, как двери лифта раскрылись передо мной, услышал громкие голоса, похоже, что Марина с кем-то оживлённо спорила в холле башни. Когда я вышел из лифта, то обнаружил рядом со стойкой Марины нашего бывшего начальника Икарова, призывно протягивающего к ней руку, а рядом застывшую в растерянности Киру. Напарница встретила мой приезд благодарным взглядом и явной просьбой о помощи.

– ...Марина, пожалуйста, я должен их увидеть, хотя бы на пару минут, – униженным и умоляющим голосом прохрипел Икаров.

– Сергей Геннадьевич, я уже сказала, что не могу пропустить вас, – с показным разочарованием ответила она. – Ваш допуск аннулирован. Что на вас нашло? И двух дней не прошло...

– Сергей Геннадьевич, прошу вас, – неуклюже пыталась вмешаться Кира и успокоить его.

Я остановился на полпути, наблюдая за происходящим, и пытался понять, что происходит.

– Вы не понимаете... не понимаете, – причитал Икаров. – Я надеялся, Кирочка, что хотя бы ты поймёшь. Дни превратятся в недели, а те – в месяцы, но это ничего не изменит.

У меня ничего не осталось, ничего... а мысли о том, что я больше никогда не увижу своих ребят и родной отдел, хуже смерти. Каждый час в моей пустой квартире невыносим, каждое утро напоминает мне, что жизнь закончилась. Ведь её смысл здесь, в башне, вы были моей единственной семьёй. Прошу, не отнимайте это у меня, я хочу увидеть своих ребят, хотя бы раз.

Бывший начальник склонился над стойкой, прижимая к груди свою широкополую шляпу, и с трудом сдерживал слёзы. Марина с тяжестью выдохнула и заметила за его спиной мою робкую фигуру.

– О, Стил, наконец-то! – с облегчением воскликнула она, будто моё слово должно стать решающим.

Кира тоже быстро замахала рукой, скорее подзывая к себе. Икаров медленно обернулся, и в его грустных глазах блеснула надежда.

– Стил, рад тебя видеть, может, хоть ты вразумишь её? Маринка не пускает меня в башню, представляешь?

– Он-то как раз представляет, – пробурчала под нос Марина.

– Здравствуйте, Сергей Геннадьевич, тоже рад вас снова видеть, – с радостью воскликнул я, пытаюсь хоть немного разрядить обстановку.

Я подошёл к стойке, встал рядом с напарницей и поймал её сочувствующий взгляд. Она прекрасно понимала, насколько больно мне будет говорить следующие слова.

– Я ненароком подслушал ваш разговор, и, думаю, не имеет смысла спрашивать о ваших делах? – начал я издали, пытаясь смягчить будущий удар в спину.

– Какие уж тут дела, ребятки...

– Послушайте, Сергей Геннадьевич, я прекрасно понимаю, что вы сейчас чувствуете, уверен, и они тоже. – Я кивнул в сторону девушек. – Никто из них... из нас не желает вам зла. Вы же были главой отдела Стражей долгое время, были лучшим из нас и как никто другой знаете правила, которым мы вынуждены неукоснительно следовать. Марина при всём желании не может пропустить вас, иначе её ждёт отключение. Горечь застилает вам глаза, но в глубине души вы всё понимаете.

– Да, понимаю... – Икаров неожиданно быстро согласился с моими словами и совсем поник.

– Тем более там, – я указал пальцем наверх, – не осталось ничего и никого, куда бы вы могли вернуться. Вы же помните свои проводы? Ваше наследие живёт в сердце каждого Стража, но вот их память оказалась очень короткой. Вся ваша семья сейчас находится рядом с вами, и мы никуда не денемся. Правда, Марин?

Девушка подпрыгнула на месте и чуть не потеряла очки от неожиданного вопроса.

– Д-да, конечно, Сергей Геннадьевич, мы вас безмерно уважаем, – затараторила она, бросая на меня мстительные взгляды. – Но я умоляю, вам лучше уйти. Если Хранитель

узнает о вашем визите, то...

Марина затихла, увидев неодобрение в наших с Кирой глазах.

– Не обижайтесь на неё, – сказал я Икарову и положил руку на его плечо. – Никто вас не гонит. На самом деле Марина очень переживает за вас и в чём-то права. Вы сами прекрасно знаете о щепетильном отношении к безопасности башни. Последствия ваших действий могут быть очень серьёзными. Успокойтесь, езжайте домой и отдохните. А мы с Кирой вас как-нибудь навестим, как и обещали. Не бойтесь, вы не останетесь один.

– Да, Сергей Геннадьевич, обязательно, – подключилась к разговору Кира. – Я вам привезу целую гору кексиков к чаю, я тут знаю такую шикарную пекарню, ум отъешь!

Икаров всё это время молчал, смотрел в пол и лишь иногда шмыгал носом. На словах о кексах он оживился, утёр нос рукой и надел на голову шляпу. Затем вполоборота посмотрел на встревоженную Марину и кивнул ей на прощание.

– Спасибо, Марин, – прохрипел Икаров.

– За что? – бесцеремонно спросила она, опешив от его фразы.

– За всё...

Икаров поправил пояс своего насквозь промокшего кожного плаща и под наши призывные похлопывания по спине направился к выходу. Уже на улице, когда двери с угрожающим шипением закрылись за его спиной, а дождь умыл

проступившие слёзы, он обернулся и посмотрел ввысь, на ускользящий в облаках пик его прошлой жизни.

– Я не смог, ребятки... понимаете? Не смог.

Икаров обнял Киру, и та в ответ погладила его по спине.

– Я обещал, что справлюсь, но оказался слишком слаб. Вероятно, они все правы, я не гожусь больше в Стражи, я не могу справиться даже с собственными страхами. Так тяжело каждую минуту смотреть в бездну и знать, что у неё нет конца.

– Ну что вы, Сергей Геннадьевич... – забеспокоился я.

– Не нужно, Стил, не успокаивайте меня, – прохрипел Икаров и вслед за Кирой обнял меня. – Я сам виноват, что пришёл сюда, сорвался, это сделало только хуже. Обещаю, что больше этого не повторится. Ладно, бегите, ребята, служба ждать не будет, вы нужны Системе! Помните, чему я вас учил, и... жду вас в гости.

Икаров с трудом улыбнулся, неловко попрощался и отправился пешком вдоль тротуара, где со временем растворился среди потока людей. Мы с Кирой переглянулись, обменялись всей гаммой нахлынувших эмоций и поспешили укрыться от дождя в нашем служебном автомобиле.

– Он появился так внезапно, я не успела даже понять, что происходит, – будто оправдываясь, произнесла Кира, когда мы отъехали от башни. – Я ждала тебя в машине, переживала о вашей встрече с Хранителем, и тут он возникает у дверей, как будто из воздуха. Думала, что-то случилось, а тут

это... грустно как-то. Никогда не видела его таким жалким, ведь он всегда служил для нас примером. Что с ним такое произошло?

– Его можно понять, – ответил я, рассматривая прохожих на улице. – Когда разом пропадает цель в жизни, то легко потерять себя. Представь, если тебя лишат звания Стража и выкинут на улицу, что ты будешь делать, как жить? Мы ведь больше ничего не умеем.

– Надеюсь, я до такого не доживу, – тихо ответила Кира.

– Да, я тоже.

После случившегося я так и не решился рассказать Кире обо всём, что услышал в кабинете Вергилия, думаю, с неё достаточно переживаний за сегодняшний день. Пусть все эти проблемы с Системой и откровения Плотникова пока останутся для неё тайной, дам ей хотя бы немного времени пожить ещё надеждой на лучшее.

Через пять минут мы подъехали к небольшому невзрачному кафе, которое расположилось на первом этаже серого пятиэтажного здания неподалёку от башни Стражей. Нам пришлось проехать всего несколько кварталов, свернуть на неприметную улочку и остановиться у больших прозрачных окон, где по всей длине заведения краской выведена небрежная и броская надпись: «Кафе Лазурит». Кира уверяла меня, что нашла его по рекламному справочнику из своей Консоли, который она с голодным урчанием изучала всё время, пока ждала меня в машине. По её словам, это единственное

вменяемое заведение неподалёку от башни. Не знаю, как она оценила вмменяемость заведения по рекламе, но возражать я не стал. Мне ужасно хотелось есть, и я готов был обчистить любую захудалую забегаловку.

С предвкушением скорого наслаждения мы вбежали в стеклянную дверь с правой стороны заведения, где была на-малёвана последняя буква в названии кафе, да так небрежно, что больше напоминала крест, чем букву Т. Внутри оказа-лось всё не так плохо, как убеждало моё предчувствие. Круг-лые деревянные столики были хаотично расставлены по все-му просторному залу, а небольшие, но удобные деревянные стулья аккуратно расположены вокруг них. В дальней сторо-не за широкой стойкой скучал единственный продавец, ко-торый отпускал заказы.

Голодные глаза – самые жадные, это давно известно. Мы набрали всего подряд из меню, даже особо не вникая в ди-ковинные названия и придумки местного повара, взяли под-носы с долгожданным обедом и устроились в самом углу ка-фе под тёплым и неярким светом из местных фигурных и витиеватых люстр. Мы сразу же принялись уплетать искус-ные яства, и Кира, заметно повеселев от такой долгожданной трапезы, начала расспрашивать меня о том, что случилось у Хранителя. Я всячески уклонялся от придирчивых вопро-сов напарницы, отговариваясь простыми фразами и нелепы-ми отмашками. Сказал лишь, что расспрашивали про того самоубийцу в грузовике и немного дежурно поругали. В от-

вет на мою горькую гримасу Кира посетовала на недавние события, подивилась поведению того мужчины и, кажется, осталась довольна моим рассказом, с ещё большим усердием набросившись на порцию овощного салата.

Некоторое время мы ели молча, я слушал сладкое урчание напарницы, поглощающей какое-то непонятное блюдо, и осматривал людей, сидящих за соседними столиками. В середине дня посетителей было не так много, заведение заметно пустовало и, похоже, не пользовалось особой популярностью, хотя находилось в паре шагов от центра и сердца мегаполиса. Хозяин заведения не слишком угадал со своей целевой аудиторией. Здесь жили в основном богачи, владельцы стеклянных башен, а они предпочитали дорогие и элитные рестораны, залитые светом от разноцветных ламп, чужой славой и приправленные живой музыкой, где обычные блюда преподносили как величайшие сокровища мира, да и цена была под стать их воспетой огранке. Для бедняков же это кафе могло показаться дороговатым. Несмотря на свой простой и неуклюжий вид, близость к центру сказывалась на заведении не лучшим образом, местные блюда были несоизмеримо дороже своей реальной стоимости. Именно об этом я подумал, когда услужливый продавец за стойкой показал свою Консоль с выставленным счётом. Я ещё раз пробежался глазами по паре посетителей, которые с безучастным видом жевали травянистые салаты и с полным безразличием и взглядом манекенов смотрели в одну точку на столе. Ни

одного лишнего движения, ни одной эмоции, реакции, которая выдала бы в любом из них простого и радостного человека, живущего своей разнообразной жизнью. Кругом зияла сплошная серость из роботов, методично отрабатывающих свою программу день за днём.

От нахлынувшей на меня досады я положил вилку на тарелку с недоеденной местной стряпнёй и с глубоким огорчением вздохнул.

– Когда мы успели стать такими?

– Какими? – Кира оторвалась от обеда и с недоумением посмотрела на меня.

– Такими, – повторил я и кивком показал на жвачное животное за одним из столиков. – Равнодушными, бесчувственными... неживыми.

Кира некоторое время со вниманием разглядывала жующего мужчину средних лет и непонимающе хмыкнула.

– А что не так?

– Ты не видишь? Пару часов назад огромная толпа людей безучастно наблюдала, как мучается другой человек от страшной боли, они просто стояли и смотрели. Ни один не подумал вызвать Техников или хотя бы подойти, справиться о его состоянии. Никто не захотел помочь, для них чужая боль не более чем аттракцион в этой жизни.

– Ах, ты про это... – Кира только отмахнулась в ответ и засунула в рот огромный лист салата. – Не обращай внимания. Я же говорила, люди всегда были такими. Всегда были

и будут эгоистичными свиньями, поражённые язвами корысти, бездушия и отравленные тщеславием. Это в нашей природе, Стил. Ты думал, почему мы бежали из того мира? Так от самих себя и бежали. Ты сам посмотри вокруг, разве когда-то было иначе? Чему тут удивляться? Им...

Кира размашисто указала пальцем куда-то в зал, целясь то ли в жующего мужчину, то ли в кого-то другого, отчего многие стали странно на нас коситься.

– Им плевать на тебя, меня, вообще всех. Помнишь того Отступника с плакатом? Вот! Да пусть мы хоть все будем подыхать в болоте, как последние животные, они даже пальцем не пошевелият. Каждому из них важна только своя задница, своя жалкая жизнь, карьера и те крохи, что он зарабатывает себе на пропитание. Очнись уже, Стил! Хватит летать в своих иллюзиях, думать о них, как об ангельских созданиях, они тупой скот, способный только разрушать себя и всё вокруг без контроля Стражей.

Я чуть не подавился остатком котлеты у себя за щекой, поперхнулся и закашлялся, склонившись над столом.

– Ты чего такое говоришь? Ты с ума сошла? – выдавил я после того, как кашель позволил вставить слово. – Послушать тебя, то и защищать их незачем.

– Так мы защищаем не их, а Систему, по сути, будущее для всего человечества. Это просто вопрос выживания. Тебе самому не надоело играть с ними, как с детьми, сюсюкаться, боготворить? Ты думаешь, вот он пожалеет тебя, поделится

последней рубахой, поможет, когда ты будешь в беде?

Кира слегка повысила голос и снова указала пальцем на неизвестного мужчину, отчего тот уже с некоторым возмущением отставил пищу и посмотрел в нашу сторону.

– Думаешь, он невинная овечка? Да он скорее раздавит тебя и пойдёт по головам всех, кто будет стоять на пути к его славе, к вершине его успеха. Он не видит ничего, кроме этой вершины, и сделает всё, чтобы её достигнуть. Он такая же бесчеловечная скотина, как и та толпа зевак, он будет спокойно смотреть, как ты корчишься от боли, и думать, что ты сам это заслужил. Где те отважные и мудрые строители нового мира из детских сказок, где те бесстрашные и смелые люди, построившие Систему? Где они все, о ком слагали легенды? Может, их не было вовсе? Всего лишь очередной осколок старого мира.

Мужчина, про которого шёл такой эмоциональный монолог, спешно попросил счёт и решил побыстрее ретироваться с поля брани, от чего мне стало совсем неловко перед посетителями кафе. Кира с неким злым огорчением умолкла, затем стала нервно накалывать на вилку остатки сельдерея и резко забрасывать их в рот.

– Может, они и не пример добродетели, – осторожно и негромко произнёс я, поглядывая в свою пустую тарелку. – Но как-то Наставник сказал нам, что людей стоит любить не за то, какие они есть, а за то, какими могут быть.

– Возможно, их внуки и будут другими, но жить-то нам

с ними. – Кира кивнула головой в сторону других столиков, но сразу заметила моё скептическое выражение лица. – Считаешь, что я не права?

– Считаю, что эгоисты не смогли бы построить Систему, возвести нечто подобное, величественное, невероятное. – Я чуть заметно улыбнулся. – Посмотри вокруг: разве похоже, что это делали безучастные люди? Они вложили столько труда, сил и, главное, творчества. Делали это с непоколебимой волей, искренне создавали свою мечту, а подобное творчество не живёт в неволе, оно в ней задыхается, умирает. Возводить великих колоссов способен только свободный человек, неотягощённый путами эгоизма, стяжательства или корысти, как ты говоришь. Эгоист не способен создать целый мир, он может возводить только стены.

– Что ты хочешь сказать? – Кира нахмурилась и отодвинула от себя опустевшую тарелку.

– Я уверен, что люди не всегда были такими. Наши предки, кого мы называем Творцами, были явно лишены этих качеств современного человека, а значит, люди изменились после. Что-то повлияло на них.

– И что же? – снисходительным тоном спросила Кира.

– Я думаю, мир каким-то образом изменился, Система стала другой, и человек изменился вслед за ней.

– Ох, Стил. – Кира улыбнулась как-то не по-доброму. – Люди создали этот мир таким по своему образу и подобию, именно мы влияем на мир, а не наоборот.

Кира бросила перед собой грязную салфетку и уже отодвинулась на стуле, чтобы встать из-за стола, но я остановил её, продолжая спор.

– Нет, как раз наоборот. Я понял это совсем недавно. Творцы явно желали иного будущего для всех людей, но что-то пошло не так. Отступники, Кукловоды... мы застряли в этом бесконечном противостоянии, замкнутый круг, откуда не можем выбраться.

– Да потому, что люди не меняются, Стил, пойми ты наконец! – с надрывом произнесла Кира. – Вся эта чушь про светлое будущее нужна лишь для самоуспокоения. Мы защищаем людей только от них самих!

– Как ты можешь такое говорить? – я не ожидал услышать такие слова из уст Стража.

Кира никогда не отличалась особой мягкостью или тактичностью, она часто могла казаться другим людям слишком прямолинейной и грубой, но никогда не давала повода сомневаться в искренности своих намерений. Она всегда с большой самоотверженностью рвалась в бой, истребляла врагов Системы и чтילה Основной закон. Я всегда был уверен в чистоте её помыслов и идеалов, но, похоже, события последних месяцев подкосили немало Стражей, внося в их умы смятение и разочарование. Тяжёлые времена всегда выступали серьёзным испытанием для любых идеалов, проверяя силу духа и веру в собственные мечты. Система точно не устоит, если её единственная опора сломается под тяже-

стью собственных сомнений. Но чем же я лучше? Я боялся, что слова Киры могли услышать все присутствующие в зале, этой небольшой перепалкой мы сами не раз нарушили Основной закон. Но, увлѣкшись процессом спора, мы сами не заметили, как люди быстро покинули кафе при первых признаках вскипающих нервов. Один кассир продолжал исправно нести свою вахту, безразлично поглядывая в нашу сторону.

– Чем раньше мы перестанем гоняться за призраками будущего, тем скорее очистим Систему от всякой мерзости, – решительно отрезала Кира.

– Но тогда всё это не имеет смысла, – с грустью заключил я. – Если не жить мечтой о лучшем мире, зачем тогда продлевать агонию?

– Всё, хватит, давай каждый останется при своём мнении. – Кира вскочила с места, махнула рукой и повернулась в направлении выхода.

– Как скажешь, – пробубнил я в ответ. – Тогда поехали уже, выполним новое задание Хранителя.

Кира сделала шаг, замерла на миг и обернулась.

– Какое? – озадаченно спросила она.

* * *

Кира не любила спорить, впрочем, как и большинство

других, с кем мне удалось столкнуться на фронтах логических сражений и священных войн за прописную истину. Она быстро начинала злиться, терять контроль, хотя и пыталась этого не показывать, но её ядовитые слова, злая насмешка в глазах, словах и действиях показывали истинное отношение к позиции оппонента. Похоже, она считала всех остальных глупыми и неразумными детьми, недостойными спора. Кира всегда стояла на своём с такой невероятной решимостью, говорила с таким апломбом в голосе, делала грозное выражение лица, а её устрашающий взгляд испепелял оппонента дотла ещё до того, как тот посмеет возразить, что казалось, она действительно верит в свои слова. Каждое сказанное слово в разгар спора она произносила с таким вызовом и напором, будто это всем понятная истина, не требующая объяснений, а неразумный оппонент вызывал только раздражение. Ей легче отмахнуться от моих доводов, небрежно бросить типичную отговорку своему затворничеству: «У всех своё мнение» – и победно ретироваться из спора, не желая больше проверять на прочность стены собственной темницы. В этой тюрьме среди затхлой вони гниющих догм томятся многие, кто добровольно отказался от света, ведь свободен лишь тот, кто сам оставил двери открытыми. Если пристально посмотреть в её глаза, то за образом бравого воина теоретических баталий можно разглядеть маленького пугливого человека, дрожащего от страха перед огромной, довлеющей массой непознанных сил. Я видел Киру насквозь,

и это не скрыть за её сверкающими доспехами из эмоций и хлестких фраз. Она просто боится правды, бежит от мира и его истинного обличия, скрывается от собственных пугающих мыслей. Такие люди, самоуверенные и жёсткие, не могут дать слабину, показать, что они ошибались, для них это будет концом их собственной личности. Они убеждены в своей непогрешимости, возводят вокруг себя зыбкий иллюзорный мирок, складно скроенную сказку, и смертельно боятся её потерять. Ведь, кроме неё, у них ничего нет. Только там, зарываясь с головой в сладкий дурман собственного разума, становится всё просто и понятно, они ощущают себя в безопасности, среди привычных правил придуманного мира. Поэтому такие люди избегают споров, они боятся разрушить хрупкую иллюзию, потерять себя и никогда больше не увидеть света. При первой возможности они закрывают все подходы под завесой мрачных слов о недостижимости истины, об её относительности для каждого человека. Но это не так, за тусклым сиянием искусственных ламп нужно не бояться искать яркий свет настоящего солнца.

Только сейчас я понял это и по-другому взглянул на свою напарницу, на милую, но немного чёрствую и жестокую Киру. Посмотрел в её суровые и обиженные глаза и улыбнулся, стоя под холодными струями дождя у входа в злополучное кафе. Ведь она не такая, какой хочет казаться. Где-то под этим бесконечным слоем из колючек и ядовитых слов, под слоем напыщенного мрака, прячется милое и добродушное

существо, тот радостный и наивный ребёнок, что однажды пришёл в школу Стражей с добрыми помыслами и тягой к свету. Она просто забыла, потеряла себя в тумане дождливого дня. От этих мыслей у меня потеплело на душе, мир сразу обрёл новые краски и стал чуточку понятнее, захотелось идти дальше и выше, открыть оставшиеся двери и узнать, что таится за ними. Не волнуйся, Кира, я не такой, я не боюсь ошибаться и ни за что не сдамся. Я дойду до конца пути, усвою все уроки и докажу, что за вечными тучами прячется солнце.

– Залезай уже в машину, чего застрял! – рывкнула Кира из салона автомобиля.

Я послушно занял своё место.

– Ты почему сразу не сказал, что у нас задание от Хранителя? Ездим тут, прохлаждаемся.

Кира точно затаила обиду за наш маленький междусобойчик, но упорно делала вид, что ничего не произошло. Но я продолжал смотреть сквозь окно на здание кафе.

– Боюсь, что наш с тобой разговор в кафе слышали все присутствующие, – сказал я отрешённо.

Кира поморщилась и покачала головой, явно не желая вспоминать эту тему.

– Забудь, всё равно никто из них ничего не понял. Разбежались, как мыши от грома, и наверняка уже всё забыли. Так что там с заданием, не томи?

– Если бы ты только знала, в чём заключается это зада-

ние. – Я отбросил тяжёлые мысли и улыбнулся. – Нам приказали отключить ещё одного беспомощного старичка.

Кира повернулась ко мне всем корпусом и подозрительно посмотрела на меня.

– Это шутка такая? – с сомнением спросила она.

– Какие уж тут шутки? Сама посмотри, Плотников должен был прислать адрес. – Я провёл пальцами по Консоли автомобиля и нашёл необходимый адрес с заданием. – Вот, улица Зелёная, дом номер два, квартира пять.

– Да они издеваются! – воскликнула Кира. – Я не для этого шла в Палачи, чтобы возиться со стариками. Они сами скоро помрут, а изъять чип может любой Техник.

– Хранитель называет это заботой о нашем здоровье. – Я усмехнулся собственным словам. – Расслабься, ты же сама хотела отдохнуть после дозора. Старик, кстати, не совсем обычный. Он сидит на синаптических блокираторах из-за головных болей.

– Блеск! – Кира всплеснула руками и ударила по рулю. – Он ещё и овощ. Ладно, поехали. Зелёная улица, говоришь? Тогда понятно...

– Угу, судя по карте, это где-то недалеко от центра.

Напарница с недоверием посмотрела на меня и усмехнулась.

– Стил, ты сколько уже живёшь на этом свете? Каждый раз не перестаю удивляться. Столько времени неустанно колесим по городу, а ты всё не можешь запомнить названия

улиц.

– Зачем мне это? Ты у нас главный водитель, и к тому же всегда есть навигатор, – пробубнил я.

Кира хмыкнула, завела двигатель и выехала на дорогу. На самом деле я немного слышал о Зелёной улице из давних рекламных проспектов. Рай на земле, цветущий уголок на задворках мрачного мегаполиса. Заманчивые слоганы наперебой расхваливали преимущества местной недвижимости. Сама улица находилась севернее от центра города, скользя по самой границе Системы, самый дальний уголок от шоссе и спальной части. Безусловно, такое расположение выбрано неслучайно. Местный контингент, скупающий здесь дорогущие и роскошные апартаменты, стремился быть как можно дальше от гнетущего образа бедных районов, отгораживаясь от них высотками центра города, закрывающими собой всё небо. Они предпочитали жить спокойно на своём отдельном клочке земли, в стороне от остального люда. Расстрачивали там свои жизни, любовались бесконечными рядами клумб и вечнозелёных насаждений перед домами, за что улицу и прозвали Зелёной. Изо дня в день они наблюдали перед собой только свой уютный мирок, всю его красоту и безмятежность, где утопали и растворялись в спокойной обстановке в окружении верных слуг: поварих, уборщиц и личных массажистов. Они окружали себя большим количеством охраны, закрываясь и защищаясь от мира, что сами и построили. Ведь за всей этой ширмой так удобно прятать глаза, чтобы

не видеть всю боль и страдания остального мира, чтобы не знать о судьбах других людей, об их интересах и потребностях. Так они защищали свою совесть, если она у них была, и круглосуточно тешили своё самолюбие. Если откуда и явилась гидра эгоизма в наш мир, то её головы начали расти из этого лживого цветущего рая, этого островка безмятежности в океане боли и страданий.

Сейчас мы направлялись прямо туда, в логово сильных мира сего, в домашний очаг коренных обитателей небоскрёбов, предпочитающих взирать на мир в одном из трёх положений: с высоты облаков из огромного шикарного офиса, через затемнённое окно лимузина или сквозь эту вечнозелёную призму домашнего уюта. Размышляя об этом, я с каждой минутой всё больше хотел выполнить это задание. Где-то глубоко в моей душе родилось новое, непонятное для меня чувство ненависти, раздирающее ощущение несправедливости. Оно скреблось из чертогов моего разума, рычало, разрывало клыками мои жизненные устои и выло диким животным. Оно хотело прорваться наружу и завладеть моим разумом, но я вовремя сковал его цепями самообладания. Я глубоко вдохнул и медленно выдохнул, пытаюсь сконцентрироваться на задании, и не успел опомниться, как мы уже прибыли на место.

– Но... что это? – воскликнул я, ошарашенно озираясь по сторонам, когда Кира въехала на Зелёную улицу.

– Как что? Зелёная улица, разве не видишь? – недоумева-

ла напарница.

– Зелёная?

То, что предстало пред моим взором, мало походило на яркие рекламные слоганы и слухи из городских легенд. Я ожидал увидеть царство безудержной жизни, все краски благолепия, роскоши и богатства. Я хотел насладиться зелёными насаждениями, скульптурами из кустарника от признанных мастеров топиарного искусства. Я был готов ко всему, кроме этого. Перед нами раскинулась безжизненная пустыня, запустение и смерть во всех её мыслимых проявлениях. Улица была безлюдна и молчалива, ни единого звука не доносилось из этого квартала, только дождь продолжал свою бесконечную траурную симфонию, размывая грязь по старой дороге. По обеим сторонам улицы возвышались некогда величественные и роскошные строения, переживавшие не лучшие времена. Широкие, но невысокие дома в три этажа, выглядели заброшенными и покинутыми. Красивое убранство фасадов, призванное издалека демонстрировать статус жильцов, представляло теперь жалкое зрелище. Высокие декоративные колонны потрескались, частично разрушились и осыпались, окрашенные поверхности потускнели и местами облупились, а резные барельефы и скульптурные композиции раскрошились и стали походять на непонятное месиво, криво приклеенное к стенам. Даже мраморные статуи во дворах нескольких домов почему-то были разрушены. От некоторых и вовсе остались только ноги и куча мрамора у

невысокого пьедестала.

Зелёные насаждения также бесследно исчезли и остались только в названии улицы, что стало горькой иронией. Когда-то здесь действительно цвели небольшие сады во дворе каждого дома, и каждый богатый зазнайка стремился украсить сад лучше и ярче, чем его менее успешный сосед из дома напротив. У подобного сожительства были свои особенности: местные дома строились исключительно в три этажа, и каждый этаж был поделён на две равные половины. Всего в одном доме проживало шесть семей. Наши богачи не жили каждый в своём личном доме, как можно было подумать. Нет, Система не настолько большая, чтобы вместить человеческую наглость подобных масштабов. Безусловно, более удачливые и богатые люди умудрялись в обход правил выкупить целый этаж, и, если верить местным байкам, то и два, может, даже целый дом, но лично никто не проверял. Впрочем, стеснения явно никто не испытывал. Квартиры были настолько огромные и просторные, что походили на небольшие дворцы, где, к несчастью для многих, приходилось терпеть соседние «королевства». Местные вообще оказались очень склочными людьми, склонными к постоянным конфликтам, ссорам, а иногда даже своеобразным войнам между квартирами и целыми домами. Несколько раз пришлось даже вызывать Стражей, чтобы уладить конфликт. Несмотря на это, дом всё равно оставался общим, как и лужайки перед ним, и даже размолвки не мешали жителям соревноваться в изыс-

канности и роскошности своих дворов.

К счастью, всё это я знал исключительно по многочисленным слухам и домыслам, что окружали территорию Зелёной улицы. Въезд сюда был ограничен для простых людей, а Стражи посещали этот район очень редко. В любом случае проверить эти слухи уже вряд ли удастся, от бывшего великолепия сладкой жизни не осталось и следа. Все кустарники зачахли, осыпались и погибли, редкие вкрапления деревьев осиротели без листьев, засохли и не подавали признаков жизни. Во дворах поселились мрак и тишина, где на месте бывших райских садов пузырилось под дождём какое-то отвратительное тёмно-коричневое месиво, гумус, в который превратилась местная растительность. Похоже, здесь уже долгое время никто не жил, даже огромные широкие окна в домах были наспех заколочены досками.

– Здесь будто ядерная бомба взорвалась, – поражался я. – Что произошло?

– А ты разве не знаешь? – Кира не переставала удивляться моей неосведомлённости.

– Никогда не интересовало это ханжеское место.

– Так эти случаи головной боли, о которых вещают в новостях, начались именно отсюда. Сначала они были редки и никто не придавал им значения, но когда эти богатеи один за другим начали сходить с ума от этой боли, здесь началась паника. Кричали, что это какой-то новый вирус, доселе неизвестное заболевание. Но откуда оно в Системе? В итоге,

толстосумы бежали отсюда куда-то в центр, поближе к своим башням всевластия, и теперь все живут в небоскрёбах. Странно, что ты этого не слышал. Эта улица давно заброшена, да и Отступники наверняка постарались на славу, мародёрствовали, как могли.

– Так это Отступники разнесли весь район? Они же разобрали его по кирпичику.

– Возможно. – Кира на секунду отвлеклась от вождения, повернулась ко мне и скривилась в загадочной улыбке. – А может, всё ещё хуже. Не знаю, насколько это правда, но я как-то услышала сплетни в женской раздевалке... Не смотри на меня так, я не специально, рядом просто проходила. В общем, один Наблюдатель рассказывал, что это сами толстосумы приказали всё уничтожить после своего отъезда, что не смогли забрать с собой, чтобы никому ничего не досталось. А вот, кстати, и наш дом!

Каменный образ искомого дома медленно и пугающе выплыл из серой дымки по правую сторону от дороги. Его вальяжные бока, подёрнутые гляncем от треснутой мраморной окантовки, зловеще поблёскивали под бурными потоками воды, стекающей с крыши. Этот дом ничем не отличался от большинства остальных на этой улице: такой же огромный трёхэтажный особняк с некогда великолепным и изысканным убранством. Когда-то его тоже обрамляли великолепные образчики декоративного искусства, выточенные из мрамора скульптуры, всевозможные ангелы с арфа-

ми или трубящие в горны и различные картины из мифов древности. Невероятные, величественные полотна человеческой фантазии, застывшие в камне на века, словно встретили когда-то на своём пути зловещий взгляд Медузы Горгоны. Большинство из этих украшений уже наполовину разрушены, куски мрамора, гранита и просто каменная крошка устилали всё вокруг подножия здания и утопали в грязи, обломки торчали из земли, словно памятники великому прошлому. Только внешнее убранство дома отличало его от остальных, рисунки и росписи на стенах отражали всю глубину художественной мысли хозяев, а оформление сада, как вычурный способ самовыражения, хаотичный и безыдейный. Но сейчас всё зачало, искорка жизни погасла и затерялась, а дома слились в общую серую массу, образуя настоящее кладбище бездумной погони за роскошью.

В отличие от других, этот дом непонятным образом пугал меня, в серости его мёртвых стен было что-то непонятное и гнетущее, он будто притаился, как хищник в предвкушении новой жертвы. Мне вдруг захотелось развернуться и как можно скорее уехать отсюда.

– У меня нехорошее предчувствие насчёт этого места, – тихо сказал я и поёжился. – Аж в дрожь бросает. Здесь вообще кто-нибудь живёт? Ты же сказала, что все уехали?

– Как видишь, не все. – Кира пожала плечами и указала на метку навигатора. – Вероятно, остались некоторые смельчаки, решившие, что они бесповоротно заражены. Умирают

теперь в одиночестве от головной боли. Хотя денег на блокираторы у них явно полно.

– Как тут вообще можно жить? Всё какое-то жуткое, мрачное, а дом выглядит совсем заброшенным.

– У нас в Системе теперь везде жутко и мрачно, – ответила Кира, а затем остановила машину у края дороги напротив дома и показала пальцем куда-то наверх здания: – Вон там, видишь? На третьем этаже в правой части дома зашторены окна. Похоже, что там и живёт наш клиент.

Кира была права, все окна в этом здании были заколочены досками изнутри, кроме тех, на которые она указала. Похоже, что вся правая часть дома под самой крышей была обитаемой. Напарница заглушила двигатель и вслед за мной начала пристально вглядываться в зашторенные окна, пытаясь разглядеть в них хоть какие-то признаки жизни.

– Как хоть зовут нашу несчастную цель? – спросил я сам себя и прикоснулся к открытой Консоли автомобиля, где отображалась карта с текущим координатами. – Ого, Анри Дюбуа... еле прочитал, что это за имя такое?

– Древнее, – бросила Кира, не отвлекаясь от наблюдения за окном.

– В каком смысле? – изумился я.

– Неужели не знаешь, а кто тут у нас специалист по древности? – Кира улыбнулась и покосилась на мой меч. – Я как-то читала, что подобные имена использовали наши далёкие предки, причём из другой, далёкой страны. Ты же знаешь

этих богатеев. Жируют, пируют, гниют и разлагаются. Их жизнь пуста и скучна, вот и начинают придумывать себе разные извращения, чтобы хоть как-то скрасить своё существование. Некоторые придумывают себе новую жизнь, меняют имена, обстановку, возводят вокруг себя другие декорации, создают сцену и устраивают свой личный мини-бенефис, где всё ненастоящее. Вся их жизнь – это иллюзия, где они счастливы.

– Ого! – Я даже присвистнул от удивления. – Не думал, что ты читаешь подобное.

– Ах ты, свинтус! – Кира в шутку толкнула меня в большое плечо. – Мало ты обо мне знаешь. Ладно, хватит уже оттягивать неизбежное, пойдём, покончим с этим.

Мы повыше застегнули куртки и с большой неохотой выскочили из машины. Кира сразу побежала к входу, а я немного задержался в пути, осторожно ступая по набухшей грязи, бурлящей под ногами. Дождь тем временем всё ожесточённее хлестал по земле и продолжал усиливаться, пока день неуклонно приближался к вечеру. Но моё любопытство оказалось гораздо сильнее страха промокнуть. Я внимательно вглядывался по сторонам, рассматривал то, что осталось от некогда цветущего уголка нашей Системы, и мне снова становилось не по себе. Бессознательное кричало внутри меня, билось в истерике, таинственный, глубинный страх сковывал каждый мой шаг и умолял вернуться, покинуть проклятое место. Вечер ещё не стал полноправным властителем Систе-

мы, но Зелёная улица уже погрузилась в свинцовые сумерки. Весь район покоился под мрачным океаном облаков, лишённый источников света и людских голосов, он быстро отдался на волю дождю и хлынувшей тьме. Хотя улица была на окраине города и не так далеко от оживлённого центра, но сейчас она представлялась оторванной от жизни, затерянной во времени и людской памяти, местом, которое отторгает сама Система.

На полпути до парадного входа с небольшим бетонным навесом я остановился у небольшого фонтана округлой формы. Он стоял прямо посреди дороги и, по всей видимости, когда-то венчал цветущий сад перед домом. Фонтан был неглубоким, с маленьким бордюрчиком, в центре которого разместились колонна с проложенными в ней трубами. Раньше она служила пьедесталом для симпатичной фигурки в виде пузатого, маленького ангелочка, который мило и задорно дул в широкую трубу, однако вместо музыки каменный музыкант исторгал потоки воды. Но не сейчас... Публика оказалась не способна оценить творчество маленького гения, его постамент был разбит, часть сторон треснула и раскрошилась, а труба, оцетинившись ржавчиной, угрюмо торчала ввысь. Сама статуя ангелочка лежала в грязи у моих ног с одним отломанным крылом и наполовину погрузилась в бурлящее коричневое месиво из земли и глины. Только один его глаз смотрел на меня из-под земли и плакал сотнями дожденок, стекающими по мраморной поверхности. Его пустой ка-

менный взгляд устремился прямо на меня... в этот момент где-то далеко раздались раскаты грома и стрелой пронеслись по пасмурному небу. Я вздрогнул.

– Стил, ты чего застрял? Пошли уже, хватит ворон считать, – окликнула меня Кира, остановившись у парадного входа.

Я решил последовать её совету, чтобы быстрее покинуть этот пустой, осуждающий взгляд. Промокшие и встревоженные, мы вошли внутрь здания. Странно, но массивная входная дверь из тёмного дерева оказалась незапертой. Она с тяжестью отворилась, издав протяжный и жуткий скрип, словно её никто не открывал уже долгое время. К нашему удивлению, внутреннее убранство оказалось гораздо скромнее, чем вычурный фасад здания. Нас встретило тесное простенькое помещение с однотонными стенами непонятного грязного цвета и несколькими крошечными светильниками, что слабо поблёскивали в царящем полумраке. По бокам комнаты располагались большие двери, служащие главным входом в разные половины дома, а в дальнем конце – деревянная лестница, ведущая на следующие этажи. Здесь, в небольшой прихожей общего пользования, уже не было нужды демонстрировать своё тщеславное нутро перед конкурентами жизни из соседних домов, а когда теряется смысл выпячивать свою гордыню, то карета вновь превращается в тыкву, а сумасбродные излишки – в голые безразличные стены. Когда дверь за нами захлопнулась, то в нос сразу ударил мерзкий

и зловонный аромат из вековой сырости и затхлости.

– Фу, это ужасно... – Напарница закашляла в кулак. – Этот запах... Пойдём скорее наверх.

Кира поморщилась от окружающей обстановки, стряхнула с себя незваных попутчиков в виде осевших на плечах капелек воды и осторожно направилась в сторону лестницы. Я последовал за ней, стараясь ступать как можно осторожнее, но половицы под ногами то и дело предательски скрипели. Несмотря на то, что дом сделан из камня, внутри всё оказалось отделано деревом и пластиком, что немного разбавляло общий старинный стиль местной архитектуры. В полной тишине и полутьме, под провожающие нас звуки скрипящих ступенек, мы поднялись на последний, третий этаж и подошли к красивой резной двери из красного дерева, ведущей в правую часть здания. Как только мы приблизились, из-за неё послышался слабый звук, какая-то мелодия, даже песня, очень мелодичная и плавная. Она играла со странным шипением или посторонним шумом, но за дверью было не разобрать. Я сразу насторожился, сложил два пальца правой руки в привычный жест и провёл ими по воздуху. В открывшемся окне Консоли быстро выбрал нужный пункт меню и создал свою увесистую «слонобойку», которая поспешила вернуться из мира небытия в заботливые руки своего хозяина. «Вернуться» – это, безусловно, неверное слово, каждый раз оружие создавалось заново и затем удалялось из нашего мира, но мне было приятнее думать, что оно где-то там, ждёт меня

и рвётся на помощь.

Кира смерила меня подозрительным взглядом.

– Там кто-то есть, – шепнул я и кивнул в сторону двери.

– Ага, одинокий старик, к тому же инвалид. Смотри, как бы он тебя клюшкой не забил до смерти! Как зайдёшь, сразу в него весь магазин... только целься в голову.

– Не смешно, – обиделся я. – Мало ли чего.

Кира смотрела на меня из темноты с саркастическим прищуром и таинственно улыбалась. Её очень забавляли издевательские шутки и мои обиды. Потом она игриво хмыкнула и точно так же создала свой пистолет-пулемёт, пару магазинов и небольшой фонарик. Кира поймала мой вопросительный взгляд и, передразнивая меня, прошептала:

– «Мало ли чего»!

Но в этот раз я даже не успел обидеться, меня интересовало другое.

– А ты где взяла фонарик? Нам вроде заблокировали обычное Создание.

– Фонарик я выпросила у Техников. Пока ты постоянно протираешь ковры у Хранителя в кабинете, я занимаюсь полезным делом. На, держи!

С этими словами Кира передала мне свой фонарик, а сама тем временем создала себе второй. Когда очередные запоздалые сборы на пороге Отступника были окончены, я провёл пальцами по электронному замку и воспользовался исключительным правом Стражей, чтобы открыть замок. Дверь ти-

хо отворилась. Темнота вокруг нас будто провалилась внутрь длинного и тёмного коридора, она обогнула три закрытых двери с каждой стороны и уткнулась в ещё одну в самом конце своего пути. Навстречу нам хлынул поток спёртого и душного воздуха с сильным запахом старости и смерти. Из-под дальней двери пробивался слабый, дрожащий свет, а музыка стала играть громче, и уже можно было различить её отдельные элементы. Она была мягкой, протяжной, мелодичной, немного бравурной, но пробирала до глубины души, вот только слова этой песни я никак не мог разобрать. Её исполняла какая-то сладкоголосая певица приятным, немного картавым голосом, но он не мешал наслаждаться музыкой, а скорее наоборот – мелодично переливался, словно трель райских птиц. Она произносила неизвестные слова, я мог разобрать их, но не понимал смысла. Это было немного странно и жутко, я впервые слышал нечто подобное.

Мы переглянулись с Кирой, включили фонарики и осторожно вошли в открытую дверь. Лучи света выхватывали старые, потёртые обои нежного вишнёвого цвета, небольшие бра на стенах, выполненные в виде декоративных канделябров с электрическими лампочками в виде свечек. Но вся эта изысканность прошлого оказалась накрыта толстым слоем грязи и пыли, а в углах висела старинная паутина, повидавшая не одно десятилетие в стенах этого дворца. Какой-то умник при создании Системы решил добавить в код её случайное появление, но без самих пауков. Их теперь можно

встретить разве что в книжках о вымерших животных древности. Сделано это явно с умыслом побудить людей как можно чаще заботиться о чистоте и бороться с собственной ленью. Хотя грязь и прочие мелочи не более чем фикция, умело проецируемая в разум, но именно они призваны ещё сильнее приблизить этот мир к настоящему, со всеми его недостатками и сложностями, чтобы люди полнее восприняли свой новый дом и легче свыклись с новой реальностью.

Мы осторожно, шаг за шагом, приближались к двери в конце коридора, освещая свой путь дрожащими лучами фонариков. Я крепко сжимал в левой руке единственный источник света, а в правой – верное оружие Стража, всегда готовое встретить неприятеля. Темнота, скрип половиц под ногами и странная нескончаемая музыка... даже у Киры начали сдавать нервы от местной обстановки, она чуть отстала, пропуская меня. Я подошёл к двери и мягко ткнул её дулом пистолета, на что преграда податливо двинулась вперёд и со скрипом отворилась. Новая порция едкого, тошнотворного запаха обступила нас со всех сторон. Пахло так, будто наша цель мертва уже многие месяцы. Кира фыркнула, сморщилась, прикрывая нос рукавом куртки. Моё сердце неожиданно кольнуло новый приступ паники, оно забилось очень быстро, тело обдало жаром, а нечто глубоко внутри моего сознания вновь закричало об опасности. Хотя, на первый взгляд, здесь не было ничего пугающего: огромный просторный зал с высоким потолком, где по центру висела рос-

кошная хрустальная люстра, но вся покрытая паутиной и пылью. Велюровые обои приятного вишнёвого цвета были отделаны витиеватой золотой нитью, которая пронзала материал насквозь, образуя замысловатый узор. Бра из прозрачного хрусталя, роскошный секретер, мягкие кресла и гладкий паркетный пол стремились внушить любому гостю глубокое чувство подобострастия к хозяину этого жилища, показать его достаток и высокий статус. Возможно, в далёком прошлом это действительно было так, но не сейчас. Стены потускнели и покрылись трещинами, обои в некоторых местах взгорбились, пошли пузырями и разрывами, даже повсеместно встречающиеся на стенах картины покрылись таким слоем пыли, что стало решительно не понять, что на них изображено. Миллионы нарисованных денег покоились под толстым слоем человеческой лени. Но всё это великолепие прошлого тонуло в немного странной и мрачноватой атмосфере. Окна были зашторены плотными бордовыми занавесами, через которые почти не пробивался даже скудный свет дождливого дня. В разных углах комнаты расставлены толстые свечи на фарфоровых блюдцах, но свет от них лишь немного скрадывал тьму и наполнял комнату жуткими дрожащими тенями от ближайших предметов.

В центре этой просторной комнаты, прямо напротив двери, в старом инвалидном кресле с железными колёсами сидел человек, или когда-то им был. Очень старый, высохший, с огромными складками на лице, словно кто-то высосал из

него все соки, будто сама жизнь торопилась покинуть его увядающее тело. Но он всё ещё был жив. Нижняя половина его лица скрывалась за пластиковой маской, от которой шла тоненькая трубка к двум небольшим баллонам позади кресла. Старик сидел неподвижно и будто бы даже не дышал. На его ноги кто-то заботливо набросил тёплый ворсистый плед, а его руки с неестественной силой вцепились в подлокотники кресла, словно он пытался их оторвать. Но его глаза... даже сейчас, сквозь этот полумрак, я мог разглядеть его безумный взгляд и покрасневшие белки глаз, которые не моргая следили за нами. В них я смог различить все эмоции разом, я будто услышал безмолвный крик сквозь безмятежное пение сладкоголосой дивы на непонятном языке. Что здесь происходит?

Я быстро обернулся на Киру и заметил, что она тоже с изумлением рассматривает представшую перед нами картину, при этом продолжая морщиться от запаха. Я медленно перешагнул порог комнаты, направил ствол пистолета точно в старика и посветил фонариком прямо в его многословные глаза. Он даже не пошевелился и не моргнул. Может, он всё-таки мёртв? Или это та самая жизнь на синаптических блокираторах, которую он выбрал как замену смерти? Определённо, оно того не стоило. В этот момент справа от меня что-то щёлкнуло, и музыка затихла. Я повернулся на звук и заметил древнее музыкальное устройство, стоящее на комоде. Оно смотрело на нас широким металлическим горни-

лом, откуда теперь доносились лишь шипение и малозаметное потрескивание. Пока я пялился на диковинный аппарат, в левой части просторного зала открылась малозаметная в полутьме деревянная дверь, ведущая в соседнее помещение. Через неё в комнату вплыла приземистая и полная женская фигура, жизнерадостно напевающая под нос ту же странную песенку. Увидев нас, она остановилась, оцепенела на пару секунд, сжимая в руках круглый предмет с ручкой, сильно напоминающий обычную сковородку.

– *Mon Dieu*, что случилось? Кто вы? – раздался обеспокоенный женский голос.

Она говорила с бархатистым странным акцентом и использовала непонятные слова, похожие на те, что доносились из музыкальной коробки. Женщина сделала несколько шагов вперёд, чтобы оказаться в пределах света от тусклого пламени свечи, стоящей неподалёку на небольшом буфете. Одновременно с этим лучи наших фонариков метнулись в её сторону и перекрестились на лице женщины, ещё больше освещая неожиданную фигуру. Но она не испугалась, не убежала и даже не зажмурилась от яркого света, её глаза ярко отблёскивали в полутьме и пристально наблюдали за нами. Таинственным человеком оказалась пожилая женщина невысокого роста, склонная к полноте и с очень добродушным лицом, а свои сильно поседевшие волосы она аккуратно собирала в пучок на голове. Она укуталась в лёгкий однотонный халат, который красиво переливался перламутром

на свету, а поверх него повязала фартук с нашитыми на него аппликациями различных овощей. На её ногах я смог разглядеть пушистые тёплые тапочки, а в руках она сжимала сковородку и маленькую тряпочку, которой протирала своё кухонное орудие, пока не заметила наше вторжение. Судя по домашней одежде, она жила в этом доме, а может, даже в этой квартире. Но кто она? Женщина разглядывала нас искренним непонимающим взглядом, но без особой опаски или сильного волнения.

В этот момент Кира справилась с небольшим замешательством, молниеносно обогнула меня, встала в боевую стойку между мной и стариком в кресле и направила ствол своего автомата в сторону бедной женщины. Та немного вздрогнула, чуть не выронив сковороду, и шагнула назад.

– Стражи Системы, мэм или мисс, или как вас ещё называть? Это нам хочется знать, кто вы такая? – отчеканила Кира и сделала очень суровое лицо.

– Я? – изумлённо переспросила женщина и приложила ладонь к сковороде, которую держала перед грудью, а затем с вызовом продолжила: – Я Вивьен Дюбуа, верная жена и спутница моего бедного Анри. Зачем вы вломились в наш дом без спроса, кто вам дал такое право? Да ещё и смеете угрожать оружием в моём собственном доме, *c'est inadmissible!* Прекратите, вы пугаете Анри, он и так не в добром здравии. *Oh, Mon Dieu*, как низко пали люди, что за нравы! Ещё смеют спрашивать, кто я такая?! У вас какое-то дело к моему

Анри?

Кира немного опешила от такого неожиданного напора и не нашлась, что ответить. Она медленно опустила оружие, вопросительно поглядывая в мою сторону, и я тоже последовал её примеру.

– Простите, мы не хотели вас пугать и не думали, что кто-то ещё здесь живёт. – Я попытался успокоить разгневанную хозяйку, а потом спросил первое, что пришло в голову: – А почему у вас здесь так темно, зачем вы задёрнули шторы?

– Ох, мой бедный муж страдает от частой и жуткой головной боли, порой она невыносима, ему противопоказан яркий свет... И да, выключите вы, наконец, свои фонари, ему же больно! – укорительно приказала Вивьен и маленькими смешными шажками посеменила к своему мужу.

Женщина положила сковородку и тряпочку на небольшой журнальный столик неподалёку от больного старика, подошла к нему, стянула с его ног плед и стала заботливо укутывать в него по самые плечи. Всё это время старик продолжал смотреть на нас неморгающим и жутким взглядом. Новый ураган эмоций сверкнул в глубине его дрожащих глаз, там были боль, страх, немое отчаяние и что-то ещё, очень пугающее, подозрительное, будто он пытался нам что-то сказать, прокричать во весь голос, но мог лишь таращиться в многословном безмолвии.

– Анри, *ton amour*, эти глупые люди напугали тебя? Не волнуйся, они скоро уйдут, и у нас с тобой опять всё будет

хорошо, – причитала вполголоса женщина, не обращая на нас внимания. – Хочешь, ещё приготовлю тех вкусных вафель?

Я наклонился к своей напарнице и как можно тише прошептал:

– Ты вроде говорила, что он одинокий?

– Должен быть, – прошептала в ответ Кира и в недоумении развела руками. – В Консоли так написано. Ничего не понимаю.

– Обрати внимание на старика, смотри, как он на нас тащится, как-то ненормально...

– Ненормальность – у них семейное. Ты только посмотри, как она запустила дом, кошмар! А старик, думаю, просто знает, зачем мы здесь.

– Так и что будем делать?

– Как что? – удивилась Кира. – Выполнять свою работу!

Я обречённо выдохнул и сделал шаг навстречу женщине, продолжающей возиться вокруг своего мужа и что-то бубнить себе под нос.

– Мисс? То есть, миссис Дюбуа, нам нужно с вами поговорить насчёт вашего мужа.

– Ой, нет-нет, давайте не сейчас, – запричитала Вивьен. – Мой муж ужасно голоден, я должна закончить ужин, а вы, неучтивые молодые люди, проявите уважение к больному человеку. Сначала я его накормлю, а потом уже займёмся вашими проблемами. – Женщина снова наклонилась к своему

мужу: – Потерпи, дорогой, осталось совсем немного, а пока давай я снова включу твою любимую мелодию.

С этими словами Вивьен чмокнула мужа в щёку и охая засемила к странному музыкальному устройству в правой части комнаты.

– А разве музыка не провоцирует головную боль? – острожно поинтересовалась Кира.

Вивьен остановилась у аппарата и с явным недоумением повернулась к нам.

– Нет, что вы, наоборот! Анри так любит эту мелодию, что готов слушать её вечно. Только она не даёт ему окончательно сойти с ума.

– Я бы не была так уверена... – чуть слышно пробубнила Кира.

Женщина снова завела музыкальную коробку, и в комнате раздались знакомый треск и шипение из металлической трубы, а потом полилась эта навязчивая мелодия. Странная хозяйка дома закружилась в танце и с лёгкостью поплыла обратно в левую часть комнаты к той двери, откуда недавно появилась. По пути она бросила ещё один взгляд умиления в сторону мужа, подхватила сковородку и, напевая незнакомые мне слова «*Non! Rien de rien*», поплыла дальше. Когда женщина почти достигла выхода на кухню, Кира окликнула меня очень сдавленным голосом:

– Стил, посмотри, она...

Часть фразы напарница проглотила.

Я повернулся к ней и увидел привычное оранжевое свечение от зависшего в воздухе окна Консоли. Кира не теряла времени даром и, пока я замороженно наблюдал за Вивьен, плывущей в своих мыслях по комнате, решила ещё раз всё проверить. Как оказалось, не зря. Сейчас в окне Консоли было открыто досье на жену Анри, где красовалась большая фотография уже знакомой нам полной и добродушной на вид женщины, рядом написано её имя – Вивьен Марли Дюбуа, а чуть ниже... дата смерти. Неприятный и пронзающий до глубины души холодок пробежал по всему телу, и одновременно с этим жар прильнул к голове. Ошибка? Возможно, но от чего это волнение? Опять это неприятное предчувствие всколыхнулось на границе сознания. Я же Страж, эмоции – мой враг, нужно взять себя в руки! Но ведь с самого начала всё пошло не так, как задумывалось. Весь этот маскарад, цирк уродцев не забавлял, а нагонял страх и тревогу. Теперь вот это... Ещё один элемент мозаики в очередном дрянном дне, который грозился стать самым необычным в моей жизни.

Заключение в Консоли звучало как приговор безмятежности: Вивьен Марли Дюбуа страдала от сильной головной боли и покончила с собой около пяти лет назад.

Кира смотрела на меня таким же ужасающим, застывшим взглядом, каким одаривал нас Анри. Теперь и она ощутила на себе весь вкус сегодняшнего дня, этой страшной мозаики, которую кусочек за кусочком выстраивал для нас злой рок

на протяжении всего пути до этого момента. До этих самых слов, прозвучавших первый раз в моей жизни и достигших псевдо-Вивьен почти у самой двери. Я вскинул своё оружие и немного дрожащими руками навёл его в дальнюю тёмную часть комнаты.

– Стойте! – скомандовал я.

И женщина замерла, не поворачиваясь к нам.

Сердце стучало так, словно готово выпрыгнуть из груди. Мне показалось, что воздух вокруг меня содрогнулся и затаился вслед за моей целью.

– Вивьен Марли Дюбуа покончила с собой давным-давно, у Анри нет жены! Поэтому я спрашиваю только один раз: кто вы такая?! – прокричал я на всю комнату, делая свой голос как можно более угрожающим, но в конце всё же сорвался на хрип.

Женщина постояла некоторое время неподвижно, как будто раздумывая над своими дальнейшими действиями, но в какой-то момент сковорода выскользнула из её рук и со звоном ударилась о паркетный пол.

– Ну почему вам вечно всё нужно испортить, проклятые Стражи?! Почему вы не можете оставить нас в покое?!

Голос псевдо-Вивьен сильно изменился, стал грубым, жёстким, металлическим, теперь он мало походил на человеческий. С гулким эхом он пронёсся по всей комнате, отразился от каждой стены и достиг нас, пробирая до самых костей. Я почувствовал, как палец начинает дрожать около

спускового крючка, и это у меня, у могучего Стража третьего уровня, смертоносного и быстрого Палача, кого должны бояться при одном только упоминании! Какой позор! Как я дошёл до такого? Но в то же время это неудивительно после всего, что мы увидели. Легко быть смелым в знакомой обстановке и с обычными Отступниками, когда знаешь каждый их шаг, их силу, способности, знаешь, что они ничего не могут противопоставить твоей реакции и умениям. Легко быть смелым, когда уверен, что победишь. Но человек всегда боится чего-то нового и непостижимого, того, что не в силах понять, предугадать дальнейшие действия и силу этого явления. Тогда он сам начинает придумывать себе страхи, рисовать в уме ужасающие картины возможного будущего. Он начинает бояться неизвестного, а точнее того, что сам о нём придумал. Вот и сейчас, с одной стороны, мне было дико интересно узнать, кто она и что происходит, но с другой – мне постоянно нашёптывал страх, давил на сознание, умолял нажать на спусковой крючок. Осталось понять, что сильнее в этой схватке – страх или разум.

Пока мы с Кирой колебались в своих решениях, псевдо-Вивьен окутал чуть заметный тёмный туман, будто сотни теней обвили её тело, начавшее даже светиться этой бурлящей вокруг неё тьмой. И в этот момент она повернулась к нам. Хотя нет, это неправильное слово, её тело осталось стоять на месте, а вот всё остальное просто перетекло на спину. В затылке прорезались глаза без зрачков, заполненные

молочной пеленой, выступил курносый нос, волосы плавно перетекли назад, а руки и ноги развернулись на месте. Тьма вокруг неё всё сгущалась, становилась непроглядной, очень вязкой и маслянистой, она выпускала в разные стороны свои щупальца, ласкала ими стены, оставляя на них тёмные разводы, которые затем быстро впитывались. Потом псевдо-Вивьен громко закричала, даже завопила, противным, режущим уши свистом и понеслась прямо на меня. Все свечи на её пути окутывались тенями и гасли, превращая всю комнату в обитель моих кошмаров. Её пронзительный крик слился с Тьмой, ударялся о стены, проникал сквозь меня, бил в голову и оглушал. Она даже не бежала, а будто плыла над полом, погружённая в кипящую под ногами черноту. Она протянула ко мне руки, и сама Тьма, казалось, повиновалась ей, извиваясь холодными и страшными щупальцами. Они пытались схватить меня, обнять, утащить к себе в тот мир, откуда я так безуспешно пытался сбежать каждую ночь. Я узнал её... Тьму из своих кошмаров, я будто вновь ощутил её вкус на своём языке, почувствовал тот маслянистый удушающий комок в своём горле. Возможно, я ошибался, и это была не она, но паника уже захватила моё сознание, мне захотелось убежать, завопить во всё горло... Нет, только не это, только не она, не здесь, не в этом мире... Её налитые белой массой глаза жадно обглаживали мою душу, а она сама стремилась заключить меня в смертельные объятия, но тут страх всё же победил. Палец дёрнулся, прозвучал раскатистый гром вы-

стрела, а затем второй, третий. Я отступил, дрогнул, попятился, я словно тонул и задыхался в надвигающемся на меня безумии. Страх продолжал нажимать за меня спусковой крючок так быстро, что за краткий миг я потратил все патроны в настигающую меня псевдо-Вивьен. Но она не остановилась. Пули пролетали сквозь неё, утопали в черноте, не причиняя никакого вреда, чтобы с грохотом удариться в противоположную стену. Я продолжал нажимать на спусковой крючок, но моё оружие противилось, подчиняясь более важным законам Системы, чем моя собственная воля, и только печально щёлкало в моих руках.

Краем глаза я даже увидел Киру, бедную испуганную девочку вместо той независимой, дерзкой и боевой напарницы, которую я знал когда-то. Она тоже оцепенела от ужаса, выставив вперёд оружие, и не могла пошевелиться. Бедная Кира... перед маской неизвестного мы все становимся теми, кто мы есть на самом деле. Когда рушится привычная сцена, театр, спектакль, к которому мы привыкли, тогда нет больше нужды носить маски. Тем временем крик становился невыносимым, он всё приближался и приближался, сливался с реальностью, я уже перестал осознавать себя и просто закрыл глаза... сдался. Тьма настигла меня, псевдо-Вивьен ударила в мою грудь, обдавая ледяным холодом и страхом, прошла сквозь моё тело и исчезла в стене. Комната погрузилась во тьму, где последовательно утонули все звуки.

Я открыл глаза, всмотрелся, но ничего не увидел. Вокруг

была крошечная тьма, как в моих кошмарах, и на секунду мне показалось, что я сплю. Весь свет погас, свечи потухли, могло привидеться, что даже из окон льётся густой и чёрный дым. Я не мог понять, что произошло, страх всё ещё туманил мой разум, только слабый запах потушенных свечей хотя бы немного связывал с реальностью, не позволяя утонуть в окутавшем меня кошмаре. Вдруг яркий свет ударил мне в глаза, я зажмурился, закрылся рукой и попятился. Спустя пару секунд я разглядел наполненные ужасом глаза Киры. Она смотрела на меня с подозрением, осторожно вглядываясь в моё лицо и освещая его лучом фонарика.

– Т-ты как? – тихо спросила она дрожащим голосом. – Живой?

Я настолько потерялся в чехарде необъяснимых событий, что совсем забыл о фонарике, любезно подаренном Кирой.

– Живой. – Это всё, что я смог из себя выдавить, но при этом всеми силами пытался собраться с мыслями и выглядеть невозмутимым.

В такой ситуации, кто-нибудь должен сохранять рассудок. Хотя бы попытаться...

– Убери свет, – отмахнулся я рукой, а затем сам включил фонарик.

Я начал судорожно осматриваться по сторонам, луч света прыгал по стенам, пытаюсь отыскать доказательство моего безумия, следы тёмной массы, порождённой бесплотной Вивьен. Но комната выглядела обычной, безмятежной, в ней

не осталось никаких следов этого существа. Свет выхватывал из густой темноты лишь силуэты старой мебели, фигурки слоников разного размера, стоящих на комод, стол, стулья... Тени мелькали, сливались, но страх постепенно отступал, крик в голове затуманился, отдалился, стал неестественным эхом из прошлого, нелепым сном. Закалка Стража давала о себе знать, возвращая сознание из тёмного угла, куда оно уже успело забиться.

– Что это было, чёрт возьми?! – Голос напарницы всё ещё выдавал в ней беспокойство. – Призрак?

– Призраков не существует, ты сама это знаешь, – с уверенностью ответил я и сам мстительно посветил фонариком в глаза Кире. – Ну, кроме беглых Отступников.

– Но... тогда что это? Она же прошла сквозь тебя!

– Может, какая-нибудь ошибка в Системе? – Я пытался выглядеть рассудительным, при этом сам судорожно искал хотя бы одно логическое объяснение происходящему.

– Разве у ошибок бывают руки, ноги и имена?

– У ошибок всегда есть имя, – машинально ответил я.

Кира открыла рот, чтобы что-то возразить, но нас прервал сдавленный хрип из темноты. Конечно! Анри Дюбуа! Мы уже успели о нём забыть. Лучи наших фонариков быстро скользнули к источнику шума. Старик продолжал сидеть в своём кресле, но при этом весь напрягся до предела, его руки с силой вцепились в подлокотник, вены на запястьях вздулись, а тело от излишнего напряжения чуть заметно трясло.

Всё его лицо покрылось багряными пятнами, а на лбу выступил пот. Он тяжело и часто дышал, издавая громкие хрипы, а глаза вылезли из орбит и не моргая смотрели сквозь яркие лучи света. Его зрачки метались из стороны в сторону, испуская потоки несказанных слов, громкий крик из глубин телесной клетки, что стала тюрьмой для его больного разума. Он пытался нам что-то сказать, возможно, предупредить о том, что случилось или ещё может произойти. Старик начал ещё громче и более грозно сопеть в свою маску, сильнее затрясся в кресле, казалось, что ещё чуть-чуть – и он разорвёт путы, сковавшие его разум, и бросится на нас.

Я наклонился к напарнице и, не сводя глаз с Анри, прошептал:

– Думаю, нам нужно убираться отсюда как можно скорее. Вызовем Хранителя и Техников, пусть сами разбираются, это ненормально...

– Согласна, – прошептала в ответ Кира, наставила на старика свой пистолет-пулемёт и попятилась к двери из комнаты: – Пошли!

Мы осторожно подошли к той двери, из которой попали в этот зал, я дёрнул за ручку, но она не поддавалась. Я сделал несколько безуспешных попыток открыть её и в растерянности посмотрел на Киру. Напарница помрачнела, потом отошла на шаг и с силой ударила плечом по двери.

– Какого чёрта? – со злостью воскликнула она, когда преграда не поддавалась. – Что здесь происходит?

К напарнице возвращалось самообладание, потерянное в схватке с неизвестностью, а месте с ним пришла и ярость. Она порывисто прошла по комнате, подошла к старику и ткнула дулом автомата в его грудь.

– Эй, ты, что здесь происходит? В какие игры вы вздумали играть со Стражами вместе со своей милой жёнущкой? А? Отвечай!

Анри захрипел сквозь маску на лице и, выпучив глаза, уставился на Киру.

– Это бесполезно, от него ничего не добиться, – констатировал я, ещё раз осматривая комнату при помощи фонарика.

– Тогда давай его просто отключим, как и должны? – зло и насмешливо спросила Кира и ещё раз ткнула оружием в его грудь.

После этих слов Анри затрясся с новой силой, кресло под ним заскрипело, и он выдал из себя сдавленный хрип, прозвучавший настолько пронзительно, что больше напоминал вой раненого волка перед ликом смерти. Кира испугалась такой внезапной реакции, отскочила от старика и угрожающе выставила вперёд оружие. Справа от нас что-то щёлкнуло, зашипело, и из темноты снова полилась громкая музыка, песня той сладкоголосой певицы. Кира дёрнулась от неожиданных звуков, развернулась на месте, поворачиваясь в сторону источника, и, сама того не осознавая, выпустила длинную раскатистую очередь из своего автомата. Комната на мгновение озарилась светом от грохочущего огня, про-

тянувшегося от моей напарницы до ненавистной музыкальной машинки. Пули с мышиным визгом изрешетили стену и оставили в ней глубокую, длинную борозду, прогрызенную маленькими свинцовыми тварями, порождёнными из этого смертельного огня. Старинное музыкальное устройство моментально разлетелось в щепки, а металлический рупор с грохотом рухнул на пол, но музыка не думала останавливаться. Теперь она исходила не из самой машины, а растворилась в комнате, заливая трель неизвестного исполнителя окружила нас со всех сторон. Музыка стала зловещей, очень громкой, с незначительными искажениями и гулким эхом, будто мы находились в огромном и пустом зале. Кира с ошалевшими глазами крутилась на месте, направляя свет фонарика и оружие во все углы комнаты, пытаясь понять, откуда исходит эта навязчивая мелодия. Я замер у двери, боясь пошевелиться, любое резкое движение – и Кира в таком состоянии запросто отправит меня вслед музыкальной машинке, только мой голос затихнет навсегда.

Неожиданно сквозь музыку прорезался зловещий, неживой голос псевдо-Вивьен, он завывал от отчаяния и злобы, сливался с музыкой и проносился по всей комнате, отдаваясь жутким эхом.

– Оставьте нас в покое! – повторял голос раз за разом.

Кира продолжала вертеться на месте, стараясь прицелиться в каждую тень, выплывающую в свете фонаря. Тут я, наконец, опомнился, что израсходовал весь запас патронов в

своём пистолете. Я быстро провёл двумя пальцами перед собой и приготовился выбрать в меню нужную мне категорию, но воздух в месте прикосновения чуть заметно всколыхнулся, сверкнул оранжевой каймой экрана Консоли, затем она странно скривилась и исчезла. Меня бросило в холодный пот и всего передёрнуло от непонятного ужаса, который смог ускользнуть из глубин моего разума. Сквозь темноту и с непониманием я посмотрел на кончики своих пальцев, потёр их, а затем снова взмахнул рукой, мысленно умоляя Систему подчиниться. Но в этот раз не дрогнула ни одна строчка её кода, Консоль не слышала мой зов. Раз за разом я повторял безуспешные попытки, рассекал пальцами вязкую темноту, выделял руками странные пируэты, но все потуги оказались напрасными.

– Кира! – громко позвал я напарницу сквозь бесконечные потоки музыки и тьмы, разделяющие нас. – Моя Консоль, она... она не открывается, отказывается работать, я не могу получить боеприпасы.

В этот момент я осознал весь ужас, который испытывают люди, оставшиеся без Консоли. Пустота, ощущение безнадежности, потерянности, как будто от тебя оторвали частичку чего-то важного и очень нужного, что-то, без чего ты не представляешь себе жизнь. Скорее, даже нарушили единственную связь с реальностью, то, что заставляет нас чувствовать себя живыми, нужными этому миру и обществу. Словно кто-то с силой вырвал из рук кучера поводья,

и теперь его карета мчится к краю отвесной скалы, быстро, неумолимо, а он ничего не может с этим поделать, лишь с тоской и страхом взирает вперёд. Столько чувств и эмоций я пережил за эту минуту, столько мыслей успело родиться и умереть в мучительном ожидании чего-то страшного. Призраки называют этот маленький чип в наших запястьях рабскими кандалами, ошейниками, за которые нас водят всю жизнь. Но некоторым рабам их путы дают иллюзию свободы. Их жизнь проста и понятна, они живут по давно придуманным законам, и сами словно программы, неживые, каждый день выполняют однообразную, тяжёлую и рутинную работу, при этом смертельно боятся покинуть этот вечный плен собственного разума. Иллюзия свободы и состоит в том, что ничего не нужно решать, только идти по хорошо изведанным тропкам, безропотно и покорно. Мы все освобождены от самой жизни, от принятия собственных решений, и это понимаешь в тот момент, когда нам дают настоящую, а не мнимую свободу, когда мы выходим за рамки будней и своей программы, когда нужно решать самому, что делать. Я понял это, когда неведомая сила перерубила поводок и оставила меня наедине с самим собой и моими собственными мыслями.

– Проклятье! – раздался возмущённый голос напарницы.

Я поймал её образ в луче света и увидел растерянное и обозлённое лицо, сочетающее в себе целую дюжину эмоций, от ненависти до испуга. Кира повторяла тот же курьёзный

танец в темноте, раз за разом расчерчивая пальцами невидимые линии.

– Как такое возможно? – продолжала Кира свою измождённую тираду. – Моя Консоль тоже отказала... всё, пора выбираться отсюда! А ну-ка в сторону, – скомандовала мне напарница и с криком ринулась на дверь.

Я успел отскочить до того, как Кира с грохотом ударила в дверь с плеча, но та и не подумала поддаться. Тогда напарница отпрыгнула от неё на шаг и выпустила короткую очередь в то место, где находилась ручка. Пули с грохотом вонзались в дерево, разрывая её сухую плоть, и выплёвывали за собой деревянную стружку, но даже после этого дверь не ответила взаимностью на ударную ярость женских плеч.

– Окна! – догадался я и бросился в их сторону.

В несколько быстрых шагов я достиг пыльных и грубых занавесей кроваво-багрового цвета, свисающих с жёсткой и грязной гардины на больших круглых кольцах, и сильным рывком отшвырнул их в сторону. Шторы противно и обиженно взвизгнули, отъезжая в сторону, и подняли в воздух огромное облако удушливой пыли. Я зажмурился, закашлялся и отступил на шаг от пыльного смога. Затем поднял фонарик перед собой, и его свет ударил сквозь большие оконные рамы, но я застыл в недоумении, не понимая, что предстало перед моими глазами. Ещё недавно, когда мы входили в эту комнату, я отчётливо видел тусклый свет, пробивающийся сквозь плотную материю занавесок, но тьма во-

круг неизвестного существа поглотила даже эти остатки пасмурного дня. Сначала мне показалось, что на улицу опустилась ночь, и я готов был увидеть захудалую аллею с богатыми усадьбами, утопающими в полночной мгле, недалёкий и манящий свет центра города, который напомнит мне о реальном мире, о жизни вне этого бесконечного кошмара. Но всё оказалось гораздо хуже. Яркий конус света от моего фонарика, беззаветно и храбро преодолевающий толщу зловещей тьмы и удушливое облако пыли, пронзил прозрачное стекло и беспомощно упёрся в кирпичную стену, вместе со мной недоумевая, что она делает на его пути.

Я повернулся к своей напарнице и увидел в ореоле её фонарика, как пустеет её взгляд, как выгорают последние отблески надежды. Не желая сдаваться, я подскочил к соседнему окну и дёрнул второе полотнище. Оно возмущённо затрещало, закрипело и частично сорвалось с держащих его колец, большей частью рухнув на пол. Но и здесь, за густой взвесью из поднятой пыли, оказалось не окно в привычный мир Системы, а обычная кирпичная стена, из которой состоял весь дом. Ещё эта музыка, нескончаемый вой на непонятном языке, от неё уже начинала кипеть кровь, бурлить, пузыриться ненавистью и злобой на себя и других, на весь этот проклятый дом. Я окончательно перестал понимать, что случилось и где я нахожусь, я начинал терять голову, и только большое усилие над собой помогало держать себя в руках. Почему за окном стена? Как отсюда выбраться?

– Это точно какой-то системный сбой, возможно ошибка или утечка. – Мне вдруг захотелось поиграть в здравый рассудок. – Помнишь случай на Западной? Нам рассказывали о нём. Создатели Системы что-то не доглядели, и из-за небольшой ошибки в коде чуть не...

Во время нервных жестикуляций я случайно задел эфес меча на своём поясе и запнулся на полуслове. Как я мог забыть о своём главном оружии?

– Отойди, Кир, у меня возникла идея! – сказал я, сорвав с пояса рукоять меча.

Клинок сверкнул в темноте, разрывая удушливый воздух, и замер в моих руках, хищно нацеливаясь на дверь, закрытую непонятной силой.

– Сти-и-ил? – обеспокоенно окликнула меня Кира.

Я увидел, что она напряжённо всматривается куда-то во тьму, освещая фонариком одну из стен.

– Что такое? – спросил я.

– Там! – Она указала пальцем на ореол света на стене. – Там что-то...

В луче света что-то промелькнуло, какая-то тень, очень быстрая и окутанная в бурлящую тьму масса. Кира не выдержала напряжения, её палец дёрнулся, и в комнате снова раздался оглушительный визг автоматной очереди. Вспышка разрывала сгущающуюся вокруг нас темноту, резала глаза, а грохот выстрела затенял собой всю музыку, витающую вокруг. Пули изрешетили всю стену в свете фонарика, не оста-

вив на ней живого места. Кира очень глубоко и тяжело дышала, продолжая смотреть на истерзанную гладь стены, даже когда патроны в её магазине закончились. Через несколько мгновений она перевела дух, достала из-за пазухи новый магазин, сбросила старый и со щелчком перезарядила автомат. Хоть кто-то из нас догадался создать больше одного магазина.

– Что это было? – осторожно спросил я.

– Думаю, что это его драгоценная жёнушка, – глубоко вздохнув, ответила Кира.

Я хмыкнул в ответ, взгляделся ещё раз в темноту, выискивая следы таинственных теней, потом схватил покрепче меч, засунул свой фонарик за пояс, чтобы тот не сковывал движения, и подошёл к выходу из комнаты.

– Ты думаешь, что он поможет? – спросила Кира. – Даже мой автомат...

– Проверим, – перебил я напарницу.

Я внимательно оценил дверь перед собой, осмотрел её потрескавшуюся, сухую поверхность, с усилием выдохнул, готовясь к резкому и сильному рассекающему удару. Затем поднял меч над головой, напряг мышцы, и... внутри двери что-то щёлкнуло, она заскрипела и медленно открылась мне навстречу. Свет фонарика Киры, направленный мне в спину всё это время, скользнул в коридор, прыгнул на стену и отпечатал на ней вытянутый страшный силуэт с занесёнными над головой руками. Я отскочил в сторону, испугавшись

собственной тени.

– Что там? – пискнула за спиной Кира.

– Ничего, всего лишь тени, – ответил я и опустил руки с мечом.

– Как раз они меня и беспокоят, – тихо ответила напарница. Но её слова растворились в музыке.

Всеми силами я стремился сохранить самообладание, скрыть от напарницы свой страх. Но с очередным проявлением кошмара, с каждым вздохом в этой проклятой квартире прятать его становилось всё сложнее, нервы начинали сдавать и проливаться наружу. Страх имеет свойство накапливаться, поражать все клетки тела, набирать силу и растекаться по всему организму, выпуская отравленные стрелы в сознание, в способность рационально мыслить. Он словно вирус поедает нас изнутри и, поселившись хоть раз, остаётся там навсегда. Он живёт и ждёт своего часа, чтобы снова подчинить себе разум. Я много чего боюсь в своей жизни, и пусть это никого не удивляет. Мне могут возразить, что я – Страж высокого уровня, Палач с невероятным уровнем подготовки и закалки, что нас готовили сохранять самообладание в любых экстремальных ситуациях, и окажутся правы. Нас действительно учили не поддаваться страху, не пускать его в мысли, защищать свой разум, ведь именно он – наше единственное оружие в этом мире. Мой разум должен быть сильнее, устойчивее и быстрее любого другого в Системе, именно это должно обеспечить победу и полное превосход-

ство над любимым противником.

Но страх – коварный враг, он как вязкое отвратное болото, в котором мы начинаем медленно тонуть, неумолимо погружаясь в его беспросветные пучины. Он постепенно пожирает нас, выедая кусок за куском, засасывает в свою трясины и не даёт шанса на спасение. Чем больше мы пытаемся вырваться из его цепких лап, паникуем, мечемся из стороны в сторону, тем быстрее он поглощает нас и убивает всё человеческое. Вот мы стоим посреди тьмы, вдыхаем затхлый запах старого дома, прогнившего пола и покрытых плесенью стен, слышим жуткое дыхание от умирающего старика позади нас и выхватываем из темноты силуэты странных предметов. Свет от фонарика мечется по стенам, трясётся от отчаяния и ищет спасительный выход. Всё в его свете выглядит иным, зловещим, даже обычный стол теперь отбрасывает длинную тень на бордовые обои, предстаёт в облике страшного зверя, чудовища, порождённого воображением запуганного ребёнка. Множество тревожных мыслей успеют родиться в моей голове, они будут нашёптывать безумные вещи, убеждать покинуть это ненавистное место, бежать как можно быстрее и дальше. Все они промелькнут в моих глазах и исчезнут в очередной смелой попытке взять себя в руки. Призраков не существует, чудовища не ждут меня за дверью, всё в этом мире можно объяснить. Осталось сделать пару десятков шагов по этому коридору к спасительному выходу, к шуму прохладного дождя и свету сердитого неба.

Вы думаете, Стражи ничего не боятся? Порой мы сами убеждены в этом. Пройдя своеобразный ритуал Отречения, мы возомнили себя бесчувственными убийцами, механизмами на службе общества, его карающей дланью. Мы хотим казаться невозмутимыми и бесстрашными в первую очередь для самих себя, чтобы оправдать всё то, на что нам придется идти: каждый день смотреть в глаза смерти и делать вид, что не замечаем её. Но, несмотря на это, мы всё ещё обычные люди. Возможно, где-то глубоко-глубоко, там, где мы прячемся от мира, мы все немного боимся, любим, ненавидим и переживаем. Даже в моей жизни Палача существует немало страхов, например: потерять контроль над собой и своими действиями, не выполнить священный долг, потерять Киру... или самого себя в этом новом нахлынувшем страхе. Но я никогда не боялся своих врагов, всех, кого зовёт уничтожить долг и глубокое чувство любви к обычным людям Системы. Я смотрел в глаза своим жертвам множество раз и видел в них сотни искалеченных судеб, мольбы о пощаде и прощении, слепую ярость и ненависть ко мне, а также видел себя самого. Меня учили быть беспощадным, бить врагов без страха и сожалений, учили не видеть в них людей, а только помеху, страшный вирус, разъедающий весь организм. Но всё меняется, сейчас я боялся своего врага, того, кто ждёт меня за этой дверью и чью суть я не мог понять. Но зато я понял главное: Призраки, Отступники, Кукловоды, мы всегда их боялись, ведь страх – это единственное, что

движет нами. Мы боимся за себя, свои жизни, за существование Системы, которую они стремятся уничтожить, именно страх толкает нас сражаться, несёт вперёд на поле боя, стучит отчаянно в висках и громогласно трубит в горн, призывая в строй новых бойцов. Мы упиваемся победой над каждым врагом, с которым уходит частичка первородного страха. Человек всегда боится того, чего не понимает, и вместо того, чтобы понять, он стремится это уничтожить.

Вот и сейчас я крепко сжал вспотевшими от тревоги ладонями своё единственное оружие и сделал шаг навстречу неизвестности. Я угрожающе выставил меч остриём вперёд, пронзая им плотную завесу тьмы перед собой, и ткнул им в дверной проём, словно не доверяя своим глазам, что преграда наконец исчезла.

– Я прикрою, – тихо сказала позади меня Кира и щёлкнула затвором, лишний раз проверив, на месте ли патрон.

– Побереги патроны, они ещё могут понадобиться, – не поворачиваясь к напарнице, ответил я. – Держись поближе.

– Думаешь, её испугает твой меч? – несколько язвительно произнесла Кира.

Я посмотрел влоборота сквозь бьющий прямо в глаза свет фонарика, прищурился и поймал на себе взгляд напарницы.

– Призраков я им уже убивал, – ответил я.

Кира только фыркнула в ответ, когда поняла всю двусмысленность фразы.

– По крайней мере, пули её не берут, – добавил я и пожал плечами.

Получив очередной ушат надменности в свой адрес, я снова выставил меч перед собой и вошёл в дверной проём, пока Кира позади освещала мой путь. Я осторожно перешагнул через порог и сделал два шага вглубь коридора. Сердце рвалось из груди, дыхание становилось всё более поверхностным и частым, а воздух удушливым. Я прислушался к посторонним звукам, но тут дверь позади с грохотом закрылась, отрезая меня от напарницы и погружая в пучину темноты и страха. Все звуки разом стихли, музыка прекратилась, и в давящей тишине я мог различить биение собственного сердца.

– Кира! – крикнул я и ринулся обратно.

Со всей силы я ударился о дверь. Она содрогнулась, осыпалась новой порцией пыли, заскрипела, но не поддалась. Я продолжал кричать, бить в неё кулаком, звать напарницу, но в ответ мне были тишина и глухое эхо, уходящее в темноту. Я сделал шаг от двери, закрутился на месте, судорожно пытаясь придумать, что делать дальше. Бежать к выходу? Звать на помощь? Нет, я не мог оставить Киру наедине с этим чудовищем, как бы страх ни гнал меня прочь из этого дьявольского дома.

Я закричал от нахлынувшей ярости и с размаха рубанул мечом по двери. Клинок застонал, трепыхнулся в воздухе, потемнел и рассыпался при первом прикосновении к дере-

вянной поверхности. В недоумении я посмотрел на эфес меча в своих руках, попытался снова его активировать, но оружие осталось глухим к моим воззваниям. При первой попытке клинок ещё хотел вернуться в этот мир, воскресить себя и мою надежду, но, виновато моргнув для меня на прощание, потух и больше не реагировал на команды. Я продолжал с усилием проводить пальцами по пластине на рукояти, а потом от злости чуть не запустил эфесом в дверь. Сначала Консоль, теперь оружие Хранителя? Тогда я впервые пожалел, что не оставил свой старый меч. Иногда безразличная сталь надёжнее напыщенных игрушек.

Неожиданно тишину нарушил протяжный скрип рядом со мной. С левой стороны коридора приоткрылась одна из дверей, и оттуда вырвался поток спёртого воздуха. Я выхватил фонарик из-за пояса и направил его в проход, но там никого не оказалось. Меня настойчиво приглашали двигаться дальше и наверняка вели в очередную ловушку, откуда не будет выхода, но, повинувшись непреодолимой силе, я покорно заглянул в предложенную комнату. Внутри оказалось всё так же темно и тихо, а в воздухе повисла удушливая взвесь из пыли, насквозь пропахшей сыростью и старыми вещами.

С помощью фонарика я осмотрелся, осветил во все углы и обнаружил, что попал в весьма просторную кухню, но давно покинутую и с тяжёлым чувством запустения. В прыгающем по стенам пятне света то и дело проскальзывали наросты из паутины и тёмные пятна неизвестного происхож-

дения. Здесь я нашёл большой старый стол из массивного дерева, поставленный прямо по центру просторной комнаты, и несколько красивых стульев с мягкой велюровой обивкой, беспорядочно разбросанных по полу. Над столом свисала роскошная развесистая люстра, также вся укутанная в плотный слой паутины. Но больше всего моё внимание привлекла огромная картина в позолоченной широкой раме, висевшая на противоположной стене. Она немного скривилась и спряталась за метровым слоем пыли, но даже сквозь неё проглядывал красивый совместный портрет семейства Дюбуа. Высокий и статный мужчина, жилистый, подтянутый, с явно военной выправкой, прямым и укоризненным взглядом и густой, но опрятной бородой. На нём было неизвестное обмундирование тускло-голубого цвета и смешная фуражка цилиндрической формы. На груди красовались пара дюжин различных медалей, которыми мужчина был обвешан как новогодняя ёлка. Художник явно хотел угодить заказчику. Этот импозантный мужчина на картине, вероятнее всего, Анри в его былые и лучшие годы. Сейчас уже и не скажешь, что тот высохший, умирающий старик в соседней комнате, почти облысевший и осунувшийся, был когда-то таким удалым красавцем. На картине он стоял рядом с дорогим, высоким креслом, скорее даже целым тронем, сделанным из дерева и с великолепной резьбой по всей поверхности. Анри держался одной рукой за спинку этого трона, а на нём восседала королева этого дома – его жена Вивьен. Годы оказа-

лись к ней не менее жестоки. На портрете сидела утончённая и миловидная юная дева в длинном белом платье из шёлка и с кружевами. Вивьен смущённо сложила руки на коленях и кокетливо выглядывала из-под свисающей чёлки. В завершении королевского образа её голову венчала серебристая диадема, а в глубоком декольте виднелась драгоценная подвеска с крупным драгоценным камнем красного цвета.

Я так увлёкся этим зрелищем, что не заметил, как углубился в столовую, замороженно приближаясь к картине шаг за шагом. Было что-то неуловимо притягательное в таком образчике искусства, настоящий отпечаток истории, само время, застывшее в вечности. Сколько чувств, беззвучных слов и эмоций хранит этот портрет. Как, наверное, нестерпимо больно для Анри было смотреть на себя молодого, на свою красивую жену, которую уже не вернуть, видеть всё это безвозвратно ушедшее прошлое, что так не хотелось забыть, но так больно вспоминать. Скоро не станет и этого бравого солдата, который буравит меня суровым нарисованным взглядом. Что останется после них в этом мире? Мы живы только, пока живёт память о нас. Семейство Дюбуа были типичными представителями знатного общества. Как и все, они боялись полного забвения, но пытались оставить свой след в истории руками других людей, продолжить жить в умах поколений за счёт чужих трудов. Но потоки времени бессердечно вымывают имена с картин, лишь автор, воплощённый в своих работах, будет жить вечно.

Я подошёл к портрету на расстоянии пары шагов, направил луч света в лицо молодой жены Анри и на фоне немного потрескавшейся краски попытался угадать черты той, с кем недавно столкнулся в соседней комнате. Но стоило мне взглянуть в её глаза, как они неожиданно почернели, провалились, а на их месте начало расплзаться тёмное пятно, постепенно поглощая всю картину. Я отпрыгнул в сторону, хотел убежать, но бурлящее чёрное месиво гипнотически сковывало движения, я не мог отвести взгляд от разверзнувшейся бездны. Тут позади меня раздался грохот от закрывающейся двери. Я резко обернулся, метнулся к ней, несколько раз дёрнул за ручку в наивной надежде, что дверь откроется, но уже было поздно. Капкан захлопнулся.

Со стороны картины раздался нечеловеческий, животный голос псевдо-Вивьен:

– Я слышу твои мысли... я чувствую твой страх... я вижу тебя насквозь...

– Кто ты?! – крикнул я в небытие.

Дрожащими руками я направил свет от фонарика в сторону картины, но там уже всё кипело тьмой, она расплзалась всё дальше, постепенно поглощая всю стену и выпуская из себя тёмные щупальца.

– Ты считаешь меня чудовищем, Палач? – Её слова перебивались как шипение змеи. – Но ты такой же, как я...

– Что это значит? Мы совсем не похожи! – ответил я первое, что пришло в голову.

В комнате раздался жуткий смех псевдо-Вивьен. Раскати-стым и громогласным эхом он прокатился по всем стенам, и было слышно, как зазвенели тарелки в дальней части столовой.

– В отличие от тебя, я не призрак! – крикнул я в сторону портрета.

– Все мы призраки, – ответил голос. – Ты, я, твоя милая подружка в соседней комнате. Только нас призвали для разных целей. Меня, чтобы защищать, а тебя – убивать.

Прервав свою речь, Тьма поползла по стене в дальнюю часть комнаты, а потом быстро скрылась в темноте. Я проследил за ней лучом фонарика и разглядел в противоположном конце столовой большой шкаф во всю ширину стены с множеством отделений и ящиков всевозможных размеров. Вероятно, в нём хранилась вся столовая утварь.

– Но ты ведь тоже пытаешься нас убить. Не так ли... Вивьен? – парировал я Тьме.

– Я защищаю единственное, что для меня ценно и что вы пытаетесь у меня отобрать, – отозвался нечеловеческий голос и зазвенел тарелками, перемещаясь где-то в шкафу.

– А я защищаю Систему от таких, как твой муж, и... – Я немного замешкался. – Таких, как ты!

В комнате снова раздался злобный хохот.

– Тогда тебе следовало начать с себя! Я же сказала, что мы одинаковы, – заключил жуткий голос и потом добавил: – Хочешь сыграть в игру, Палач? Давай проверим, как долго

ты продержишься?

– Что?

Это единственное, что я успел произнести до того, как в дальнем шкафу открылась дверца и оттуда на огромной скорости вылетела блестящая металлическая кружка и со всего размаху угодила мне прямо в лоб. Удар оказался настолько внезапным и сильным, что я на миг потерял ориентацию в пространстве, и этого хватило, чтобы я не смог устоять на ногах. Я отшатнулся назад, повалился на спину и сильно ударился затылком об пол. Голова вновь напомнила о себе острой болью, в ушах зазвенело, а в глазах запрыгали цветные зайчики. Пока я падал, то неосознанно разжал пальцы, и фонарик вылетел из моих рук, ударился об стену и потух. Теперь я оказался в кромешной тьме, безоружный и напуганный, наедине с этим чудовищем и собственными страхами.

– Мы ожидали лучшего, Палач, – разочарованно произнёс нечеловеческий голос. – Ты оказался слабее, чем мы думали. О вас ходит слишком много легенд и страшилок для наивных дурачков. А на деле...

Я приподнялся с пола, ощупывая больной затылок. Он всё ещё звенел, но в этот раз всё обошлось без крови, насколько я мог судить в этой темноте.

– Ты застал меня врасплох... призрак, – сказал я, придавая своим словам как можно больше уверенности. – Больше этого не повторится.

Для подобной смелости не было причин, только желание

оказаться лицом к бешеному волку, загнавшему меня в угол, когда он захочет нанести новый удар. Я с усердием ощупывал руками пол, пытаюсь найти в кромешной тьме потерянный фонарик, но когда мне всё-таки удалось его обнаружить, то радость от находки оказалась не слишком долгой. Несколько раз мои пальцы судорожно скользили по контактной пластине с робкой надеждой на лучшее, но удар об стену лишил его последних признаков жизни. В сердцах я закричал в направлении буфета, где обитало таинственное существо, и запустил туда сломанное устройство.

– Хорошо, твоя взяла, – крикнул я в темноту. – Вивьен... или кто ты там? Отпусти мою напарницу, и мы разберёмся на твоих правилах.

– Торгуешься? – Голос снова рассмеялся со звучным эхом. – Если мы её отпустим, то она всё равно вернётся, и вас станет больше. Вы всегда возвращаетесь. Уворачивайся, Палач!

В дальней части комнаты снова зазвенела кухонная утварь, потом раздался свист рассекаемого воздуха, и рядом с моим ухом пронеслась тарелка. Она со звоном ударилась об стену, разлетаясь на множество фарфоровых осколков.

– Она будет следующей... – добавила псевдо-Вивьен.

Я снова закричал и метнулся навстречу новой порции летящих тарелок. Они со свистом проносились мимо меня, бились о стены, пока я отчаянно пытался уворачиваться от нарастающего фарфорового града, прыгал из стороны в сто-

рону, прислушиваясь в темноте к звукам, пению терзаемого воздуха. Он стонал под гнѐтом летящего в меня потока, подсказывал путь и траекторию снарядов – нужно лишь уметь слушать, напрячь своё профессиональное чутьѐ. Но иногда даже оно может подвести. Я в очередной раз отпрыгнул от неизвестного элемента кухонной утвари, услышал, как он звонко ударился о стену и упал на пол, но в это же время в меня на полной скорости врезался стеклянный графин и разбился о мою грудь. Мне хотелось закричать от резкой боли, но из меня смог вырваться только хрип от спѐртого дыхания. Я упал на одно колено и обхватил руками разбитую грудную клетку. Тут я вспомнил о массивном столе посреди комнаты, до которого мне оставалось всего несколько шагов. Я рванул с места, выставив вперѐд руки, ударился в него с разбега, и стол, закрипев ножками по полу, проскользил немного по инерции и перевернулся, превращаясь в удобное укрытие от этого обстрела. Я укрылся за него, чтобы перевести дыхание, и стал растирать ушибленную грудь.

– Хорошо, Палач, очень хорошо... уже намного лучше, – вторил голос.

– Да кто же ты такая? – завопил я в отчаянии.

– Я Вивьен, жена Анри Дюбуа, его верная спутница и соратница. Я та, что хранит его очаг, покой и приносит радость...

– Но ты умерла давным-давно, – перебил я псевдо-Вивьен. – Тебя больше нет!

– Я здесь по его желанию.

– Кого? Анри?

Внезапный свист рассекаемого воздуха, сильный удар – и большой кусок стола вылетает рядом со мной, выбрасывая в воздух целую взвесь из мелкой стружки и деревянной пыли. Удар был такой силы, как будто кто-то с другой стороны выстрелил из мощного дробовика. Но это оказался всего лишь огромный кухонный нож, который по невообразимой причине смог пробить насквозь толстую поверхность стола, а затем улететь в противоположную стену и застрять в ней по самую рукоять.

– Ты утомил нас, Палач, очень утомил. Пора с этим заканчивать и переходить к твоей подружке. – Голос псевдо-Виьен звучал всё более устрашающе.

В глубине комнаты раздалось глухое рычание, и темнота вокруг будто задрожала от страха, заискрилась витавшей в ней деревянной пылью. До меня снова долетел свист, этот жуткий крик разрывающегося пространства, сквозь него ко мне навстречу нёсся новый кухонный нож с широким клинком. Я услышал, как преграда застонала за моей спиной, закрипела и выплюнула нож рядом со мной. Как сквозь масло он прошёл сквозь стол, не замедляя ход. В это же мгновение я почувствовал сильное жжение в плече, схватился за него левой рукой и ощутил, как ладонь начинает обагряться тёплой кровью. Нож тем временем продолжил свой победоносный полёт, унося с собой капли моей крови и с силой вонза-

ясь в стену.

Вокруг меня снова сгустилась тьма, боль обволакивала сознание, они пожирали меня, стучали в висках. Меня вновь охватил страх перед неизвестностью. Я тяжело задышал, мысли метались по голове как стая взбесившейся мошкары. Я дёрнулся, вскочил и побежал в сторону, где находилась входная дверь. Последним, оставшимся здоровым осколком порушенного сознания я вполне понимал своё отчаянное положение, бесплодность и опасность такого манёвра, но уже ничего не мог с собой поделать. Ноги несли меня всё дальше от этой Тьмы, от безумия моих ночных кошмаров, что прорвались за тонкие грани моего сознания и теперь находятся здесь, в этой комнате и в этом доме. Я перестал ощущать разницу между сном и явью. Когда страхи вырываются из мира грёз, больше не остаётся места, куда можно сбежать от кошмаров, реальный мир превращается в бесконечный сон длиною в жизнь.

Но тут новый удар монстра из темноты привёл меня в чувство. Я успел сделать всего пару шагов от своего недавнего укрытия перед тем, как меня настиг ещё один кухонный снаряд, брошенный из самого сердца тёмного сгустка, бывшей жены Анри. Пронзая сознание своим свистом, длинный и тонкий нож добрался до меня и с животной ненавистью вонзился в правое бедро с его тыльной стороны, пробивая его насквозь. Я взвизгнул, схватился за ногу и с грохотом повалился на пол.

Из темноты донёсся радостный нечеловеческий гогот. Мне казалось, он кружит вокруг меня, смотрит своими чёрными глазами и страстно желает укусить.

– Забавно наблюдать, как человек продолжает бороться за жизнь, даже понимая, что всё кончено. – Чудовище было явно довольно текущей ситуацией.

Я сжал зубы, лёжа на боку, закрыл глаза и схватился за рукоять ножа, торчащего из моего бедра.

– Пока мы боремся за жизнь, – процедил я сквозь зубы, – ничего не кончено...

С криком я вытащил нож и сразу почувствовал, как бедро обагрилось теплом, а джинсы начали быстро пропитываться кровью. Прижимая руками рану, я предпринял очередную попытку подняться. Боль в плече, в ноге... Стиснув зубы уже от злости, я поднялся, посмотрел на сердце Тьмы и почувствовал, как моя первая слеза скатывается по щеке. От растерянности я быстро смахнул её рукой, размазал по всей щеке, смешивая с кровью из раны, а затем посмотрел на свою ладонь сквозь непроглядную завесу темноты. Я не мог понять, что произошло. Неужели я плачу? Что это? Этого не может быть. Я выносил немалую боль, получал множество пулевых ранений и рваных ран, бывал в таких жутких передрягах, но выходил из них с улыбкой на лице. Что случилось со мной сейчас? За эти дни? Кажется, я потерялся...

Слёзы, словно капли крови, согревают охладевшие щёки, оставляя солёные шрамы на своём пути. Нет, они страшнее

крови, страшнее всего на свете, поскольку их порождает не повреждённое тело, это кровоточит израненная душа, изуродованная психика, это их первый и последний крик. Эти раны нельзя излечить, и они не заживают со временем. С каждым моментом жизни они будут только расти, уродуя нас шрамами всё сильнее. Слезы – это начало конца.

Я не мог объяснить себе, почему я плачу, просто хотелось. Всё это копилось во мне долгими бессонными ночами наедине с Тьмой, после наших бесконечных монологов в тишине и мук бессилия в этой мерзкой вязкой жиже из моих кошмаров. Вся эта невообразимая ноша давила на меня день изо дня, высасывала последние соки, пугала... но после длинной ночи всегда наступал рассвет, всегда была Кира и чёткое осознание защищённости во время бодрствования, но теперь... Теперь мне некуда бежать, я как загнанный зверь, пойманный в виртуальные сети, на заклании у судьбы, Тьма уже здесь, передо мной, и от неё уже нельзя проснуться. Теперь только один путь – вперёд.

Я сделал ещё несколько неуверенных шагов в сторону, где по моей уверенности должна находиться дверь, но нога отказывалась слушаться и беспомощно волочилась следом. Я понимал, что идти бесполезно, что дверь не откроется при всём моём желании, но у меня не было иного выбора, кроме как продолжать двигаться вперёд.

– А ты неугомонный, Палач, – зашипела псевдо-Вивьен из темноты. – Хороший солдат. Мне даже стало немного жаль

тебя, но нам пора прощаться.

Столовые приборы где-то в глубине кухни вновь задрожали, звонко выбивая барабанную дробь, затем снова раздался знакомый свист воздуха. Мне показалось, что время на миг остановилось, я отчётливо услышал своё быстрое, прерывистое дыхание, стук сердца, а затем быстро повернулся в сторону свиста, действуя по одной лишь интуиции. Я взмахнул рукой и следом ощутил адскую боль в левой ладони. Я с силой удерживал в сжатом кулаке длинный клинок кухонного ножа. С каждым моим вздохом острое лезвие всё глубже впивалось в руку, прорезало себе путь, с остервенением вгрызаясь в плоть и пытаясь добраться до моего лица. К его неудаче, до моего левого глаза ему оставалось всего с десяти сантиметров, когда мне удалось его задержать. Я обхватил его двумя руками, смотрел на ледяной клинок, что стремился ко мне из темноты. Внутри снаряда вспыхнул импульс огромной силы, и меня отбросило к стене, куда до этого впивались все ножи, и прижало к ней. Нож продолжал наращивать силу, всё ближе продвигаясь к моему лицу, а я всё крепче сжимал руки и разрезал ладонь, откуда уже ручьём лилась кровь и падала на пол.

– Сдавайся! – свирепо прорычала Тьма.

Я чувствовал, что силы покидают меня, но не мог сдвинуться, не мог пошевелиться, чтобы уйти от удара. Малейшее движение или потеря концентрации грозила тем, что нож за долю секунды пробьёт мою голову насквозь. Не в си-

лах больше сопротивляться, я закричал так громко, как смог, и мой крик слился с хрипом, утонул во Тьме, а затем и в моей собственной голове. В висках пульсировала кровь, вены налились горячим безудержным потоком, они вздулись от негодования. Сердце начало разгоняться, биться в груди раненой птицей, желая вырваться на свободу. Я слышал его, каждый стук, как удар молота, слышал, как шумит кровь в голове, и рождается навязчивый шёпот, сливающийся в протяжный гул. В ушах нарастал знакомый монотонный звук, а взор закрыло густой молочной пеленой, и веки сами опустились на глаза. Потом настала тишина. Я перестал чувствовать боль, тревогу и усталость, прекратил ощущать нож в своих руках, только равномерный гул в ушах продолжал вторить мне, что я ещё жив. Потом мои глаза открылись и узрели всё. Я видел, как нож, который минуту назад хотел проделать лишнюю дыру в черепе, рассыпался в моих руках. Видел всю кухню, будто её освещает тысяча ламп, каждое движение, каждую мысль, что пролетает сквозь неё, и я видел чудовище. Огромный комок из Тьмы и ненависти облюбовал широкий стеллаж с кухонной утварью в другом конце комнаты. Он пульсировал от злости, что-то кричал, но я не слышал его. Я видел его гнев, волны ярости, что исходили по всей кухне, и множество чёрных щупалец, что бились в агонии по всем стенам. Они как длинные и острые шипы впивались во всё вокруг, пытаясь достать меня, но не могли этого сделать. Я – Система, я проводник, перед которым оно

бессильно.

Сильный взрыв гнева из самого чрева чудовища и вся оставшаяся утварь, окутанная тёмным смогом, поднялась в воздух, оцетинившись чёрными иглами. Оно пыталось убить меня, но ещё не знало, что это невозможно. Я снял с пояса нерабочую рукоять меча и махнул им в сторону. Затем почувствовал, как сильный жар разгорается во мне, внутри моего сердца, он разрастается, перетекает по руке, переливается в эфес меча и вытягивается, образуя собой настоящий клинок.

Рёв монстра сопровождался сильным всплеском энергии, и в меня полетели десятки снарядов: тарелки, ложки, вилки, чашки и остатки ножей. Комната наполнилась белыми тенями, нитями информационного следа. Я видел, где будет импровизированный снаряд, ещё до того, как он тронулся с места, и видел сотни белых теней от бьющихся в агонии щупалец. Я методично взмахивал мечом раз за разом, спокойно и уверенно. Вся утварь падала вокруг, рассыпаясь от быстрых ударов. Монстр взревел от ярости и двинулся на меня, вытягивая свои призрачные руки. Вся комната наполнилась роцчерками белых теней от мельтешащих щупалец. Они проникали в стены, которые трещали под их напором, ломались и изгибались, словно сделанные из картона. Комната исчезла под шквалом белых следов от будущих событий, от того, что случится через краткий миг. Стены шипели, изгибались и ползли ко мне, сверкая своими заострёнными зубами, не

оставляя места для манёвра. Тогда я снова ринулся к двери. Я разогнался, выставил вперёд правое плечо и прыгнул в неё. Но перед тем, как снова окунуться во тьму, я увидел, как дверь дрогнула, волна возмущения прошла от неё по стенам, и потом она разлетелась в щепки, выпуская меня в другую тёмную комнату. И вдруг всё резко прекратилось... свет будущего погас во мне.

Совершенно обессиленный, я пролетел по инерции ещё пару метров и рухнул на пол. Зрение пришло в норму, а гул в ушах плавно перетёк в шум от сильной усталости и ломоты во всём теле. Я разом лишился всех своих сил и способностей и не мог даже подняться с пола, будто всю энергию мира, всё своё желание и стремление к жизни я направил только на то, чтобы сломать эту дверь и выбраться из проклятой столовой. Спустя секунду меня догнало облако пыли и щепок, осыпавшее меня с ног до головы всем, что осталось от недавнего препятствия на пути к жизни. А потом сквозь темноту я услышал знакомое нечеловеческое шипение псевдо-Вивьен:

– Нет, ты не такой, как я, ты... другой, сильнее...

Её голос даже сквозь маску зверя звучал с ноткой удивления.

Система постепенно отпускала меня из своих объятий, мысли и чувства, разогнанные стократно, замедлили свой ход до привычного состояния, возвращая контроль над собственным сознанием. Когда зрение вернулось в норму, я за-

метил яркий луч света, осветивший меня из другого конца этой тёмной комнаты. Он становился всё ослепительнее и осторожно приближался ко мне. Тогда я уже знал, где нахожусь и чей свет озаряет меня, и помню, о ком думал в тот момент, когда мчался в закрытую дверь, прорывая все оковы запертой реальности.

– Кира! – источая оставшиеся силы, с хрипом крикнул я.

– С-стил? – неуверенно и с осторожностью спросил меня знакомый голос за ярким светом. – Это ты? Но как...

Я лежал рядом с тем проходом, откуда впервые появилась миловидная старушка с кастрюлей в руках, казалось, уже вечность назад. Я не мог понять, как мне удалось попасть в другую часть квартиры и выйти, даже вылететь, из совершенно другой двери. Вместо ожидаемого коридора я вновь оказался в центральном зале. Единственное, в чём я уверен, что всеми силами хотел оказаться именно здесь, в этой комнате, вернуться к единственному человеку, который часто первым встречал меня из путешествия по ночным кошмарам и даже иногда одаривал искренней улыбкой. Но в данный момент меня заботит совершенно иное – чудовище всё ещё следует за мной, и теперь нас разделяет только узкий проход, к тому же оставшийся без двери. Я лежал на спине, сжимая в руке вновь осиротевшую рукоять меча, который, как и его хозяин, лишился своих боевых качеств, и смотрел в тёмный проход перед собой. Я видел, как Тьма, застывшая перед ним, робела сделать шаг, обдумывала всё, что она узрела за по-

следную минуту, и с ненавистью смотрела на меня. Но это не будет продолжаться вечно, ещё немного – и она решится закончить начатое, её уже не остановить. Нужно уничтожить то единственное, ради чего она пребывает в этом мире, лишить её силы и смысла существования.

Кира быстро подбежала ко мне, склонилась, освещая фонариком, и ужаснулась, увидев моё измазанное в крови лицо.

– Боже, что с тобой случилось? Ты ранен? Дверь закрылась, я не могла выбраться и не знала, что делать. Думала, что никогда тебя больше не увижу. А где... эта... это? – Она тараторила, сдерживая эмоции.

Я посмотрел в испуганное лицо Киры, потом перевёл взгляд на проход в столовую и с трудом поднял руку, чтобы указать на него, но остановился, когда увидел свою ладонь. Она оказалась целой и невредимой, хотя несколько минут назад я сильно повредил обе руки, пока удерживал смертельный снаряд от знакомства со своей головой. Вся моя одежда испачкалась в крови, но от ран не осталось и следа, всё было как прежде, боль покинула меня вместе с шумом. Если не считать дикой усталости, ватной головы, то я чувствовал себя прекрасно. От удивления я даже поднял вторую руку, чтобы разглядеть её в свете от фонарика Киры.

– Что с тобой, что случилось? – повторяла напарница.

Но в этот момент псевдо-Вивьен решила на новую атаку, зарычала, и облако Тьмы начало медленно вливаться сквозь проход, пропуская вперёд свои чёрные щупальца.

Гадкими змеями они шуршали по стенам и разбегались по сторонам. Кира резко обернулась на шум и выставила перед собой пистолет-пулемёт и фонарик, чей дрожащий свет моментально растворился в чёрном сгустке. Напарница сдавленно пискнула и сделала шаг назад от меня.

– Сти-и-ил? – жалобно протянула она.

– Анри! – выкрикнул я в ответ, пытаюсь привстать с пола.

– Что?! – непонимающе переспросила Кира и сделала ещё один шаг назад.

– Это всё он, старик. Убей его! Быстрее!

После этих слов раздался страшный животный визг, стены дома содрогнулись, а пол подо мной затрясся.

– Не-е-ет! – злобно прорычала Тьма и бросилась в сторону Киры.

Напарница вскрикнула и рванула в противоположную часть огромного зала, где всё это время находился Анри. Псевдо-Вивьен бесформенной тенью промчалась мимо, потеряв ко мне всякий интерес. Она громко рычала, кричала, пытаясь схватить Киру своими призрачными чернильными руками. Щупальца били по всей комнате, крушили мебель, сдирали картины и вырывали из стен огромные куски дерева. Чёрные маслянистые жала, протянувшиеся от эпицентра Тьмы, буквально пронзали всё вокруг, ползли под обоями, деформируя стены своей энергией, и всеми способами стремились достичь Киры. Напарница была напугана и уже, казалось, забыла об Анри, она просто кричала и неслась прочь.

Великие Стражи, символ отваги и бесстрашия, испугались, как маленькие дети, впервые оказавшиеся перед лицом своих ночных кошмаров. Не такими люди хотят видеть своих защитников. Но сейчас, после сражения с Тьмой лицом к лицу, после того, как я увидел смятение внутри разверзнувшейся бездны, весь мой страх ушёл окончательно.

Когда Кира почти достигла другого конца зала, псевдо-Вивьен снова громко вскрикнула нечеловеческим голо-сом и выбросила вперёд пару своих щупалец. Они сначала резко взмыли вверх, сделали в воздухе разворот и с размахом ударились в пол, вгрызаясь в половицы, потом нырнули под паркет и змеями поползли за своей целью, оставляя за собой вздутый след. За краткий миг они догнали мою напарницу, обогнули её по бокам, сомкнулись между собой в единый столб из чёрной материи и резко вынырнули перед ней. Вслед за ними пол затрещал, доски лопнули, и вся поверхность встала на дыбы, образуя перед девушкой препятствие высотой до пояса, и оно продолжало расти, вбирая в себя куски паркета. Кира бежала не разбирая дороги и с криком врезалась в препятствие, перекатившись через него кубарем. От неожиданности и испуга она зажала спусковой крючок своего автомата, и спёртый воздух некогда красивого зального помещения наполнился тонким протяжным воем свинцового дождя. Мерцание огня, крики напарницы и чудовища из Тьмы, щепки из стен, куски мебели и ошмётки всего, до чего доставали маленькие песчинки смерти, порождён-

ные огнём и металлом, – всё смешалось в темноте в едином порыве хаоса, всё утонуло в ту секунду в потоке страха. Кира упала на пол, продолжая крепко сжимать в руках фонарик и стихший после закончившейся агонии пистолет-пулемёт. По инерции она пролетела по полу ещё метр и остановилась у противоположной стены. На несколько секунд в комнате повисла тишина, прерываемая лишь сдавленным хрипом из темноты, оттуда, где находился Отступник Анри.

Сгусток Тьмы в центре комнаты дрогнул.

Чудовище истерично взвизгнуло, втягивая в себя весь тягучий чёрный туман, успевший покрыть всю комнату. Щупальца закрипели по стенам, уползая назад, и исчезли внутри Тьмы, что породила их. Потом псевдо-Вивьен быстро растворилась в воздухе, одновременно уходя под пол.

– Анри, милый...

Секунду спустя до меня донёсся уже человеческий голос его жены, зазвучавший совсем рядом со стариком.

Кира моментально вскочила на ноги и направила свет на Анри Дюбуа. Он всё ещё сидел в своей кресле-каталке, вцепившись высохшими, морщинистыми руками в подлокотник, и очень тяжело дышал в кислородную маску. Дрожащими руками Кира направила на него своё оружие, где к тому времени уже не осталось патронов, и покачала им из стороны в сторону.

– Выходи немедленно, чтобы я тебя видела! – отчеканила она, явно подавляя свой страх и неуверенность, а затем

быстро бросила мимолётный взгляд в мою сторону: – Стил?

– Я жив, – спокойно ответил я, пытаясь встать с пола.

Ноги ещё плохо меня слушались, а в голове гудело, но я ощутил, как силы быстро возвращались ко мне, заплутав среди потока Системы. Мне удалось даже сделать пару шагов по направлению к напарнице. Тем временем из темноты рядом с Анри вынырнула приземистая фигура его умершей жены, которая снова приняла свой человеческий облик. Она печально смотрела себе под ноги, теребила в руках краешек своего фартука, а затем виновато подошла к креслу своего мужа.

Анри с каждой секундой начинал дышать всё тяжелее, слышались горловые хрипы.

– Стой! – скомандовала Кира призраку его жены. – Ни шагу больше!

Псевдо-Вивьен подняла свой печальный взгляд на Киру, с грустью заглянула в её одновременно озлобленное и напуганное лицо, а потом повернулась ко мне, когда я уже почти дошёл до них неспешным шагом. Она посмотрела на меня с таким уважением, но одновременно с тяжёлым грузом сожаления, которое уже не могла выразить словами. Женщина горестно вздохнула, перевела взгляд на своего мужа и пригладила остатки его редких седых волос.

– Прости меня, *mon amour*, я не смогла тебя защитить, – ласково произнесла пожилая дама.

Затем её рука скользнула по голове Анри, упала ему на

плечо и медленно стянула с него покрывало, закрывавшее его до самой шеи. Только тогда мы заметили, что на него был надет тот самый костюм, в котором когда-то фальшивый молодой офицер неведомой мне армии щеголял перед прекрасной дамой. В нём он прожигал свою ненастоящую жизнь, полную притворства и лицемерных игр, и вёл незримую войну со своими соседями за право быть самым чудным растратчиком несметных богатств. Именно в нём он был запечатлён на той странной и жуткой картине, висевшей в столовой. Но сейчас этот костюм, повидавший немало выдуманных и карикатурных сражений, сильно истрепался, как и его хозяин. Помятый, потёртый и выцветший, потерявший всякие краски жизни, он увядал на умирающем теле больного старика, висел грузной мешковиной поверх отощавших и дряхлых плеч. Некогда белоснежная рубашка под расстёгнутым офицерским кителем стала грязно-жёлтой, а на месте груди сейчас разрасталось огромное бурое пятно крови. Шальная пуля из автомата Киры всё же нашла свою цель. Жизнь, которой было суждено оборваться в этот день, не смогла сбежать от своей роковой судьбы, и даже всё зло, витавшее в этом доме, не смогло этому помешать.

– Теперь вы довольны, Палачи? – сухо спросила пожилая женщина. Затем снова положила руку на плечо Анри, повторяя композицию из того портрета, но поменявшись с мужем местами. – Скоро вас ожидает та же участь.

– Ваш... муж нарушил Основной закон Системы и понёс

заслуженное наказание, – сбиваясь и тараторя, произнесла Кира, продолжая держать под прицелом пожилую пару. – А вы... не знаю, что вы за чудовище... вы пытались помешать...

– *Oh, mon dieu*, вы хоть слышите себя? – грустно спросила псевдо-Вивьен, перебивая Киру. – Наказание? Чудовище? Вы вломились в наш дом с целью убить больного старика, который даже двигаться не способен. Что вы ему вменяете? Кому он мешал своим существованием? Он исправно платил вашим хозяевам за тот жалкий осколок жизни, что ему отвели в этом бездушном мире. Он страдает от бесконечной боли и не только физической. Когда ушла его жена...

Псевдо-Вивьен резко замолчала, замерцала в воздухе, но потом вернулась в обычное состояние, но её голос снова стал неестественным и низким.

– Когда ушла Вивьен, – продолжила женщина, – Анри поклялся ей жить дальше, бороться за свою жизнь во что бы то ни стало. Только распробовав весь горький вкус боли и одиночества, он понял, что главное его богатство – это жизнь. В чём-то вы правы, в этой комнате действительно есть чудовище, но это отнюдь не я. – Псевдо-Вивьен наклонилась и поцеловала Анри в макушку. – Но, возможно, хотя бы теперь он обретёт покой. Помни, *mon amour*, я всегда любила тебя и всегда буду ждать.

Старик в кресле громко захрипел, дёрнулся, выгибая спину, его руки мелко задрожали, а зрачки повернулись в мою

сторону. Они блестели от слёз, которые brave и гордый офицер не мог себе позволить даже под тяжестью невыносимых мук. Но в его взгляде не было ни капли ненависти, только благодарность, то глубокое, проникновенное чувство, что можно выразить глазами. Уже не было в нём того первобытного страха, что я заметил, когда впервые вошёл сюда. Казалось, он даже улыбался где-то глубоко внутри себя, за покровом боли, одиночества и отчаяния, за сотнями тёмных вечеров наедине со своим прошлым, где-то там сейчас ютилось счастье, свобода, которую мы ему подарили. Свобода от вечной боли. Старик дышал уже очень редко и тяжело, иногда дёргаясь на месте и тихо кашляя в кислородную маску, изрядно покрывшуюся россыпью красных капелек. Его прошлое, стоящее сейчас за спиной в виде его умершей жены, колыхнулось в воздухе и расплылось, сливаясь с окружающей её тьмой. Старик сделал последний глубокий вздох, и его глаза навсегда закрылись.

Мы замерли на минуту, боясь сделать лишний шаг, и слушали тишину. Потом Кира повернулась с фонариком в мою сторону и тихо произнесла:

– Я думаю, нам надо валить отсюда как можно...

Напарница не успела договорить фразу, как весь дом сотряс сильный толчок, стены задрожали, заскрипели, люстра в центре зала начала сильно раскачиваться, а пол заходил ходуном.

– Что за чертовщина опять?! – в сердцах бросила Кира.

Новый толчок – и люстра, оторвавшись от крепления, с грохотом рухнула на пол, звонко рассыпаясь на множество мелких хрустальных осколков. В стене, справа от нас, что-то громко хрустнуло, и в ней образовалась огромная трещина. С каждой секундой она продолжала шириться, быстро продвигаясь вниз, и через минуту уже разламывала на части половицы. Со всех сторон в нас ударил удушливый кислый запах, а в воздух поднялась непроглядная взвесь из пыли и каменной крошки.

– Бежим! – крикнула Кира, пытаясь удержаться на ногах, и рванула к двери.

Но она забыла о главном, что я был ещё не готов к таким физическим упражнениям. Я старался последовать вслед за ней, но не успел. Когда Кира обернулась в дверном проходе, чтобы проверить, где я застрял, то увидела, как под моими ногами быстро разрушается пол. Сначала он засосал в себя инвалидное кресло, где находился труп бывшего хозяина этого дома, а затем и меня. Когда я падал сквозь перекрытия этажей и наблюдал, как следом за мной летят тяжеленные обломки стен и потолка, как рушится всё здание, складываясь надо мной как карточный домик, то в этот момент передо мной стоял лишь взгляд больного старика. Он продолжал неумолимо сверлить мне душу, оставляя в ней очередное отверстие моего собственного ситца, через которое постепенно утекало всё моё прежнее Я.

Перед самым ударом об обломки старого дома я закрыл

глаза и провалился в своё привычное место, туда, где властвуют кошмары.

* * *

Я слишком хорошо знал этот момент, когда реальный мир и контроль над ним растворились в моих руках. Остаточными всполохами сознания он прощался со мной, проскальзывал сквозь пальцы, даря последние ощущения реальности, теплоты и безопасности от вечного, мёртвого холода всепроникающей Тьмы. Я прекрасно знал, каково каждую ночь медленно погружаться в пучину своего давнего страха, набирать полную грудь смолянистой пустоты, вдыхать её, ощущать присутствие чего-то тёмного внутри себя. Каждую ночь оно забиралось в меня, изучало, сковывало всякое движение, оставляя за собой только выжженную пустыню из детских страхов и боязнь остаться в одиночестве перед лицом этой Тьмы.

Так было каждую ночь, и каждый раз, когда я терял сознание и растворялся внутри себя, но не сейчас. Тьма не смогла заключить меня в свои терновые объятия, я промчался через неё словно вихрь, и не успел до конца погаснуть свет в моих глазах, сияющий сквозь разрушенные перекрытия дома, как он разгорелся с новой силой. Яркая вспышка ударила в меня – и я буквально упал на стул перед своей школьной партой, а яркий свет свернулся в лампы над головой. Это снова была

аудитория школы Стражей, яркий миг из моего прошлого и единственное время, когда всё в жизни казалось радужным и перспективным, когда я источал позитив и здоровый юношеский оптимизм. Я сидел на том же месте, за своей любимой партой в главной лекционной комнате школы Стражи. Зеленоватые бра на стенах продолжали источать ровный и тёплый свет, но сейчас мне показалось, что он немного потускнел с моего прошлого визита. Да и все краски в помещении поблекли, воздух стал более сдавленным и сдержанным.

За кафедрой стоял Наставник в своём привычном образе и смотрел куда-то в сторону, вглубь света, идущего от стен. В комнате царили тишина и напряжённое внимание. Много изменилось за это время. Наши ряды существенно поредели, многих претендентов отчислили из школы, а кто-то ушёл добровольно, не выдержав всего морального груза ответственности, о котором нам твердили с утра до вечера. В каком-то смысле их можно понять, ведь на наши плечи пытались взвалить непосильный груз, требовали стать грозными Атлантами, что понесут на своих плечах судьбы миллионов, без права оступиться и оставить свою ношу. Не каждому пришлось по нраву отдать всю оставшуюся жизнь служению обществу. Многие пришли сюда по обычному юношескому задору, в поисках какой-то неведомой мечты, духа приключений, романтики и очень быстро понимали, что форма часто очень далека от своего содержания. К тому моменту остались только самые стойкие и целеустремлённые,

в ком горел истинный огонь, как любил говорить Наставник и что он всё время в нас искал. Я не мог вспомнить точное количество учеников, но сейчас позади меня сидели только невероятно сильные духом, смелые и преданные делу люди, те, кто очень скоро выйдут на улицы охранять мечты людей. Закончилось время детских шуток, весёлого задора, шума и гама, висевших в воздухе в первые дни нашей учёбы, теперь на их смену пришла тишина, которая останется с нами до конца наших дней.

В то время внутри меня ещё бушевало пламя свершений. Его не смогли погасить никакие невзгоды и тяжести, выпавшие на мою нелёгкую юношескую долю. Я с таким же восхищением смотрел вперёд и выше, на сцену, на кафедру и на своего Наставника, к кому я до сих пор испытывал огромный пиетет, но кто уже стал для меня родным. Главная ошибка других студентов, что они не воспринимали его всерьёз, его слова и лекции. Они думали, что это простая идеологическая работа, попытка просвещения или даже пустой трёп скучающего старика, а я всегда считал это главным испытанием в своей жизни. Я видел в его глазах эту надежду, попытку найти родственную душу, разглядеть в толпе перед собой тех единственных, кто понесёт его зажжённый факел дальше к финишной черте. Он как умелый кузнец из раза в раз сжимал меха из своих слов и раздувал в нас огонь, ковал тот самый карающий клинок, тайное оружие, спрятанное ото всех, свой стилет, который он мечтал вонзить в нараста-

ющую лавину Отступников. В тот же самый момент я видел в его взгляде неутолимую тоску по прошлому, по чему-то давно потерянному, словно он постоянно искал нечто неуловимое в наших сердцах, огонь страсти, про который постоянно твердил. Наставник будто чего-то ждал, надеялся, что из пепла потерянного прошлого снова возгорится этот пожар, а он сам восстанет, словно птица Феникс, и понесёт свой дар людям. Он всё ждал и не находил, от того его взгляд становился всё грустнее с каждым днём.

Наставник оставил своё занятие созерцания бра на стене, обвёл взглядом изрядно опустевшую аудиторию, в сердцах вздохнул, и его зычный голос снова эхом разнёсся под белоснежным потолком просторного зала:

– Сегодня я снова хотел бы поговорить с вами о страхах, – начал свой монолог Наставник, – а точнее, о страхе наказания, о том, что должно останавливать человека на пути к преступлению, его последний порог для себя самого, переступив который, он подпишет себе приговор. Кто из вас знает, какой страх для человека самый главный? Чем он дорожит больше всего, что может стать серьёзным препятствием на пути к преступлениям и отступничеству?

Наставник направил свой требовательный взор в аудиторию и медленно обвёл всех пронзительным взглядом.

– Ну давайте? Это же элементарно, – с разочарованием воскликнул лектор.

– Жизнь? – раздался сдавленный юношеский голос где-то

позади меня.

– Что, простите? – повернувшись на голос, переспросил Наставник.

– Самое ценное, что есть у человека, – это жизнь, – более уверенно повторил парень.

На тот момент я уже знал правильный ответ и то, что этот смелый молодой человек позади меня был как никогда близок к истине, но всё же недостаточно для верного ответа. Я же всегда предпочитал молчать. Возможность ошибиться с ответом, разочаровать не только других людей, но и себя самого пугала настолько сильно, что сковывала движения, мысли, и я не в силах был побороть себя. Страх общественного порицания и излишнего внимания оказались настолько сильными, что превратились в своеобразную фобию. Я замкнулся, корил себя этим, но ничего не мог поделать. Возможно, это порочная тяга быть лучшим во всём, боязнь потерять доверие людей и весь смысл жизни. Лишний шаг как новая игра с собственной жизнью на бескрайнем минном поле из людских ошибок. Прочие плюют на условности жизни, на мнения людей вокруг, они способны на безумства – танцевать среди мин, скользить по смертельным граням. Меня всегда поражала их способность не только обходить эти ловушки, но и побеждать, а я боялся этого, завидовал им, ненавидел всех вокруг за этот беззаботный вальс. Всю жизнь я только и делал, что пытался соответствовать каким-то требованиям, хотел служить обществу, стремился к размытым

граням справедливости и ковал себя только для этого момента, когда я наконец стану лучшим. Поэтому я почти всегда знал правильный ответ на все вопросы жизни, но всегда молчал, предпочитая смотреть, как другие обгоняют меня, играя со смертью, толкают, швыряют, бьют в этой слепой гонке со своими жизнями, и всё ради этого... Большая ответственность требует от нас большого кредита доверия со стороны людей, а его приходится копить всю свою жизнь, где одна-единственная ошибка может разрушить всё.

Наставник тем временем сделал задумчивое лицо, почесал подбородок, больше по привычке, чем по нужде, и снова обратился в зал:

– Вы правы и неправы одновременно. Да, самое ценное, что есть у человека, – это его жизнь. Это единственное, что он никогда не сможет вернуть. Но в то же время машина правосудия требует от нас не устранение угрозы, а её перевоспитание. Мы обязаны были дать шанс Отступнику на искупление своих ошибок перед гражданами Системы, и одновременно он должен был понести суровое наказание. Мы должны были лишить его того, чем он больше всего дорожит, – его жизни, но при этом не убивая его... Да-да, не нужно делать такие непонимающие лица! Я сейчас поясню.

Наставник откашлялся, взял стакан с водой, спрятанный под кафедрой, и сделал пару глотков. Вся эта пауза была предназначена только для одного, чтобы мы задумались над его словами и сконцентрировались.

– Для начала, – продолжил Наставник, – вы должны чётко понимать, чем стала Система для человека. Это не только новый дом, где должны исполняться все его давние мечты о лучшем мире, это также место, которое должно победить все страхи людей, всё то, что толкает их на преступления. Мы не должны забывать, что главным страхом человека является неизбежность смерти. Издавна люди находили себе утешения в этом непреложном цикле жизни в форме различных верований, сказаний, создавали образы загробного мира,рая, куда человек мечтал сбежать на протяжении жизни. Вместо страха смерти он научился переводить все ужасы своей реальной жизни, все страдания и тяготы в веру в лучшую жизнь, в место, где он забудет о боли и лишениях. Он мечтал о новом доме, где исполнятся все желания, где он больше не увидит кошмаров и не почувствует страха. Сдавшись под натиском грязи из реального мира, он мог лишь тешить себя иллюзиями. Система стала нашей новой попыткой порвать эти порочные узы, цепи бесконечного рабства человека перед его страхами и тяготами жизни, это будущий рай на земле. Здесь мы сами меняем обстоятельства, стремимся к тому, чтобы победить саму смерть! В Системе, а точнее в капсуле искусственного обеспечения жизни, наши тела почти не стареют, а вот разум, выкованный в горниле миллионов лет эволюции, оказался намного строптивее биологической оболочки. Что бы мы ни делали, он упрямо следует заложенной в него программе. В Системе человек продолжа-

ет стареть с прежней скоростью, его мозг выгорает, изнашивается, подчиняясь ускоренному течению времени. Вы сейчас, должно быть, думаете: «Зачем этот сумасшедший старик нам всё это рассказывает?» Вот мы и подошли к самому главному – к изъяну, которому подвержена любая машина, в том числе и Система. Она не способна обходиться без постоянного обслуживания и контроля со стороны человека, и этого, как вы понимаете, не добиться, находясь здесь, внутри Системы. Никто не хочет бесконтрольно доверять жизни миллиона человек машине и давать ей на откуп всё наше существование. К тому же есть некоторые аспекты нашей жизни, которые не решить, будучи подключёнными к сети, для этого приходится покидать колыбель нашей новой жизни и на время возвращаться в реальный мир.

Наставник сделал небольшую паузу, перевёл дыхание и посмотрел в наши замороженные рассказом глаза.

– Простите, Наставник? – снова заговорил тот юноша позади меня. – Что же получается, некоторым приходится жертвовать собой, своими жизнями, чтобы обеспечить наше существование?

– Именно. – Наставник улыбнулся. – Вы начали понимать. Об этом не принято рассказывать заранее, ведь механизм консервации наших тел также небезупречен, а природа, она... весьма коварна. Всё это время она сидит и ждёт нас там, за порогом виртуальной реальности. Ждёт своего часа, чтобы с удвоенной силой впиться в наши ослабленные тела.

Тут-то и кроется главный недостаток всей Системы, который нам так и не удалось побороть. Стоит нам только покинуть наш кокон новой жизни, как природа начинает брать своё, она с поразительной быстротой высасывает из нас жизненные силы, словно пытаясь возместить все те годы, что мы обманом скрывали от неё в этом убежище. Да, вы правильно поняли. Те, кто покидают Систему, начинают стареть с чудовищной скоростью, их тела разрушаются, догоняя прожитые годы, но не останавливаются на достигнутом, а продолжают увядать до самого конца, пока природа не заберёт всё без остатка.

– Получается, мы навсегда заперты в Системе без права вернуться в реальный мир? – не унимался настырный юноша.

– Всю свою историю человек заперт в границах своего существования, мы лишь вольны раздвигать их. Виртуальная клетка ничуть не хуже любой другой, созданной природой или человеческими законами. Построив Систему, мы сделали лишь первый шаг на пути к нашему возрождению. Когда-нибудь мы решим все задачи, справимся с любыми трудностями и разрушим любые природные преграды на пути к истинному бессмертию. Но пока этого не произошло и машина не может оставаться без обслуживания, мы вынуждены идти на такие жертвы. Поэтому сначала мы приняли решение составить список, график дежурств, по которому каждый житель нашей Системы был обязан раз в жизни

покинуть эту реальность, отключиться от Системы и провести несколько месяцев там, в подземном куполе, в компании других избранных, заботясь обо всех, кто остался внутри. Такой порядок вещей существовал достаточно долго, пока не появились Отступники. Тогда некоторые из них получили шанс на искупление, одновременно ставший для них наказанием. Люди, не желающие быть частью общества, в конечном итоге были отторгнуты им на долгое время и отправлены во внешний мир обслуживать тех, кого они так презирали. Там они вынуждены жить и наблюдать, как быстро пролетают их года, которые могли превратиться в десятилетия внутри Системы, как смерть на своей хладной колеснице на всех парах мчится к ним навстречу, чтобы заключить в свои объятия. Для человека нет страшнее ужаса и страданий, чем жить в ожидании смерти, знать, что кто-то очень быстро перематывает стрелки внутренних часов, как стремительно истощается календарь его жизни, как пустые, незаполненные листочки его дней опадают к ногам. Отступнику приходится жить с этим каждый день, с этой вечной осенью, где он может видеть счастье других людей лишь со стороны. И вырванные страницы, на которых ещё можно столько записать и сделать, уже никогда не вернуть. Поверьте, это поистине страшная участь для любого.

Наставник сделал долгую паузу, помрачнел и опустил взгляд на кафедру. Звонящая тишина охватила аудиторию, где все могли прочувствовать описанный страх. Каждый сту-

дент представил наяву, каково это – видеть приближение своей смерти и быть неспособным что-либо сделать или изменить. Справа от меня кто-то с горечью охнул, отчего Наставник вышел из раздумий и поднял голову.

– Возможно, вы скажете, что это было жестокое решение? – продолжил он. – Вероятно, это так. Но подумайте, что стоит на кону, на что покусились Отступники, выбрав свой путь? Своими действиями они ставят под угрозу мечту всего человечества, всё то, к чему мы стремимся всю свою историю, к раю на Земле. Тем более им дали шанс на искупление, закрывший собой проблему обслуживания Системы. Теперь не нужно выводить так много людей, подвергать их жизни опасности – это возложили на плечи Отступников, чья вина не настолько глубока и кого ещё можно спасти. Это стало их бременем и долгом. Мы смогли отказаться от системы графиков и списков, оставив только возможность добровольцам записываться на дежурства вне Системы. Ведь кому-то всё равно приходилось следить за Отступниками. Провинившиеся проводили достаточно долгое время за пределами капсул, многие сильно постарели и уже не могли вернуться, их тела попросту не смогли бы пережить повторное подключение. Это, безусловно, грустно, но иного выхода у нас не было. К счастью или к сожалению, поток Отступников никогда не иссякал, и так могло продолжаться ещё довольно долго, пока не случилось непоправимое. Инцидент Ноль... он изменил всё.

Наставник сделал глубокий вдох и замолчал. В аудитории раздался слабый ропот непонимания, но никто не решался спросить вслух. Похоже, Наставник тяжело переживал из-за каких-то событий в прошлом, из-за чего наша жизнь, как он говорил, сильно изменилась. Он задумался на некоторое время и прикусил губу, будто снова ощутил вкус от давно забытой горечи поражения. Для нашего лектора было в порядке вещей моментами уходить в себя, в глубокие раздумья, и так же неожиданно возвращаться из пучин своего бурлящего разума. В каждое слово и мысль, которые он пытался до нас донести, Наставник вкладывал всю душу и эмоции, из-за чего его бравурная речь иногда звучала слишком наигранной и преисполненной возвышенной лирикой. Но я точно знал, что каждое его слово исходило от чистого сердца, поэтому после особенно горьких воспоминаний он мог временно замкнуться, чтобы в одинокой тишине собственного разума вновь пережить эти мгновения.

– После Инцидента Ноль всё рухнуло в одночасье, – внезапно и тихо произнёс Наставник. – Вся наша прежняя жизнь, все надежды и мечты были сломлены и отправлены на свалку истории. Из наступления мы перешли в глухую оборону и теряем одну позицию за другой и по сей день. Страх и хаос продолжают шириться на улицах нашей Системы. Время изменилось, пришло время меняться и нам. В тот момент мы поняли, что вся наша исправительная система не давала положительных результатов, число Отступников продолжа-

ло расти, и даже те, кто прошёл наказание временем вне Системы, – голос Наставника задрожал, а взгляд опустился на кафедру, – даже они не желали более верить в наши мечты и стремились всячески их разрушить. Отступников больше не пугала перспектива выхода из Системы, они перестали бояться приближения смерти. Но раз их не пугает путь...

Наставник внезапно встрепенулся, расправил плечи, поднял на нас строгий взгляд и стукнул кулаком по стойке перед собой.

– У нас не осталось иного выхода, – сказал он громко и свирепо. – Теперь лишь одно может остановить их раз и навсегда, только одно наказание, что Отступники заслужили сами, встав на нашем пути, – Смерть! Она ждёт каждого, кто посмел угрожать всему, что построили наши предки Творцы, всех, кто покусился на мечты людей и желает разрушить наш мир. Они отступили от наших идеалов и должны быть нещадно истреблены во имя нашей великой Мечты. У нас более нет права на ошибку, нет права на милосердие. Мы дали им шанс, а они воткнули нож в спину. Запомните раз и навсегда: нет пощады врагу...

Последние слова Наставника смешались со вспышкой боли в моей голове, всё поплыло перед глазами, меня обволокло ярким светом, и я зажмурился. Послышался выстрел, потом ещё один, они доносились откуда-то из глубины сознания, а потом боль резко прекратилась. Я открыл глаза. Свет постепенно растворялся в темноте вокруг меня, и только бе-

лый квадрат с нарисованной на нём круглой мишенью маячил где-то вдалеке. Я ощутил тяжёлую прохладную сталь в руке, почувствовал, как снова дрожит палец на спусковом крючке, меня всего бьёт озноб от сильных переживаний и страха за своё будущее.

Я вспомнил это место, тренировочную комнату для отработки обращения с огнестрельным оружием, находившуюся в самом сердце школы Стражей. Здесь нас учили, как правильно использовать табельное оружие, как себя вести, правильно дышать, куда направлять свои мысли и концентрацию, какие стойки занимать... и как убивать. Здесь я впервые ощутил всю мощь человеческой ярости, воплощённой в отполированном куске железа, что был призван концентрировать в себе весь гнев и направлять его в сердца врагов. Я помню, как впервые взял его в руки и он показался мне очень тяжёлым, в том числе с психологической точки зрения. От него веяло какой-то смертельной прохладой, безразличием к самой жизни, в нём не было ничего возвышенного и целеустремлённого, как нам пытались это преподнести. С той самой минуты я невзлюбил этот пистолет, он стал для меня скорее обузой, навязанной необходимостью, чем верным другом и соратником. Было нечто подлое в таком способе отключения при помощи маленького, металлического кусочка смерти, выпущенного исподтишка. Даже Отступники не заслуживали такой участи. А может, я невзлюбил пистолет из-за того, что никак не мог научиться с ним правильно

обращаться. Я бесцельно тратил множество часов подряд на стрельбище, пытаясь отточить своё мастерство, но всё было безрезультатно. Он не слушался меня, отчего я ещё больше начинал бояться и ненавидеть его, а он, похоже, отвечал мне взаимностью. Иногда по вечерам здесь, на стрельбище, ко мне приходило отчаяние. Неужели я, лучший ученик этого набора, провалю такой простой экзамен? Неужели мечта всей моей жизни может так просто разбиться об эти холодные железные рифы? Каждый день я тратил остатки своих сил, засиживаясь на стрельбище допоздна, но продолжал промахиваться по цели, после чего от злости кидал в неё пистолетом, и даже так он пролетал мимо. Что со мной не так?

Я медленно и протяжно выдохнул воздух из лёгких, как нас учили, встал в стойку и направил дуло пистолета в направлении мишени. Руки дрожали, а ладони вспотели от постоянных тренировок. Я смотрел сквозь прорезь прицела и видел через неё свою цель – маленькую чёрную точку в центре круга на том конце комнаты для тренировок. Палец скользнул по спусковому крючку. Пистолет дёрнулся, выгибаясь от внутреннего возмущения после удара бойка, и пуля с длинным хвостом пламени вырвалась из огненного чрева и унеслась в сторону цели. Звук выстрела был очень тихим, приглушённым, только слабый хлопок раздался в комнате и мой крик, перекрывающий всё остальное. Хорошо, что в этом зале стояла система шумоподавления не только звука выстрелов, но и громкого голоса разгорячённых студентов.

Я посмотрел на новую дыру в мишени, возникшую с самого края и предательски так далеко от центра, потом эмоционально бросил пистолет на стойку перед собой и ещё раз в сердцах воскликнул:

– Чёрт! Опять!

– Какие-то проблемы, молодой человек? – внезапно раздался очень знакомый голос за моей спиной.

Я резко обернулся и увидел у входа в комнату тёмный силуэт, очертания, которые скрадывал общий сумрак в комнате. Меня немного напугал внезапный гость, ведь всё это время я думал, что нахожусь один в тренировочной комнате и даже не стал включать общее освещение, чтобы создать для себя более уединённую обстановку. Неужели этот человек видел все мои промахи? Я был так взбудоражен и напуган, что не смог удержать расплескавшиеся мысли и нервно выпалил первое, что пришло на ум.

– Не нужно лишнего притворства, вы и сами прекрасно знаете о моих проблемах, – довольно грубо и резко бросил я в ответ.

Человек немного помедлил у входа, потом сделал шаг навстречу, и из сумрака ко мне вышел Наставник, всё в том же комковатом свитере и с несвойственной ему смущённой улыбкой. На секунду меня парализовало волной испуга, а по телу выступил холодный пот.

– П-простите, Наставник, я не знал, что это вы, – заикаясь, затараторил я. – Я... я просто, тут...

– Всё в порядке...

Наставник назвал моё имя, но я вновь не расслышал его, мгновенная молния острой боли пронзила мой висок и так же быстро скрылась из головы.

– Не волнуйся, я могу понять твоё негодование. – Наставник сложил руки за спиной, раскачиваясь подошёл ко мне ближе и зажмурился, пытаюсь разглядеть мишень в другом конце комнаты.

– Всё равно, простите, – всё ещё испуганно пропищал я. – Это сводит меня с ума. Я тренируюсь каждый день, но не могу совладать с этой железякой.

Кивком головы я указал на пистолет, лежащий на стойке.

– Хм, странно... – Наставник задумался. – Я видел тебя сегодня на курсах ближнего боя и видел твою страсть в схватке на мечах. Не похоже, чтобы ты не мог совладать с «железяками». Может, это от того, что мечи тебе нравятся больше огнестрельного оружия?

– Угу, – понуро ответил я, – мне нравится ближний бой, с ним я чувствую себя живым, подвижным, клинок как продолжение меня самого, он слушается, подчиняется моим мыслям, а этот... он ужасен. Я не смогу сдать экзамен.

После этих слов я окончательно помрачнел и поник. С лица Наставника моментально пропала улыбка, он заглянул в мои глаза, недовольно покачал головой и перевёл взгляд на пистолет. Потом взял его в руки, повертел из стороны в сторону и положил обратно.

– Не вижу в нём ничего ужасного. По-моему, в тебе есть всё, что нужно для сдачи всех экзаменов: достаточно холодная голова, расчётливость, быстрота мысли и отличная реакция. Проблема не в оружии, она в тебе, и нет никакой разницы между мечом и пистолетом.

– Но в убийстве из пистолета нет никакой чести, – с возмущением возразил я. – У противника нет шансов, это подло! К тому же я совершенно не ощущаю самого боя, он как бы отстранён от меня и не подчиняется моим действиям, а контроль – это самое важное для меня.

– В убийстве вообще не может быть чести! – Наставник повысил голос, перешёл на командные нотки и махнул рукой. В его глазах читалось явное недоумение и разочарование моим ответом. – Что за пафосная блажь, где вы этого набрались? Мечи, пистолеты, даже твои кулаки – это всего лишь инструменты, бездушные механизмы, которые вам вложили в руки для достижения определённых целей. Кто вы, по-вашему? Простые убийцы или видите в убийстве самоцель? Это жестокая необходимость, не более, тяжёлая жертва данности, которую мы вынуждены совершать! Вы – хирурги, что точно вырезают опухоль, поразившую тело нашей Системы. Ваша основная задача – спасти жизни, отбирая её только у паразитов. Это не благословление и не дар, это тяжёлый каждодневный труд, пытка, которую не каждый способен вынести. Долгие годы мы тренируем вас, оттачиваем мастерство, чтобы сделать из глупых юнцов беспощад-

ных специалистов и мастеров своего дела. А это, – Наставник указал на пистолет, – лишь инструмент вашей работы. Не всегда будет такая ситуация, когда ты сможешь подобраться к противнику для контактного боя. В большинстве случаев он убьёт тебя на подходе. Именно для этого нужно дальнобойное оружие. Для каждой операции – свои инструменты. Вас учат обращаться с ними, и для каждого существуют одни и те же правила. Твоя проблема именно в этом. Ты на многое способен, но ты непостоянен, не всегда можешь держать в узде свой пылкий нрав. Ты даёшь эмоциональные оценки вещам, наделяешь их чувственным восприятием, отношением, что не свойственно, как ты выразился, «железякам». Это просто инструмент, вещи, запомни это!

Я стал мрачнее тучи и выглядел как нашкодивший школьник. В тот момент мне стало действительно не по себе и казалось, что я совершил фатальную ошибку, после которой не будет пути назад. Я всё-таки сделал то, чего всегда так боялся, – разрушил копившееся годами доверие. Я оцепенел, не в силах больше пошевелиться. Вся учёба разом крутилась в моей голове, моменты из жизни вспыхивали один за другим и безвозвратно угасали в нарастающей тревоге. Я искал ответы на главный вопрос: «Что же мне делать дальше, как жить?» К тому моменту я уже простился с надеждами стать Стражем и почти простился с жизнью. Но Наставник медлил, молчаливо буравил меня строгим назидательным взглядом и чего-то ждал. Обычно он бывает более решительным и

жѣстким с претендентами, многие на моей памяти вылетали из школы и за более мелкие провинности. Наставник увидел мои беспорядочно мечущиеся глаза, немного расслабился и усмехнулся.

– Чего ты боишься, юноша?

– Я? – Вопрос показался мне неожиданным.

– Да, ты. Чего ты сейчас боишься? Меня?

– Я боюсь провалить экзамен и не стать Стражем... – пробубнил я себе под нос.

– Ох, вовсе не этого тебе стоит бояться, друг мой. Экзамен по стрельбе – это меньшее, что тебя должно волновать. Это всё мелочи, периферийные знания. Безусловно, они тоже нужны и крайне важны, чтобы получить статус Стража, но в первую очередь тебя стоило бы выгнать по другой причине. – Наставник прикрыл глаза и покачал головой. – Ты хороший, усердный ученик, я прекрасно вижу чистоту твоих помыслов и силу душевных порывов. Но твоя импульсивность порой становится непредсказуемой, хаотичной, ты не умеешь держать эмоции на коротком поводке, сохранять свой разум чистым и защищённым от проникновения скверны. Вместо того, чтобы направить свой гнев против врагов Системы, ты занимаешься саморазрушением. Страх – твой главный враг, он сковывает тебя и не даёт раскрыть свои навыки и способности. Научись контролировать себя и свои мысли, возьми над ними первенство, подчини их конкретной цели. Многие претенденты, такие же, как и ты, пренебрегают

моими советами, полагаются на процедуру Отречения, думают, что она поможет избавить их от страхов, сомнений и эмоций, но это не так. Отречение не панацея...

– Что же мне делать? Я отчислен? – через силу прохрипел я сквозь пересохшее горло.

– Что? – Наставник даже немного усмехнулся. – Нет! Пока нет. Пойми, в тебе есть то, чего нет в большинстве других. Я вижу это каждый день на наших занятиях и видел сегодня в том отточенном неистовстве на арене ближнего боя. Ты лучший претендент в этом наборе, даже несмотря на все твои юношеские заскоки. Но пока рано зазнаваться, ты должен собраться. Возьми в руки своё оружие!

Наставник указал на пистолет, и я послушно последовал его приказу.

– Хорошо, теперь прицелься. Что ты видишь?

– Мишень, – испуганно пробормотал я, заглядывая через дрожащую мушку прицела.

– Неправильный ответ! – хлётко прочеканил Наставник. – Что ты видишь, когда ты смотришь на неё через прицел? О чём ты думаешь?

– Я вижу... цель...

– Какую цель?

Голос его по-прежнему был очень строгим и напористым, он пытал меня каждым словом, которыми ловко орудовал, как кинжалами.

– Стать Стражем Системы.

– И снова неверный ответ! Ты следуешь за ложными целями, это порочный путь, юноша, он никогда не приведёт тебя к истинно желаемой цели.

Наставник сокрушённо покачал головой и потом посмотрел на мои руки.

– Почему твои руки дрожат? Ты боишься промахнуться?

– Я боюсь того, что за этим последует.

– Ох, юноша, страх когда-нибудь погубит тебя и всех, кто будет рядом, запомни мои слова. Ты знаешь, почему в Палачи выбирают лучших? Потому что цена их ошибки слишком велика. Они единственная защита от всеобщей гибели, от тех, кто хочет сожрать нас целиком. На этой войне нет места страхам и нерешимости. А ты боишься всего, даже этой мишени! Посмотри на неё! Даже твои страхи вертятся вокруг твоего тщеславного эго. Всё потому, что изначальная цель твоего пребывания в нашей школе ложная. Для чего ты сюда пришёл? Стать Стражем? Зачем? Твоё сознание слишком ограничено, твои мысли не могут выйти за пределы собственных интересов. Так для чего ты хочешь быть Стражем? Ответь!

Наставник зашёл сбоку и требовательно уставился на меня, отчего моё сердце вновь ушло в пятки и жалобно отбивало оттуда быстрый ритм, а дыхание стало очень быстрое и поверхностное. Я всячески старался собрать разбежавшиеся мысли воедино и тщательно подбирал слова.

– Я... я здесь... я хочу защищать Систему, людей, обере-

гать нашу мечту...

– Стреляй! – резко скомандовал Наставник, обрывая меня на полуслове.

– Что? – не понял я и вытаращил глаза.

– Стреляй немедленно!

Я повернулся к мишени, почти ничего не соображая, и онемевшими пальцами надавил на спусковой крючок. Мне почему-то очень хорошо запомнился тот момент бессознательного выстрела. Я видел белую, заманчиво сверкающую мишень, окружённую темнотой и смотрящую на меня своим единственным глазом, я слышал бесконечный гул в своих ушах, где утонул тихий хлопок выстрела. Подгоняемый раскалёнными газами, затвор скользнул ко мне навстречу, я почувствовал, как дёрнулся в руках пистолет, увидел яркую вспышку, на время заслонившую собой весь мир перед глазами. Когда я вернул контроль над своими мыслями, то посмотрел вдаль и увидел новую дыру в мишени, зиявшую гораздо ближе к желаемому центру, нежели все остальные. Ещё ни разу мне не удавалось достичь таких результатов без должной и долгой подготовки.

Я немного растерялся, опустил руки и выронил пистолет на подставку перед собой. Наставник подошёл ближе, взгляделся в темноту и чуть слышно хмыкнул себе под нос.

– Ты можешь лучше, – спокойно сказал Наставник.

– Но...

– Вспомни, чему тебя учили на уроках рукопашного боя,

и помни, что я тебе сказал. Оружие лишь инструмент в твоих руках, и совершенно неважно, с помощью чего ты ведёшь бой. Тебя учили трём правилам боя, вспомни! Эмоции – твой главный враг, будь холоден и собран, научись управлять ими, направлять, а не подчиняться. Думай быстрее, чем противник, наноси удар молниеносно, точно и смертельно, не трать время на раздумья, в реальном бою его может не быть. В данном случае твои мысли – твои враги. Ты сам низвергаешь себя, травишь себя размышлениями, тратя время на подготовку к удару. И всегда помни, что для тебя является главной целью пребывания здесь! Вот это, – наставник указал в сторону мишени, – это ничто! Воспринимай её как ещё одну ступень на пути к своей цели. Не преграду, а именно ступень, на которую нужно зайти, чтобы идти дальше. Таких ступеней на твоём пути будет ещё немыслимое количество, а восхождение по ним превратится в каждодневную рутину. Сейчас это просто кусок бумаги, а когда-нибудь на её месте окажется живой человек, и их будут сотни. Шаг за шагом ты должен взбираться всё выше и выше. Без страха и сомнений, без жалости, без кучи бесполезных мыслей и самокопания. Только так ты достигнешь вершины. Так что соберись, наконец, хватит возиться с этой мишенью, сделай шаг наверх и иди дальше. Ты понял меня?

– Да, я вас понял, Наставник, – примиряюще ответил я и снова взял в руки пистолет.

– Нет-нет-нет. – Наставник выхватил из моих рук оружие

и покачал головой. – Хватит на сегодня, тебе давно пора отдохнуть, а завтра придёшь и пробьёшь вон там красивую дырочку прямо по центру. Пойдём, я закрою дверь, а то всем давно уже пора разойтись по своим комнатам.

Наставник позволил себе небольшую улыбку, вернул пистолет обратно на стойку и положил руку на моё плечо, а затем настоятельно пригласил к выходу из стрельбища. Весь вечер того дня предстал в моей памяти огромным комом снега, что незаметно нарастал всё это время, а потом внезапно прокатился по мне и всей моей жизни за те полчаса, что мы провели вместе с моим кумиром. Я столько грезил этой встречей, хотел задать волнующие меня вопросы, расспросить его о многом, возможно, попросить рассказать истории из жизни, раскрыть таинство службы Стражей. Столько раз я представлял этот миг, прокручивал несуществующий диалог, испытывал неопиcуемый восторг от несбыточного будущего, но лавина событий, обрушавшаяся в тот вечер на мою голову, прошла настолько быстро и стремительно, что осознание ко мне пришло только на следующее утро. Подумать только, я встретил главного человека во всей школе Стражей, чьё слово считалось законом для каждого, чей авторитет подобен богу, а я позволил себе такое свинское поведение! Один щелчок его пальцев – и я окажусь на улице без памяти и с полной охапкой разрушенных надежд. Я так сильно перенервничал в тот вечер, ворчал, пререкался и вообще мало сознавал, что делал и говорил. Я был на волосок от ги-

бели всей своей мечты. Но в тот момент, когда мы вышли с Наставником в коридор и он запер за мной дверь, я всё ещё не осознавал этого и просто плыл по течению нарастающих событий, изменивших в тот день всю мою жизнь.

Сумрачный пепельно-грязный коридор далеко раскидал свои рукава и расходился от нас в разные стороны, с обеих своих концов скрытый тяжёлый полумраком, царившем сейчас во всех помещениях школы Стражей. Закоулки утопали в полутонах, тихих перешёптываниях людей за каждой дверью и в тяжком смоге из нервов, напрасных ожиданий и маленьких трагедий. Его вдыхал каждый из нас по вечерам перед сном и задыхался, глядя в пыльный потолок. Сколько здесь было таких же, как я? Сколько судеб, юношеских пустых надежд и романтических порывов разбилось о местные острые скалы? Сколько загублено мечтаний и великих свершений, когда глупые, наивные и дерзкие корабли местных юношей и девчонок с таким же безудержным и залихватским порывом налетали на коварные рифы, скрытые под тихими водами нашего Наставника? В нём была такая великая внутренняя сила, непомерная стать, которую он излучал изнутри, заставляя нас как заблудших мотыльков лететь на этот свет и сгорать, натыкаясь на его острый, как лезвие, фильтр. Он отсеивал многих, выгонял из школы без лишних пререканий и слов. Казалось, что малейшая провинность, неправильный взгляд, нечаянно брошенное слово – и тебя до костей испепелял суровый взгляд Наставника, когда он в мгновение ока

менялся с доброго, отеческого прищуря, на жёсткий и холодный взгляд, обжигающий и хлёсткий.

После этих событий я ещё долго буду задавать себе один вопрос: «Почему в тот вечер он зашёл в тренировочную комнату к одинокому юноше, ругался, топал ногами, но всеми силами мечтал ему помочь? Именно мне, а не кому-то другому?» Но я бесконечно признателен Наставнику за этот вечер. Только благодаря ему и нескольким минутам полёта сквозь собственный страх, я тот, кто я есть, и там, где должен быть, и никогда об этом не забуду.

Я услышал, как щёлкнул замок за моей спиной, и осторожно осмотрелся. Стрельбище находилось за одной из одинаковых, непримечательных дверей с маленькими табличками, где были указаны номера комнат. Тренировочная комната располагалась за дверью под номером шестьдесят четыре. Примыкающий к ней коридор был нешироким, мрачным и невероятно длинным, с множеством таких же дверей, расположенных по одной стороне. Почти весь свет в школе уже потушили, и горели только редкие тусклые лампы на потолке, чтобы последние заблудшие претенденты могли найти дорогу в свои комнаты.

Когда Наставник справился с замком и положил увесистую связку ключей себе в карман, я увидел, а потом и услышал, как с левой стороны к нам приближались два человека, о чём-то увлечённо спорящих друг с другом. Сначала я смог разглядеть две тёмные фигуры, а затем до меня донёсся

немного грубоватый мужской голос и лёгкий, задорный девичий смех, от которого у меня всё внутри перевернулось. Я помню этот смех, эти искристые нотки в голосе, и почему-то именно в этот день. Я никогда не смогу их забыть. Под свет потолочной лампы рядом с нами вынырнула весёлая пара. Высокий парень с хорошо накаченной мускулатурой, широкой шеей, но добрыми глазами шёл, улыбаясь во весь рот, и что-то оживлённо говорил своей спутнице. При этом я не могу сказать, что видел его лицо, оно расплывалось, как и у большинства людей из моего прошлого, но отдельные черты иногда ярко вспыхивали в памяти. Но рядом с ним была она... стройная красивая молодая девушка с длинными чёрными волосами, они свисали до самых плеч и лежали на них воздушными локонами. Она лёгкой походкой плыла над полом, задорно смеялась, иногда поправляя свои волосы, и светилась счастьем. Я никогда не видел Киру такой... весёлой, жизнерадостной, даже румянец засиял на девичьих щеках, словно лучики солнца ласково коснулись её, даря настроение.

– Ой, нет, ты что, – заверещала Кира из бесконечно далёкого прошлого и захихикала. – Это даже звучит глупо. Я буду Кирой, и точка. Это моё право, что хочу, то и придумываю.

Парень обратился к Кире по её настоящему имени, от чего у меня случился новый приступ головной боли.

– ...слушай, а тебе не кажется, что оно немного грубоватое? Нет, я не спорю, имя довольно стильное, но, думаю, оно

не очень подходит такой милой мордахе. – Парень довольно хмыкнул.

– Да ну тебя. – Кира игриво обиделась и стукнула его по плечу. – Я ещё волосы укорочу, обрежу вот так, чтобы выглядеть более устрашающе! – Девушка показала рукой длину волос в районе щеки.

– Устрашающе? Ты? – Парень сдавленно засмеялся.

Кира ещё раз ударила его по плечу и демонстративно надула губы. В этот момент они затихли, заведев нас, и молча прошли мимо. Кира повернулась ко мне, посмотрела с каким-то пренебрежением, а затем, поймав взгляд Наставника, быстро отвернулась и пошла дальше.

– И вообще, – вдруг продолжил разговор спутник девушки, когда они отошли от нас на пару метров. – Мне нравятся твои волосы, не смей их состригать, слышишь? Не смей!

– А что это ты раскомандовался? – наигранно строго спросила Кира. – Хорошо, я обещаю, что не трону их, но... если ты обещаешь, что никогда меня не бросишь и всегда будешь рядом! Обещаешь?

– Обещаю, – пробормотал парень.

– Эй, молодые люди, – неожиданно крикнул им вслед Наставник. – А ну быстро по комнатам, чтобы через минуту вас тут уже не было!

Парочка резко замолчала, ускорила шаг и уже через несколько секунд скрылась в темноте коридора. Наставник поохал, глядя им вслед.

– Дети... – с заметным огорчением произнёс он. – Они так и не поняли, что никогда не смогут быть вместе. Эх, молодость, сладкие наивные мечты о сиюминутном счастье, грёзы о вечной любви и сокровенность первой встречи.

Наставник замолчал, положил мне руку на плечо, чуть заметно подтолкнул, и мы неспешно пошли по коридору вслед за ускользнувшей парочкой.

– Наставник, а почему они не смогут быть вместе? – тихо спросил я, боясь, что они ещё не ушли достаточно далеко.

– Думаю, ты и сам сможешь дать ответ. Эмоции в нашем деле, любая привязанность, кроме профессиональной, – это всё непозволительная роскошь. Они мешают думать, вырабатывать единое решение в битве и затуманивают разум. Придя сюда, они сознавали, на какой путь им придётся ступить. Это путь одиночества. Мы вместе, но каждый из нас одинок в этой толпе, мы закрыты ото всех людей и эмоций. Сейчас они счастливы, но это ненадолго. Уже завтра ей придётся сделать очень нелёгкий выбор, что решит её судьбу. Этот парень не справился с уровнем наших тренировок и не прошёл необходимые тесты, а следовательно, скоро будет исключён из школы, а вот девушка должна решить, что для неё важнее: Система или он. Но в любом случае их отношения были обречены с самого начала. Даже если они оба захотят уйти, то им придётся пройти через очищение памяти, и они не вспомнят друг о друге, как только покинут стены школы. Такова жизнь, они сами её выбрали.

– А девушка должна пройти Отречение? Нам ведь при любом исходе промывают мозги? Неужели Системе нужны только бездушные машины, бездумно исполняющие приказы? – смело, но с грустью спросил я.

Наставник даже не злился, он просто повернулся ко мне и таинственно улыбнулся, что в блёклом свете далёких ламп показалось мне немного устрашающим.

– Ты боишься, – мягко заключил он. – Понимаю. Страх потерять себя родственен страху смерти, а невежество лишь подпитывает его. Не знаю, от кого ты понабрался подобных мерзостей про нашу работу и о процедуре Отречения, но уверяю тебя, что это не так. Такие слова недостойны звучать из уст будущего столпа нашего общества. Похоже, тебе ещё многому нужно научиться прежде, чем встать на путь Стража. Но главное, ты должен понимать, что Отречение не промывает мозги и не стирает память, вовсе нет...

– Но как же?

Я с недоумением перебил Наставника, от чего тот довольно закричал.

– Пойми, нельзя заставить человека избавиться от всех эмоций, забыть своих родных и собственное прошлое. Нельзя насильно промывать мозги, избирательно стирая воспоминания. Так это не работает. Та операция, что проводится людям, исключённым из школы, довольно груба, примитивна и прямолинейна, в ней нет никакой хитрости. Память вычищается полностью обо всех годах, что люди провели в

нашей школе, включая все знания и приобретённые навыки, они вообще забывают о том, что к нам приходили. А если возвращаются снова, то им просто отказывают в поступлении. К тому же подобная операция очень ограничена по времени, чем больший отрезок памяти мы удаляем, тем выше вероятность разрушить личность. Процедура Отречения же намного тоньше. Человек должен сам захотеть отречься от своих эмоций и от всей прочей жизни, он должен отринуть все чувства и прошлое естество. Путь Стража – это ваш осознанный выбор, и останется им до самого конца. В этом его суть. Мы можем только помочь вам забыть, заблокировать некоторые участки памяти, направить вас, но это нельзя сделать насильно, понимаешь? Всё, что вы делаете, все решения, которые вы примете на службе Стражей, будут по вашей собственной воле. Вы не бездумные машины, не роботы, вы выше всех прочих людей в этом мире и единственные, кто действуют с полным осознанием дела. Ты только подумай, что значит её ребяческая любовь к этому юноше? Она ослеплена эмоциями, она отстраняет себя от мира, Системы, от всех людей. Вместо любви к одному человеку вам предложен дар любить всех до единого. И всё, что вы будете делать, каждое принятое решение, даже смерть каждого Отступника будут во имя любви ко всему человечеству и направлены на его выживание. Вот где истинная любовь, молодой человек, не эгоистичная и мелочная, а подлинная. И это будет твой выбор, твоё добровольное решение. А ты говоришь: «Бес-

чувственные машины». Хех, задумайся об этом!

Я замолчал, сражённый его пламенной речью, поник и смотрел только на то, как мелькает под ногами серый пол, изредка отблёскивающий редким светом с потолка.

– Чего загрузил, а? – добродушно спросил Наставник, когда мы подошли к широкой двери в конце коридора. – А вот и жилой корпус, иди, отдыхай, готовься к новому дню и новым свершениям. Утро вечера мудренее. Ах да, услышал диалог этой парочки и хотел у тебя узнать: ты уже выбрал себе новое имя?

– Угу, – пробубнил я себе под нос. – Стилет.

– Ого, Стилет, хорошее имя.

– Да, всегда хотелось быть тайным оружием Системы, наносить точечные, быстрые и смертельные удары, всё, как вы говорили, да и слово красивое.

– Вот оно как. – Наставник довольно хмыкнул и закашлялся. – Да, не спорю, слово красивое, но, ты уж прости, слишком прямолинейное. Лучше что-нибудь покороче, например, просто – Стил. Коротко, ёмко и устрашающе. Что думаешь, а?

– Нет уж, спасибо, лучше я буду Стилетом. Стил звучит немного глупо, как по мне, – буркнул я и пошёл к двери, ведущей в жилой корпус для мальчиков.

– Но ты всё равно подумай надо всем... Стил, – ехидно добавил Наставник.

Я насупился и, ничего не ответив, открыл широкие двери,

откуда в меня внезапно ударил яркий свет, а вслед за ним посыпались бетонная крошка и пыль, забивающая все ноздри. Потом пришла сильная боль во всём теле, и где-то там, в быстро приближающейся ко мне реальности, я слышал уже привычный крик напарницы, от которого мне почему-то стало грустно.

* * *

Техник Васильев сегодня казался особенно задумчивым и молчаливым. Когда я в очередной раз ввалился в его комнату технического обслуживания весь помятый, побитый, в грязной порванной одежде, залитой собственной кровью, то он не проронил ни слова. В этот раз не было ни возгласов удивления, ни причитаний, ни кучи ненужных вопросов, всего пару секунд он смотрел на меня пустым ненавидящим взглядом, а затем спокойно и механически начал настраивать оборудование для проведения тестов. Я же привычно и послушно сбросил с себя всю одежду, промокшую насквозь и пропитанную пылью разрушенного дома, и остался в одних трусах. Затем прошлёпал голыми ногами по холодному полу помещения, лёг на знакомую кушетку и безразлично уставился в потолок. У меня ощутимо болела спина, ныла старая рана в плече и немного щемило в груди. Всё это последствия от удара огромной балки, которой меня слегка придавило под руинами разрушенного дома, но в итоге она спасла мне жизнь,

остановив собой огромную массу бетонных перекрытий, явно желавших моей смерти. Если не учитывать этих ран и пары-тройки психологических травм, то можно с уверенностью сказать, что я чувствовал себя хорошо, но у взвинченного всем этим Вергилия оказалось иное мнение, и он велел провести полное обследование.

Васильев долго колдовал над моей помятой информационной оболочкой, проводил какие-то тесты, включал и выключал разное оборудование, открывал окно Консоли и подолгу медитировал рядом с ним. Затем он доставал из малозаметного нагрудного кармана на своём техническом халате небольшой рабочий блокнот, ручку и быстро туда что-то записывал, а затем всё продолжалось по новой. Спустя какое-то время и череды меланхолических кружений старшего Техника я уже скромно сидел на краю кушетки, смотрел в пол и слушал слабое сопение Васильева, продолжающего усердно что-то выводить в своём блокнотике. Мы оба ждали и прекрасно знали, кого...

Через пару минут дверь в комнату с грохотом отворилась, и в неё влетел Вергилий, сверкая своей белоснежной, но немного взъерошенной шевелюрой.

– Я обновлю вашу одежду, – бросил в мою сторону Васильев, увидев вторжение в свой кабинет, и резко сорвался с места.

На ходу он спрятал в карман свой блокнотик, подобрал мои лохмотья и быстрым шагом направился к выходу, но за-

держался рядом с Хранителем.

– Отчёт будет у вас чуть позже, – тихо сказал старший Техник, наклоняясь к Вергилию.

– А если кратко? – спросил Хранитель, не сводя с меня глаз.

– Если кратко... – Васильев бросил на меня таинственный взгляд. – Не считая небольших ран, физически он в неплохом состоянии, а об остальном пока не возьмусь судить.

Получив от Вергилия знак одобрения, Техник скрылся за дверью, оставляя нас в гнетущей тишине. Хранитель продолжал молчать, поджимая губы и громко выдыхая на каждом вздохе. Потом он принял позу мыслителя, схватился пальцами за подбородок и стал нервно расхаживать передо мной из стороны в сторону, с трудом подбирая слова для первого удара. Но я его опередил.

– Сейчас я точно ни в чём не виноват, – осторожно сказал я в тишину.

– Стил, что вообще происходит вокруг тебя? – настойчиво спросил на это Вергилий, но почему-то приглушённым голосом. – Сначала я воспринял череду твоих неприятностей как роковую случайность, но теперь это превратилось в настоящую катастрофу. Каждый твой день – это настоящая лавина бедствий и разрушений. Да что с тобой такое?

– Хотел бы я знать, – ответил я, пожав плечами.

– Что случилось в том доме? Вам же поручили простое задание – устранить беспомощного старика, и что я слышу от

твоей напарницы? Какие-то привидения, сумасшедшие старушки, страшные тени, просто безумие какое-то! Она выдаёт поток бессвязного бреда. Может, хоть ты мне объяснишь, что там всё-таки произошло?

– Объяснить? – потерянно спросил я и посмотрел на свою ладонь, совсем недавно изрезанную кухонным ножом. – Простите, господин Хранитель, но я не в силах что-то объяснить даже самому себе. Мы прибыли на место, но, помимо нашей цели, ещё обнаружили в квартире его жену...

– Жену старика? Это та самая бешеная старушка из рассказов Киры? Но она ведь давно умерла, насколько мне успели доложить?

Я оторвал свой взгляд от созерцания ладони и посмотрел прямо в растерянные глаза Вергилия.

– Умерла, – безразлично подтвердил я после секундной паузы.

Вергилий набрал воздуха в грудь, схватился за затылок и снова стал расхаживать по комнате. А я продолжил:

– Вы можете нам не верить или считать сумасшедшими, но я говорю лишь то, что видел собственными глазами, а с причинами произошедшего пусть разбираются ваши Техники. Возможно, это какая-то ошибка Системы, локальный сбой, приведший к искажениям, но... эта женщина напала на нас и пыталась убить.

– Старушка? Напала на двух вооружённых Стражей? – Вергилий даже нервно усмехнулся.

– Послушайте, господин Хранитель, я не расскажу ничего нового, кроме уже сказанного Кирой. Мы оба были там и всё видели. На нас напали, Консоль перестала работать, мы убили этого старика, после чего дом рухнул, а я еле уцелел и смог выбраться из-под обломков. Задача выполнена.

– А его жена?

– Жена? Не знаю, она исчезла. Возможно, погребена под обломками вместе со своим мужем.

– А чип? Вы изъяли его?

– Простите, уважаемый Хранитель, но когда под моими ногами рушился пол и на меня падали стены, то меньше всего в тот момент я думал о чипе, – рассерженно ответил я.

Хранитель остановил свою нервную карусель, внимательно изучил меня своим строгим прищуром и подошёл ближе.

– Хорошо, Стил, поезжай домой. Я прикажу оцепить весь район Зелёной улицы, закроем его тщательнее, пока Техники во всём не разберутся. Ваша напарница поедет со мной, поможет отыскать тела, – протараторил Вергилий, а потом громко позвал Техника: – Васильев, я знаю, что ты там!

Старший Техник, стоявший всё это время прямо за дверью и наверняка подслушивающий наш диалог, в один момент влетел в комнату и встал по стойке смирно.

– Я здесь! – отчеканил он быстро, а потом неловко добавил: – Вот, принёс восстановленную одежду Стража.

– Хорошо, а что скажете по его здоровью? – зачем-то ещё раз и демонстративно громко спросил его Вергилий, чуть за-

метно кивая в мою сторону. – Готов к несению службы?

– Несмотря на частые и множественные травмы, Страж на удивление здоров. Но, учитывая тенденцию, боюсь, что в следующий раз его придётся вытаскивать из-под обломков уже нашего здания.

– Не преувеличивайте, Васильев, – ответил Хранитель с едва заметной ироничной ухмылкой и направился к выходу, где замешкался на секунду, ещё раз посмотрел в мою сторону с неким подозрением и вышел за дверь.

Техник проводил его усталым взглядом, затем подошёл ко мне и небрежно всучил мне свёрнутый куль с одеждой.

– Одевайся! – грубо скомандовал он.

Я прекрасно понимал Васильева, его настрой, реакцию и отношение ко мне. В последнее время многое свалилось на нас: проблемы с Отступниками, вечный ливень за окном, всепроникающая сырость и давящий полумрак пасмурного дня, а вместе с этим тяжёлый моральный груз, висевший на плечах каждого обитателя башни Стражей. Васильев был одним из тех, на кого возложена огромная ответственность за судьбу всего человечества, для многих он герой, на кого с надеждой смотрели люди, жаждущие любого просветления в своей жизни. От него, Техников, да и вообще ото всех Стражей нынче ждут избавления от этих страданий, каких-то героических свершений, что мы вот-вот всё исправим, а из свинцового моря бескрайних облаков приветливо выглянет солнце и пригласит нас в светлое будущее. Жители Систе-

мы, словно дети, с надеждой и содроганием смотрели на нас, как на своих родителей, и всегда уверенные, что взрослые найдут выход из любой ситуации. Поэтому мы не могли их подвести. Я видел отражение этого непомерного груза ответственности в глазах каждого Стража и Техника, прекрасно ощущал это давление на себе, и поэтому только с улыбкой мог воспринимать недовольство Васильева. Он боялся, как и все мы. Боялся за Систему и людей, что вверили нам своё будущее, он видел, как рушится всё, чем он дорожил, как уходит из его рук власть и контроль над ситуацией. А все мои последние разрушительные действия только добавляют веса на наши усталые плечи.

Я медленно натянул на себя обновлённую одежду и насладился бархатистым теплом мягкого джемпера, а затем поёжился от мысли, что скоро снова выходить под сильный ливень.

– Я заметил у вас множество остаточной информации по недавним повреждениям рук и ног, но внешне на вас никаких следов, – вполголоса пробормотал Васильев, всё это время стоявший ко мне спиной и рассматривающий какие-то приборы у стены.

Я снова поднял свою ладонь, рассмотрел место недавней встречи с ножом, но никаких следов не обнаружил.

– Что вы хотите сказать? – фальшиво изобразил я небольшое удивление.

– Я хочу сказать, что вы, Страж, получили в том доме мно-

жественные повреждения оболочки, но каким-то необъяснимым образом все ваши раны быстро затянулись, – с подозрением пояснил Васильев и даже на мгновение повернулся ко мне.

– Не помню, – лживо пожал я плечам. – Сейчас я хорошо себя чувствую.

Я спрыгнул на пол, сунул ноги в ботинки, накинул на себя сверху куртку и пристегнул к поясу эфес меча. Затем я медленно, разминая затёкшие ноги, направился к выходу, но, не дойдя до двери, в нерешительности повернулся к Технику.

– Васильев, а этот так называемый «Белый шум» мог ещё остаться в моём организме и мог ли самовольно запуститься на исполнение?

Васильев немного опешил и с изумлением посмотрел на меня.

– Вы считаете, что это всё из-за него? – Техник с предвкушением великого открытия постучал пальцами по экрану устройства рядом с ним. – С прошлого раза никаких проявлений чужеродного кода я так и не обнаружил. Страж, если вам есть, что мне рассказать, немедленно выкладывайте! Не нужно ничего скрывать!

Пару секунд мы просто молча смотрели друг на друга, после чего я махнул рукой, развернулся и открыл дверь.

– В таком случае вам лучше спросить того, от кого вы подцепили эту дрянь... – язвительно бросил мне вслед Васильев.

– Обязательно так и поступлю, – буркнул я себе под нос и вышел.

* * *

Страх стал негласным символом этого дня. Я видел его повсюду, в глазах ропщущей перед умирающим человеком толпы, животный страх и ярость во взгляде сошедшего с ума от боли мужчины. Я чувствовал его в каждом слове и движении Вергилия, он был напуган как никогда раньше, метался по комнате, искал ответы на все вопросы, даже на те, которые не мог задать. Я видел невероятную усталость Васильева от всего, что свалилось на него в последнее время, он опустил руки и в своём отчаянии злился на всех в округе. Они будто заблудились в огромном лабиринте и не могут найти из него выхода. Они жаждут свободы, спасения, они злятся и проклинаят стены, что сжимаются всё сильнее с каждым днём, бьются о них, разбивая головы и ломая руки, но не могут обрести желаемое и в то же время никогда не смогут остановиться. Невероятно больно видеть все эти безуспешные попытки найти ответы, освободиться из этого мучительного плена, невыносимо наблюдать, как на глазах знакомых тебе людей умирает мечта. Она истекает кровью на их руках, люди бьются в истерике и в криках о помощи, но ты ничего не можешь поделать, и в этот момент приходит твой собственный страх, личный ад на этой земле, ты чувствуешь,

как его огонь уже касается твоих пяток. Я тоже испытал его сегодня, встретился лицом к лицу с неизведанным и видел, как ломаются наши личности, вся наша выучка и годы тренировок трещат по швам, стоит нам только встретить что-то новое, то, что сильнее нас. Призраки, тёмные сгустки зловещего хаоса тянут ко мне свои щупальца, искры от летящих в меня ножей, животный крик человека в машине Техников и громкий выстрел – всё смешалось в моей голове и раз за разом, мгновениями проносилось перед глазами.

По пути на свободу из давящих стен своего личного лабиринта я встретил в лифте Ищейку, что охотно делился своими планами с вышестоящим Стражем и смотрел на меня с восхищением, а я молча вгрызался глазами в пустоту перед собой и отсчитывал этажи. У выхода меня встретила Марина и о чём-то оживлённо верещала вслед, пока мои мысли несли меня прочь от всего этого кошмара, и я уже не слышал и не видел никого по пути в дождливый вечер. Оказавшись на улице, я быстро зашагал прочь от башни, стремясь как можно скорее слиться с толпой, растаять в спокойной сумятице обычной жизни. Что происходит с Системой и нашей жизнью? Как давно она наполнилась призраками и монстрами из темноты, чудовищами, порождёнными людской болью? Возможно, это какие-то сбои в ядре Системы, а возможно, весь наш мир катится в наспех придуманный цифровой ад. Уверен, наши Техники во всём разберутся.

Я завернул на ближайшую улицу, потом на ещё одну. Я

не знал, куда иду и зачем, мне просто захотелось сбежать от бесконечных объяснений и рапортов, от привычного порядка вещей. На краткий миг я представил себе иную жизнь, где мне не придётся думать о судьбах мира, видеть кровь и убийства, где дни протекают в безмятежной рутине... Новая улица – новый поворот – новая жизнь. Дождь под вечер снова набрал свою прежнюю силу и острыми боковыми струями бил мне по голове, по плечам и бурными потоками скатывался по куртке вниз, где у самой земли пропадал навсегда. На улице окончательно стемнело, зажглись реки красочных огней, ярких вывесок, жизнь только начинала закипать. Несмотря на сильный дождь, люди шумными вереницами потянулись на улицы и гуляли под зонтами по брусчатым тротуарам, катались на своих дорогих автомобилях и наслаждались красотами жизни. Люди – поразительные создания, они как тараканы способны прижиться в любых условиях, найти смысл в любом существовании и продолжать жить, радоваться, несмотря ни на что. Посмотришь на эту ночную феерию, на вечный праздник хмельного безумства – и может показаться, что всем уже плевать на дождь и неудобства, люди нашли себя и при таких условиях. Зачем вообще что-то исправлять?

На следующей широкой улице я набрёл на небольшой магазинчик. Он скромно расположился между двух горделиво раскинувшихся ресторанов, сверкал огромной светящейся рекламой и призывно умолял обратить на него внимание.

Дождь тем временем всё сильнее хлестал в спину, наливался грузом в обновлённой одежде и гнал вперёд, заставляя искать укрытие. Недолго думая, я решил перевести дух внутри приветливо подмигивающего своей вывеской магазина. Сам он оказался довольно типичным заведением для торговых районов города и специализировался на всевозможных предметах одежды, украшениях и прочих атрибутах внешнего образа. Здесь можно найти всё: от простого комковатого нижнего белья до фешенебельных платьев и дорогих головных уборов, от простых рабочих сапог до туфель прямиком с подиумов и показов высокой моды. Теоретически магазин мог продавать всё, что угодно, и в любых количествах, ведь подобный широкий ассортимент товаров не требовал ни вместительных залов, ни огромных складов, набитых тюками с одеждой. Ему необходима только лицензия для использования механизма Создания, небольшая примерочная в углу, да большое зеркало на стене. В мире, где иллюзорно всё и существуют лишь строчки кода и потоки электрических импульсов, пропущенных сквозь мозг человека, не нужны все эти условности. Вся жизнь – одна сплошная иллюзия, управляемый сон, где каждый волен выстраивать его из воздуха, по одному велению своего разума. Тогда к чему все эти огромные и престижные магазины одежды, где люди в богатых убранствах гуляют, будто по подиуму, вдоль длинных помещений с перламутровыми колоннами и услужливым персоналом? Где каждый стремится вам угодить, пре-

льстить и пустить пыль в глаза? Где каждый их шаг, каждое слово и пируэт, что они выделывают перед вами, доведён до совершенства и выполнен с единственной целью, чтобы вы забылись, потеряли контроль над собой, своими финансами и покупали, покупали, покупали...

Но этот магазинчик не из таких, он не пугал вычурностью своих форм и изысканными манерами местного персонала, но в них уже начинала проскальзывать та лицемерная нотка заботливого друга, присущая их старшим собратьям. Каждая торговая точка мечтала когда-нибудь вырасти, получить больше лицензий и денег, купить как можно больше ненужных помещений и привлекать рыбу покрупнее, с которой можно содрать побольше золотой чешуи. Такова жизнь любого магазина, его истинная сущность – вечная погоня, конкурентная война, где нет места жалости и все методы одинаково хороши. Но когда Техники ввели ограничения на использование Создания, подобные заведения оказались на грани разорения, они споткнулись в этой гонке, сильно поредев в своём ассортименте и предложениях.

Когда я оказался внутри, ко мне сразу величаво подплыла девушка в ярко-оранжевом комбинезоне, на котором висела маленькая табличка с её именем. Она улыбалась во весь рот, услужливо заглядывала в глаза и спрашивала о моих желаниях. Это был хороший вопрос, на который я сам не знал ответа. Зато только здесь я узнал, как сильно отстал от текущих тенденций в одежде, и окончательно понял, что люди давно

привыкли к новым условиям жизни. В отличие от нас, они приспособились и смирились. Вся одежда в Системе теперь покрыта каким-то специальным водоотталкивающим слоем, он был почти невидим для глаз, лишь изредка поблёскивал, как чешуя под ярким светом.

Я всегда считал себя весьма консервативным человеком и с неохотой менял свой образ, стиль одежды или какие-то привычные моменты жизни, для меня это всё и есть Я, мой характер и сущность. Тот жизненный ореол, что окружал меня постоянно, я создал сам, сложил, как мозаику, из частичек своего характера, и если отойти подальше, обхватить мою жизнь единым взглядом, то по таким небольшим кусочкам, как фасон одежды или глупые привычки, можно понять меня самого и кем я стал. Если резко попытаться что-то изменить, броситься в нелепые эксперименты, перекраивая свой образ, то это будут лишь фальшивые попытки скрыть свою истинную сущность. Меняя форму, мы не можем изменить содержание, но именно сейчас мне нестерпимо захотелось перемен. Поэтому я опять купил себе обычные тёмно-синие джинсы, бежевую рубашку, тёмный однотонный джемпер и бурую кожаную куртку, а затем выбрал неприметные, но непромокаемые ботинки. Продавец с радостью создал это всё в специальной Консоли, я немного покрасовался у большого зеркала, наблюдая, как приятно лоснится водоотталкивающий слой, под постоянно ободряющие возгласы приветливой девушки, расплатился одним прикосновением

и направился к выходу. Я редко бывал в магазинах и всегда старался их быстрее покинуть. Возможно, всё дело именно в этой вечно царящей лицемерной атмосфере, где воздух пропитан фальшью, плохой игрой и ощущением плохо скрываемого пренебрежения ко всем, включая продавцов друг к другу. Маленький лживый мирок внутри другого огромного искусственного мира, это всё не для меня.

Я выбежал на улицу, полюбовался с минуту, как капельки весело отпрыгивают от новой куртки и быстро стекают вниз, а потом сразу позвонил Макс. Парень долго не отвечал на настойчивые сигналы Консоли, но вскоре послышался такой расстроенный голос, будто он уже смирился с участью и готов услышать от меня новую дурацкую просьбу. На мой вопрос о Шолохове он только буркнул что-то невнятное себе под нос, намекая, что это явно не телефонный разговор. Потом я спросил о «Белом шуме», что гораздо больше заинтересовало Макса, и он даже немного оживился, но на все вопросы так и не смог дать вразумительного ответа. Похоже, он сам мало понимал в собственном изобретении. Когда я спросил о своём странном состоянии сегодня на задании и могла ли программа остаться в коде моего тела, Макс о чём-то долго размышлял и ответил, что раньше никто не выживал после использования «Белого шума», поэтому об её дальнейшем поведении он не может ничего сказать. В расстроенном состоянии я завершил звонок, поймал ближайшее такси и отправился прямиком к Шолохову, в свою родную спальную

часть города на улицу Возрождения.

Когда мы подъезжали к дому бывшего Стража, я заметил, что окна его квартиры зияют чернотой. Внутри меня что-то встрепенулось, закричало от предчувствия беды и погнало скорее вперёд. Я быстро расплатился с водителем, стрелой вылетел из такси и ринулся в открытую дверь подъезда. Спотыкаясь и падая в темноте, я кое-как влетел на пятый этаж и на время остановился около шестьдесят первой квартиры. Прислушался. Оттуда не доносилось ни звука, как в прочем и во всём доме, хотя, когда я подъезжал, то тут, то там виднелся свет в окнах, и в них мелькали безликие тени местных жильцов. Я осторожно открыл дверь, положил правую руку на эфес меча и шагнул внутрь. Каково было моё удивление, когда в наполненной темнотой квартире я не обнаружил никого, кроме одинокого Шолохова. Он строго, будто по стойке смирно, сидел на краешке своего дивана, тихо сопел и упрямо смотрел вперёд в кромешную тьму. За окном неумолимо барабанил дождь, осторожно шелестя своими каплями по карнизу, и только резвые ручейки из дождинок на окне отбрасывали змеевидные тени от тусклого света, долетавшего с улицы.

– Вы испугали меня, – сказал я, немного успокоившись.

Но Шолохов не ответил, он продолжал смотреть вперёд перед собой и понуро молчать, изредка всхлипывая носом и покачиваясь от напряжения в спине. На мой голос из-за дивана вынырнуло два зелёных светящихся глаза, а вслед за

ними показалось круглое тело с всклокоченной шерстью и пушистым хвостом. Барсик подошёл ко мне, понюхал мои грязные и покрытые капельками ботинки, которые я забыл снять на входе, сел рядом со мной и заглянул в глаза.

– Мяу, – требовательно произнесло пушистое существо.

Я посмотрел на кота, который повторил свою настойчивую просьбу, а потом подошёл ближе к Шолохову.

– Дмитрий Иванович, вы есть хотите? Извините, что вчера не зашёл, у меня такой бедлам в жизни творится, вы даже не представляете! Макс ведь был у вас сегодня? Тот парень с красными волосами, который вам...

Я осёкся, посмотрел на упрямо сидящего Шолохова, положившего руки себе на колени, и тяжело вздохнул.

– Ну, конечно, вы помните... – пробормотал я и отправился на кухню.

– Зря вы это сделали, – грустно ответил мне вслед Шолохов.

На кухне я заглянул во все стеллажи, но они оказались пустыми, зато в холодильнике я обнаружил три пачки дешёвых пельменей, две банки со шпротами и упаковку кефира. Эх, Макс, и это называется «купил поесть», ничего нельзя доверить этому парню. Я даже громко охнул от досады. Но ничего не остаётся, придётся довольствоваться этим, а завтра я куплю уже что-нибудь более съедобное и менее взрывоопасное для желудка. С этими мыслями я поставил на огонь кастрюлю с водой и вернулся в комнату к Шолохову.

– Дмитрий Иванович, а почему вы без света сидите, мы же оплатили?

Шолохов неохотно повернул ко мне голову, но лицо его всё равно скрадывала тьма. Потом он медленно продемонстрировал своё запястье.

– Меня больше нет, я умер для этого мира, – тихо сказал он.

А ведь правда, как я мог забыть об этом? По официальным данным, Шолохов теперь мёртв, я отключил его, а следовательно, квартира должна пустовать. Я с пониманием хмыкнул в ответ и пригласил его на кухню. Там мы зажгли новую свечу, которых у Шолохова скопилось достаточно много, и вдвоём поели весьма посредственных пельменей. Макс не особо заботился о том, что покупает, и, скорее всего, ненавидел меня всем сердцем за то, куда я его втянул.

Шолохов весь вечер был неразговорчив и угрюм, тихо уплетал свой безвкусный ужин и даже не хотел на меня смотреть сквозь единственный огонёк свечи, горевший между нами. Я пытался разговорить его, даже живописно рассказывал о причудах сегодняшнего дня, хотел отвлечь его от грустных мыслей, но Дмитрий был непоколебим. Изредка он поднимал на меня свои грустные, наполненные вселенской скорбью и сотней немых вопросов глаза и тихо-тихо сквозь хрип шептал губами: «Зря вы это сделали». А потом он делал глубокий вдох, опускал свой взгляд обратно в тарелку и замолкал, гоняя вилкой остатки пельменей. Вскоре я окончательно

но сдался и решил, что ему нужно дать ещё немного времени, чтобы прийти в себя. Поэтому сразу после затянувшегося ужина я пожелал ему удачи, наказал никуда не выходить и ждать меня, а затем быстро выскользнул за дверь.

И так продолжалось довольно долгое время. Шли дни, недели, тянулись ставшие рутинной будни, но ничего не менялось. Последние две недели выдались особенно безынтересными и пустыми. Ночные битвы с Тьмой затихли, ослабели и перетекли в режим холодной войны. Тьма выжидательно отступила и смотрела на меня издали своими жадными глазами, будто ждала чего-то, моего дальнейшего шага и только изредка пыталась ужалить меня перед самым пробуждением.

В последнее время на службе дела шли не очень хорошо. Вергилий изнывал от ожидания чего-то крупного, грандиозного, он ждал нового удара противника и на общих собраниях каждый раз обещал нам, что вот-вот всё решится. Но город будто застыл в одном мгновении, жизнь шла своим чередом, дни сменяли ночи, дождь продолжал наигрывать нам свою ритмичную музыку, часто меняясь с мелодичного вальса под утренний шелест зонтов и перетекая в грозный набат с громом и молниями по ночам. Дождь окончательно стал неотделимой частью нашей жизни, всё меньше обременяя жителей города. Люди гуляли, веселились, с каждым днём улицы всё больше наливались красками шумных будней, пусть даже это всё происходило под зонтами, но в

том была своя романтика. Под зонтиками люди встречались, влюблялись, расставались и снова мирились. Жизнь кипела под россыпью брезентовых домиков, как маленькие островки человечности в общем океане безумия.

Мы с Кирой мало обсуждали наши последние злоключения, всё чаще говорили о кино, про людей, иногда спорили по мелочам, обижались, мирились и хорошо проводили время. Жизнь вошла в привычное русло, каким оно было месяц-два назад. Похоже, что напарница стала вовсе забывать обо всех ужасах рухнувшего дома или тщательно скрывала свои мысли, а я и не стремился разрушать идиллию наших последних дней. Отступники действительно взяли передышку, а чередой моих неурядиц оборвалась вместе с жизнью Анри Дюбуа, в какой-то момент эти насыщенные три дня моей жизни показались мне просто дурным сном, наваждением повреждённого разума. Особо крупные задания перестали нам поступать, и мы с напарницей всё больше катались по городу, патрулировали и просто общались, буднично погружаясь в дождевую завесу вокруг нашего автомобиля. Я даже потерял счёт дням во всей этой однообразной карусели. Каждое утро мы отправлялись в патруль по одному и тому же маршруту, и я стал подмечать, что Павел, которому я недавно подарил путёвку в жизнь, больше не стоит на своём привычном месте. От созерцания пустой обочины мне становилось чуточку грустно и одиноко, но, с другой стороны, это непомерно грело душу.

После патруля я спешил навестить Шолохова, принести ему новой еды, поговорить по душам и просто повидать человека, перед кем я ощущал большую ответственность. Время шло, Шолохов стал свыкаться со своей новой жизнью, стал проявлять всё больше эмоций и ярче реагировать на моё появление. Мы стали больше общаться, хотя поначалу он не мог простить мне сомнительное решение спасти ему жизнь и неохотно отвечал на вопросы, но время лечит всё, даже зияющие раны в гордости бывшего Стража. В последние дни мы стали проводить особенно много времени вместе, сидели допоздна на кухне под дрожащий огонь свечей, вели беседы на различные темы, и Шолохов всё больше открывался мне, рассказывал о своём прошлом, об операциях и наградах, но никогда не переставал грустить. Только одно мне так и не удалось узнать – причину, по которой он решил свести счёт с жизнью.

Такой размеренный темп жизни мог продолжаться бесконечно долго, в какой-то момент я даже привык к спокойствию, предсказуемости, и мне это нравилось. Но, как известно, затишье чаще всего предвестник страшной бури. В один из таких спокойных вечеров вся моя жизнь, какой я её знал, мигом сорвалась в пропасть, и это стало закономерным результатом всех ненастий минувших дней. Сначала этот день не предвещал беды, очередной бесполезный и заурядный патруль, из которого я всё время мечтал ускользнуть к Шолохову в гости. Маршрут к нему стал уже роднее соб-

ственного дома, ведь там я прятался от одиночества. Вечером я, как обычно, заехал к нему, прихватив с собой очередной пакет с продуктами, и мы устроили посиделки на двоих. Шолохов о чём-то бойко рассказывал, предавался воспоминаниям, а я молчаливо смотрел на пламя свечи и думал о своём. О той самой мысли, что поела меня изнутри день за днём, которая когтями цеплялась за мой язык и рвалась наружу каждый раз, когда я заходил в эту квартиру. И я не сдержался...

– Дмитрий Иванович, простите за вопрос, но почему вы всё-таки решили покончить с собой? – довольно грубо прервал я собеседника, которого даже не слушал.

Шолохов резко замолк, распрямился на стуле и вмиг погрузился. Я был уверен, что сейчас в нём боролись две противоположности: с одной стороны, его скрытность, осторожность, вкупе с подавленной обидой, а с другой – тот пласт доверия, что я уже успел завоевать. Собеседник бессловесно открыл рот, не зная, что ответить.

– Простите, я, наверное, не должен был... – печально изрёк я, опустив глаза.

– Нет-нет, ничего, вполне резонный вопрос, – с тяжестью прохрипел Шолохов. – Я отвечу, но ты должен понимать, что я не смогу рассказать тебе всё. Некоторые вещи мне сложно объяснить даже себе.

Старик склонился над столом, повертел в руках кружку с остатками чая и долго вглядывался в причудливые игры све-

та на её дне от дрожащего огонька свечи. Он сосредоточено подбирал слова. Я же боялся даже дышать, чтобы не спугнуть давно ожидаемых слов.

– Я видел призрака, – неожиданно произнёс Шолохов и посмотрел на меня.

– Призрака? – в недоумении переспросил я, а на самого в этот момент накатили страшные воспоминания, от чего я заёрзал на табуретке. – Вы имеете в виду Отступника?

– Нет, настоящего призрака одного очень дорогого для меня в прошлом человека... друга. Он пришёл ко мне около месяца назад, может, больше. Я отчётливо видел его, слышал и ощущал, как тебя сейчас, Стил. Понимаешь?

Я утвердительно кивнул в ответ и осторожно спросил:

– И что же он хотел?

– Поговорить, напомнить мне о прошлом, о том, что сделал с ним, о моём предательстве. – Шолохов немного повысил голос и закрыл глаза.

Казалось, что он всеми силами сдерживает слёзы.

– Может, это был просто дурной сон, видения или галлюцинации? Бывает сложно разобрать в памяти, где был сон, а где явь.

– Нет, Стил, это был он, я уверен, мой давно погибший друг. Я знал его в юности, но с тех пор, как его не стало, я каждую ночь закрываю глаза и вижу его лицо, его полный разочарованием взгляд. Он так и не смог простить мне предательство. И вот недавно я просыпаюсь среди ночи и ви-

жу его перед собой, так отчётливо и ясно. Он именно такой, каким я запомнил его в последний раз, молодой и полный сил, с твёрдой уверенностью в своей правоте. Он стоял там, в комнате у окна, и смотрел прямо на меня. Сначала я видел лишь его силуэт на фоне ночного неба, слышал шелест его одежды и ровное дыхание, но я знал, что он осуждающе смотрит на меня.

– Так вы всё-таки не видели его лица? Может, это был не он?

– Не считай меня за старого маразматика, Стил, я знаю, что видел. Тем более он заговорил со мной... ох, я помню его голос, этот холодный осуждающий тон, чёрствыe нотки, режущие острее бритвы. Он подошёл ближе, и я хорошо разглядел его лицо, Стил, очень хорошо. Он нисколько не изменился. Он сказал, что я один во всём виноват, а потом просто ушёл, растворился в темноте комнаты и даже не обернулся. Всю жизнь меня терзало чувство вины, но его слова ещё глубже прожгли пустоту в моей душе, и с каждым днём эта боль разрасталась внутри меня, становилась сильнее. Однажды я понял, что не могу так больше жить. Я предал его, я предал всех нас! Но я думал, что поступаю правильно, а оказалось, на всём, что случилось с Системой и со всеми нами, лежит тяжёлый отпечаток моей вины.

– Дмитрий Иванович, о чём вы говорите, что случилось с Системой?

– А ты не видишь, Стил, не ощущаешь этот смрад, иду-

щий из окон снаружи? Не видишь этот дождь? Это наша кара, возмездие за тот выбор, что мы сделали когда-то, за предательство идеалов наших предков – Творцов.

– Я согласен, что Система как-то изменилась, но кара... По-моему, вы несколько утрируете, – успокаивая собеседника, ответил я.

– Если бы, Стил, если бы. – Шолохов шмыгнул носом, дрожащими пальцами взял чашку в руку и допил остатки чая. – Мы предали всё наследие, оставшееся нам, я понял это слишком поздно. Мой друг был прав, всегда. Система создавалась как рай на земле, чудесное место, где люди наконец смогут жить как Люди, а не подобно зверям из реального мира. Предки создали Систему как отражение всего идеального, что есть в людях, духа творцов, созидателей – во всём этом была огромная любовь к человечеству и забота о его будущем. Но, к сожалению, люди не могут в один момент измениться, для этого нужно взрастить много поколений в этих новых идеальных условиях, но мы не успели. Эгоизм, тщеславие и прочие пороки внешнего мира неустанно следовали за каждым человеком и год за годом разлагали новое общество, подтачивали все наши основы, столпы будущего мира. В один момент двери рая рухнули, и адские бестии стали плодиться в городе бешеными темпами, старые пороки быстро завладевали хрупкими умами людей, садились на благодатную почву и вгрызались в неё. Падать с горы всегда легче, чем взбираться на неё. Понимаешь меня, Стил? Мы

всё падаем и падаем, в то животное и мерзкое, что было в человеке и от чего всеми силами пытались избавиться Творцы. Но мы не сдюжили, не смогли...

Шолохов внезапно замолчал, шмыгнул носом и вытер с глаз тонкую плёнку из слёз, которая грозилась в любой момент потечь солёной рекой.

– Дмитрий Иванович, но почему конкретно ваша вина во всём этом?

– Дурак ты, Стил, – ответил Шолохов с небольшой улыбкой, но с печальным блеском в глазах. – Не только моя вина, но и твоя тоже!

Я встрепенулся от такой мысли.

– Удивлён? – продолжил мой собеседник. – Мы же Стражи, точнее, я бывший Страж, но всё же. Мы призваны охранять мечты людей, оберегать их покой, это наш долг, к этому нас готовили. Помнишь, чему нас всегда учили? Мы как маяки, что светят заблудшим кораблям и оберегают от острых рифов на их пути. Помочь добраться до цели было нашей единственной задачей, и мы её провалили. Мы такие же люди, подвержены тем же страстям и порокам. И вместо того, чтобы светить, сами превратились в концентрированное отражение нашего общества. Мой друг видел это, куда мы ведём народ и к чему всё движется, он просто хотел спасти людей от нас самих, но я не послушал его...

– А почему именно мы?

– Что мы?

– Почему Стражи должны вести людей, говорить им, как жить? Мы же должны только защищать их на этом пути? Мы всего лишь стражи, а не учителя. Так почему именно мы?

– А кто ещё, Стил, кто? Ты думал, что служба Стражей нужна только для того, чтобы карать? Убивать негодных, внушать страх? Ты думаешь, для этого мы были призваны? Чему вас только учили в школе Стражей? Нет, мы никогда такими не были. А люди... Что люди? Посмотри на них, кругом безмозглые бараны, проживающие свои никчёмные жизни. Они ни о чём не думают, ничто их не заботит и не волнует, они послушно плывут по волнам своей жизни. Человек – это такое странное существо, что умеет приспособливаться к любым условиям, в которых растёт, он как губка впитывает с материнским молоком весь уклад жизни. Он растёт, познаёт мир таким, какой есть, и воспринимает его априорно, то есть неизменным, вечным. Человек учится жить сегодня, сейчас, в существующих условиях, и мало когда задумывается, что всё может быть иначе. Он просто плывёт и плывёт, подхваченный этим течением, до самой своей смерти.

– Как-то вы слишком грубо, – тихо сказал я. – Знаю, я одного человека, который тоже не любит людей, считает их неразумными детьми.

– А разве это не так? – завёлся Шолохов и ещё раз шмыгнул носом. – Ты сам, похоже, не задумывался, в каком мире живёшь. Посмотри, из чего состоит жизнь обычного человека: из рутинных, однообразных дней, которые с самого

его рождения составлены из определённых законов, традиций и суеверий. Это не цельная картина, не мозаика, а калейдоскоп из разноцветных фактов, знаний, праздной мишуры, которую человек крутит в своих руках, думая, что управляет своей жизнью, а на деле он никогда не получит из неё цельной картинки. Никто ни над чем не задумывается, мы живём в мире бездумных роботов, беспрестанно выполняющих заложенные в них программы, а сама мысль – оскорбительна в нашем обществе. Мы живём во всесильной власти традиций, и каждый из нас, совершенно не осознавая того, обречён выполнять одни и те же действия поколения за поколением. Мы учимся, заводим семью, выполняем всевозможные ритуалы и умираем, а если спросить, чем твоя жизнь отличалась от миллионов других, что ты сделал сам, осознанно, а не потому, что так надо? Что ты ответишь? Ведь ты не можешь пойти против традиций и глупых привычек, они настолько срастаются с самой сутью людей, что образуют скелет самого общества. Это рельсы, заранее выложенная дорога для тебя и всех остальных, куда тебя ставят с самого детства и пускают в путь. И ты обязан двигаться от одной станции до другой, по заранее заготовленному сценарию, ты обязан прожить ту жизнь, которую для тебя приготовили ещё до того, как ты появился на свет. Потому что так надо, так делают все и так поступали твои предки – вот их ответы. Скажи, Стил, ты сам хоть раз задумывался над тем, что делаешь? Над каждым своим шагом или решением, ты думал, почему

ты должен делать так, а не иначе? Ты пытался найти оправдания всем моментам своей жизни, искал в них хоть какое-то содержание?

– Странный вопрос. Я порой задумываюсь над своими поступками, но не сказал бы, что ищу смысл в каждом шаге. Так и с ума сойти можно.

– А его нет! Давно уже нет! Когда-то всё имело смысл, за каждой традицией стоял вполне конкретный прагматизм, причина, но со временем все содержание было выхолощено за ненужностью, оставив после себя только ржавый остов из умерших идей. Мы живём в этом мире, Стил, в мире пустых дрейфующих форм, похожих на своеобразные бездумные островки, по которым мы прыгаем по сей день. А люди как слепые котята, обречены на вечное скитание по этим островам потому, что неспособны думать, размышлять, у них нет на это времени и сил, зачастую даже желания. Поэтому нужны были Стражи, охраняющие мечты людей, большая часть из которых даже не сознательные, но объективные. Люди сами стремятся к ним, даже если не понимают этого. Наша задача понять истинный смысл этой мечты и направить по правильному пути.

– Так разве мы не этим заняты, устраняя преграды на этом пути, отключая Отступников?

– Ох, Стил, тебе бы только убивать людей, рубить им руки, наказывать и наказывать, бесконечно лелея себя тем, что это к лучшему. Ты не слушаешь меня, не понимаешь. Люди

не способны сами осознать свою мечту, для этого и нужны Стражи. По крайней мере, в самом начале всё было именно так. Творцы-основатели были первыми Стражами и набирали только самых лучших и самых умных из людей. Они были проводниками для этих слепых котят, разрабатывали стратегию и строили наш общий дом, они меняли сущность людей и воспитывали новых.

– Подождите, Дмитрий Иванович, – перебил я Шолохова. – То есть вы хотите сказать, что люди по природе такие все глупые, а Творцы, возомнив себя лучше других, просто правили над всеми?

– Нет-нет, что ты, откуда такие странные выводы?

– Но вы же сами сказали, что люди не способны как бы... осмыслить свою жизнь?

– Да, но это не их вина. Пойми, люди задавлены своим существованием. Все условия вокруг, вся их обыденная жизнь не располагает к учёбе, к размышлениям и творчеству, они всего лишь шестерёнки в этой огромной машине. Творцы не стремились править или властвовать над всеми, они на самом деле любили людей, и им невероятно больно было видеть, во что превратилось всё человечество, в этих озлобленных самовлюблённых созданий, идущих на поводу у своей животной природы. Они мечтали, что когда-нибудь каждый житель в Системе сможет стать Стражем, каждый будет управлять своей жизнью, вместе они построят мир равноправных людей, отринувших своё тёмное прошлое. Но вре-

мя шло, Творцы старели, покидали наш мир, а на их место приходили новые, кто вырос в Системе и в новых условиях. К сожалению, человека нельзя изменить в одночасье, в нём ещё живёт множество пороков, тех самых неосмысленных традиций, привычек, сорные зёрна прошлого в его воспитании. Они постепенно извращали то, что построили наши предки. Сначала это было незаметно, незначительно, но с каждым новым Стражем зёрен становилось всё больше и всё глубже они проникали в основу нашей Системы. То, с чем пытались бороться наши предки, снова подчиняло себе всё человеческое. А люди... они были ещё слишком глупы, чтобы заметить приближающуюся катастрофу, они продолжали надеяться на Стражей, на своих проводников, и воспринимали все изменения как должное. Ломались устои, росло неравноправие, возвращалось всё то, от чего люди бежали однажды, спрятавшись под неразрушимый, как им казалось, купол. Но удар пришёл оттуда, откуда никто не ждал, из самого сердца нашей Системы, от тех, кто по определению должен быть лучше других, на кого должны равняться и кто вёл нас к общей мечте. Стражи, не понимая наследия Творцов, извратили свою суть и из опоры общества превратились в главный источник скверны. Ты можешь мне не верить, но всё это я однажды услышал из уст самого Верховного Стража. Да, Стил, именно мы привели к текущей жизни, именно наша вина во всём этом. Со временем появились Отступники, и их число быстро росло. Стражи стали меняться,

превращаясь из символа надежды в сжатый кулак для устрашения. Но все продолжали закрывать глаза на это, пока не произошло событие, которое теперь стыдливо прикрывают названием «Инцидент Ноль»... и я был там, в самой гуще событий. – Голос у Шолохова дрогнул, он опустил голову и снова вытер глаза рукавом рубашки.

– Инцидент Ноль? Я слышал о нём в школе Стражей, но там говорили лишь общие слова. Дмитрий Иванович, что же случилось?

– Унис...

– Что?

– Унис, первый Страж, ставший Отступником, восставший против всех нас. Он напал на башню, перебил кучу народа, он хотел покинуть Систему, добраться до комнаты выброса... Он стал символом, Стил, символом конца нашей жизни. Только тогда мы, наконец, осознали к чему пришли. Жизнь с тех времён сильно изменилась, и всё, что ты наблюдаешь сейчас, – это предсмертная агония. Служба Стражей окончательно превратилась в главный аппарат насилия, она устраняет любую угрозу, явную или скрытую, прикрываясь патетикой из слов, и это единственное, что вам осталось. Я не смог мириться с таким положением дел и поэтому решил уйти из службы. Не об этом я мечтал всю жизнь, не за это боролся, понимаешь?

Я слушал своего собеседника с открытым ртом и не знал, что ответить. Слишком много информации свалилось на ме-

ня в одночасье и слишком противоречивой она была. Я не мог до конца согласиться с его точкой зрения, но Шолохов так проникновенно говорил, так искренне, что заронил во мне кучу нерешённых вопросов, начинающих раздирать мой разум на части. Неужели он действительно всё это услышал от Верховного Стража? Подобная мысль пугала. Но всё, что я мог сейчас делать, – это с удивлением взирать на старого Стража и ёрзать на месте. Шолохов смотрел на меня с такой вопрошающей надеждой, с таким отчаянием он жаждал увидеть хотя бы тень поддержки, что я готов был прожечь табуретку под собой и уйти под пол к соседям. Но меня спас телефонный звонок. Чип в моём запястье слабо завибрировал, приглашая к диалогу, и я немедленно открыл окно Консоли, с облегчением нажал на кнопку приватного разговора и жестом приказал Шолохову молчать. Из новообразовавшейся из воздуха телефонной трубки донёсся приятный знакомый голос.

– Ты где? – довольно прямо спросила Кира. – И почему приватный разговор, ты чем-то занят?

– Да нет, просто гуляю и не хочу, чтобы люди слышали наш разговор. Вдруг ты секреты какие начнёшь рассказывать, эдак придётся устроить небольшой геноцид свидетелей вокруг себя, – сказал я в шутку, явно направляя её больше в сторону Шолохова, чем Кире.

Но ни он, ни напарница никак не отреагировали на моё замечание, погрузившись каждый в свои раздумья.

– Я вот тут вспомнила об одном нашем с тобой обещании Икарову. Может, навестим его, а то давно от него никаких вестей? Я могу прямо сейчас подобрать тебя на машине...

* * *

Что вы видите, когда открываете глаза? Видите ли людей вокруг себя, их жизни, проблемы, перипетии их судеб? Что вы на самом деле знаете о них? Даже о своих друзьях, родных, может, о самом себе? Что мы вообще знаем об этом мире? Я безостановочно задавал себе эти вопросы, пока в спешке покидал дом Шолохова и быстрым шагом уходил прочь по мокрой мостовой. Я хотел отойти подальше от этого места, заплутать во дворах соседних домов, чтобы не вызвать лишних подозрений. В мыслях я был безмерно благодарен Кире за столь своевременный звонок: благодаря ему мне удалось по-быстрому проститься с Шолоховым и удрать из его квартиры, пообещав продолжить наш разговор завтра. Я был рад, что у меня получилось избежать ответа, я не готов к нему и темам, что поднял мой собеседник. Он ходил по очень скользкому краю, по тонкому льду Отступничества, его слова о людях и нашей службе граничили с предательством. Неудивительно, что Шолохова решили устранить. В чём-то его позиция оказалась схожа с оценками Киры, которыми она поделилась со мной пару недель назад в том странном кафе. В его словах было нечто неуловимое, бунтарское,

но не такое огульное и поверхностное суждение, как у моей напарницы, а более взвешенное, логическое и уходящее корнями глубоко в нашу историю. Правильно ли было оставлять его в живых? Похоже, этот вопрос будет мучить меня ещё очень долго, но выбор сделан.

Что же на самом деле имел в виду бывший Страж? Неужели мы настолько слепы, что не способны заметить агонию целого общества, увидеть за мимолётными взглядами людей их надломленные судьбы, а за дежурными улыбками – глубину печальных глаз и боль от гложущего изнутри одиночества? Да, никто этого не видит. Мы привыкли относиться к людям как к предметам интерьера в обстановке нашей жизни, где каждый её обитатель служит сугубо корыстным и прагматичным целям, а затем отходит на второй план и изгоняется из сферы внимания. Для нас все вокруг лишь мимолётные тени, пустые фигуры на шахматной доске, где, сделав свой ход, они растворяются в памяти. Вся моя жизнь как один сплошной сон, как те прыжки в прошлое, где я ощущаю присутствие людей, различаю их образы, голоса и даже общаюсь с ними, но не вижу их лиц. Они стираются из памяти и остаются в прошлом, а их место занимают другие, но такие же пустые, поверхностные приделки нашей жизни. Мне стало очень грустно от таких мыслей. По словам Шолохова, всё моё существование – сплошная ложь, извращённая суть чьей-то мечты, а мы лишь тени в кривых зеркалах, которые отбрасывали некогда великие люди. Так ли это?

Я отбежал подальше от дома Шолохова и вызвал через Консоль Киру. Уже через десять минут она подъехала на автомобиле, забрала меня с обочины, и мы отправились к Икарову. Наш бывший начальник проживал в крохотной съёмной квартире в центре спальной части города, там, где множество невысоких серых домов с дешёвыми лачугами опутывала паутиной сеть небольших узких улочек. В местном творчестве безумного архитектора было сложно разобрать, где заканчивалась одна улица и начиналась другая. Икаров всегда говорил, что ему хватит и подобного жилища, поскольку его главной страстью всегда оставалась работа и он проводил на ней целые сутки, лишь изредка возвращаясь в свою скромную обитель, чтобы немного отдохнуть.

Кира выглядела очень печальной и измождённой, а её лицо отдавало бледноватым оттенком. Возможно, именно в этот день ей стало особенно грустно и одиноко в своей большой квартире, поэтому она решила вспомнить о нашем обещании Икарову, которое мы дали в его последний приход в башню Стражей. Спустя некоторое время пустых блужданий по маленьким улочкам мы, наконец, нашли искомый двор и серую коробку дома с нужным нам номером. Кира оглядела его и с тревогой сказала, что в окнах Икарова нет света.

– Вон, видишь их? Это его. Может, Сергея Геннадьевича нет дома? – добавила она.

– Или спит, – предположил я.

Мы всё же решили сходить наверх и проверить его квар-

тиру. «На всякий случай», как сказала Кира. Мы дружно забрались на третий этаж под сетования напарницы о необходимости захватить с собой обещанные кексик и подошли к нужной двери. Я осторожно постучал в неё и прислушался, но оттуда не донеслось ни звука. Тогда я постучал ещё раз, более уверенно и громче, но и в этот раз нас постигла неудача. Кира между тем продолжала настаивать на том, чтобы мы проверили его: всё-таки человек пожилой, и, возможно, ему нужна помощь. Я согласился и воспользовался правом Стража на доступ в любое жилище. Электронный замок послушно открылся после моего прикосновения, и мы ступили в темноту квартиры.

Меня вдруг подхватило и понесло невероятное чувство дежавю, на миг показалось, что прямо сейчас из комнаты выглянет Барсик, затянет опять свою непонятную кошачью песню, а на диване я увижу силуэт старика, сидящего с неприимой и горделивой осанкой. Мы снова зажжём пару свечек и заведём очередной заумный и, возможно, заунывный разговор о судьбах Системы, попивая терпкий чай на крохотной кухне. Но в этот раз всё было иначе. У входа в комнату я увидел большой тёмный силуэт, устрашающе повисший по центру помещения, он медленно раскачивался от небольшого сквозняка из-за открытой входной двери. Я осознавал, что видел, но не мог больше мыслить, моё сознание сковал непонятный ужас, рой из острых слов Шолохова сейчас кружился в моей голове.

– О боже, нет, нет! – закричала позади меня напуганная напарница, включила свет в комнате и ринулась вперёд, с силой отталкивая меня в сторону.

Мёртвое тело Икарова висело на потолочном крюке в центре комнаты, а его шею обвивала туго затянутая верёвка. Он был босой, в домашнем халате, а под ногами валялись поваленная на бок большая стопка книг и мягкие домашние тапочки. Да, безусловно, я понимал, что видел. Я видел конец всей своей прежней жизни, всего, что знал, любил и во что верил, – всё в тот день оборвалось. Лекция Шолохова, смерть Икарова как две ступени в небо... скорее даже в ад, вот справедливый итог всего этого безумия. Я схватился двумя руками за голову, вцепился в свои волосы и не мог пошевелиться. Потом опёрся плечом о стену, моя голова гудела, а взгляд помутнел. Я услышал, почувствовал, как внутри меня оборвалась струна, натянутая до предела последними событиями. Нестерпимо хотелось бежать, кричать... бежать и кричать... Как же невыносимо...

Кира что-то говорила мне, просила помочь снять тело, но я не мог пошевелиться, парализованный страхом. Во мне не осталось больше ничего от прежнего Стила, весь мир в одночасье рухнул. Кира открыла Консоль и вызвала башню. Она голосила, махала руками, требовала немедленно послать сюда всех, кого только можно. Она умоляла меня сделать хоть что-то, но я молчал. Вскоре я заметил на столе, в двух шагах от Икарова, плоский и круглый предмет, на котором ми-

гала красная лампочка. Это был голографический проектор с возможностью записи, последний писк моды, довольно дорогая и престижная вещь. Она белым пятном выделялась из всего прочего скромного убранства квартиры. Я сделал шаг вперёд навстречу огоньку и заметил, что с прибора не сняты даже рекламные наклейки и ценник из магазина. Похоже, что Икаров покупал его в спешке и в последний момент. Я сделал ещё один шаг – и прибор щёлкнул, а лампочка погасла. Сработал какой-то датчик на наше присутствие, и он автоматически включился. Из маленькой щели на приборе ударил белый полупрозрачный луч, и передо мной возник образ Икарова, именно такой, каким я его запомнил в последний раз: с доброй, но немного грустной улыбкой, в широкополой шляпе и в длинном плаще. Эта голограмма была словно призрак, образ нашего настоящего и неотвратимого будущего. Изображение немного плыло, рябило, но Икаров всё равно казался живым и будто смотрел на меня одного.

– Стил, Кирочка, ребята, я знаю, что это вы. Так как никто иной не пришёл бы ко мне, – сказала запись Икарова немного искажённым голосом. – Если вы смотрите это, значит, я... значит... простите меня за всё, что вы увидите, но так было нужно, это мой выбор, и когда-нибудь вы меня поймёте. Я решил уйти по собственной воле, не нужно никого винить. Тем более себя. Я благодарен вам за всё тепло, что вы мне подарили. Все эти дни я держался только благодаря вам, но вечно так продолжаться не может. Я думал, что смогу жить,

как все старики, выкинутые из жизни, забытые, оставленные, брошенные... – Икаров на секунду замолчал, закрыл глаза, а его изображение подёрнулось рябью. – Они тоже думали, что я буду, как все: собирать марки, смотреть телевизор, наблюдать за прохожими через окно и ждать смерти, но я так не могу. Моя работа была единственной целью в жизни, да что там говорить, моя работа и была моей жизнью. Я – это Икаров, Страж, начальник отдела, это и есть я, и не существует другого. Когда у меня отняли единственное, чем я жил, у меня отняли смысл всей моей жизни. Я долго боролся с депрессией, я пытался стать, как все, но, идя по улицам нашего города и заглядывая в лица прохожих, я понял, что так не смогу. Стил, Кирочка, спасибо вам за всё, вы были моими лучшими подчинёнными... Да что я такое говорю, боже... вы были моими лучшими друзьями, почти родными детьми! Мы столько всего пережили вместе, мы понимали друг друга... Ладно, отставить. Не вижу смысла долго распинаться, кому интересно это старческое брюзжание? Я просто хотел попрощаться...

Дыхание Икарова стало прерывистым, а из глаз потекли слёзы.

– Берегите друг друга. – Икаров уже почти не мог говорить сквозь слёзы и проглатывал слова. – Запомните меня таким, каким я был там, на службе. Только там я жил, а умер уже давным-давно, когда вышел за двери башни Стражей. Я...

Запись зашипела, дёрнулась и растворилась в воздухе, а

вместо красной лампочки загорелась зелёная. Бежать... бежать... бежать...

Я сделал шаг назад по направлению к выходу. Моё сердце стучало со скоростью пулемётной очереди, дыхание сбивалось, мне не хватало воздуха, ещё мгновение – и я задохнусь собственной паникой. Кира пыталась привести меня в чувство, кричала, много кричала. Хотела подойти ко мне, но я постоянно отступал, потом оторвался от созерцания зелёного света на проекторе, посмотрел на Киру и рванул к выходу.

Не знаю, почему я убежал, просто не мог там больше находиться, не мог видеть всего этого и дышать воздухом смерти. Мои мысли, словно стая голодных пираний, поедали меня живьём, я пытался сбежать, скрыться от самого себя. Я знал, что поступил неправильно, бросив там Киру, я должен был помочь с Икаровым, но не смог. Мне хотелось домой и только домой, в тишину и покой, в безопасные стены родной берлоги. Я не помнил, как выскочил из дверей квартиры Икарова и как оказался в трёх кварталах от его дома под проливным дождём. Я бежал по тротуару вдоль дороги, мчался, закрыв глаза, навстречу прохладному ливню и мечтал в ту же секунду оказаться дома, но до него ещё было так далеко. Но я продолжал бежать, не ощущая усталости, спасался от толпы своих обезумевших мыслей. Я видел призраков этого мира, и все они рождены от невероятной боли и страданий. Все улицы наполнены слезами, но они лицемерно скрыты, отключены, чтобы в скопившихся лужах никто не заме-

тил своего отражения. Весь наш мир не больше, чем гадюшник зажавшихся свиней и голодных крыс. А ещё этот зуд, нестерпимый зуд в правом запястье. Это чип, он неустанно вибрировал всю дорогу, не прекращая донимать меня ни на минуту. Я знал, что это Кира вызывает меня, хочет найти ответы, почему я убежал и что со мной случилось. Я бы тоже хотел их найти, милая Кира, ты даже не представляешь. Но как же зудит и раздражает рука. Мне хотелось выцарапать чип из запястья, вырвать его зубами вместе с куском плоти или вовсе отрубить руку. Он сводил меня с ума. Но вскоре он затих, когда я очутился рядом со своим домом.

Не ощущая ног, я поднялся на свой этаж, с трудом ввалился в квартиру и в сырой, но не промокшей одежде, рухнул на пол. Я пытался отдышаться, но, словно рыба, с трудом хватал ртом воздух. Как же я от всего устал. Но только я позволил себе на секунду забыться и начал проваливаться в темноту, как чип на запястье снова завибрировал. Я резко вскочил от злости, в беспомощности провёл двумя пальцами правой руки по воздуху и хотел уже высказать что-нибудь неприличное Кире, как заметил, что звонок поступил совсем не от неё, источник был неизвестен. Я нажал на кнопку ответа, но вместо лица звонящего на экране Консоли пошёл обычный белый шум и слабый треск.

– Привет, Стил! Ничего не говори и подойди к окну, – неожиданно сказал голос по телефону.

Я повиновался, но меня раздирало неприятное чувство, я

помню этот голос лучше, чем мне хотелось бы. Холодный, расчётливый, я слышал его всего раз и никогда не смогу забыть. Я подошёл к окну и увидел на улице, на противоположной стороне дороги, человека в длинном плаще, с натянутым на голову капюшоном. Он стоял в свете уличного фонаря и смотрел в мою сторону, а завидев мой силуэт, помахал рукой.

– Видишь меня, Стил? Хорошо, я, честно говоря, рад, что ты остался жив. Я надеялся на это. Мне очень жаль твоего бывшего начальника, соболезную.

– Как ты...

– Как я узнал? Я многое знаю, и поэтому я здесь, – сказал Кукольник. – Время пришло, Стил, нам нужно поговорить.